МГНОВЕНИЕ ХОРОШЕГО

АЙОБАМИ АДЕБАЙО

в переводе
Сергея Карпова

Мгновение хорошего

Айобами Адебайо

Аннотация
Айобами Адебайо. Мгновение хорошего
Родич
Часть I. Все будет хорошо
1
2
3
4
5
6
Часть II. На улице черных сестер
7
8
9
10
11
12
Часть III. Ожидание ангела
13
14
15
16

17
18
19
20
Часть IV. Каждый день – для вора
21
22
23
24
Начальник
Благодарности
Об авторе

Аннотация

Эниола – школьник, но выглядит старше своих лет – он вынужден искать деньги, чтобы семья могла выжить. Его настоящее – отец, который всё реже встаёт с дивана, придавленный горем, и мать, копающаяся на свалках в поисках выброшенной пластмассы и бутылок, чтобы перепродать. Вураола – золотая девочка из обеспеченной семьи, но гордостью родителей её делает не успешная учеба и карьера врача, а предложение руки и сердца от уважаемого человека. Эниола и Вураола из разных социальных слоев и миров, однако эти миры столкнутся.

Айобами Адебайо
Мгновение хорошего

Copyright © 2023 by Ayọ̀bámi Adébáyọ̀
© Айобами Адебайо, текст, 2025
© Сергей Карпов, перевод, 2025
© Издание на русском языке, оформление. Строки, 2025
Дизайн обложки и иллюстрация Татьяны Борисовой

* * *

Посвящается Джолаа Джесу. Дорогая сестра, спасибо за великий дар дружбы

Родич

Когда слон проходит по скалистому утесу,
Мы не видим его следов.
Когда буйвол проходит по скалистому утесу,
Мы не видим его следов.

Т.М. Алуко. Родич и начальник

Каро злилась. Когда один из ее подмастерьев прочитал ей вслух уведомление о собрании, она швырнула бумажонку через всю комнату в мусорку. Какая-то жена политика хотела произнести речь для ассоциации портных, а президент ассоциации пригласил ее на следующую же встречу. И, конечно же, решил, будто стоит упомянуть, что жена политика и сама дочь портного. Каро почти не сомневалась, что это ложь. Эти люди хоть твоей семьей назовутся, если это поможет им дорваться до власти. Ее раздражало, что придется тратить время и слушать, как гостья расхваливает своего мужа. Не за это она платит взносы ассоциации.

Каро подошла к корзине в углу своей швейной

мастерской. Достала уведомление, порвала на клочки и отправилась во двор, чтобы пустить их по ветру. Она еще выскажет на следующем собрании ассоциации, что о них думает. Хотя все равно никто не послушает и не почешется. Все и так знали, что президент берет у политиков взятки за разрешения выступать на встречах. Ближе к выборам и членам ассоциации перепадет доля внезапной щедрости нескольких кандидатов. Их жены или сестры начнут ходить на собрания с мисками риса, бочонками масла, метрами и метрами анкары[1] с тиснеными портретами и логотипами кандидатов. Сами мужчины — а в основном это мужчины — никогда не приходят лично, чтобы ответить, что планируют делать на будущей должности.

Кое-кто из портных обвинял Каро в заносчивости, потому что она всегда отказывалась брать рис с маслом или шить платья из никчемной анкары. Но она не чувствовала себя лучше других — большинству в ассоциации, если не всем, надо кормить детей. К тому же они знали, что это верный способ избавиться от политиков еще на

[1] Примечания: 1

Анкара — традиционная западноафриканская ткань из хлопка с красочными рисунками в технике батик, завезенная в Африку голландцами во время колонизации. Здесь и далее прим. пер.

четыре года. Так почему бы не угоститься рисом и маслом, раз это единственный так называемый дивиденд демократии[2]? Каро понимала их логику, но легче от этого не становилось. Сколько раз представители тех политиков обещали, что если их кандидата изберут, то электричество починят? И разве вся ассоциация не зависит до сих пор от генераторов? Разве две недели назад одна из портных не скончалась во сне, надышавшись выхлопными газами генератора? Уже третья за столько же лет. Каро даже не смогла расплакаться, когда о ней узнала. Зато, хоть она даже почти не помнила лица покойной, в голове еще несколько дней стучало от злости.

Выборы ожидались где-то через год. В следующие месяцы начнут появляться плакаты, каждый забор и стену покроют лица мужчин, чьи улыбки уже доказывали, что им нельзя доверять. В последний раз ее стену от края до края заклеили плакатами какого-то сенатора, потому что ее двор выходит на улицу. Надо не забыть попросить кого-нибудь написать краской на стене:

---

[2] Примечания: 2

Из речи Джона Махамы, бывшего президента Ганы (2012–2017): «Мы в Африке наслаждаемся тем, что я называю дивидендами демократии. Прогресс, что мы видим, экономическое развитие, в котором мы участвуем, — это все дивиденды правильного управления, уважения прав человека, верховенства закона».

«Плакаты не клеить». Попросит кого-нибудь из подмастерьев. Может, Эниолу.

Часть I
Все будет хорошо

Подавленный гнев налетает как ветер, внезапный и незримый. Люди не боятся ветра, пока тот не повалит дерево. А тогда уже говорят, что он слишком сильный.

Сефи Атта. Все будет хорошо[3]

[3] Примечания: 3

«Все будет хорошо» (Everything Good Will Come, 2005) — роман Сефи Атты (род. 1964), нигерийско-американской романистки, проживающей в Калифорнии.

1

Эниола решил притвориться, что это просто вода. Тающая градинка. Туман или роса. А то и что-то хорошее — единственная капля с неба, одинокая предвестница ливня. А первые дожди года значат, что наконец-то можно полакомиться агбалумо. Продавщица фруктов с лотком у школы вчера уже выставляла корзину агбалумо, но Эниола ничего не купил и убедил сам себя, будто это из-за постоянных предупреждений мамы: если съесть агбалумо до первого дождя, заболит живот. Но раз вот эта жидкость — дождь, тогда уже через пару дней он слижет с пальцев сладкий и липкий сок, сжует волокнистую мякоть до жвачки, раскусит скорлупу и подарит сестре семена, чьи половинки она носит как сережки-наклейки. Он пытался притвориться, будто это просто дождь, вот только на воду это было не похоже.

Даже не поднимая глаз, он чувствовал, что десяток мужчин, столпившихся у газетного лотка, уставились на него. Все молчали, как камни. Как непослушные детишки, которых превращал в камни злой волшебник в одной из сказок отца.

В детстве, когда Эниола попадал в неприятности, он зажмуривался, думая, что если сам никого не видит, то никто не видит и его. Хоть теперь он знал, что закрыть глаза и надеяться, будто он исчезнет, так же глупо, как верить, что люди могут превратиться в камни, он все равно крепко зажмурился. И, конечно же, никуда не исчез. Не повезло. Шаткий лоток газетчика так и стоял перед ним, так близко, что края газет щекотали ногу. Сам продавец, кого Эниола называл Эгбон Эбби, стоял рядом, и рука, которую он положил Эниоле на плечо перед тем, как прочистить горло и смачно плюнуть ему в лицо, так никуда и не делась.

Эниола медленно повел пальцем по носу, приближаясь к сырой тяжести слюны. Онемев от такой неожиданности, нарушившей их распорядок дня, все мужчины — даже сам Эгбон Эбби — будто затаили дыхание и чего-то ждали. Никто не подкалывал фанатов «Челси» из-за того, как вчера вечером их команду разнес «Тоттенхэм». Никто не спорил об открытом письме журналиста-политика о других политиках, которые омываются человеческой кровью для защиты от злых духов. Все затихли, когда слюна газетчика попала в лицо мальчика. И теперь мужчины, собиравшиеся

здесь каждое утро поспорить о заголовках, ждали, что сделает Эниола. Им хотелось, чтобы он ударил газетчика, орал оскорбления, расплакался или — еще лучше — прочистил горло, набрал харчу и сам плюнул в лицо Эгбону Эбби. Палец дошел до лба — но он опоздал. Слюна уже стекала по крылу носа, оставляла сырой и липкий след на щеке. Теперь так просто не смахнешь.

Что-то прижалось к его щеке. Он отшатнулся, ткнувшись в газетный лоток. Кое-кто вокруг забормотал извинения, когда он ухватился за край, чтобы не упасть. Это просто один из мужчин утирал его своим голубым платком.

— Hin ṣé[4], сэр, — сказал Эниола, взяв платок; он и правда был благодарен, хоть ткань уже была покрыта белыми линиями, раскрошившимися, когда он прижал платок к щеке.

Эниола окинул взглядом небольшую толпу, расправил плечи, увидев, что никого из школы нет. У лотка собрались только взрослые. Кое-кто, уже одевшись на работу, тянул за тугие узлы галсту-

---

[4] Примечания: 4

Спасибо (йоруба); hin — обращение как к мужчине, так и к женщине. Поскольку в Нигерии существует несколько сотен языков, при записи нигерийцы пользуются паннигерийским алфавитом из 33 букв на основе латиницы, разработанным в 1981–1985 годах. Среди прочего целью создателей было избавиться от диграфов (запись одного звука двумя буквами) с помощью диакритических знаков, применяемых в буквах для обозначения различных тонов.

ков и поправлял плохо сидящие пиджаки. Многие стояли в выцветших свитерах или застегнутых до горла бомберах. Большинство из молодежи — к чьим именам он был обязан прибавлять «брат», иначе получит, — недавно выпустились из технических училищ или университетов. Они все утро слонялись у лотка Эгбона Эбби, читали и спорили, выписывали вакансии из газет в блокноты или на клочки бумаги. Время от времени помогали продавцу с мелочью на сдачу, но газету не покупал никто.

Эниола хотел вернуть платок, но мужчина отмахнулся и снова уткнулся в свою «Аларойе». Хотя бы никто не расскажет одноклассникам, как продавец добрую минуту сверлил его взглядом, а потом плюнул в лицо. Да так внезапно, что Эниола отдернулся, только уже почувствовав, как по носу расползается сырость, так внезапно, что затихли все мужчины, чьи голоса обычно слышались во всех окрестных домах. Хотя бы этого момента не видели Пол и Хаким, его одноклассники с этой улицы. Посмотрев старое видео Клинта да Дранка из «Вечера тысячи хохотов», Пол решил, что хочет быть как Клинт. С тех пор, если учитель не приходил на урок, Пол шатался по классу, натыкался на парты и стулья и за-

плетающимся языком поливал одноклассников оскорблениями.

Эниола коснулся щеки, чтобы втереть влагу в кожу и не оставлять следов. Если останется хотя бы намек на плевок, когда он пойдет мимо дома Пола по дороге домой, то очередное представление перед всем классом будет только о нем. Пол наговорит, что Эниола пускал слюну во сне, не помылся перед тем, как одеться в школьную форму, родом из семьи, которой не хватает даже на мыло. И будет смех. Он тоже смеялся, когда Пол издевался над другими. Шутки у него были так себе, но, надеясь, что Пол не станет отвлекаться от жертвы, которой не повезло в этот день, Эниола смеялся над любыми его словами. Если Пол отвлекался, то обычно на девочку, которая не смеялась над его шутками. Обычно. Все-таки был и тот жуткий день, когда Пол перестал говорить о рваной туфле одноклассницы и заявил, что лоб Эниолы похож на толстый конец манго. Эниола все еще смеялся над девочкой с рваными туфлями и, обнаружив, что класс уже разразился новым хохотом, который будет слышаться ему во сне месяцами, не мог закрыть рот. Он и хотел бы не смеяться, но не мог. Даже когда горло уже болело от слез и когда класс притих, потому что пришла

с опозданием на несколько минут учительница химии. Смеялся, пока она не велела ему встать в угол на колени, лицом к стенке.

Без зеркала и не поймешь… нет. Нет. Он не станет кого-нибудь спрашивать, осталось ли что-то на лице. Не станет. Убрав руку от щеки, Эниола прищурился в сторону трехэтажного здания, где на втором этаже жила семья Пола. Они делили четыре комнаты с двумя другими семьями и старушкой без родственников. Сейчас перед домом стояла пожилая женщина и рассыпала зерно на песке, у ее ног квохтали куры. Пола не было. Может, уже ушел в школу. Но, с другой стороны, он может быть и в подъезде или коридоре, готовый выйти, когда Эниола будет проходить мимо дома.

Эниола прижал руку ко лбу там, где он нависал над переносицей, словно чтобы вдавить его обратно в череп. Может, лучше просто пробежать мимо дома. А виноват во всем отец. Во всем. И в том, что скажет Пол, и в том, как мужчины смотрели на его уже сжавшиеся кулаки, словно ждали, что он ударит газетчика, и в гневе газетчика. Особенно в гневе. Это отец задолжал ему тысячи найр, это отец месяцами брал «Дейли» по четвергам в кредит, чтобы просмотреть все

вакансии, это отец утром потребовал, чтобы клянчить у продавца газету пошел Эниола. И это по лицу отца должна сползать вонючая слюна.

Он почувствовал руку на плече и узнал ее раньше, чем повернулся к газетчику. Тот был так близко, что Эниола ощущал его дыхание. А может, все еще запах на своем лице. Может, платок и стер сырость, но запах никуда не делался. Эгбон Эбби прокашлялся, и Эниола подобрался. На что еще готов газетчик? Ударить, чтобы он принес домой нестираемый след, синяк или сломанный нос, которые скажут его отцу о том, что тут произошло?

— Хочешь «Дейли», àbí[5]? Óyá[6], бери. — Газетчик шлепнул Эниолу по руке свернутой газетой. — Но если опять увижу тебя или твоего отца? Ты ему скажи. Своему отцу, ты так ему и скажи: если еще кого-нибудь из вас увижу, знаешь, какие чудеса я сотворю с вашими рожами? Если на вас посмотрят, подумают, вы попали под грузовик. Я предупреждаю, не напрашивайся на такое несчастье.

Эниоле хотелось открыть продавцу рот и запи-

---

[5] Примечания: 5
Слово для подтверждения — например, «да?».

[6] Примечания: 6
Призыв к быстрому действию — «вот».

хать ему газету в глотку. Хотелось швырнуть ее на землю и топтать, пока не останутся одни клочки; хотелось хотя бы отвернуться от Эгбона Эбби и не взять ее. Ему вечно приходилось терпеть такое от взрослых, даже от родителей. Он знал, что не дождется извинений за вспышку гнева; газетчик лучше выпьет из лужи, чем признает, что был неправ. Извинением служила газета. Эниола представил, как взрослый — мать или отец — вдруг берут и за что-то перед ним извиняются, и чуть не рассмеялся.

— Что встал как истукан? — спросил Эбби, ткнув Эниоле в грудь газетой.

Но однажды у отца снова будут деньги, и Эниолу пошлют за «Дейли». И в тот день он дойдет до самой больницы Уэсли-Гилд и купит газету на лотке там. А назад пройдет мимо этого лотка, размахивая газетой, чтобы этот мерзавец видел. Но чтобы это случилось, отцу нужно найти подходящую вакансию. И поэтому Эниола взял газету и что-то пробормотал, что можно было спутать с благодарностью, — и сбежал. Прочь от продавца и его вонючего рта, мимо дома Пола, где старушка возилась с цыпленком, повязывая ему на перья красную ленточку. Все быстрее и быстрее, под холм, к дому.

* * *

Отец листал страницы «Дейли» самыми кончиками пальцев. Или даже одними ногтями — Эниола не видел от двери. И такие старания после того, как он уже дважды помыл руки и отказывался вытирать их чем угодно, даже кружевной блузкой, которую мать Эниолы нашла в особом сундуке с ее кружевами и ашо-оке[7]. Вместо этого он ходил по комнате во все стороны — от стены к кровати, от кровати к матрасу на полу, от матраса к буфету с кастрюлями, тарелками и чашками, — вытянув руки перед собой, чтобы испарилась влага. Даже постучал каждым пальцем себе по лбу, прежде чем взять «Дейли» у Эниолы. Когда они наберут десять номеров, их можно выменять на деньги или еду у женщин, торговавших земляными орехами, жареным ямсом и боли[8] на этой или соседней улице. Сам Эниола предпочитал еду — особенно у торговки боли, которая жарила плантаны именно так, как

[7] Примечания: 7

Ашо-оке — традиционная ткань народа йоруба.

[8] Примечания: 8

Боли — блюдо из жареного недозрелого плантана с острым соусом, можно подавать как гарнир.

он любил: хрустящие снаружи и мягкие внутри. Но родители чаще меняли газеты на деньги, и чем чище газеты, тем больше за них давали.

Отец был еще молод для седины. Или так сказала мать, когда впервые сорвала волосок с головы Баами[9], уверяя, что если рвать их с корнем, то новые вырастут чернее прежнего. И все же в прошлом году все волосы Баами до единого поседели меньше чем за месяц. Седина разбежалась от виска, захватывая каждый сантиметр, и уже через пару недель Эниоле приходилось смотреть на его старые фотографии, чтобы вспомнить, как отец выглядел раньше.

На мятой и выцветшей фотографии Баами стоит рядом с дверью, так обжигая глазами, будто говорит, что будет с фотографом, если тот только попробует неудачно сфотографировать. Волосы черные и у виска, и везде. Пробор слева обнажает полоску поблескивающей кожи. На черной табличке на двери, у самого края кадра, написано золотым курсивом: «Заместитель директора». Ниже на прямоугольном листке бумаги, который будто только что прилепили к двери и вот-вот сорвут, — имя Баами: мистер Бусуйи Они. Баами

---

[9] Примечания: 9
Баами — мой отец.

стоит прямо, отведя плечи так далеко назад, что Эниола гадал, не потому ли он не улыбается, что лопатки уже ноют. За годы с тех пор, как сделали фотографию, Баами перестал смотреть на камеры или людей прямо. Только мама Эниолы еще требовала, чтобы он смотрел ей в глаза, когда говорит. А когда он обращался к Эниоле или его сестре, таращился на их ноги, и глаза его бегали, будто снова и снова пересчитывали их пальцы.

Баами сложил «Дейли» и прочистил горло.

— Дикие овощи, которые растут на заднем дворе, — может, продать их? Я помогу собрать…

— Нет-нет-нет, кто же их купит, Баба[10] Эниола. Смотри в газету, пожалуйста. Ты проверил от начала до конца? — спросила мама.

— Что-нибудь нашел? — спросил Эниола.

Отец, не отвечая, раскрыл газету. Эниоле хотелось выйти во двор и умыться, но он чувствовал себя обязанным оставаться с родителями. К тому же на сегодня мытье закончено, мама уже спрятала мыло в один из своих бессчетных тайников. Если попросить, она поинтересуется: зачем? И не уймется, пока он не объяснит, даже если передумает и скажет, что уже не надо. Она заставит

---

[10] Примечания: 10

Баба — отец (с указанием имени ребенка); Ийя — мать.

признаться, что случилось, у нее это всегда получалось. А он знал, что стоит ему договорить, как она бросится к газетчику и будет плевать ему в лицо, пока во рту не пересохнет. Этого он не хотел. Да, он бы с удовольствием посмотрел, как газетчик будет спасаться от материного гнева, но тогда больше людей узнает, как его унизили этим утром. Просить мыло точно не хотелось. Может, лучше просто ополоснуть лицо, отскрести с губкой, как они обычно делали, когда мыло кончалось.

Он бы сразу пошел во двор, но в комнате не было Бусолы. Может, она метет двор, моет тарелки или отскабливает кастрюлю, в которой мама вчера вечером варила амалу[11]. Лучше дождаться, когда она вернется, потому что ему не хотелось оставлять отца наедине с газетой. Он не оставлял отца одного, когда мог. В комнате, конечно, была мама, но она себя вела как-то странно. Сидела на полу в ногах кровати и без конца складывала и расправляла блузку, которую предлагала Баами.

---

[11] Примечания: 11

Амала — традиционная еда йоруба. Представляет собой высушенную густую пасту из батата (с разнообразными добавками). Едят, отщипывая и макая в супы.

— Никто не покупает гбуре[12], — сказала она. — Ими зарос весь двор, но их никто не покупает. Сейчас даже собаки и козы не трогают гбуре во дворах.

Эниола прислонился к стене; да хоть бы гбуре полезли на каждом сантиметре двора и по всей комнате, даже у него на макушке и у родителей на лбу, — какая разница? Сколько бы мать за них выручила? Не хватит на учебу для него или Бусолы. Он это знал, потому что на каникулах сам продавал гбуре. Хоть он тогда добрался с подносом до самой больницы, пройдя весь рынок рядом с дворцом и перед самим дворцом, а потом обратно, пока не остановился у Апостольской церкви Христа рядом с Брюэри, все равно принес домой половину того, с чем выходил.

Отец закашлялся. Сперва казалось, он просто прочищает горло, но уже скоро плечи содрогались в попытках отдышаться. Мать бросила блузку на кровать и налила стакан до края, оставляя след из капель по пути к Баами, положила ему руку на плечо. Он выпил стакан одним долгим глотком, но кашель не унимался, пока он не сел на кровати, сжимая колени.

---

[12] Примечания: 12
Гбуре — название растения водолюб на йоруба.

— Ты — когда ты идешь в школу? — спросила мать, потирая спину мужа, пока кашель сходил на нет.

— Я… я хотел узнать, найдет ли Баами что-нибудь в газете.

— Бери рюкзак и иди, jàre[13], — сказала мать.

Баами ткнул в сторону Эниолы пальцем.

— Не волнуйся, я уже подыскал кое-что интересное, очень интересное, Эниола. Сегодня же им напишу.

— Я могу отнести на почту, — сказал Эниола.

— Необязательно — мать отнесет, когда пойдет на рынок.

— Я думал, она не…

— Почему я еще вижу твою тень в доме? — Мама взмахнула рукой. — Скажи сестре бросать все дела и собираться в школу. Какой толк искать вам деньги на учебу, если вы будете опаздывать?

— Да, ма. — Эниола взял школьный рюкзак. — Пожалуйста, можно соль?

— Почему этот ребенок просит у меня соль, когда должен быть в школе? собираешься варить суп с утра пораньше, Эниола?

— Я… я еще не чистил зубы.

---

[13] Примечания: 13

Частица в конце предложения для поощрения к действию или неодобрения, можно понимать как «ну же».

Мать прищурилась, словно только сейчас заметила, что на месте, где должна быть голова, у него все это время был большой кокос. Он не двигался, старался не отрывать от нее глаз, зная, что стоит отвернуться, как она заподозрит его во лжи. Но при этом старался смотреть так, чтобы не встречаться с ней взглядами. Если смотреть прямо в глаза, она воспримет это как неуважение, доказательство, что он отрастил крылья и стал дикой птицей, бьющейся ей в лицо, и поставит на место метким подзатыльником. Он и не замечал, что затаил дыхание, пока она не кивнула на буфет, где лежали кастрюли, тарелки и маленький мешочек соли.

Эниола отмерил в левую ладонь ложку с горкой и сжал кулак.

Когда он вышел во двор, Бусола как раз домывала кастрюлю. Она отдала кувшин с оставшейся водой, чтобы не пришлось набирать из колодца в углу. Харматан[14] жалил руки от локтей до кончиков пальцев, словно миллион иголок, покрывал лодыжки тонким слоем песка и растрескивал верхнюю губу. Эниола плеснул водой в лицо и втирал соль в нос, пока не показалось, что кожа

[14] Примечания: 14

Харматан — сухой и пыльный западноафриканский пассат из Сахары, с конца ноября по начало марта.

слезет. Он ополаскивался снова и снова, пока не опустел кувшин. Но по-прежнему чувствовал ту сырую тяжесть. По-прежнему чувствовал запах испорченных лука, яиц и чего-то еще, что он не узнавал, но о чем будет гадать все утро.

2

Герниорафия — рот раззявился, усы дрожат от храпа. Восемнадцать часов после операции. Без осложнений. Вураола записала свои рекомендации. Его должны выписать этим утром. Она чуть повернула блокнот под свет из прохода — лампочки над койками всегда выключали намного раньше полуночи.

Аппендектомия — антисептик и снотворное. Его дочь, не находившая себе места после целого часа вопросов без ответа, почему он еще в ванной, взломала замок и обнаружила семидесятилетнего старика в полубессознательном состоянии в душе. Она тут же помчалась с ним в больницу, несмотря на его возражения — продолжавшиеся, даже когда его вкатили в операционную, — что боль не такая уж страшная, ему нужны только отдых и его горшок с травами. На вопрос при утреннем обходе, зачем он целыми днями терпел боль от перфоративного аппендицита и никому не говорил, он скрестил руки на груди и объявил хирургу: «Bóo ni hin ṣe a mọ̀ wí akọ ni mèrè? Akọ rà i

ṣojo»[15]. И профессор Бабаджиде Кокер, хирург общей практики и нынешний председатель *IEMPU* — Прогрессивного союза элиты иджеши[16], кивнул так, будто понял его слова.

Профессор Кокер и отец Вураолы были хорошими друзьями. Собрания *IEMPU* часто проходили дома у ее семьи, и подростком она не раз подавала подносы с перчеными улитками или приносила бутылки виски, чтобы пополнить стаканы. Профессор Кокер, родившийся в Лагосе ровно за пять лет до независимости[17], сразу после начала собраний давал новым членам *IEMPU* знать, что он перешел из церкви Христа на Брод-стрит прямиком в Колледж Короля во времена, когда образование в этой стране еще было образованием. Частенько он вставлял и историю о том, как познакомился со своей женой в Колледже Королевы во время межвузовских дебатов, и завершал на том, что его учебу, разумеется, венчали годы в престижном университете. А где еще можно приобрести столь безупречное, фундаментальное

---

[15] Примечания: 15
Откуда мне знать? У меня нет мудрости.

[16] Примечания: 16
Иджеша — этническая группа из племени йоруба.

[17] Примечания: 17
Нигерия стала независимой в 1960 году.

понимание медицины? Где? Если присутствовали другие врачи, он пресекал на корню ответы об Ифе или Медилаге[18]. Тогда мужские голоса становились громче и перебивали друг друга, и уже скоро Вураола не могла разобрать, кто и что говорит. Ее отец, учившийся на юриста в Университете Лагоса, никогда не встревал во время гвалта, даже когда его просили замолвить слово о своей альма-матер врачи из Медилага или другие выпускники Университета Лагоса. Он молчал, дожидаясь, чтобы ему на ухо шепнула одна из горничных. Тогда он обычно постукивал вилкой по стакану, пока не становилось достаточно тихо, чтобы объявить — в основном для новеньких, — что скоро подают перечный суп, поэтому гостям пора сказать Вураоле и горничной, которая работала в тот день, какой они хотят суп — с козлятиной или зубаткой. Когда Вураола поступила в медвуз в Ифе, и ее стали втягивать в споры его выпускники. И хоть отец по-прежнему говорил пару хвалебных слов об Университете Лагоса перед тем, как все ненадолго замолкали над дымящимися тарелками перечного супа, его словно ничуть не волновало, что она-то опровер-

[18] Примечания: 18
Медилаг — Колледж медицины в Университете Лагоса.

гала его слова и критиковала его альма-матер. Вураола видела: он гордится тем, что теперь и ее можно привлечь к этому многолетнему спору. Он прятал улыбку за маленькими глотками, от которых содержимое его стакана не уменьшалось.

С тех пор как отца Вураолы на посту президента *IEMPU* сменил профессор Кокер, ее семья устраивала приемы, только если у жены профессора случались приступы аллергии, из-за которых она проводила в постели по многу дней.

Профессор Бабаджиде и профессор Корделия Кокер переехали в этот город больше двадцати лет назад, когда он еще входил в прежний штат Ойо. Тогда основатели *IEMPU* лоббировали, чтобы, когда из старого штата наконец выкроят новый, столицу сделали именно здесь. Ходили слухи, что в тот же вечер, когда объявили о создании штата Осун с новой столицей, профессор Кокер нанял себе учителя языка иджеша, планируя избираться в губернаторы, как только закончится то, что по-прежнему считалось лишь

недолгим промежутком военной власти[19]. И все же после стольких лет жизни здесь и после всех уроков он из всего иджеша знал не больше чем «hìnlẹ́ àwé»[20], что и употреблял с уверенностью знатока, а затем, когда разговор заходил дальше первоначальных любезностей, неловко возвращался к йоруба или английскому. Все это не помешало ему кивать, будто он понимает старика, когда тот повторял: «Akọ i ṣojo àwé, akọ i ṣojo»[21]. Позже в тот день, инструктируя Вураолу для обхода его пациентов, профессор Кокер попросил ее объяснить, о чем говорил старик.

Вураола вздохнула, возвращая карту на место. Если пациент выкарабкается, может, он еще изменит свое мнение. То, что он про себя считал трусостью, и его бы избавило от неприятностей,

---

[19] Примечания: 19

Осун отделился от штата Ойо и получил столицу в Осогбо в 1991 году. На тот момент в стране с 1985-го правил генерал Бабангида, планировавший в 1990-м уступить власть, провести честные выборы и начать так называемую Третью республику — это и подразумевается под «недолгой военной властью». Бабангида намеревался покончить с чередой военных переворотов, свергнув предыдущего диктатора, но и сам правил до 1992-го. Затем, после очередного переворота, пришел генерал Абача, среди прочего превративший страну в наркогосударство. Когда Абача умер в 1998 году, следующий генерал объявил амнистию политзаключенным, судил преступников во власти, провел выборы в 1998 году — в результате исторический период Нигерии с 1999 года по сей день называется Четвертой республикой (причем с 2015 по 2023 год к власти возвращался генерал Бухари).

[20] Примечания: 20

Букв. «взгляните на нас» — церемониальная фраза в духе благословения.

[21] Примечания: 21

Вы мудры, вы мудры.

и освободило бы койку в реанимации для кого-нибудь из тех, кому сегодня ночью придется отказать. У ее бедра завибрировал телефон, и она перешла к следующей койке.

Ректопексия — тут она задержалась. Пациент попытался перевернуться и скривился от того, как катетер напомнил телу, что для него возможно, а что еще какое-то время — нет.

Она достала из кармана халата телефон и открыла. Кунле. Захлопнула и сунула в задний карман джинсов, где он завибрировал снова, пока она брала следующую карту.

Панкреатэктомия — в отключке с полудня, может проснуться с минуты на минуту и тогда проведет всю ночь без сна. Но хотя бы — спасибо небольшому утешению морфина — без боли. Это была первая панкреатэктомия Вураолы с тех пор, как она пошла в хирургическую интернатуру. В ночь перед операцией она заснула только незадолго до рассвета, примостив голову на страницах «Клинической панкреатологии для практикующих гастроэнтерологов и хирургов». А в итоге на операции ей не дали даже прикоснуться к подносу с инструментами. В больнице больше месяца не было электричества, но на это уже мало кто обращал внимания. Истинной

проблемой был дефицит топлива, длившийся уже с неделю из-за забастовки то ли водителей бензовозов, то ли нефтяников, то ли кого-то еще. Вураола часто слишком уставала, чтобы читать газеты дальше заголовков, но смогла понять, что какой-то профсоюз объявил забастовку, в результате возник топливный кризис и на больничной электростанции кончался дизель для генератора. После начала забастовки объявление с очередными правилами экономии энергии раскладывали по личным почтовым ящикам и прикалывали цветными кнопками к доскам. И если реанимационное отделение и отделение Харфорда[22] питались непрерывно, то другие отделения и операционные подключались, только когда того требовала процедура. Поэтому во время операции врачи работали молча и ничему не учили. Даже не просили интернов помочь. Двое хирургов будто решили, что если дефицит продолжится в том же духе, то терять лишнюю секунду на медленный разрез ординатора или неопытный шов интерна — значит лишить новорожденных электричества для работы вентилятора. Когда Вураоле наконец велели отвезти вместе с мед-

[22] Примечания: 22

Отделение Харфорда — название отделения для новорожденных в больнице Уэсли-Гилд.

сестрами пациента по темным больничным коридорам, она, ступив за дверь, засмеялась и не могла остановиться. Шесть лет обучения — и все, что от нее понадобилось за двенадцать часов операции, — это освещать дорогу медсестрам?

Операция прошла успешно. Но врачи уже знали, что это не спасет жизнь пациенту. Продлит? Да, на пару недель или месяцев, если повезет. Впрочем, везение ли это, если последние дни пройдут в мучениях или опиоидном тумане? Вураола не знала.

Каждый вечер приходил брат пациента и молился за него. Он уже не раз говорил Вураоле, что хирурги ошибаются, что пара месяцев растянется на годы, а потом и десятилетия, и после этих недолгих тягот пациенту суждено насладиться редким и прекрасным чудом — долгой и счастливой жизнью. И говорил так убедительно, что Вураола чувствовала себя жестокой, когда напоминала о прогнозе и повторяла то, что ему уже объясняли перед операцией. Панкреатэктомия на этой стадии рака — паллиативная мера.

Теперь брат стоял на коленях у койки пациента, прислонившись лбом к металлическому поручню, бормотал свои молитвы. Как обычно, прижимал к груди книгу в кожаном переплете.

Медсестры делали ставки, Библия это или Коран, потому что во время часов посещения его в разных случаях и в равной мере сопровождали как женщины, которые садились у койки, скрестив ноги и поправляя хиджабы перед тем, как завести молитвы со своими тасбихами, так и женщины в белых одеяниях, трогавшие лоб пациента деревянными распятиями.

На прошлой неделе, перед тем как спросить, могут ли они приходить с ним или даже вместо него по ночам, он сказал Вураоле: «Доктор, вы, женщины, ближе к Богу, и мы все знаем — все знаем, — что молитвы лучше действуют после полуночи».

Вураола ответила, что приходить может только жена, дочь или мать пациента. Хотя бы двоюродная сестра, если закрыть на это глаза и согласятся дежурные медсестры, но все-таки обязательно родственница. Когда тот ответил, что его брат бездетен и не женат, их мать умерла много лет назад, а сестры живут за границей, Вураола чуть не попросила его соврать, что одна из тех женщин — сестра. Хоть его молитвы мешали и она уже представляла, что от двух или еще больше женщин после часов посещения будет только хуже, ее так и подмывало исполнить его желание.

Пусть даже ради мимолетного утешения. Она почти не сомневалась, что после следующей гистологии набожному брату придется смириться с тем, что случится рано или поздно, несмотря на всю неколебимую веру.

Этот пациент поступил за месяц до хирургической интернатуры Вураолы. Когда медсестра впервые сказала, что его брат молился каждую ночь у койки, она преисполнилась восхищением. До сих пор она видела такое неколебимое упорство только в педиатрических отделениях. Там матери и изредка отцы часто неделями спали в коридоре. На деревянных скамьях или расстеленной на полу анкаре, подложив под голову сумочки или сложенные ладони. В ту первую неделю в хирургии она на каждом дежурстве задумывалась, стали бы брат или сестра в случае чего приходить к ней так же. Мотара в лучшем случае поселится в отеле недалеко от больницы, а Лайи пришлет деньги и будет навещать разве что пару раз в месяц. Он ненавидел больницы, хоть это *он* первый врач в семье — тот, чью фотографию с церемонии вручения диплома видишь сразу, входя в спальню их матери. Впрочем, Вураоле все равно было бы проще без них — только будут цапаться да действовать на нервы другим

пациентам. А вот родители придут оба, тут никаких сомнений. Хотя если выбирать, кому с ней остаться, Вураола бы выбрала отца. В отличие от матери, чья нервозность обязательно проявится в бесконечных попытках учить врачей их работе, отец вел бы себя ненавязчиво. Поставил бы ей И.К. Даиро на своем «Дискмане», тихо подпевая под нос.

Молящийся клятвенно обещал не шуметь, но его бормотание неизбежно перерастало в стоны, слышные во всем отделении. И месяца не прошло, как восхищение Вураолы уже превратилось в раздражение. А теперь, когда снова завибрировал ее телефон, брат пациента вдруг издал такой гулкий стон, что у нее застучало в голове.

Столько лет и бесконечных часов учебы — а никто и не подумал предупредить, как часто придется общаться с родственниками и друзьями пациентов. Ничто не подготовило Вураолу к мужчине, который цеплялся за нее и пускал сопли ей на халат после выкидыша жены; к разъяренной женщине, которая дала ей пощечину, когда стало ясно, что ее сыну придется ампутировать ногу; к мужчине, который, узнав, что его друга уже увезли в морг, отказывался покинуть отделение, пока его не выволокла охрана. Никто не учил

объяснять человеку, что его брат умирает от рака поджелудочной и он уже ничего не может с этим поделать.

Хотя, справедливости ради, какой-нибудь профессор мог об этом рассказывать, а она прослушала, потому что это было во время ее дежурства в психиатрии или работы на выезде. В предпоследний и последний годы медвуза все ее мысли были об интернатуре. Принимать роды, ассистировать на операции, оформлять пациента, составлять безупречный план лечения. Облегчение в часы за неустанными конспектами лекций во Второй медицинско-диагностической лаборатории дарили только подробные фантазии о будущих назначениях. О том, как она будет рада оставить эту многолюдную лабораторию и попасть в больницу. Гордо входить в отделения и операционные — даже в морг. Когда она сдала экзамены и пошла в интернатуру, начала фантазировать об ординатуре. Недавно она стала подозревать, что никогда не удовольствуется тем, что имеет. Может, она из тех, для кого счастье — только в будущем, вечно чуть-чуть вне досягаемости.

Она дотронулась до плеча молящегося. Он затих и припал к койке. Такой истощенный, чуть ли не труп. Он всегда был таким — или это просто

потому, что сейчас его глаза без очков казались более запавшими, чем обычно? Она придвинулась ближе, пока он поднимался на ноги. Если при первой встрече он казался худосочным, то теперь его и сильный сквозняк сдул бы на другой конец палаты.

Не успела она открыть рот, как он ударился в обычные извинения.

— Дорогая, я не могу уйти. Я буду потише, эн. Шепотом. — Он понизил голос так, что его стало почти неслышно. — Теперь я буду шептать, эн, слышите?

Он отвернулся и положил руки на поручень, чтобы снова встать на колени.

Вураола сделала глубокий вдох.

— Мистер… мистер… вам надо уйти, сэр.

Он повернулся всем туловищем, вцепившись в поручень так, будто упадет, если отпустит.

— Дорогая, я не могу его оставить.

— Вам надо уйти. Сейчас же.

Он открыл рот, но ничего не сказал. Она пыталась поймать взгляд медбратьев, сидевших за стойкой у двери. Один крепко спал, а другой погрузился в большой учебник, поставленный на коленях под неудобным углом, — видимо, чтобы не уснуть. Если ситуация выйдет из-под

контроля, всегда можно позвать его по имени или просто крикнуть «медбрат», потому что она слишком устала, чтобы еще помнить чьи-то имена, кроме своего.

— Я понимаю, что вы молитесь, — сказала она. — Но вы слишком шумите.

Она подождала, но он не стал возражать. Только неподвижно стоял. Не говорил ни слова, но и не закрыл рот. В его позе не было вызова, и ей стало ясно, что не будет ни споров, ни необходимости грозить охраной. Он не возражал — просто забыл, что делать с телом, когда не стоит на коленях.

— Я вас уже несколько раз предупреждала.

Шепотом, который она с трудом расслышала, молящийся сказал:

— Yèyé mi[23].

Вураола не знала, для нее ли предназначено это уважительное обращение или он взывает к своей покойной матери. Просит об утешении, которое она когда-то дарила, просит спасти его, брата или их обоих.

— Мне нужно думать и о других пациентах, — сказала Вураола.

Тот кивнул, отпустил койку и побрел на выход.

---

[23] Примечания: 23
Моя мать.

Она проводила его взглядом до дверей, впервые заметив, что он прихрамывает на левую ногу.

Затем повернулась к пациенту. Пульс — восемьдесят ударов в минуту. Там, где его запястье, изборожденное морщинами, переходившими в линии жизни, было почти неотличимо от ладони, кожа была тонкой как бумага и шелушилась. Она поискала в кармане халата — жвачка, ручка, жвачка, запасная ручка, блокнот, еще жвачка, резинка для волос — вот! Она достала флакончик антисептика и выдавила каплю себе на ладонь. Растирая ее, заметила у ног пациента очки в серебристой оправе. Должно быть, его брат их снял, когда молился. Их линзы преломляли в ее сторону свет от ближайшей лампочки. Лучи били в лицо резко, как отповедь. Может, надо было разрешить ему остаться. Она представила, как он бредет по больничным коридорам, натыкаясь на стены, сбивая урны, падая в канаву по пути к парковке. Надо было разрешить остаться, но, поднимая очки и направляясь к двери, она все-таки подозревала, что он бы никогда не повысил голос громче шепота, если бы дежурным врачом был мужчина. Он бы не называл мужчину «дорогая». В этом она почти не сомневалась.

Спящий медбрат на посту уже проснулся и

зевал.

— Я буду… — Вураола показала очками на дверь. — Вызовите, если…

Медбратья кивнули.

В коридоре было пусто, но до рассвета оставалась еще пара часов, и даже с очками он бы вряд ли ушел из больницы. В большинстве районов — по крайней мере, в таких, где, как она думала, он живет, — жители вводили комендантский час, который начинался после полуночи и кончался на рассвете. Передвигаться разрешалось только в случае медицинской необходимости. Сейчас многие улицы перекрыты, въезды охраняют от двух до полудюжины вооруженных людей. Некоторые заставляли нарушителей ползать по асфальту до рассвета. Но даже самые милосердные требовали дождаться завершения комендантского часа.

Она увидела его из конца коридора в отдалении, уже на улице, по дороге к больничной часовне. Она хотела его окликнуть: «Мистер? Мистер?» Потом подумала сказать просто «eskiss[24], сэр», но не смогла себя заставить. Она же знала, как его зовут, но как?

В медвузе, когда интерн впервые сказал ей

---

[24] Примечания: 24
Извините.

проверить Хроническую Печеночную Недостаточность в мужском отделении, она поджала губы, гордясь тем, что помнит имена всех их пациентов наперечет. Но вот и года не прошло, а она бежит за тем, кого видит почти каждый день, и не помнит ни его имени, ни имени его больного брата.

Впрочем, она не спала почти трое суток. Дежурить три ночи подряд не полагается, но сейчас больница не могла себе позволить нанимать новых интернов. И вот позапрошлой ночью Вураола дежурила в мужском хирургическом отделении, прошлой ночью — в реанимации, а сегодня — опять в хирургии. В графике указывалась только ее интернатура в хирургии. Дежурство в реанимации должно было закончиться в полночь, так что это было не так уж плохо. Но вчера пациенты шли непрерывным потоком, а сменщик просто не пришел и не отвечал на звонки, и тогда она осталась до рассвета. Да, она проголодалась, устала и не помнит имени посетителя, зато все еще может поставить катетер. Она за весь день съела только пачку сухарей, зато знала, что если понадобится, то сможет провести трахеостомию и руки не будут трястись, — и, может, только это и важно. Что она сможет выиграть лишний

час-другой для как-его-там, поддерживать жизнь, сколько возможно, пока его тело неизбежно не предаст само себя, на что обречены все тела.

Посетитель остановился перед церковью и какое-то время стоял, покачиваясь, на лужайке. Потом упал на колени, и Вураола замерла на месте, испугавшись, что сейчас случится что-то личное или стыдное. Может, он разрыдается или возопит на то божество, которому молился уже столько месяцев. Но он только лег на спину в траву, глядя в безлунное небо.

— Мистер… Прошу прощения, сэр, извините, я забыла, как вас зовут. Вы забыли свои очки.

Тот не ответил и не потянулся за очками.

— Сэр?

Вураола приблизилась и присела, инстинктивно потянувшись к запястью. Он захрапел раньше, чем она его коснулась, и она выдохнула. Рядом лежала его книга в кожаном переплете — названием вниз. Стараясь не шуметь, она положила очки в серебристой оправе на книгу. По дороге обратно в отделение она достала телефон.

Кунле звонил девять раз.

3

Ничего не изменится, даже если Эниола напомнит, что у них классы в разных зданиях. Мать все равно попросит дождаться Бусолу перед уходом из дома. Она хотела, чтобы каждый день они вместе ходили в общеобразовательную среднюю школу Великой Судьбы и обратно и даже заставила Эниолу пообещать, что он всегда будет провожать младшую сестру до парты перед тем, как пойти к себе в класс.

Чаще всего, когда они подходили к первому зданию — в белых носках, уже покрасневших от пыли после дороги, которая не занимала и десяти минут, — Эниола часто вспоминал о школе, куда отец обещал его зачислить. По дороге к ней наверняка нет красного песка. Там-то от общежитий к лабораториям и классам наверняка проложены тротуары, дорожки и травянистые тропинки.

Эниоле было девять, когда отец дал то обещание. Тогда он и представить себе не мог, что окажется в этой дурацкой школе Великой Судьбы. Тогда он учился в пятом классе и все его одноклассники готовились к общим вступительным экзаменам. Но его отец настаивал, что, раз на-

чальная школа длится до шестого класса, Эниола должен перейти в него, а не в среднюю школу вместе со всеми.

Эниола неделями размышлял, как убедить родителей, что он уже готов к средней школе. Он был выше многих из JSS1[25], кого встречал по пути в началку, и оценки на контрольных и экзаменах у него всегда были лучше, чем как минимум у половины одноклассников. Он заучил все меры измерения и таблицы на задней стороне сборника упражнений «Олимпик» и мог рассказать таблицу умножения от «один на один равно один» до «двенадцать на двенадцать равно сто сорок четыре» и «четырнадцать на четырнадцать равно сто девяносто шесть». В недели перед девятым днем рождения Эниола подметал по утрам гостиную перед тем, как туда входила мать, перестал жаловаться, что его не пускают гулять и играть в футбол с соседскими детьми, потому что кому-то надо присмотреть за Бусолой, а из-за того, что был слишком мал, чтобы помыть отцовский синий «Фольксваген-жук» целиком, по утрам субботы отскребал хотя бы шины. Переживая, что его примерное поведение останется

[25] Примечания: 25

Среднее образование в Нигерии длится шесть лет и состоит из трех классов младшей средней школы (JSS) и старшей средней школы (SSS).

незамеченным, хоть, по его подозрениям, он вплотную приблизился к святости, однажды в воскресенье по пути на службу Эниола объявил, что хочет стать алтарным служкой. Когда мама ему не разрешила, потому что это будет отвлекать от учебы, он выдохнул с облегчением. Всю ту неделю он часто врал про то, что хочет стать служкой, и производил хорошее впечатление на отца, считавшего, что такое горячее желание показывает богобоязненность сына.

Тогда их дом был недалеко от яслей и начальной школы Кристал, и чаще всего Эниола ходил туда с соседскими детьми. В день, когда ему исполнилось девять, отец подвез его до школы. Он дулся, сидя рядом с отцом, пока праздничный торт — как он и просил, с белой, синей и желтой глазурью, — вместе с пачками печенья «Оксфорд Кэбин» и большой термосумкой с ледяным зобо[26] подскакивал на заднем сиденье. Даже при аккуратном вождении отца машину подбрасывало на рытвинах. Когда они подъехали к школе, Эниола было заговорил, но выдавил только: «Я единственный, у кого не будет Уго К. Уго в моем классе. У всех есть учебник. Разве это честно?» —

[26] Примечания: 26
Зобо — нигерийский напиток из сухих лепестков гибискуса и специй.

и расплакался. «Разве это честно?» — ныл он снова и снова с усиливающимися всхлипами. Отец поглаживал его по спине, безуспешно пытаясь успокоить. Наконец он затих самостоятельно, увидев, что на него в опущенное окно глазеют одноклассники, проходившие мимо машины.

— Такое поведение… Слушай, мне нельзя опаздывать на работу. Лучше все обсудим вечером, — сказал отец, барабаня пальцами по рулю. — Ну, давай, занесем все в класс.

Эниола остался в машине, пока отец разгружал угощения с заднего сиденья. У машины собрались помочь дети, кричали Эниоле: «С днем рождения!» Он не отвечал. Не мог поверить в собственную глупость. Как он мог потратить столько часов перед зеркалом в ванной, готовясь к моменту после ужина, когда должен был обратиться к родителям со взвешенной речью? Он сидел молча, уставившись на свои сандалии «Кито» и борясь с желанием играться с ремешком на липучке. И где все те доводы, что он придумал, все рассудительные слова, которые он мог бы сказать вместо того, чтобы прохныкать «Разве это честно?», как маленький, кем его по-прежнему считают родители? Почему они все провалились в горло вместо того, чтобы сорваться с губ, как

он хотел? Он снова заплакал, теперь уже тише, шмыгая, а не всхлипывая.

Он не заметил, что отец вернулся в машину, пока она не содрогнулась и не завелась со скрежетом. Эниола потянулся к двери. Отец взял его за запястье.

— Брось, сперва вытри щеки. Никому не показывай, что ты плакал.

Тем вечером отец подарил Эниоле новенькую книгу Уго К. Уго — сборник вопросов к общим вступительным экзаменам. Недолго он верил, что наконец убедил родителей, но счастье продлилось только до момента, когда заговорил отец.

— Слушай, теперь, если хочешь, можешь сдавать экзамены, но… — он поднял палец, — но только если выждешь год и доучишься в шестом классе начальной школы, который, как я тебе уже повторял без счета, — важная часть системы образования, очень важная, говорю тебе. Хоть в наше время большинство школ и делают, как захотят. Если ты сделаешь правильный выбор и проучишься шестой класс, поступишь в государственную школу в Икируне. Выбор за тобой.

Эниола мечтал о школе Федерального Единства в Икируне с тех пор, как Коллинз, сын соседей сверху, поступил туда три года назад и возвра-

щался каждые каникулы с такими историями о веселье и свободе, какие, знал Эниола, невозможны в школе поблизости с домом. Когда бы он об этом ни заговаривал, мама всегда отвечала, что не разрешит уехать ни в этот, ни в любой другой пансион. Она без конца рассуждала, что он еще маленький, старшие будут над ним издеваться, он может вступить в банду и уж обязательно вернется домой без всяких манер или здравого смысла. А теперь, когда отец каким-то чудом уговорил мать отпустить его в школу Федерального Единства, Эниола долго не раздумывал и согласился доучиться в начальке еще год.

После такого обещания ему было легче слушать, как одноклассники хвастаются своей средней школой. Он тоже мог им порассказать, как будет учиться в школе Единства. Только через год, да. Но кто-нибудь из них учится в пансионе? В школе Единства? Эниола находил, как ввернуть ее в разговор, чуть ли не каждый день, пересказывал истории Коллинза, пока не увидел, что кое-кто из друзей начал завидовать. Их зависть служила утешением, когда они сдали общий экзамен и поступили в разные школы, а он остался в шестом классе с двумя мальчиками, провалившими все общие экзамены. Скоро он будет как Коллинз.

Тоже будет возвращаться домой три раза в год, а остальные парни в районе будут собираться и слушать, чем он занимался вдали от родителей. Он думал об этом каждый день по дороге в школу и домой. Ходил он один, потому что его друзья уже не были его одноклассниками, и, хоть он скучал, это было не так важно. Скоро он будет как Коллинз. А это искупит все; надо только подождать.

А потом, в конце первого семестра шестого класса, всего за пару недель до Рождества, его отца и больше четырех тысяч учителей штата уволили. Сначала дома все шло как обычно. Отец продолжал уходить по будням в семь утра — галстук завязан, волосы блестят там, где не до конца расчесана помада «Морган», боковой пробор на месте. Эниола по-прежнему верил, что поступит в школу Единства в Икируне, как и планировалось. В конце концов, это только вопрос времени, когда губернатор поймет, что губит общественные школы, восстановит всех учителей и лично извинится перед каждым. По меньшей мере восстановит хоть кого-то, и отец Эниолы с его опытом и квалификацией обязательно будет среди тех, кого позовут обратно. Это скоро случится. Ну как продолжать школьную программу

без истории? Как? Ночь за ночью Эниола засыпал на диване рядом с Бусолой, пока их родители повторяли этот разговор вместо вечерних молитв.

По радио один из помощников губернатора объяснил, что большинство сокращенных учителей вели такие предметы — изобразительное искусство, язык йоруба, правильное питание, исламская и христианская религии, — которые никак не помогут развитию страны.

— Зачем нашим детям в современности йоруба? Зачем? Понимаете, сейчас нам нужны технологии — наука и технологии. А какой тут толк от акварели? Разве не этому их учат на изо? Акварели.

И человек по радио рассмеялся.

Рождество пришло и ушло. Наступил первый день нового года, и на ужин пришли друзья родителей, многие из которых тоже остались без работы. Пока тот человек смеялся, Эниола обнаружил, что, хотя в тарелке перед ним перечный суп, он больше не чувствует остроты перца или вкуса мяса. Он будто пил из ложки воду. Вернувшись в школу, среди новых слов, выученных за рождественские каникулы, он записал «восстановление» и «сокращение».

Через несколько месяцев, по дороге домой из

школы, перед ним пронесся голубой «жук» его отца. За рулем сидел какой-то лысый незнакомец. Когда он вернулся, мать ответила о машине требованием, чтобы он сперва сделал домашнюю работу, а не задавал дурацкие вопросы, убрался на кухне, а не тревожил ее покой, подмел передний двор метлой, а не портил ей жизнь. Только через неделю она сказала, что машину продали. К тому времени отец уже перестал выходить из дома в семь утра, больше не садился за ужин с семьей и почти весь день не появлялся из комнаты. Утреннюю молитву «Преданность драгоценной крови Иисуса Христа» стала начинать мать, запинаясь на словах, которые Эниола произнес бы даже во сне.

Скоро пришлось съехать из трехкомнатной квартиры, где они жили до увольнения отца. Когда семья перебралась в нынешний дом — по соседству, но будто почти в другом веке, — Эниола думал, что это только временно. Верил, что самое большее через несколько месяцев они снова заживут в доме, где есть водопровод и хотя бы один туалет. Надо было понимать, уже когда они съезжали из дома, где была кухня и жалюзи, — после того, как продали телевизор, кровати и диваны; перед тем, как отец пытался продать

и видеоплеер, но никто не покупал, потому что даже видеоклубы теперь давали напрокат только компакт-диски, — надо было понимать уже тогда, что родители теперь не смогут оплатить учебу в школе Единства в Икируне. Но ведь отец преподавал историю. Отец преподавал историю, а тот смеющийся человек по радио не назвал историю в списке бесполезных в современности предметов. История еще что-то значила. Так сказал его отец.

В новом доме отец будто застыл. Часами не поднимался из постели, спиной к комнате, лицом к стене, часто отказывался есть. Когда Эниола спросил, сможет ли он еще поступить в школу Федерального Единства, тот как будто не услышал.

Мать Эниолы распродала все свои драгоценности, и им хватило на зачисление и первый семестр в общеобразовательной средней школе Великой Судьбы. Школа Федерального Единства была слишком дорогой, но и сдавать сына в какую-нибудь бесплатную государственную она не собиралась.

— Говорят, это бесплатное образование. Бесплатное-то бесплатно, но половины учителей нет, — сказала она, пряча шкатулку с драгоценно-

стями в сумку, чтобы отнести малламу[27], который что-то купит. — Это как обещать бесплатный обед и потом кормить вареными палками. Начни пока в Великой Судьбе, а потом переведем тебя куда получше, не волнуйся.

Школа Великой Судьбы находилась в бывшем трехэтажном доме зажиточного торговца. В дни рождения или на церемониях присвоения имени было обычным делом слышать о нем от священников или имамов, когда они молились: «Пусть богатство придет к вам из фермы в дом, как пришло к Аденреле Арему Макинве».

Говорили, что дети торговца после его смерти, уверенные, что их доли хватит на любые расходы, целую неделю забивали по дюжине коров каждый день, угощая званых и незваных гостей, которые ели, пили и плясали под пологами, накрывавшими половину улицы. На одном таком празднике Эниола побывал с отцом. Ему тогда, должно быть, было шесть лет. Мама была беременна Бусолой, они еще жили на той же улице в доме с жалюзи и туалетами. Теперь, возвращаясь из школы домой, он иногда вспоминал тот день десять лет назад. Как шел по этой самой улице

---

[27] Примечания: 27
Малламу — ученый господин.

на поминки, и люди останавливались, чтобы пожать отцу руку, не обижаясь, что он протягивает левую, потому что правой держал за руку Эниолу. И как перед возвращением домой Эниола с отцом не взяли со стола ничего, кроме пластмассовых вееров с тисненым лицом покойного, — хотя мать не смогла пойти с ними, а еды хватало на черный полиэтиленовый пакет, который она сейчас прятала в сумочке, когда ходила на приемы без приглашения. Тогда дома всегда была еда — и не приходилось притворяться, что им еще ничего не подали, чтобы получить лишние тарелки джолофа[28], который мать ссыпала в пакет и прятала в сумочке, пока никто не видит.

Эниоле нравилось вспоминать похороны, как в тот день он шел по улице вприпрыжку и держал за руку мужчину, которого останавливали и приветствовали другие. Иногда эти воспоминания помогали забыть, что теперь отец выходил из дома по ночам, потому что в темноте его не узнавали кредиторы.

Когда госпожа Сулейман, учительница начальной школы на пенсии и хозяйка школы Великой Судьбы, купила здание у детей Макинвы — за

[28] Примечания: 28

Джолоф — блюдо Западной Африки, обычно из риса, помидоров, томатной пасты.

несколько месяцев до того, как открыть там школу для десятка учеников, — она приходила домой к Эниоле и предлагала его отцу должность директора. Эниола, доедая ужин, смотрел из-за стола, как тот откинулся на мягком кресле, которое продаст пару лет спустя, и рассмеялся. Тем же высоким голосом, каким он часто упрекал детей, отец сказал госпоже Сулейман, что из ее школы выйдут только «недоделанные выпускники» и что он ни за что не бросит государственную школьную систему, чтобы участвовать в «халтурном проекте», у которого нет государственной лицензии. Поэтому, даже сдав экзамены и продолжив младшее среднее образование в школе Великой Судьбы, Эниола еще верил, что ни в коем случае не проведет здесь все шесть лет учебы. В будущем, причем ближайшем, ждала школа Единства в Икируне.

Весь первый семестр в Великой Судьбе Эниола частенько говорил одноклассникам, что уже на следующий год будет учиться в настоящей школе, с настоящими классами, где стулья не упираются в шкафы. Там ученикам не приходится визжать, когда урок социологии посещает семейство крыс, живущее в одном из шкафов.

За долгие каникулы в конце его первого года, в

один дождливый день в середине августа, пропали три сумки в стиле «Гана должна уйти»[29], куда перед переездом из старого дома сложили отцовские книги. Теперь ему не надо было спрашивать, что случилось, как он спрашивал о машине, мебели, телевизоре, радио, холодильнике. И все-таки он спросил и, когда мамин ответ потерялся в шуме грома и дождя, понял, что в середине сентября вернется на второй год в тот рассыпающийся трехэтажный дом. Спасения не будет.

После того как пропали книги отца, Эниола старался забыть о школе Единства. Но одноклассники — особенно мальчишки, которых он спрашивал, почему родители не зачислят их в школу, где не приходится делить столовую с крысами, ящерицами и время от времени змеей, — забыть не давали. В начале каждого школьного года — JSS2, JSS3, SS1 и вот теперь в SS2 — они интересовались, почему он вернулся в Великую Судьбу. Что такое, дороги в Икирун перекрыли? Школа Единства больше не набирает

---

[29] Примечания: 29

«Гана должна уйти» — фраза, связанная с 1983 годом, когда нигерийский президент Шеху Шагари приказал депортировать нелегальных мигрантов из Ганы из-за того, что они занимали рабочие места нигерийцев, и из-за религиозных волнений. В том же году произошел военный переворот, сместивший Шагари. Фраза стала настолько расхожей, что в честь нее прозвали дешевые плетеные сумки с молниями, в которые ганцы складывали свои пожитки.

учеников? Закрылась? Сгорела? Затоплена? Незадолго до окончания JSS3 несколько ребят в классе стали звать его Единством, а не Эниолой, а когда он перешел в старшую среднюю школу, Единством его звали уже почти все, даже девочки. Так его окликнули и теперь, когда он подходил к дому с Бусолой. Он поднял взгляд и широко улыбнулся, будто ему нравится прозвище. Никому не показывать, что ты плачешь.

— Иди к своим друзьям, — сказала Бусола. — Не надо провожать меня до класса.

— Он не мой друг.

В прошлом году администрация перевела все младшие классы в новое здание посреди густого леса, в который когда-то упиралась улица. С тех пор к новому корпусу Великой Судьбы протоптали тропинку. Она опускалась в овраг и пересекала ручей, затем забиралась обратно, и приходилось карабкаться к некрашеной коробке с классами посреди поляны — острову, окруженному со всех сторон зарослями и высокими деревьями. Эниола ходил туда каждое утро, хотя его класс находился в старом трехэтажном доме. Провожал Бусолу, пока они не выходили на край поляны и ей не оставалась пара шагов. Всю дорогу от дома она твердила, что ее не нужно провожать.

Она уже взрослая и может ходить в школу сама, он что, не понимает?

Она не расскажет маме, если он отпустит ее одну, всего разок, только сейчас.

И кто провожал в школу его в ее возрасте? Разве он не ходил сам? Почему надо провожать ее? Потому что она девочка?

Эниола научился не обращать на нее внимания, натренировался уходить в свои мысли, так что слышал голос как будто издалека, не разбирая слов. Его дело — довести ее до школы, и, если, как говорит мать, его присутствие сделает дорогу Бусолы безопасней, пусть сестра говорит что угодно — он не передумает. Он дал слово матери.

Часто Бусола повышала голос, когда они проходили мимо трехэтажного дома, будто громкость убедит его повернуть направо и подняться в свой класс. Но у ручья Бусола смирялась с его присутствием.

— Теми нашла вчера за школой кешью и говорит, что орехи созрели, — сказала она теперь, наступив правой ногой на один из камней, служивших мостиком через мелкий ручей. — Мы пойдем туда на переменке.

— Это та же Теми, которую ты на прошлой неделе назвала врушкой?

Бусола раскинула руки, переходя по камням и покачиваясь из стороны в сторону. Эниола шел рядом, наклоняясь вслед за ней, чтобы поймать, если не удержится. Всегда, когда они переходили ручьи, Бусола вскидывала руки, как птица, словно того гляди взлетит. Она так делала с детства, даже когда была такой маленькой, что ее носили на руках.

— Не ходи за Теми в буш на переменке, Бусола, вдруг за школой водятся змеи.

— Я ничего не боюсь. — Она стряхнула с юбки пыльцу, налипшую на подол, пока они шли по траве.

— И тараканов больше не боишься, эн?

— Иди уже, хватит за мной ходить. Хочешь, чтобы все считали меня маленькой? — спросила Бусола, сверкнув глазами, когда они подошли к зданию.

— От незрелых кешью будет болеть живот.

— Это sha не твой живот. Иди, jàre. Опоздаешь на линейку.

Эниола отвернулся и направился к тропинке. Ступив на нее, оглянулся на школу, чтобы проверить, что Бусола ушла и не видит его. И тогда побежал. Он боялся многого. Боялся бушей и лесов, даже травы ростом по колено. Когда он

шел на тропинке до и после ручья, проложенной в слоновой траве выше человеческого роста, то не мог избавиться от ощущения, что в зелени прячутся ивины, которыми мать пугала его в детстве. Конечно, теперь-то он знал, что она просто не хотела, чтобы он играл в буше, но все-таки. Все-таки он чувствовал давящее присутствие, оказываясь один в такой чаще. Это потом можно будет думать, что присутствие — всего лишь его собственный страх, разросшийся больше тела, излившийся в виде второй тени, что кралась за ним в траве. Но сейчас каждый раз, как ноги касались земли, он представлял себе змею — зеленую, сливающуюся с зарослями, и то, как она сворачивается на его лодыжках и впивается ядовитыми клыками в кожу. Он бежал быстрее и быстрее, остановившись только на той стороне, где долго стоял, упершись руками в коленки, чтобы отдышаться.

Он поднял взгляд к балкону верхнего этажа и увидел, что там выстроились ряды учеников. Утренняя линейка уже началась. Он опаздывал, но не настолько, чтобы его наказали. Или так он надеялся, шагая к зданию как можно быстрее, несмотря на боль в левой лодыжке. Сбоку здания была лестница, которую пристроили, когда пер-

вый этаж затопило во время дождей. Он бросился по ней, не встречая других учеников, и вылетел на балкон третьего этажа. Там он попытался слиться с собравшимися, не привлекая взгляда учителя, и проскользнул в конец ближайшего ряда, не проверяя, к своему ли классу попал.

Мистер Бисаде, единственный учитель математики в школе, а также ее директор, произносил речь. В одной руке он держал трофей с кисточками, а в другой — кнут. Рядом стоял Хаким — лучший ученик в классе Эниолы уже с самого JSS1. Улыбаясь и поднимая приз над головой, директор нудел о том, что Хаким заработал для школы очередную награду на очередной межшкольной олимпиаде. Хаким — с глубоко посаженными глазами и таким торчащим лбом, будто его приделали к нему под конец, чуть не забыв, — был не только единственным в классе Эниолы, кто получал награды за межшкольные олимпиады или дебаты: он единственный во всей школе возвращался с соревнований хоть с каким-то признанием.

— Мы тобой очень гордимся, — сказал мистер Бисаде, вручая приз Хакиму.

Тот поклонился так, будто сейчас падет ниц, но мистер Бисаде схватил его за плечи и крепко

обнял.

— Óуá, похлопайте Хакиму. Вас еще просить надо? — сказал мистер Бисаде, щелкнув кнутом. — Громче, громче, громче!

Аплодисменты заглушили голос директора.

Хаким вернулся с призом на свое место в конце, протиснувшись между рядами. Когда он проходил мимо, Эниола протянул руку для рукопожатия, но Хаким сжимал приз обеими руками и не расстался бы с ним даже на пару секунд.

Мистер Бисаде стоял перед учениками подбоченясь, говорил что-то, что никто не слышал, и улыбался так, будто хлопали ему. Когда начались одобрительные выкрики, он прищелкнул кнутом — и овации прекратились.

— Сегодняшнее наставление, — начал мистер Бисаде зычным голосом, который приберегал для ежедневных отрывков из Библии или Корана, — будет из Библии. «Блажен человек, который всегда пребывает в благоговении; а кто ожесточает сердце свое, тот попадет в беду»[30]. Далее: администрация просила передать, что вы должны заплатить за учебу до следующего понедельника. Видите, как великодушно, эн? Вам дают

---

[30] Примечания: 30
Книга Притчей Соломоновых 28:14.

целую неделю. Если вы уже заплатили, скажите школьному бухгалтеру — и вам выпишут чек. Если не заплатите к началу следующей недели, можете вообще не приходить. Всех должников?..

— Выпорют и отправят домой, — ответили несколько учеников.

— Должников?

— Выпорют и отправят домой.

В этот раз хор был громче. Такой громогласный, что отдался в груди Эниолы. Или это его сердце снова застучало так, будто он еще бежит? Скоро придется сказать об этом родителям — может, и сегодня вечером. Он почти не помнил слов, пока они пели школьный гимн, и правая рука дрожала, когда он положил ее на сердце во время присяги на верность стране.

* * *

Соседское радио работало слишком громко. Если бы отец Эниолы обращал внимание, слышал бы даже вдохи диктора между предложениями. Он думал, что радио слышно и в домах вокруг, но все-таки никогда не жаловался соседке. Да и как тут пожалуешься — он еще не вернул ей три тысячи найр. А что важнее, Баба Эниола, оставаясь дом один, был благодарен любому звуку, который

отвлечет от тьмы, что ползала в его мыслях.

Тьма была с ним, сколько он помнил, глодала края его разума. К подростковому возрасту он к ней уже привык. К тому, как она приходила и уходила, словно сезонная простуда. Он замыкался в себе, дожидаясь, пока отчаяние развеется, пропускал встречи с друзьями или официальные мероприятия, не находил утешения или удовольствия во всем том, к чему обычно обращался в припадках печали. Он понимал, что тьма вернулась, когда на целые дни пропадал аппетит, когда его больше не захватывали любимые книги. Взрослым он уже усвоил режим этой тьмы, всегда мог рассчитывать, что она пройдет через дни или недели. До сих пор.

Диктор попрощался. Закончились дневные новости; Эниола и Бусола вернутся через час. Перед уходом жена сказала ему, чтобы дети обедали гарри[31]. Он встал с постели и подошел к буфету. Если он не может заставить себя выйти из комнаты, хотя бы приготовит им обед. Он отмерил гарри. Всего один стакан — даже не достает до края. И это все, что смогла наскрести жена.

Сейчас она снова ушла — наверное, копается

[31] Примечания: 31

Гарри — сухие шарики, сделанные из забродившей пасты из маниоки.

на свалках в поисках выброшенной пластмассы и бутылок, чтобы перепродать. И он должен быть там, с ней, искать работу, стирать чужую одежду или мыть туалеты, искать бутылки на свалках или таскать мешки цемента на стройке. И ведь всего несколько месяцев назад он еще мог. А потом они однажды пришли на свалку, и он сам не заметил, как заплакал, пока его не приобняла жена. Он не заметил, что его трясет, пока не двинулся с места, когда она повела его домой.

Что вызвало слезы? Понимание, что все его образование было впустую и все решения — ошибочными, если привели к моменту, когда его жена перебирает чужой мусор? Знание, что, если им попадется старая футболка, ее отстирают, чтобы Эниоле было что надеть?

Эниола вымахал за пару лет, теперь уж выше отца. Бабу Эниолу потрясала мысль, что сын все растет, живет без стольких нужных вещей. Он многое надеялся предложить своему сыну, но с каждым годом почти все теряло смысл. Время неумолимо, оно не останавливается, даже чтобы дать людям шанс отскрести себя с пола, когда их размажет. И вот сын продолжал расти, хоть они не могли позволить себе его одевать. Баба Эниола потерял дар речи от гордости, когда сын

так быстро перерос своих сверстников. Но теперь штанины несчастного мальчика поднимались все выше и выше над его пепельно-серыми лодыжками.

Диктор объявил время — два часа. Время новостей. Баба Эниола поднял жестянку с гарри. На двоих детей не хватит. Он спросил себя: неужели и сегодня Бусола будет топать по комнате и возмущаться из-за своей порции? Она была не из тех, кто сносит страдания молча. Баба Эниола предпочитал это молчанию своего сына. Хотя бы понятно, что у нее на уме. А что кроется за тишиной Эниолы, он никогда не мог понять. Отчаяние? Обида? Презрение к отцу, который подвел семью?

Диктор объявлял, что в штате открыта регистрация избирателей для выборов в следующем году. Баба Эниола взглянул на свой шрам, бегущий от запястья к локтю. Он не мог думать о выборах, не вспомнив время в Акуре после августа восемьдесят третьего[32]. Он тогда навещал

---

[32] Примечания: 32

Имеются в виду губернаторские выборы 1983 года. После президентских выборов в декабре 1983 года из-за постоянных проблем с мошенничеством и коррупцией в стране состоялся переворот и к власти пришел генерал Бухари, объявивший войну «отсутствию дисциплины» и обещавший реформы. Долго у власти он не продержался, и уже в 1985 году его сверг генерал Бабангида.

в Акуре дальнего родственника, местного политика. Через несколько дней после его приезда на Методист-Черч-стрит нагрянули бандиты и окружили дом его родственника. Баба Эниола и несколько кузенов смогли сбежать через забор с детьми политика. Большинство остались невредимы, но Бабе Эниоле бандит успел порезать руку, когда тот перелезал через забор. Политику повезло меньше. Его поймали, протащили по улицам и сожгли заживо.

Баба Эниола вздохнул. Налил большую миску воды и засыпал гарри, надеясь, что оно окажется из того, что хорошо разбухает. Через считаные минуты крошечные шарики заполнили миску. Баба Эниола сел на кровать с облегчением и спокойствием от слабого чувства, что чего-то достиг. Теперь оба ребенка наедятся.

Первой ворвалась Бусола, что-то напевая про себя. Вместо приветствия она протянула ему листок.

— Смотри, Баами, сегодня внезапно провели контрольную, и я получила десять из десяти.

Баба Эниола взял листок. Ее учитель приписал красной ручкой под оценкой: «Превосходно».

— Добрый день, сэр, — сказал Эниола, войдя в дом.

— Во всем классе никто не получил больше шести, — лучилась от счастья Бусола. — А у меня — десять из десяти.

Баба Эниола просмотрел задачки. Хорошо. Тема касалась физики. Этот ребенок не повторит его ошибок. Вырастет доктором или инженером. В худшем случае — бухгалтером. Он не допустит, чтобы она растратила свои таланты на то, что не ведет к богатству. Она даже умнее его — так зачем разрешать ей идти в ботанику или что еще она там недавно плела?

Он часто узнавал в дочери себя. Когда видел, как она вдыхает запах книги перед тем, как открыть, он понимал ее радость. Его ранило, что он не может отвести ее в книжный магазин и смотреть, как она бродит в восторге, который когда-то знал он. Видел он в ней и свою наивность. Вот откуда ее заявления о ботанике. В начале учебы у него был выбор. Он мог бы склониться к науке — к тому, что его родители считали практичнее и полезнее, — но нет, он выбрал то, что любил. Историю.

Потом, когда кое-кто из друзей-учителей ушел в бизнес и сосредоточился больше на своих магазинах, чем на учениках, Баба Эниола посвятил себя преподаванию. Его всего поглощала программа,

которую он хотел отпечатать на мозгах учеников. Что он там нес в начале семестра? Понимание прошлого подготовит их к будущему… или еще какую-то ерунду. Тогда его упорство казалось чем-то благородным и почетным. И вот к чему оно его привело.

— Ты ничего не говоришь, — сказала Бусола.

— Что?

— Просто смотришь на контрольную и не хвалишь меня.

Баба Эниола вернул ей листок. Он был ей благодарен — она все еще что-то от него требовала. Думала, что он способен не только на раздумья, в которые он так часто погружался, не только слоняться по дому день напролет. Время от времени ее веры хватало, чтобы развеять тьму.

— Молодец, — сказал он. — Молодец.

Она разулыбалась и кивнула.

— Есть что на обед? — Эниола переодевался из школьной рубашки.

— Да. — Баба Эниола показал на миску гарри.

Бусола схватила ложку и принялась за дело.

— Уже все размякло. Зачем налил так много воды?

— Не жалуйся, — сказал Эниола.

— Зачем так размачивать, если нет ни сахара,

ни земляных орехов?

Эниола взял ложку.

— Чтобы хватило нам обоим.

— Я не с тобой разговариваю. — Бусола бросила ложку на стол. — Я не могу это есть. Баами, тебе отвечали с работ, куда ты писал?

Бусола ждала объяснения, которого он дать не мог. Баба Эниола спрятал от нее глаза. Боялся, что если заговорит, то разрыдается. Лег на кровать и почувствовал, как вся энергия отливает и сменяется отчаянием. Даже приготовить обед детям не получилось. Бусола повторяла вопросы, на которые он не мог ответить, не погрузившись во тьму. Никому не нужен учитель истории. Даже жалким частным школам, которые он когда-то презирал. Они уже не включали историю в список предметов. Если он скажет об этом Бусоле и снова расплачется, чего теперь иногда даже не замечал, не раздавит ли его тьма?

Баба Эниола отвернулся к стене. Бусола продолжала спрашивать. Эниола прощался, говорил, что идет в мастерскую тети Каро. Голоса детей доносились слабым эхом, и этого не хватало даже для того, чтобы поднять голову или попрощаться с Эниолой.

* * *

Перед бунгало тети Каро стояли две таблички. Одна — черная и высотой по колено, с надписью: «ШВЕЙНАЯ МАСТЕРСКАЯ КАРО». Она была там задолго до того, как Эниола устроился к ней в подмастерья год назад, и буквы почти выцвели. Другая табличка — куда больше, выше самого дома — появилась всего через несколько месяцев после начала его учебы. Эту табличку и новую швейную машинку тетя Каро подарила самой себе на пятидесятилетие. Блестящие черные буквы на белом фоне гласили:

«ПЕРВЫЙ КЛАСС»
МЕЖДУНАРОДНОЕ
МОДНОЕ И ШВЕЙНОЕ ОТЕЛЬЕ

Обращайтесь к нам, если нужны деловые костюмы, ашо-эби и

СВАДЕБНЫЕ ПЛАТЬЯ.

Мы работаем с кружевами, парчой гини, анкарой и адире.

Только женская одежда. Не мужская.

Иначе вас приговорит суд[33]

Тетя Каро была тощей как швабра и выше многих мужчин. Эниола знал только двух человек выше себя, и одной из них была тетя Каро. В основном она ходила в бубу[34] до лодыжек, одного стиля — вырез в виде V, фасон в виде A, всегда расшитые вдоль подола золотыми или серебряными нитками. Сейчас она стояла на улице и держала на весу полотно адире[35], разрезая его ножницами напополам.

Ее двор был приподнятой над улицей бетонной плитой с тремя ступеньками.

— Hin kúrọ̀lẹ́[36], тетя Каро, — приветствовал ее с последней ступеньки Эниола.

Она взглянула на него и что-то сказала, но он

---

[33] Примечания: 33

В большей части Нигерии существует традиционная сегрегация, согласно которой женщины шьют для женщин, а мужчины — для мужчин, хотя в законах это нигде не прописано.

[34] Примечания: 34

Бубу — свободный африканский балахон (мужской вариант на йоруба также называется «агбада»).

[35] Примечания: 35

Адире — раскрашенная вручную ткань, распространенная на юго-западе Нигерии.

[36] Примечания: 36

Добрый вечер.

не расслышал из-за рычания черно-желтого генератора в углу двора.

Эниола взял один конец ткани и отходил, пока она не натянулась. Хмурясь, тетя Каро приближалась к нему щелчок за щелчком, пока они не встретились. Она дважды хлопнула его по плечу в благодарность. Один раз — это предупреждение, два — «спасибо». Три — уже сложнее, это могло значить как «молодец», так и «прекрати», в зависимости от скорости.

Тетя Каро отдала адире ему и подошла к генератору — возиться с проводом. Он подошел вместе с ней, почему-то чувствуя, что должен смотреть, что проверяет и чинит она, хоть сам ничего и не понимал в генераторах. Отца уволили до того, как во дворе или коридоре чуть ли не каждого дома на их улице стало содрогаться одно из этих чудищ. Их выставляли во дворы на день и прятали в коридорах на ночь. К этому порядку пришли, когда один генератор украли, и его хозяин до утра выкрикивал проклятия и обещал вору, что не пройдет и трех дней, как его сердце пронзят духовные стрелы. Они божились, что генератор украл его сосед, но, хоть вскоре после происшествия подозреваемый и начал прихрамывать, он остался жив и через три дня, и через три года.

Вообще-то как минимум еще год на улице никто не умирал — даже настолько больная старушка, что ее дети уже дважды перекрашивали ее дом в подготовке к грандиозным похоронам. Скоро зашептались и о том, у кого украли генератор, — будто он сам состоял в вооруженной банде грабителей и его просто настиг эсан[37]. Но главное, после того происшествия никто не оставлял генератор на улице на ночь. В основном они были черно-синими — или черно-желтыми, прозванными «Я круче соседа». Достаточно дешевые, чтобы многие жители могли себе позволить новенький или бэушный, и достаточно маленькие, чтобы на ночь их мог занести в дом даже подросток. Эниола знал: если бы у его семьи был «Я круче соседа», отец бы его научил, как правильно дергать за стартер, чтобы завести. Сейчас бы генератор уже поручили Эниоле, и он бы каждую неделю его заправлял и все такое.

Тетя Каро относилась к генератору как к своей новенькой швейной машинке. К нему не разрешалось прикасаться никому из подмастерьев — даже кончиком ногтя. Теперь, когда его рычание стало громче, а вибрация такой сильной, что

---

[37] Примечания: 37
Эсан — месть.

он заплясал на месте, тетя Каро выпрямилась и вытерла руки о бубу. Забрала у Эниолы адире, накинула через плечо и двинулась к дверям. Он последовал за ней в коридор, деливший дом на две квартиры. Иногда, обращаясь к подмастерью, закончившему год учебы, тетя Каро могла рассказать, что никогда в жизни не жила в другом доме. Этот построили из глины еще до ее рождения, а когда он перешел ей от родителей, она заштукатурила стены и покрасила в ярко-голубой цвет. Это еще до «Первого класса», в двадцать лет, на деньги, заработанные эджиканисообу[38], когда она таскала свой первый «Зингер» на плече с улицы на улицу. От Кока-Кола-стрит до Исале-Дженерал, от Илери до Айесо, зашивая и латая от дома к дому. Она копила годами, растягивала ремонт, переходя к следующему этапу, только когда хватало на мешок цемента или на ведро краски.

Эниоле ее дом казался странным — он не понимал, почему она не снесла этот и просто не построила взамен новый. Маленький и старый, неровно покрашенный, шелушившийся, если притронешься к стене. Но тетя Каро гордилась своей работой и, когда ученики прощались с ней,

---

[38] Примечания: 38
Эджиканисообу — странствующий портной.

продолжала приводить дом в пример того, чего можно достигнуть швейным мастерством.

Когда ее родители были живы, вся семья жила в одной квартире, а вторую сдавала. Теперь в одной квартире жила тетя Каро, а вторую и коридор она переделала в «Первый класс». То, что раньше было спальней, стало лавкой с полками, где лежали метры анкары и отрезы атласа на продажу. В бывшей гостиной стояли шесть швейных машинок и два длинных стола: один — для ткани, второй — с законченными нарядами, которые надо было погладить. В коридоре стояли две скамейки для посетителей, но если приходила особенно богатая или ценная гостья, то тетя Каро провожала ее через коридор в собственную гостиную. Иногда она разрешала посидеть там и Эниоле, примостившись в мягком кресле, с тетрадкой на коленях, чтобы доделать домашнюю работу. Время от времени она заходила и, деловито подбоченясь, заглядывала ему через плечо, прищуренно наблюдая, как ручка движется по странице, хоть они оба знали, что она не может прочитать то, что он пишет.

В первый месяц ученичества тетя Каро научила Эниолу отмерять и отрезать. Доверила ему швейную машинку рядом с собой и показала,

как делать швы. Но когда настал последний день месяца и его родители не заплатили за ученичество, она позвала его в сторонку и сказала, что больше не может его обучать. Она понимала, что его отец безработный, но и ей нитки и иголки не достаются бесплатно. Он же ее понимает, эн? Он по-прежнему может ходить в «Первый класс» после школы и смотреть, как тут работают, но она не будет обучать его на швейной машинке, пока родители не заплатят.

У нее были три ученицы, которые платили. Функе, самая старшая и уважаемая, проучилась у тети Каро уже два года — ей оставался год до свободы. С рекомендацией тети Каро она бы без труда вступила в Союз портных и открыла свою мастерскую.

Мария и Сейи поступили всего за несколько месяцев до Эниолы, но раз они платили, то и знали уже намного больше него. Теперь они умели шить юбки, иро, буба[39] и даже бубу от начала до конца, не спрашивая тетю Каро. А это значило, что он был для них мальчиком на побегушках —

---

[39] Примечания: 39

Буба — африканская блузка, часть традиционного женского костюма ашо-эби, куда также входит иро — юбка, которую оборачивают вокруг талии. Ашо-эби переводится как «семейная ткань» и предназначен для того, чтобы отличать один клан от другого с помощью характерных цветов и рисунков.

ведь его дела могли подождать, а они занимались тем, что в конце концов наденет клиент. Иногда он притворялся, будто не слышит, когда его посылали за холодными напитками и чипсами. В отличие от тети Каро и Функе, они никогда не оставляли ему глоток колы или фанты в бутылке. Сейи и Мария выпивали все до последней капли, а потом еще просили отнести обратно пустые бутылки и принести сдачу — та удерживалась, пока не вернут бутылки. Они его гоняли, даже когда не работали, будто он им какой-то слуга. Сейи была даже не старше его. До JSS3 они вместе учились, но потом она забеременела и ее исключили из школы, потому что, как заявил на линейке мистер Бисаде, ее присутствие вредит школьной нравственности. И хоть мистер Бисаде об этом не упомянул, все знали, что забеременела Сейи от Ахмеда — другого ученика. На церемонию присвоения имени Сейи и Ахмед надели костюмы из одинаковой кружевной ткани, Ахмед прочитал вслух имена ребенка[40]. Сейчас он учился в SS3.

---

[40] Примечания: 40

Церемония присвоения имени проходит на восьмой день после рождения. Сначала старший в семье благословляет младенца медом, сахаром, растением кола, алкоголем и т. д. — в знак сладкой жизни. Затем присутствующие кладут в миску деньги и записки с именем, связанным с какими-либо пожеланиями на будущее (так, имя Эниола переводится как «богач»). Затем родители читают эти имена и выбирают одно.

Эниола еще терпел, если его посылала Мария, но Сейи? Он ненавидел ее за непринужденную легкость, с которой она его гоняла, будто они не сверстники, и за непосредственность, с которой она доставала найры из лифчика так, что он на кратчайший миг все видел. И до самого магазина чувствовал на купюрах тепло ее кожи — и всегда, всегда испытывал желание поднести их к носу, к губам. Два раза, когда ему хватало своих денег, он еще несколько дней хранил купюры Сейи, прижимал к щекам с закрытыми глазами, представлял, как они касались ее груди. Как мог бы прижиматься к ней и он.

Эниола сидел напротив швейной машинки Сейи, за столом с метрами кружев и журналами «Овейшен». Ему нравилось при случае полистать журнал, погрузиться в другой мир на глянцевых страницах. От этого возникало ощущение, будто он готовится к жизни, которая его ждет — когда-нибудь, как-нибудь. Тетя Каро хранила старую подшивку, чтобы клиенты могли выбрать стиль из бесчисленных вариантов у женщин, которых фотографировали на какой-нибудь большой вечеринке в Лагосе, Лондоне, Абудже, Париже, на каком-нибудь острове, чье название Эниола произносил одними губами, но не смел

сказать вслух. Он разглядывал мужчин, таких цветущих в ашо-оке агбада, с высокими горами складок на плечах, таких царственных в халатах Джорджа[41] и в рубашках белых, будто отражающих солнце. Он разглядывал их наручные часы, фотозоны с логотипами, на фоне которых они позировали, позолоченные кресла, где они сидели, коралловые бусы на их шеях — из множества ниток или из одной, до самого живота. Как они хмурились или улыбались камере, положив руку на плечо сидящей жены или на свой большой живот, говоривший о хорошей жизни.

— Ты сюда «Овейшен» пришел читать? — спросила Сейи раньше, чем он перелистнул первую страницу. — А, или там про твоих родных пишут, àbí?

Мария рассмеялась. Смех хлестнул Эниолу как пощечина. Его родные не могли даже купить журнал.

Сейи протянула ему голубой халат.

— Сама не можешь сложить? — спросил он, возвращая «Овейшен» на стол.

---

[41] Примечания: 41

Халат Джорджа — длинная полоса индийской ткани для оборачивания тела (может перехватываться поясом). Название пошло от Форт-Джорджа (в честь святого Георгия), построенного в 1639 году у города Мадраса в Индии. Ткань, завозившаяся оттуда в Африку, получила общее название, не относящееся к конкретному стилю или фасону.

— А кто тогда будет шить бубу? — Сейи подняла руки и посмотрела налево и направо: на Функе, которая пришивала пуговицы на розовый пиджак, и на Марию, размечавшую ткань мелом.

Он взял халат и отвернулся от Сейи, чтобы смотреть в окно, а не на ее торжествующую улыбку. Халат, пока он его складывал, хрустел от крахмала. Цвет неба темнел от лазури до индиго, деревянные створки окон болтались от порывов ветра, а за спиной стрекотала педаль Сейи, пока она работала над бубу.

Перед мастерской остановился красный «мерседес» М-класса.

— Йейе приехала, — объявил Эниола, глядя, как выходит водитель и открывает дверь для женщины пятидесяти лет. Она воззрилась на канаву, отделявшую дорогу от двора тети Каро, будто лучше бы уехала вместо того, чтобы пройти по узкой доске, перекинутой вместо мостика.

— Функе, поможешь что-нибудь заварить для Йейе, — сказала тетя Каро. — Нет, погоди, ты куда? Ты же не знаешь, что она попросит, дождись ее.

— Да, ма, — ответила Функе, растягивая по своей привычке каждый слог, чтобы ее заикание походило на дрожь в голосе.

Пока Йейе перебегала по доске, с каждым движением поблескивали золотые нити вдоль выреза ее платья в пол. Эниола помнил этот костюм — во время работы над ним тетя Каро не разрешала никому в мастерской даже прикасаться к ткани. Однажды, когда Эниола поднял упавший на пол лоскуток и добавил в горку обрезков, из которых надеялся когда-нибудь сшить блузку Бусоле, тетя Каро щелкнула пальцами и сказала: «Верни, за один метр этих кружев можно купить и тебя, и всю твою семью, не приноси мне в жизнь неприятности, пожалуйста».

Раньше чем вошла Йейе, мастерскую наполнил фруктовый аромат ее духов.

— Каро! Каро, torí Ọlọ́hun[42], найди деньги и сейчас же зацементируй эту канаву. Просто сделай мостик. Та дощечка узкая, как карандаш. Однажды сломается — и тебе же будет хуже. А если кто-нибудь провалится, Каро? А если провалишься ты? Я тебя предупреждаю, Каро.

— Я тебя слышу, ма, я что-нибудь сделаю. — Тетя Каро забрала у Йейе сумки. — Доброе утро, Йейе, пойдем в мою гостиную.

— Нет-нет, и здесь хорошо. Я уже скоро ухожу.

---

[42] Примечания: 42
Ради бога.

Тетя Каро подвела гостью к единственному двухместному дивану в мастерской, сдвинула наваленную на него гору ткани, расчищая место.

— Что тебе принести? — спросила она, когда Йейе уселась. — Колу или фанту? Àbí, зобо?

— И хотелось бы чего-нибудь, но Вураола говорит, мне надо перестать пить сладкое. Из-за сахара в крови kiníkan sha[43]. — Йейе вздохнула. — В нашей короткой жизни врачи не разрешают нам даже маленьких радостей.

— Одна бутылка тебя не убьет, — сказала тетя Каро.

— Àbí? Но, знаешь, я всегда говорю ее отцу о, раз это мы отправили Вураолу учиться, то нам и страдать от ее знаний. Мы наслаждаемся деньгами, которые потратили.

Тетя Каро усмехнулась.

— Как наша молодая доктор? Мы здесь много месяцев не видели даже ее тени.

— Кое-кому не хватает времени на себя. Она в порядке, и, собственно, из-за нее… — Йейе прервалась на полуслове. — Добрый вечер о, заговорилась и забыла со всеми поздороваться. Мария? Сейи? Эниола, àbí? И… Функе? Добрый

---

[43] Примечания: 43
Не могу пить.

вечер, все, gbogbo riín ni mo kí o[44].

Все ответили хором, и их голоса смешались с ее, пока она говорила с тетей Каро.

— Ehen[45], так вот, собственно, из-за Вураолы я и пришла. Можешь себе представить — эта девчонка ничего не сделала с кружевами, которые мы выбрали на мой день рождения? Мы уже три месяца как выбрали ткань — можно подумать, моя дочь за это время придумала бы хороший фасон. Ótí[46] o, может, она ждет, пока до церемонии останется два дня, не знаю. Но я принесла… — Йейе наклонилась за пакетом из золотой бумаги, который бросила рядом с собой на диван. На одной его стороне красовалась большая фотография с улыбающейся Йейе, а на других — фотографии поменьше, на которых она сидела, стояла и танцевала. Под самой большой было вытиснено жирными зелеными буквами:

ВОЖДЬ (М – С) КРИСТИАНА АЛАКЕ МАКИНВА.

---

[44] Примечания: 44

Приветствую вас всех.

[45] Примечания: 45

Здесь: ага. Неформальное восклицание с разными смыслами в зависимости от контекста.

[46] Примечания: 46

Нет.

ЙЕЙЕ БОБАДЖИРО, ИДЖЕШАЛЕНД, 50

Йейе отдала пакет тете Каро, и та достала свер-ток зеленых кружев, после чего поставила пакет у ног Йейе.

— Пакет можешь оставить, — сказала та. — Это сувенир, который мы раздаем с ашо-эби. Я давно хотела тебе занести, но все забываю.

— И он очень хороший. — Тетя Каро подняла и рассмотрела пакет.

— Àbí, Лайи заказал их в Акуре. Много, где-то тысячу о, и привез как раз вовремя, чтобы я упаковала ашо-эби. Очень заботливый мальчик. Мне нравится картинка, очень красивая.

— Как же иначе, если ты такая красивая?

— Каро, на ней же мое морщинистое лицо.

— Твое лицо и делает ее красивой, Йейе, ты все еще как sisí[47].

Пухлое лицо Йейе расплылось в улыбке.

— Доктор прислала фасон для ткани?

— Вураола? Фасон kẹ̀; она сказала, что позвонит завтра, но, пожалуйста, если не позвонит, помоги мне ей напомнить. У тебя есть ее номер? Хорошо. Проследи, пожалуйста, чтобы она не выбрала что-

---

[47] Примечания: 47
Девушка, сестра.

нибудь деревенское, помоги найти что-то модное. Сшей, что нынче носят красивые девочки. Ты же знаешь, мы молим Бога, чтобы скорее справить ее свадьбу. Но вера не исключает усилия, àbí, Каро? На моем празднике она должна быть красивой. Сшей что-нибудь с хорошим фасоном.

— Не волнуйся, Йейе. Я позвоню ей завтра и напомню.

Йейе встала.

— У тебя еще остались размеры Вураолы, àbí? Это хорошо. Она немного похудела с тех пор, как вернулась на работу, но не сильно. Просто сшей и сперва покажи, потом поправим. Когда будет готово, Каро?

— Дай мне две недели.

— Для чего? Нет о, я хочу уже на следующей неделе. Тогда она сможет его примерить для правок.

— Йейе, у меня и так много работы, но я постараюсь успеть к следующей субботе, раньше двух недель.

— К субботе?

— Я привезу его сама.

— Каро, давай не будем опять ссориться о. Не разочаруй меня в этот раз.

— Йейе, прости за прошлый месяц. У меня сло-

мался генератор, ni.

— У тебя каждый день ломается генератор, Каро. Sha, не разочаруй меня в этот раз, если не хочешь, чтобы тебя разочаровал Бог.

— Пусть Бог не разочарует никого, — сказала тетя Каро.

Йейе взяла свою сумочку.

— Àmín[48] o, теперь пойду, я еще хочу зайти на рынок по дороге домой.

— А как же одежда, которую ты просила поправить в прошлый раз?

— А, знаешь, я и забыла. Óyá, давай. — Йейе протянула руку.

— Нет, я помогу донести до машины. — Тетя Каро пропала в другой комнате, служившей складом.

— Ótí o, это необязательно.

Тетя Каро вернулась с толстым черным полиэтиленовым пакетом. Йейе протянула руку, но портниха отступила, и та схватила только воздух. Обе рассмеялись.

— Каро, окей, пусть отнесет кто-нибудь из твоих. Возвращайся к работе. Как, еще раз, зовут мальчика?

---

[48] Примечания: 48
Аминь.

— Эниола. Эниола, óуá, подойди.

Он подошел, забрал пакет у тети Каро и последовал за Йейе на выход.

Водитель стоял у двери машины и потягивался. Пока он открывал ей дверцу, Йейе кивнула, чтобы Эниола передал ему сумку.

— Баба, — сказала она водителю, — сдача с заправки? Помоги мне дать мальчику двести найр.

Водитель достал из нагрудного кармана мятую купюру и протянул Эниоле.

— Спасибо, ма. Благослови вас Бог, ма. Спасибо, ма. — Эниола поклонился Йейе, которая кивнула и ничего не сказала.

Перед тем как сесть, она подняла взгляд, и Эниола проследил за ним. По небу куда-то торопились темные тучи.

* * *

Ушел Эниола из «Первого класса» уже в темноте.

По дороге домой он снова и снова лез в правый карман, чтобы пощупать двести найр. Его двести найр.

Можно купить новые носки — две хорошие пары без дырок, чтобы дурацкие одноклассники не издевались на утренней линейке. Нет, лучше

рюкзак. Обе лямки нынешнего протерлись, а когда они лопнут, мать, знал он, скажет терпеть до конца семестра. Если купить окрика[49], на нем может даже быть логотип фирмы. «Найки», «Пума», а может, FUBU. В комиссионках всегда были хорошие вещи, которые даже лучше новых. Мать это все время повторяла. Но хватит ли двести найр на рюкзак? Может, лучше поберечь деньги, пока он не поднакопит и не купит сразу и рюкзак, и носки. Он не знал, где заработает еще, но щедрость Йейе уже казалась новым началом. Она выделила его из всех подмастерьев; может, теперь он везучий и богатые клиенты будут осыпать его деньгами. Можно копить, пока не будет тысяча или две. Может, лучше спросить тетю Каро, сколько нужно заплатить за обучение; если научиться у нее, он сможет заработать себе на университет. Она так и сказала в самом начале его ученичества. Единственная причина, почему она сама не поступила, — ей не хватило мозгов окончить даже один год средней школы. А он

[49] Примечания: 49

Окрика — одежда секонд-хенд. Название пошло уже из XIX века от названия одного из важных нигерийских портов, Окрика, откуда в страну поступала ношеная одежда из Европы, считавшаяся более статусной. На данный момент окрика является важной индустрией для промышленников и законодателей Нигерии и предназначена не только для нижнего, но и среднего классов; служит важной темой для популярных модных блогеров в соцсетях.

уже на пятом — скоро окончит. Если усердно трудиться и читать по ночам, в следующем году он сможет сдать экзамены. Но сегодня учиться до ночи не получится.

На улице уже неделями не было электричества, хотя, чтобы добраться до дома, фонари ему были не нужны. Он мог пройти с завязанными глазами и все равно назвать, где стоит каждый дом. Может, лучше потратить скопленные деньги на лампу, чтобы читать по ночам. Тетя Каро разрешит заряжать ее у нее в мастерской.

Он проходил мимо развалин клиники, где когда-то родился, когда услышал, как его окликнули. Он глянул налево, в боковую улочку, и увидел, что к нему идет Хаким.

— Ты не пришел сегодня вечером смотреть футбол, — сказал Хаким, шагая рядом с Эниолой.

— Я был у тети Каро.

— Надо было прийти.

Эниола пожал плечами. Что бы Хаким ни делал, ему будто все давалось без труда. А если Эниола ходил к футбольному полю после школы, то так и слышал в голове слова матери: «Не заиграйся, а то проиграешь все свое будущее». Хаким играл почти каждый день, но все равно учился лучше всех в классе. Может, он читал по ночам. Но вряд

ли; он просто из везучих, как Йейе, родился в рубашке. Эниола снова коснулся двухсот найр; может, теперь и он такой же.

— Я забил три гола, — сказал Хаким.

Ну конечно. Эниола даже в темноте видел блеск ухмылки Хакима.

— Хет-трик, слышал? Всех ошеломил.

Эниола улыбнулся и издал какой-то звук, чтобы обозначить свое восхищение.

— Изумительно, сам знаю.

Зубы Хакима просияли в темноте, когда он снова сверкнул улыбкой. С такой улыбкой Эниола был хорошо знаком, потому что видел чуть ли не каждый день у сестры. Это счастье человека, привыкшего, что он первый по успеваемости в классе, получает призы, лучше всех почти что во всем.

— А ты откуда? — спросил Эниола раньше, чем Хаким пустился расписывать свой хет-трик в красках.

Хаким поднял две белые свечи.

— Мама послала купить. Лампа разрядилась, а керосина она теперь боится из-за взрывов.

Навстречу бежала, толкая палкой старое велосипедное колесо и визжа от удовольствия, маленькая девочка. Хаким обернулся ей вслед.

В отдалении появился мотоцикл и словно мгновенно оказался рядом. Эниола отскочил с его дороги. Оглянулся и увидел, что Хаким, стоя спиной к приближающемуся мотоциклу, все еще смотрит на девочку. Эниола без раздумий отдернул его с пути мотоцикла, проревевшего мимо так близко, что водитель зацепил Эниолу локтем за лицо.

— Orí riín dàrú, hin ti fẹ́ kú![50] — гаркнул мотоциклист.

— Умереть захотел? — Эниола сунул дрожащие руки в карманы. — На что уставился?

— У нее была только одна туфля, — сказал Хаким. — Не видел? Левая нога босая.

— Ну и что? — Эниола двинулся дальше.

Хаким его догнал, но оба молчали до огороженного дома, где жила семья Эниолы в те времена, когда у его отца еще была работа. Дома, куда сразу после того, как они съехали, заселилась семья Хакима.

— Спокойной ночи, — сказал тот и постучал кулаком в калитку. Скоро она со скрипом впустила его в потерянный рай Эниолы.

Он молча зашагал быстрее.

---

[50] Примечания: 50
В голове пусто, чуть не погибли!

Уже почти дошел до дома, как почувствовал, как его хлопают по плечу. Вздрогнув, он оглянулся и снова увидел Хакима.

— Чего?

— Забыл выразить искреннюю благодарность, — сказал Хаким. — Ты спас мне жизнь.

— Это вряд ли.

— Не прибедняйся. Спасибо, Эниола, — сказал Хаким и направился обратно домой.

Провожая его взглядом до голубого дома, Эниола вдруг понял, что Хаким единственный в классе еще зовет его по имени. Единственный, кто не дразнит каждый день напоминанием о жизни, которую он мог бы иметь, если бы ему повезло поступить в школу Единства.

4

Кунле — в своем черном блейзере, который он так обожал, — ждал у ее хетчбэка. Он словно не чувствовал, как старательно солнце выжгло прохладу харматана.

— Ты еще в этом не сварился? — спросила Вураола.

— А где «Доброе утро, любовь моя» или «Как рада тебя видеть»? А то и «Очень мило, что заехал», или еще лучше: «Я как раз собиралась перезвонить», — сказал Кунле, отсчитывая фразы на пальцах левой руки.

— И это тоже, но пиджак — тебе не жарко?

— Ты не отвечаешь на мои звонки.

— Я не отвечаю на звонки кого угодно.

— А я теперь для тебя «кто угодно». — Он изобразил кавычки на словах «кто угодно», и она наблюдала за его пальцами. Эти пальцы. Она думала о них, когда не спала: о том, как эти длинные пальцы сужались к ногтям, какими они были невозможно проворными внутри нее.

— Я, значит, просто случайный человек, который тебе названивает, эн?

Вураола поискала в своей сумочке ключи от

машины.

— Успокойся, пожалуйста, ты меня прекрасно понял. Мне даже мать названивала из-за платья на ее день рождения, а я не могла… Куда я дела ключи, sef[51]? У меня еще и минуты на себя не было.

— Мы едем на моей. — Кунле показал на голубую «сентру» на другом конце парковки.

— Мне надо кое-что положить к себе. — Вураола поболтала своими ключами перед носом Кунле. — И кто тебе сказал, что я с тобой куда-то поеду?

Он рассмеялся и прислонился к ее машине, опершись на дверь водителя.

— Отодвинься, дай открыть.

— Ты не отвечала на мои звонки.

Часто казалось, что Кунле нравится спорить. Он называл это спарингом и говорил, что считает зарядкой для мозгов. По крайней мере, Вураола не имела ничего против примирительного секса после этих, как она думала, ссор понарошку. Она подыгрывала, изображала воинственность, чтобы потом он хвастался, как она оттаяла у него в руках. Но ее беспокоила хрупкость этого

---

[51] Примечания: 51
Выражение раздражения.

игривого настроения: так называемый спарринг после всего лишь паузы между парой слов мог перерасти в сражение.

Она взяла его за руку и попыталась отодвинуть с дороги, но он не поддался и не улыбнулся. Сражение. Хоть она и вложила все силы, он остался на месте. Может, сейчас это вовсе не понарошку — иногда его было трудно понять.

— И ты даже не потрудилась перезвонить или написать.

Она ненадолго закрыла глаза. Его голос и правда повышается с каждым словом?

— Ты сейчас на меня кричишь? — спросила она.

— Хочешь сказать, у меня нет причин обижаться?

— Я серьезно спрашиваю, кричишь ты на меня или нет.

— Ну и что это значит? Значит, если ты не отвечаешь на мои звонки, мне не надо реагировать? На это ты намекаешь?

Вураола окинула взглядом парковку. В субботу здесь было меньше машин и людей — это значило, что его голос разносится далеко. Справа пара человек перестала загружать пустые носилки в карету скорой помощи и уставились на них. Да,

это не ее изнуренный мозг усиливает звуки — это Кунле кричит.

— Ты можешь просто отойти? — Ее голос оставался тихим и размеренным. Она не собиралась устраивать дурацкие сцены на людях.

— Да что такого важного тебе надо убрать в машину? Ты думаешь, это нормально — пропускать мимо ушей мои вопросы?

— Кунле, просто дай положить учебник. Поговорим, когда поедем. Отойди.

— А если нет?

Вураола наклонила голову к плечу.

— Ты серьезно?

Он пожал плечами и сложил руки на груди. В этом жесте проглянул тот, кем он был в детстве, когда они еще учились в одной начальной школе, до того, как их отправили в разные пансионы. Кунле часто приходил с отцом на встречи *IEMPU*, потому что их родители думали, что он дружит с Лайи. Но хотя мальчики и учились в одном классе — на два года старше Вураолы, — круг друзей ее брата сформировался еще в начальке, до переезда семьи Кунле, и так и не распространился на него. Тогда Вураола и Лайи над ним посмеивались, изображали, как он пожимает плечами и складывает руки на груди. Обычно он так делал перед

тем, как наябедничать на них взрослым за то, что они издеваются и передразнивают его: «Я расскажу своему папе и твоей маме». Он сейчас даже губы поджал — осталось только ножкой притопнуть. Вураола чуть не рассмеялась, но удержалась.

Она обошла машину, открыла с другой стороны и забросила на заднее сиденье «Клиническую нейроанатомию». На этой неделе она сунула ее в сумочку, надеясь — глупо, как очевидно теперь, — что успеет хотя бы пролистать. Ни к чему, чтобы врачи-консультанты приняли ее за феерическую идиотку, когда она перейдет в нейроанатомию. В нейроанатомии все поначалу выглядят идиотами; ее целью было сойти за идиотку умеренную. И за всю неделю руки так и не дошли открыть книгу, зато из-за того, что она таскала ее с собой, протерлась лямка сумочки. Пора переходить на сумку для ноутбука. Она села на пассажирское сиденье, наклонилась к водительскому и завела двигатель.

Вураола дала поработать ему минуту, потом включила кондиционер. Заперла двери и откинула сиденье до конца. Ее окутал холодный порыв воздуха, и она улыбнулась Кунле. Он стоял снаружи и прожигал ее взглядом. Она сохранила

на лице улыбку, уверенная и вполне довольная тем, что это его раздражает. На миг она задумалась, не уйдет ли он теперь к своей машине. Если бы ушел, она бы пошла за ним. Этим утром глупо было бы самой садиться за руль. Когда она несколько минут назад вышла из отделения, ее руки уже тряслись, а ночь она протянула только благодаря банке энергетического напитка, которой ее угостил другой интерн. Кунле постучал по стеклу и показал жестом, чтобы она открыла дверь. Она опустила окно настолько, чтобы он мог просунуть палец.

— Извинись за то, что накричал, — сказала она.

Он скривился.

— А ты извинилась за то, что не отвечала на звонки?

— Я работала.

— А написать не могла?

— Ты правда не представляешь, чем занимаются дежурные врачи?

— Какая же ты самодовольная.

— Ну и хорошо. Пожалуйста, убери палец, я задвину.

— Вура, просто открой дверь, abeg[52].

«Abeg» — это не извинение. По крайней мере, не в таком тоне — но что делать? Она слишком устала и проголодалась для драм. Если они помирятся и поедут, скоро она поест. Она впустила его и приготовилась к долгой нотации. Кунле не говорил ничего, но сдал назад так резко, что встряхнул ее.

— Я думала, мы поедем на твоей. — Она подняла кресло и застегнула ремень. — Можем купить поесть? Я проголодалась.

Кунле не ответил.

— Можем остановиться в «Кэптейн Куке» перед тем, как ехать к тебе? Хотя бы взять мясной пирожок для начала? Что скажешь? Ну и пожалуйста, играй в молчанку. Просто больше так со мной не разговаривай. Я тебя предупреждаю. Зачем ты кричал на меня при всех из-за какой-то глупости?

У больничных ворот он замедлился. Где-то между средней школой и университетом угрюмый нытик Кунле превратился в человека, который теперь опускает окно, чтобы поздороваться с

---

[52] Примечания: 52

Пожалуйста. Многие выражения здесь — из нигерийского пиджина, то есть смешения местных языков с английским (самоназвание — найджа).

охраной с таким изобилием «Ẹ kú iṣẹ́, Major»[53] и «Молодцы, офицеры», что его пропустили, даже не подумав попросить открыть багажник для досмотра. Его маневр сократил пропасть между устремлениями и реальностью всего двумя словами: «Major», «офицеры». Мужчины и женщины в будке были не больше чем охранниками. Дальше не бывает от армии, куда они, как выдали улыбчивые ответы на лесть Кунле, когда-то стремились. Они работали в больнице, но ходили слухи, что скоро вместо них наймут частную фирму. Она не знала, искренняя или корыстная эта привычка Кунле втираться к другим в доверие. Возможно, как это часто бывает с щедростью, — и то и другое. Когда они выехали из больницы, она отвернулась и смотрела на проносившиеся мимо лотки и дома, пока все они не слились в сон.

Шел дождь. Она была посреди шоссе, на коленях над младенцем, чей плач перекрывал удары грома, и слушала его сердцебиение. Где-то пробили полночь напольные часы. Она слышала рев мчащихся грузовиков и бензовозов, визг шин по мокрому асфальту, крик стервятника на своем левом плече. Но не слышала сердцебиения

---

[53] Примечания: 53
Хорошая работа, командиры.

младенца. Не слышала, даже когда опустело шоссе, прекратился дождь и вышло солнце. Когда вопль стервятника слился с младенческим в один сплошной крик, Вураола хотела бросить ребенка, но обнаружила, что он приклеился к ее рукам.

Проснулась она под стук, и он стал утешением. В этот раз сон прервался до того, как на голову сел второй стервятник. Уже неделями после смерти в ее смену младенец снился почти каждый день, и она вскакивала, гадая, что еще могла тогда для него сделать. Теперь стало получше — в эти дни он снился только в урывках сна, перепадавших на дежурстве или сразу после.

«Пий: 2,2 кг, вагинальные роды на 29-й неделе. Оценка по шкале Апгар — 5 и 6 на 1-й и 5-й минуте».

Вураола попыталась сосредоточиться на его близняшке Присцилле, которая выжила.

— Ты еще помнишь свой сон? — спросил Кунле.

— Что?

— Ты издавала такой странный звук, будто плакала. Я решил, тебе что-то снилось.

Вураола думала о Присцилле, о том, как ровно в мгновение, когда затихло дыхание Пия, Присцилла, обладательница здоровых легких, проснулась

с пронзительным воплем, который не могли заглушить стенки ее инкубатора.

— Помнишь свой сон?

— Нет, — ответила Вураола. Она рассказывала Кунле о Пие через несколько дней после его смерти, но о снах не говорила никому.

— Надо доехать раньше, чем съедят весь толченый ямс, — сказал Кунле, включая двигатель.

Они находились в Олохунве, через реку от района, где построили дом родители Кунле. Говорили, Кокеры решили построиться так близко к столице штата, потому что отец Кунле по-прежнему планировал баллотироваться в губернаторы. Когда она спросила об этом Кунле, он ответил, что это просто удачное совпадение. Его мать унаследовала эти участки от бабушки.

Кунле работал новостным диктором на нигерийском телевидении в столице штата и сейчас пытался перевестись в Лагос или Абуджу. Он верил, что письмо придет со дня на день, поэтому не искал себе квартиру. Просто переделал дом мальчиков в поместье родителей и каждый день ездил оттуда на работу.

Вураола зевнула. Хотелось заползти в кровать.

— Может, купим поесть и поедем к тебе?

— Мои родители еще дома, — сказал он и оста-

вил ее в машине.

Его родители как будто ожидали, что, приезжая, она будет проводить все время в гостиной, будто она все еще маленькая девочка, которую приводила мама на встречи Союза матерей, когда их устраивала профессор Корделия Кокер. Часто, когда мать Кунле встречала Вураолу у них дома, удостаивала тонкой улыбки, заставлявшей задуматься, не доносятся ли звериные звуки, с которыми кончал Кунле, через плиточный дворик в дуплекс его родителей. Когда родители были дома, проще было там не появляться.

Она вышла из машины и направилась в buka[54]. Снаружи мужчины и женщины толкли в широких ступах ямс — со звуком то приглушенным, то резким, когда пестики то входили в белое месиво, то доставали до дна. По-ки-по. Кунле был уже внутри. Она села на скамейку рядом с ним и потянулась за пивом, которое он заказал.

Он рассмеялся.

— Какая же ты упрямая.

— Ты не извинился за то, что накричал, а упрямая — я?

Она сделала большой глоток его стаута. Он

---

[54] Примечания: 54
Придорожный ресторан.

положил руку ей на плечо и прижал к себе.

— А разве твои родители не на похоронах в соборе? — спросила Вураола.

Кунле посмотрел на часы.

— Да, и должны закончить через час. Можем взять еду с собой, если так не терпится с ними пообщаться.

— Шути-шути, а я вот буду весь день девушкой их мечты, тогда посмотрим, как ты запоешь.

— Я по тебе скучал, — произнес он в ее волосы.

Тут пришла официантка, и они заказали все то же, что заказывали здесь всегда. Толченый ямс с эфо риро[55]. Ей — с козлятиной, ему — с дичью из буша.

* * *

До этого утра они не виделись уже две — нет, три недели, — и боже, как же ей всего этого не хватало. Как он обнимает ее всем телом после секса, как его дыхание разбегается по ее виску, и веса руки, которую он всегда клал ей на живот, и его успокаивающего тепла. Удовольствие было для нее самым простым. Его можно узнать и понять. Воспарить в эйфории на крыльях адреналина

---

[55] Примечания: 55

Эфо риро — овощной суп, традиционный для йоруба.

и дофамина. И теперь — окситоцин на спуске. А вот любовь — что ж, это уже туманно. Так же зыбко и непознаваемо, как перепады настроений Кунле. После того как поели, они молча ехали по дороге к нему, и он снова спросил о телефонных звонках. Но уже сразу, как они вошли, он тянулся к ее груди и обнимал теперь так, будто все забыто, если и не прощено. Когда он захрапел с открытым ртом, она высвободилась и пошла в душ.

У него не было лосьона — только большая банка вазелина, которой ему, наверное, хватит еще на год. Она обошлась своим кремом для рук и натянула одну из его рубашек, потом пошла в гостиную. Прилегла на диван, надеясь, что душ навеет сон. Этот диван стоял тут еще с детства Кунле, и она помнила, как сидела здесь и пыталась выудить конфету, завалившуюся между подушками. И нашла раньше, чем заметила мама, но стоило сунуть ее в рот, как Лайи крикнул: «Грязная девчонка!» Она чуть не подавилась, а мать и профессор Корделия прервали свой разговор и уставились на нее. Лайи тут же наябедничал. Тогда мамы рассмеялись и продолжили свою беседу. Но вечером, дома, Вураола сидела за обеденным столом с пустой тарелкой, пока вся семья ужинала. По словам ее родителей, она

публично опозорила семью Макинва и не заслуживала еды до конца дня. Позже тем вечером Лайи прокрался к ней в комнату с двумя кусочками хлеба и извинением.

Вураола все ворочалась и ворочалась, но никак не могла найти удобную позу. На кровати было бы лучше, но туда не тянуло. В очередной раз переложив подушки, Вураола взяла пульт от телевизора и начала щелкать. Остановилась на «Канале О», потому что там крутили *African Queen*.

Кунле подарил ей диск, когда впервые приезжал к ней в Ифе. Тот диск жил в ее прикроватном плеере месяцами, не сменяясь. Потом она уже сама купила второй и слушала его в машине, пока не заездила так, что он проигрывал только один трек. За неделю до выпускных экзаменов, когда она отрывалась от учебы, только когда ехала в хостел быстренько принять душ, ее утешал *Keep on Rocking*. Друзья орали на нее с заднего сиденья: она отрывала руку от руля и тыкала в крышу, когда *2Face* призывал «достать потолок». Распускала косы, уложенные в круг на голове, и радостно ими мотала под воркование *2Face*. И конечно, «шалить на плантации» — тут уж надо было отпустить руль обеими руками и месить кулаками воздух. Грейс, первая подруга Вураолы

в медвузе, обычно сидела рядом на пассажирском и умудрялась все это проспать. Диск перестал включаться еще до конца экзаменов, но руки так и не дошли купить новый.

Вураолу всегда завораживала вторая девушка, которая появлялась в клипе *African Queen*. Подстриженная так коротко, что спереди слева — бритая наголо. Иногда Вураола мечтала освободиться от своих кос, но как много всего надо учитывать. Ее слишком большие уши оттопырятся, как кроличьи. И вдруг она будет похожа на ощипанного цыпленка. И мама будет буравить взглядом в духе «поверить не могу, что потратила на тебя девять месяцев своей жизни» еще как минимум десятилетие или пока одна из них не умрет. И все-таки каждый раз, как в кадре появлялась бритая танцовщица, Вураола придвигалась и выискивала сходства в лице — показатели, насколько удачным будет смена стиля. Истории известны люди, пережившие испепеляющий взгляд ее мамы. Лайи все еще дышал спустя два года после того, как бросил медицину. Она тоже могла бы рискнуть.

Кто-то постучал, и, не успела она подняться с дивана, вошел отец Кунле. Бесконечный миг таращился, осмысляя рубашку Кунле на ней. Она

села, подобрав под себя ноги, приветствовала его, но не знала, куда деть себя — встать или сидеть. Все-таки встала, оттянув полы рубашки вниз.

Профессор Бабаджиде Кокер был высоким и пузатым — из таких мужчин, кому идет агбада. Он был лысым, сколько она его помнила, зато усы всегда были пышными и с возрастом как будто становились только темнее. Ее мама не сомневалась, что он их регулярно подкрашивает. Пока что Вураола воздерживалась от того, чтобы прямо спросить об этом у Кунле.

— Как поживаете, сэр? — спросила Вураола.

— Доктор Макинва, рад вас видеть, — произнес профессор Кокер, уставившись на ее колени, все еще обнаженные, как ни оттягивай рубашку.

African Queen кончилась, включился клип на песню, которую она не знала. Четыре женщины извивались и ползали по полу склада вокруг полуголого мужика, который пел в подвесной микрофон. Не грубо ли сейчас будет взять пульт и выключить?

— А где мой сын?

— Кунле? — Стоит ли оставлять клип, пока мужик двигает бедрами в камеру?

Профессор Кокер поднял бровь, словно спрашивая: «А ты знаешь каких-то других моей детей, о

которых не знаю я?»

— У себя в комнате, сэр, — сказала Вураола.

— Раз уж вы здесь, — начал профессор Кокер тоном, говорившим, что ее здесь быть не должно, — не могли бы позвать его ко мне?

— Да, сэр, — ответила Вураола, только радуясь, что может сбежать.

Кунле распластался ничком, свесив одну руку с кровати. Она собирала его одежду одной рукой, второй хлопая его по плечу. Уж лучше встречать отца одетым. Не то чтобы это так важно — тот явно мог расшифровать, что случилось, и вряд ли он впервые встретил девушку в гостиной Кунле. Когда они были подростками, все завидовали Кунле, потому что только его родители разрешали водить к себе девушек. Профессор Кокер знал, что у сына активная сексуальная жизнь, но его взгляд говорил, что уж от нее он этого не ожидал.

Наконец, когда она ущипнула его за плечо, Кунле проснулся.

— Kíni?[56] — спросил он, сев и потянувшись к ней. Она увернулась.

— Твой отец пришел. Зовет тебя.

---

[56] Примечания: 56
Что?

Кунле потянулся и посмотрел на настенные часы.

— Уже вернулись?

— Видимо, пропустили неофициальную часть. Ну или только он. Про твою маму не знаю.

Она достала свежую рубашку из гардероба и передавала ему одежду предмет за предметом. Когда он наконец ушел, оделась сама, подоткнув мятую блузку в юбку, словно на работу. Вошла в гостиную с туфлями и сумкой, готовая теперь, убрав волосы с лица, как требовалось в больничном отделении, заговорить с профессором Кокером как взрослый человек.

— Где он? — спросила она, окинув взглядом комнату.

Кунле пожал плечами.

— Наверное, ушел в главный дом. Я схожу и… тебе лучше пойти со мной.

— Да, пожалуй. — Вураола обулась.

— Он что-нибудь сказал?

— Кажется, его не обрадовало, что я лежу полуголая на твоем диване.

Кунле рассмеялся.

— Да ты им нравишься.

Он часто говорил о родителях так, будто они единое целое, будто он привык видеть их прин-

ципиально неделимыми.

— Ты имеешь в виду, им нравятся мои родители, — сказала она.

— Они считают, что ты из подходящей семьи.

А ее родители так же думали о нем. Отец, впервые проявляя интерес к ее романтическому выбору, сразу же задал вопрос о благополучии Кунле. «Он кашлял во время последнего выпуска новостей, у него все хорошо? Как у него дела на работе? Когда его переводят?» Эти разговоры кончались на словах отца, что Кунле — хороший человек, его родители — хорошие люди, он — из хорошей семьи. В средней школе она узнала по запретам приводить в гости некоторых подруг, что мнение ее отца о человеке зависело от мнения о его родителях. И было очевидно, что Кунле, на его взгляд, лучший, кого могла найти Вураола, и уже считается подходящим отцом для его внуков.

Кунле придержал для нее дверь. Хотел обнять, пока они шли к главному дому через лабиринт иксор и гибискуса, но она стряхнула его руку. Его это как будто позабавило. Он просто не мог понять то, что она знала и пыталась объяснить ему каждый вечер, когда отказывалась остаться. Что его родители судят ее не так, как его, — черт, да и ее родители тоже. Для Кокеров неважно, что

она из хорошей семьи, что бы это ни значило; то, что она согласилась — нет, что она просила Кунле заняться сексом, — в их глазах не делало ее приличной девушкой. Ей уже со времен переходного возраста стало ясно, что ее желания ни во что не ставятся. Мальчики должны хотеть секса, а ей положено от них отбиваться — так поступают хорошие девочки, чтобы не опозорить свою семью.

Вураоле хотелось бы быть женщиной, которую все это уже не волнует. Хотелось бы наслаждаться тем, чем хочется, без угрызений совести и переживаний из-за взгляда, которым ее смерил профессор Кокер. Но ее это все-таки волновало. Что думает о ней он — и, еще важнее, что думает о ней его жена.

Вураола пыталась копировать идеально изогнутые брови профессора Корделии Кокер с тех самых пор, как впервые украла карандаш для глаз с маминого туалетного столика. Во время интернатуры в офтальмологии ее восхищение было так близко к преклонению, что она даже подумывала пойти в эту область, лишь бы ее наставницей была профессор Корделия. Та стала врачом-консультанткой еще до тридцати, а профессором — в сорок шесть. Ее голос словно

переливался и плыл по больничным коридорам в облаке цветочного парфюма. В нее влюбились полкурса Вураолы. Вураола радовалась, что это не профессор Корделия вошла сейчас в гостиную Кунле. Муж наверняка ей расскажет, что видел, но это все же лучше, чем лично видеть, как эти идеальные брови разочарованно изгибаются.

Они прошли через кухню, мимо служанки, отскабливающей кастрюлю, в столовую, где сидели рядом родители Кунле и ели вареный плантан с овощами.

— Как ты, дорогая моя? — спросила профессор Корделия, приглашая Вураолу на стул напротив.

— Очень хорошо, ма, спасибо.

— Не хочешь плантан? Там еще должно было остаться.

— Нет, спасибо, ма.

— Точно? Это свежее ворово[57], попробуй с плантаном.

— Точно, ма.

— Мы поели после того, как я ее забрал. — Кунле сел рядом с Вураолой.

— О, вы уже давно встретились?

---

[57] Примечания: 57

Ворово — овощной суп из листьев растения ворово, с таким высоким белковым содержанием, что в Африке считают, что в этом супе не нужно мясо.

— Да, ма. Мы, эм-м, я была с Кунле.

— Ах, понимаю.

— Я не видел твою машину, когда мы вернулись, — сказал отец Кунле.

— Осталась в больнице, сэр, — ответил Кунле. — Ты меня звал?

Профессор Бабаджиде перевел взгляд от Кунле к Вураоле и обратно.

— Можешь говорить, она же его… они же вместе, — сказала мать Кунле.

— Может, мне лучше уйти. — Вураола встала.

Вошла служанка, чтобы убрать тарелки.

— Принеси Вуре сок, — попросил ее Кунле.

— Присядь, Вура. — Мать Кунле повернулась к мужу. — Бабаджиде, ну же, почему ты так себя ведешь? Это дочь Отунбы Макинвы.

Отец Кунле откинулся на спинку стула.

— Хм-м-м. Я знаю, что твой отец возлагает на тебя большие надежды, как и я. Ты не обычная девушка.

В этот раз Вураола попыталась выдержать его взгляд. Намек читался ясно: в планы ее отца не входит, что она будет заниматься сексом с парнем и спать на его диване, как обычная девушка. Это ей говорит профессор Кокер. Тот профессор Кокер, на чьих свадебных фотографиях в роли

кольценосца можно видеть его сына Кунле.

— Что случилось? — спросила профессор Корделия. — Вура, ты не справляешься в больнице? Дежурство бывает трудным, àbí? Сегодня ты студентка, а уже завтра пациенты думают, будто у тебя есть ответы на все вопросы.

— Она справляется хорошо, на самом деле она одна из лучших, — сказал профессор Бабаджиде Кокер.

— Рада слышать, Вура. Ты всегда была умной девочкой.

Вернулась служанка с пачкой сока. Все молчали, пока она не наполнила стакан и не вышла.

— Итак, Кунле, что я хотел тебе сказать.

— Да, сэр.

— Сегодня на службу приходил председатель партии, нам выпал случай поговорить перед его уходом. Он считает, на следующих выборах будет наш шанс. Его люди рады поддержать меня, но подготовку надо начинать уже сейчас, и я хочу, чтобы в этом участвовал ты.

— Поздравляю, сэр, — сказал Кунле.

— Что ж, с этим обождем, пока не баллотируемся — в политике все меняется так быстро.

Профессор Корделия сжала плечо мужа.

— В этот раз у меня хорошие предчувствия.

Профессор Бабаджиде многозначительно взглянул на Вураолу.

— В политике все меняется так быстро, и поэтому лучше держать такие разговоры в семье, пока не потребуется привлечь посторонних.

— Конечно, сэр. — Вураола взболтала остатки сока в стакане. Надо допить, потом подождать минут десять-пятнадцать и тогда уходить. Это мама прочно вбила ей в голову: надо подождать, чтобы хозяева не подумали, будто ты оголодавшая и пришла только поесть или выпить.

— Итак, Кунле, начинай готовить идеи. Партия предоставит нам пиарщиков, но главным будешь ты. Я хочу, чтобы ты все взял под контроль, а это возможно, только если у тебя идеи будут лучше, чем у них.

— Да, сэр. Я над этим поработаю. Еще раз поздравляю, сэр.

Профессор Корделия пригладила мужа по спине.

— Позволь себе насладиться моментом.

Вураола допила сок, проследив, чтобы на донышке что-то осталось, — неприлично выпивать все до капли. Ее поздравления так и остались на языке, легкие, как облатка, и уже таяли. Она не станет поздравлять отца Кунле — после того, как

он назвал ее посторонней. Вот поэтому она так и нервничала, когда у нее появились чувства к Кунле: из-за того, что их отношения все осложнят. Его отец не стал бы вести себя так строго с кем-то другим, но, раз она дочь его друга, он считал, что может читать ей нотации, будто она и его дочь.

— Как твоя интернатура? — Профессор Корделия работала в больнице Ифе, поэтому Вураола с ней не пересекалась.

— Все хорошо, ма.

— Очень хорошо, что ты попала на практику сюда, наберешься больше опыта.

Вураола улыбнулась:

— Да, ма, в акушерском отделении я уже три раза принимала роды.

— В Ифе это невозможно, там так много интернов.

— Да, ма, я сама рада, что решила вернуться. Работа здесь напряженная, но я учусь.

— Надеюсь, тебе не слишком тяжело?

— Она не высыпается, — сказал Кунле.

Профессор Бабаджиде Кокер хмыкнул, вставая из-за стола.

— Сама на это подписывалась. Половина нашей работы — стойкость.

— Это не значит, что она вообще не должна

спать.

— Если успевает проводить время в доме мальчиков у Кунле, она не так уж устает. — И профессор Бабаджиде вышел в гостиную.

— Не обращай на него внимания, Вура. Он нервничает из-за выборов. — Профессор Корделия вздохнула. — Кунле, в следующие два года нам придется потрудиться.

Вураола встала.

— Думаю, мне пора домой, ма.

— Обратно в общежитие?

— Нет, ма, если я на выходных не дежурю, то уезжаю домой.

— Это очень удачно, дорогая моя.

— Я попрощаюсь с профессором.

Она прошла через арку, разделявшую комнаты. Профессор Кокер сидел в мягком кресле, громко щелкал костяшками и смотрел в пустоту.

Вураола покашляла, чтобы обозначить свое присутствие.

Он оглянулся.

— Я ухожу, сэр. — Она выдавила улыбку.

— Хорошо. Передавай привет Отунбе и Йейе.

— Да, сэр, передам.

— Подожди, Вураола. Подойди.

Вураола приблизилась.

— Слушай, если вы с Кунле планируете пожениться — а я надеюсь, вы планируете, — проследи, чтобы ты не забеременела до свадьбы. В соборе не станут проводить церемонию, если ты беременна, новый викарий очень строгий. Ты меня понимаешь?

Вураола кивнула, не отрывая глаз от блика люстры на лысине профессора Кокера.

* * *

Мать Кунле настаивала, чтобы Вураола не водила сама, пока не отдохнет.

— Sebì[58], Кунле все равно надо забрать машину от больницы? Пусть он за ней заедет после того, как отвезет тебя домой.

— Он планировал в понедельник, ма. Он приедет в больницу с профессором и оттуда отправится к себе на работу.

— Неужели до тебя так долго ехать? — Она повернулась к дому. — Лакунле! Рядом с моими очками.

Они стояли у машины Вураолы и ждали, пока Кунле принесет сувенирную сумку из Союза матерей, которую его мама хотела передать ей.

---

[58] Примечания: 58
Уточнение, как и àbí.

Он вышел и поднял матерчатую сумку, чтобы мать кивнула и подтвердила, что это правильная.

— Ты же отвезешь ее домой, àbí? У тебя есть другие планы на вечер?

— Ну, Вура любит изображать суперженщину, а я ей иногда позволяю, — сказал Кунле.

— Óyá, отдай ему ключи, ты успеешь даже выспаться в дороге.

Не успели они выехать, а Кунле уже говорил о кампании.

— Еще нельзя показывать, что это кампания, надо какое-то время продолжать общественные проекты, но следить, чтобы везде мелькало его имя.

— Проекты? Вроде была только одна скважина?

— Можно легко пробурить еще шесть, по всему штату. Потом — обучение молодежи. Распечатаем на объявлениях его фотографию.

— Обучению чему?

Кунле нахмурился:

— В смысле?

— На чем вы сосредоточитесь? Каким навыкам будете обучать?

— Чего угодно — чему сейчас обучаются жен-

щины? Бусы делают — или что?

Вураола покачала головой:

— Я откуда знаю?

— Ты ведь женщина?

— Это еще не делает меня экспертом в том, чему сейчас учатся все женщины. Я могу в лучшем случае рассказать пару примеров, но вам, наверное, лучше провести какие-то исследования?

— Кулинария там какая-нибудь, неважно. И что-нибудь только для парней.

— Что вы планируете на самом деле?

— Я же и рассказываю.

— Я имею в виду программу твоего отца, какая она будет? Можно все пропускать через нее. Это будет ваш руководящий принцип.

— Хорошее здравоохранение, хорошие дороги, хорошее образование. Но обо всем этом в проекте обучения еще говорить нельзя. Надо везде указывать его инициалы, а потом их же использовать в самой кампании. Есть мысли?

— В больнице все зовут его Проф. Б. — наверное, чтобы отличить от твоей мамы.

— «Проф Б» как-то слабовато. Хм, Бабаджиде Кокер. Может, Профессор Би Джей.

Вураола подавила смешок.

— «Би Джей» — не лучший вариант[59].

До него дошло не сразу.

— Ну тогда Пи Джей Си — профессор Джиде Кокер. «Профессора» оставить надо, так звучит внушительней.

— Но я-то спрашиваю о том, что можно измерить. Хорошее здравоохранение — это как? Больше отделений скорой помощи? Сколько? Повышение зарплаты для государственных врачей? Курсы повышения квалификации? Рабочие условия? Разве не на этом надо строить кампанию? Даже это самое обучение. Ты так говоришь, будто главное — не молодежь, а напечатать его фотографию на плакатах.

— Ты ничего не понимаешь в политике.

— Это как-то высокомерно.

— Это факт. — Его руки сжали руль. — А то, блин, будто все на свете знаешь.

— Лакунле Кокер. — Иногда этого хватало — полное имя перезагружало его чувства.

— Прости, но я пытаюсь сказать, что в этой стране политика устроена по-другому, да? Нужен простой посыл, то, что умещается на пачке риса или соли. Ты же знаешь, что будет основными

---

[59] Примечания: 59

BJ в англоязычном сленге — сокращение от blowjob («минет»).

материалами кампании, да? Рис, соль, отрезы анкары. На них внятную программу не распишешь. Максимум семь пунктов.

Вураола вспомнила открытый рот и беззубые десны Пия. Как он умер зажмурившись, словно, уже с трудом пытаясь вдохнуть, осознал, что на этот мир слишком страшно взглянуть. Она отвернулась от Кунле. Надо было все-таки настоять на своем и ехать одной. Опустила бы окно, ветер и шум не дали бы уснуть до самого дома.

Они проехали мимо статуи Обокуна[60] и направились к центральной мечети.

— Останови, — сказала она перед мечетью.

На другой стороне дороги стояли столы торговцев со всем подряд — от фруктов до обуви, от плееров до одежды. Она наклонилась, чтобы опустить окно со стороны Кунле, и жестом подозвала лоточника.

Он подбежал к машине.

— Есть *Face 2 Face*?

---

[60] Примечания: 60

Обокун — нигерийский мифический царь (ова). По легенде, был слеп и отправил сына за целебной водой. Когда он прозрел, обнаружил, что другие его дети забрали все его имущество, оставив только меч и корону. Их он отдал единственному преданному сыну, который стал царем Илеши — территории, сейчас входящей в штат Осун.

— Говорите wetin[61]?

– *Face 2 Face*. Альбом *2Face*, есть am[62]?

— Этот, да na. Na у всех есть am. Ждите мало, сейчас будет.

— Мне кажется, у твоего папы должны быть планы как минимум на здравоохранение. В смысле, как иначе. Поговори с ним, пока не определишься со стратегией. Ты удивишься, как это близко народу. Люди умирают зря, Кунле. Ты даже не представляешь.

Торговец вернулся с диском, и Кунле заплатил раньше, чем она раскрыла кошелек. Он посигналил такси и влился вперед него в движение.

— У него было право проезда. — Вураола достала диск из бумажного конверта.

— Это не значит, что ему можно ехать так медленно.

Вставив диск в магнитолу и промотав до *Odi Ya*, Вураола закрыла глаза и дала песне заглушить последние вдохи Пия. Она поддалась ударным, многослойному голосу *2Face* — три слоя? Четыре? И тому внезапному чувству освобождения во время перехода к а капелла в конце.

---

[61] Примечания: 61
Что?

[62] Примечания: 62
Междометие.

— Мне не нравится, как ты со мной разговариваешь.

— Как? Я просто хотела… Да что я?.. Я слишком устала, Кунле. Давай потом?

— Ты всегда уставшая.

— Вообще-то да, так и есть, и от тебя пользы немного. От тебя я тоже устаю. Можем прекратить?

— Ты даже не приняла мое извинение.

— Сказать «прости, но…» не считается за извинение, но это и неважно. Я сказала — давай прекратим. Можно просто спокойно послушать музыку?

— Я только хочу сказать, что люди в этой стране хотят другого, ясно? А все то, о чем говоришь ты, на выборах победить не помогает, ясно?

— Господи боже. Ладно, как скажешь.

— Такое ощущение, что тебе даже не хочется постараться ради нас.

— Постараться? Кунле, ты мне очень нравишься, ты же сам знаешь. Просто. Пожалуйста.

— Ты знаешь, я тебя люблю. — Он положил руку ей на колено и сжал. — Хоть ты и охренеть какая упрямая.

Вураола не ответила. Вскоре после того, как они начали встречаться, он вбил себе в голову, будто

она несговорчивая, и напоминал об этом, когда злился. Или чтобы обидеть, или потому, что его это почему-то возбуждало, — или же он считал ее непокорность вызовом своему авторитету.

Он передвинул руку на бедре выше. Значит, возбуждало. Все-таки лучше, чем вызов.

Они свернули на улицу, которую родители назвали в честь себя, потому что поселились здесь первые. Дом ее родителей стоял теперь вторым в ряду, за забором с колючей проволокой виднелась только его крыша.

Кунле дважды просигналил, ворота открылись, и Вураола помахала охраннику, проезжая мимо. Тот шуточно отдал честь. Дом находился далеко от ворот, оставляя место для лужайки такого размера, что здесь можно было бы проводить футбольные матчи, и для искусственного водопада — его включали, только когда отец принимал гостей. Они проехали по гравийной дорожке, ведущей мимо парадных дверей к бетонному прямоугольнику, где за ширмой декоративных деревьев обычно ставили машины.

Пока они шли через лужайку к дому, Кунле обнял ее за плечи.

Вураола два раза позвонила, потом полезла в сумочку за ключами. Дверь открылась раньше,

чем она успела их вставить, и Мотара чуть не врезалась в нее, вылетев из дома в таких шортах и топе, которые мама никогда бы не разрешила Вураоле носить даже дома, когда она была подростком.

— Ты — ты не забыла поздороваться со старшими? — бросила ей вслед Вураола.

Мотара топала себе дальше к декоративным деревьям.

— Прости уж, — сказала Вураола Кунле. — Когда она не в настроении, эта девчонка — что-то с чем-то.

Кунле пожал плечами:

— Вы ее избаловали.

Так она сама не раз говорила Кунле, своим родителям, Лайи и даже Мотаре, но из уст Кунле это задевало. Перед тем как войти в дом, она стряхнула его руку с плеч.

В гостиной никого не было, но на втором этаже шумел телевизор. Вураола расслышала голос Бакки Райта. Снова мама пересматривает «Саво-

роиде»[63].

Кунле потянулся к ее руке, когда они поднимались, но она сделала вид, будто не заметила, и опередила его, шагая через ступеньку. Лестничная площадка переходила в семейную комнату. Это была закрытая территория для большинства гостей, кроме тех, кто, как Кунле с его родителями, уже практически сам стал семьей. Друзья семьи, как их называли родители.

Мать Вураола раскинулась на длинном диване, возложив ноги на две подушки. Когда она отвернулась от телевизора и увидела Кунле, ее лицо просветлело.

— Лакунле, Лакунле! Вураола не говорила, что ты придешь.

Кунле простерся на полу, коснувшись подбородком края половика.

— Добрый день, ма.

— Pẹ̀lẹ́, mummy ńkọ́? Àti профессор?[64]

---

[63] Примечания: 63

«Савороиде» — нигерийская драма 1999 года. Савороиде — священный барабан; по сюжету фильма королем в племени становится жадный человек, который за взятки разрешает бизнесменам вырубать леса и священные рощи. Из-за отказа соблюдать старинные обряды посвящения ему пророчат, что его корону может отнять другая семья, а при ударе в священный барабан он погибнет. Тогда он убивает эту семью, но ее маленький сын остается в живых.

[64] Примечания: 64

Как дела у мамочки? Как профессор?

— Все хорошо, ма. Они передают привет.

Вураола обняла мать сзади.

— Йейе о. Единственная и неповторимая Йейе Бобаджиро, а любые другие — подделки.

— Вураола omo Йейе, вспомнила наконец свою мать, эн?

— Просто признайся, что ты скучала по любимой дочери.

— Поднимись, Лакунле, поднимись. Omo dada[65], сядь, пожалуйста. — Йейе бросила взгляд на Вураолу. — Такой воспитанный молодой человек. В наше время это редкость.

Кунле здесь всегда был желанным гостем, и чаще всего Вураола радовалась, что его присутствие оживляет маму. Но время от времени ее и раздражало мамино одобрение. Она и сейчас чувствовала, как гнев, зачаточный и горький, нарастает в горле, будто желчь.

Эта самая женщина прошла мимо Нонсо, никак не реагируя, когда он простерся и прижимался подбородком к полу на том же самом месте, где теперь был Кунле. Бедный Нонсо. Он не двигался с места, даже когда Йейе вышла: поднялся, только

---

[65] Примечания: 65

Omo — междометие, несущее разные значения в зависимости от растяжения гласных и контекста. Здесь — «хороший сын», ранее — «в самом деле», «неужели».

когда в коридоре хлопнула дверь в ее комнату. Вураола познакомилась с ним на посвящении первокурсников, когда сама начинала первый курс в медвузе, а он уже учился на третьем. Подружились они на второй ее год, когда вместе работали в комитете недели здоровья. К концу ее третьего курса они стали такими друзьями, которые говорят по телефону, пока тот не разрядится. Друзьями, которые на День святого Валентина гуляют вместе и засыпают друг у друга в объятиях. Друзьями, которые иногда целуются и ласкают друг друга. Иногда они встречались с другими, но все еще оставались друзьями, а потом пересекались и делились страшными историями, касаясь друг друга только в перерывах между бывшими. Она в любом случае больше доверяла постоянству дружбы, чем романтики, — ну или так говорила, пока не пригласила его в гости на каникулах, когда была дома с родителями и когда между ней с Нонсо все трепетало от ожиданий.

До конца визита Нонсо сидел на краю стула, слишком нервничая, чтобы дотронуться до бутылки колы, которую она ему принесла, и бросал взгляды в коридор, словно переживал, что вернется ее мать уже с мачете. И она вернулась. Нонсо снова простерся на полу, но смотрела Йейе

только на Вураолу. «Больше не смей приводить незнакомых парней в мой дом». Нонсо поспешил прочь раньше, чем она продолжила: «Wòó[66], если еще раз увижу в моем доме этого игбо, эн, в тот день Бог обязательно примет на небесах новую душу. Ты даже привела его наверх! Kíló fa наглость kẹ̀?[67]»

Все это время — время романа, интрижки? Они между собой никак не называли этот год, — Нонсо переживал из-за того, как отреагируют его родители, если он представит им девушку йоруба[68]. Она и не воображала, что его этничность может вызвать претензии у ее семьи. Ведь мама сама целыми днями рассказывала, каким благословением было каждый раз слушать мистера Окорафора, когда он вел библейский кружок в

---

[66] Примечания: 66
Возглас удивления.

[67] Примечания: 67
Откуда такая наглость?

[68] Примечания: 68
Одна из важных причин раздоров между населяющими 200-миллионную Нигерию племенами йоруба, хауса и игбо — Гражданская война 1967–1970 годов, когда Республика Биафра, населенная по большей части игбо и находящаяся на юге Нигерии (у залива Биафра), пыталась отделиться от федерации. (Одно из множества отличий этих племен, искусственно объединенных в одну страну, — у игбо преобладает христианство, а у йоруба и хауса — ислам.)Гражданская война сопровождалась многочисленными военными преступлениями, а также блокадой Биафры, которая привела к голоду. Единство Нигерии в

итоге было сохранено, но с 1990-х и по наши дни националистическое движение за отделение Биафры обрело новое дыхание и приводит к насилию.

середине недели.

В переписке они решили, что пробовать еще раз не стоит скандала — им достаточно и дружбы. И, хоть секс прекратился, они поддерживали связь, даже когда он после выпуска переехал в Нсукку, и их долгие разговоры то и дело проваливались в паузы, кипевшие от возможностей. Это не было похоже на разрыв, пока он не женился.

Вураолу приглашали на свадьбу, но она не приехала. Все их общие друзья затопили «Фейсбук»[69] потоком фотографий с церемонии, и она весь день провела больной и разбитой, будто лично видела, как он обменялся клятвами с другой женщиной. Жена была выше его, ее свадебное платье подчеркивало самую тонкую талию, что Вураола видела у взрослого человека. Прокручивая фотографии, Вураола гадала, не этого ли он на самом деле хотел все это время. Какую-то светлокожую телку, будто с обложки журнала. Легче было думать о его жене так, а не вспоминать, что она лучшая выпускница своего курса в Ибадане, с отличием по хирургии и педиатрии. Доктор Рукайят Квадри. Не просто йоруба, а *мусульманка*-йоруба. Что может быть скандальнее.

---

[69] Примечания: 69

Продукт компании Meta, деятельность которой запрещена на территории РФ. Прим. ред.

— Ты меня не слышишь? Я же сказала — Кунле надо чем-нибудь угостить.

Вураола сняла руки с плеч Йейе.

— Мне надо переодеться.

— Сперва принеси ему попить.

— Рэйчел ушла на рынок?

— Какое отношение к твоему гостю имеет служанка?

— Кунле может и подождать, да? Ты же не умираешь с голоду?

Он мог бы все это разом прекратить, просто сказав, что ему ничего не надо, но нет, только стоял и улыбался.

— Вураола, разве так уж долго принести что-нибудь с кухни?

— Мама, я принесу, только дай переодеться.

Вураола отвернулась и направилась по коридору к себе. Когда вошла мать, она сбрасывала обувь.

— Когда началось такое непочтение, Вураола? Я тебя о чем-то прошу, а ты мне в ответ — тебе нужно переодеться. Причем перед гостем. Или твоя блузка сделана из скорпионов и муравьев-воинов?

Вураола расстегнула юбку.

— Если тебя это так волнует, может, сама что-

нибудь принесешь?

— Мне принести самой?

Вураола сложила юбку, подчеркнуто не глядя матери в лицо.

— Мне? Вураола? Теперь ты мной помыкаешь?

— Могла бы просто сказать служанке.

— Помыкаешь мной в моем собственном доме, àbí? Выросла такая большая, аж стала старше меня.

— Я не это имела в виду, ма.

— Когда ты вдруг стала Лайи или Мотарой? От них я уже ничему не удивляюсь, но не от тебя, Вураола, нет, не от тебя.

— Можно хотя бы одеться? Или мне спуститься полуголой?

— Не утруждайся. Я сама позабочусь о госте, но просто знай, что это неприлично. Даже если он уже съел гору, ему все равно надо что-то предложить. Особенно в обеденное время. Так положено.

Когда за матерью хлопнула дверь, Вураола опустилась на кресло и сняла блузку. Вот из-за этого — этих постоянных замечаний о поведении — она и предпочитала проводить будни в грязных комнатах, предназначенных для интернов. Она бы не вернулась домой, если бы могла доверить

спланировать день рождения матери Лайи или Мотаре. Но лучшее, на что приходится рассчитывать, — что Лайи пошлет деньги, а Мотара не будет путаться под ногами. Распоряжаться всегда приходилось Вураоле. Это с ней мама строила планы и переживала. А этот день рождения был для нее важен. Хотя Вураола не чувствовала себя виноватой и не понимала, почему должна все бросить и обслуживать Кунле, она все-таки извинится перед мамой после его отъезда: только так можно сохранить мир в доме.

* * *

Один стук — пауза; два стука — пауза; три стука — пауза. Отунба улыбнулся. Это его старшая дочь. Ему нравилось представлять это их кодом, что так Вураола стучится только к нему кабинет. Четыре стука — пауза. Он посмотрел на часы. Почти восемь. Может, готов ужин и она пришла спросить, не подать ли его сюда. Вураола вернулась домой ночевать первый раз за несколько недель; он лучше спустится, чтобы провести время со всей семьей. Пять стуков — пауза.

Отунба закрыл книгу и откинулся на спинку кресла.

— Я не запирался. Входи.

Вураола вошла.

— Наконец решила проверить, живы ли твои старики?

— Ahn-ahn![70] Но я же приезжала несколько недель назад. Добрый вечер, сэр.

— И с тех пор забыла мой номер?

— Просто слишком занята. — Вураола подмигнула. — Хочу стать богатой, как ты.

Отунба рассмеялся и кивнул на одно из кресел перед столом.

— К тебе приехал профессор Кокер.

— О, а я-то думал, это ты пришла провести со мной время.

— Йейе придумала мне кучу дел. Сегодня я ее уже рассердила, так что стану хорошей девочкой и этим вечером буду ее радовать.

— Всегда можешь купить ей золотое ожерелье, это все решает.

— Не могу себе позволить такое дорогое подношение, — сказала Вураола. — Проф в семейной комнате — мне ему сказать, что ты скоро придешь?

— Нет-нет. Пригласи его сюда.

— Хорошо, сэр.

---

[70] Примечания: 70
Восклицание в духе «боже мой».

Когда Вураола закрыла за собой, Отунба поднялся из-за стола и пересел в мягкое кресло рядом с книжными шкафами. На этот раз дверь открылась без стука.

— Мне надо было позвонить заранее, но я оказался неподалеку и решил ненадолго заглянуть, — зычно объявил профессор Кокер, войдя в кабинет.

— Здесь ты не гость. — Отунба жестом пригласил его в кресло рядом с собой. — Что будешь пить?

— Йейе меня уже угостила.

— Как поживает Корделия?

— Она в порядке.

— Не жалуется?

Когда Кокеры только переехали, Корделия чуть ли не каждый месяц ложилась в больницу. Если не падение, то бытовой несчастный случай. А потом — ее постоянные аллергические реакции. Из-за них лицо местами опухало на дни или недели. Какое-то время это беспокоило Отунбу, и он убеждал друга проверить на плесень дом, где они тогда жили. Впрочем, с годами он понял, что таков уж организм Корделии. Она по-прежнему приходила на собрания с опухшим из-за аллергии лицом, но хотя бы в больницу ложилась уже

реже.

Профессор Кокер пожал плечами:

— Она здорова, передает привет.

— А Кунле?

— Разве ты его сегодня не видел? Он подвозил твою дочь.

— Я просил жену меня не беспокоить, — ответил Отунба. — Хотел хорошенько вычитать наше предложение на тот контракт от Министерства труда. Не хочу все доверять ребятам из офиса, нужно перепроверить самому.

— О, так я помешал?

— Ничего, мне все равно нужен был перерыв.

— Ладно, тогда я постараюсь рассказать покороче. — Профессор Кокер прочистил горло. — Я хотел лично сообщить тебе, что решил баллотироваться в губернаторы.

— Неужели наконец собрался?

— Я уже взял заявку на регистрацию.

— Замечательно. — Отунба похлопал друга по спине. — Чудесные новости. Это нужно отметить!

Профессор Кокер покачал головой:

— Отметим, когда я выиграю.

— Кокер, не забывай и наслаждаться жизнью. У меня тут в холодильнике есть шампанское.

Давай отпразднуем.

— Это еще успеется. То, зачем я пришел к тебе, важнее.

— И что же это?

— Твоя поддержка.

— Ну разумеется, она будет. Зачем спрашивать?

— Я имею в виду деньги. Я хочу, чтобы ты вложил в мою кампанию и деньги, и имя. Твое имя имеет вес.

Отунба вздохнул.

— Ты знаешь, что я имею в виду: твой отец все еще легенда в этом городе. И я представляю себе плакаты с надписью: «С любезной поддержкой Отунбы Адемолы Макинвы», или еще лучше — «Отунбы Адемолы Арему Макинвы». — Профессор Кокер наклонился вперед. — Обязательно с твоим средним именем, потому что это имя и твоего отца. Ты же знаешь, люди по-прежнему молятся с его именем на устах, чтобы и у них было столько же денег.

— Теперь мне точно нужно выпить.

Отунба подошел к мини-холодильнику рядом со столом. Не торопясь, выбирал бутылку пива. Его не удивило, что Кокер обратился к нему. Все только и говорили о том, сколько денег водилось

при жизни у отца Отунбы, но немногие задумывались, как сократились богатства после раздела на тридцать с чем-то человек. Конечно, Отунба не жаловался. Он унаследовал достаточно, чтобы можно было не работать десятилетиями, — и он вдобавок усердно работал. Бросив юридическую практику через два года после приема в адвокатуру, он учредил компанию по импорту канцелярских товаров для правительственных учреждений. Когда он начинал, власть еще принадлежала армии, и брат познакомил его со всеми нужными людьми, чтобы его предложения одобрялись. Когда военные ушли из власти, бизнес какое-то время простаивал. Он даже больше года работал в убыток, пока не разобрался в устройстве новой власти в Абудже.

— Считай это инвестицией, — сказал профессор Кокер, когда Отунба вернулся на кресло.

— Разве Фесоджайе сейчас не баллотируется?

— Слушай, меня поддерживает председатель партии. Он сказал мне об этом лично, поэтому я и регистрируюсь. Это мой шанс, и я его не упущу и не сдамся из-за Фесоджайе. Все равно это только слухи, он не объявлял публично, что баллотируется. Я тебе обещаю, это будет хорошая инвестиция.

Отунба хлебнул пива. Инвестиция. Люди Фесоджайе тоже это так называют. Инвестируй в кампанию — получи дивиденды согласно договору. Телефонный звонок, записка с подписью или текстовое сообщение от Фесоджайе нередко упрощали жизнь Отунбы всякий раз, когда он участвовал в тендере на контракт министерств, за которыми следил комитет Фесоджайе. Его ежемесячные вклады в новые кампании Фесоджайе были не взятками. А инвестициями.

— И откуда нам знать — вдруг Фесоджайе решит остаться в палате представителей?

— Дело в том, что я уже инвестировал в Фесоджайе. Ко мне обращались в ходе его последних выборов — и я сделал взнос в кампанию. Еще я с тех пор каждый месяц делаю взносы на следующую кампанию, поэтому практически уверен, что он баллотируется.

— А… А, я понимаю. — Профессор Кокер побарабанил пальцами по колену. — Вот как ты раскрутил свой бизнес?

— Фесоджайе кое в чем помогал, да.

Отунба сделал еще глоток, а профессор Кокер встал и начал мерить шагами комнату.

— Твоя поддержка была бы для нас очень ценной, Демола.

— Здесь два момента. Первый — это и правда бизнес, да. Я должен взвесить, что прибыльнее. Второе — я был в одном помещении с Фесоджайе, может, всего раза два. У меня даже нет его номера, но когда я обращаюсь к его личному помощнику, то получаю, что прошу, за пару дней. Он выполняет условия договора. И ты должен знать, что он славится злопамятностью. — Отунба сделал паузу, чтобы допить пиво.

— Доходили слухи.

— Мне нужно учитывать, что будет со мной и бизнесом, если я сейчас переметнусь. Одно дело — отказаться финансировать Фесоджайе, и совсем другое — публично поддерживать другого кандидата. Этот человек может помешать любым делам моей компании в Абудже. Все жирные министерские контакты пропадут как по щелчку. Как видишь, учитывать нужно многое.

— Отунба, ты упускаешь одно.

— И что же?

— Очень скоро мы можем стать родственниками. Твой вклад в мои амбиции — не только бизнес, еще это инвестиция в будущее Вураолы.

— Думаешь, дети настроены серьезно?

Профессор Кокер кивнул:

— Мой сын — да.

— Хм-м-м. Ладно, я приму к сведению. — Отунба наклонился вперед. — Присядь, поговорим о цифрах. О каком первоначальном взносе ты думал?

* * *

Искупительной жертвой Вураолы стала поездка с матерью к тете Каро. Выехали они поздно, поэтому прибыли уже в темноте и ей пришлось светить фонариком телефона, пока они переходили канаву. На шаткой доске она держала мать за руку.

— Почему она ничего не сделает?

— Ты знаешь, сколько раз я ей это повторяла? Сколько раз предупреждала. Наверняка из-за денег.

— Пусть хотя бы найдет доску получше и прибьет гвоздями. Уверена, на это ей хватит.

— Спасибо. — Во дворе Йейе отпустила руку Вураолы. — Не надо думать, будто ты знаешь, как живут свою жизнь другие люди.

Вураола рассмеялась.

— Уж ты-то всегда знаешь, как мне жить свою.

— Это другое, ты — моя кровинка.

Тетя Каро открыла раньше, чем они постучали. У нее в руках была керосиновая лампа.

— Йейе, добрый вечер. Доктор Вура — я вам все

звонила и звонила, чтобы спросить о фасоне.

— Для этого мы и приехали, Каро. Она сейчас что-нибудь выберет.

— Простите, тетя Каро. Я хотела перезвонить, но все вылетало из головы.

Тетя Каро провела их в гостиную, потом ушла с керосиновой лампой в коридор за журналами.

На центральном столе мерцала свечка, капая воском в банку из-под молока. От колебания пламени по комнате скользили тени. Не в силах развеять тьму, свеча довольствовалась тем, что гоняла ее с места на место.

Скоро тетя Каро вернулась со стопкой журналов и сунула их Вураоле.

— Спасибо, что принимаешь нас в любое время, Каро, — сказала Йейе.

Тетя Каро улыбнулась и поставила лампу на стул рядом с Вураолой.

В основном она хранила старые выпуски «Овейшен» — самые свежие были двухлетней давности. Вураоле мало что нравилось, а когда она наконец показала на платье до пола с длинными рукавами, мать покачала головой:

— Ни за что, ты в нем будто только что из монастыря.

— А по-моему, хорошо.

— Ты — sisí, незачем одеваться как старухе. Ищи получше о, на празднике будет много видных холостяков, Лайи приглашает друзей из Лагоса. Покажи им свои ноги или плечи, а это платье спрячет тебя целиком.

— А как же Кунле? Твой хороший мальчик из хорошей семьи? Опять не угодил? — спросила Вураола.

— Мне-то он угодил, — сказала Йейе, — но он… Вы с ним уже больше года изображаете парня и девушку, может, он все-таки не твой суженый.

— Ты серьезно? Суженый? — Вураола рассмеялась. — Àfi[71] суженый, Йейе о.

— Парень и девушка, хотя вам уже не пятнадцать. Он мне нравится о, но он на тебе еще не женился, даже не обручился, поэтому нужно иметь варианты. Àbí, он говорил с тобой о свадьбе, ni? Тогда скажи скорее о, чтобы я могла строить планы.

Вураола взяла другой журнал и наклонила к лампе. Кунле заговаривал несколько раз о свадьбе, но она пока не собиралась рассказывать об этом матери. Обойдется и без града советов, что обрушится сперва лично, потом — через телефон

---

[71] Примечания: 71
Кроме, только не.

в виде звонков и сообщений, которые будут будить спозаранку. Когда ей исполнилось двадцать три и она еще из-за разных университетских забастовок училась на третьем курсе медвуза, мама перестала советовать ей читать книжки и не гоняться за глупыми мальчишками, зато начала интересоваться всеми подробностями личной жизни. Это была одна из причин, почему она без сомнений разрешила прийти Нонсо.

Теперь Вураоле было двадцать восемь, и, хоть мама еще не заговорила о том, как близко тридцатилетие, тетушки не сдерживались. Двое из них уже дали понять, что Вураола подзадержалась в одинокой жизни: лучший возраст для брака — двадцать пять лет, а потом выходит ее срок годности и она может остаться с вдовцом или того хуже — разведенным; или — кошмар из кошмаров — одной. Она перестала отвечать на их звонки больше года назад, но их это не смущало, и они часто названивали с незнакомых номеров. Это уже беспокоило. Чувство, что она не справляется с тем, что до недавних пор даже не считала чем-то важным. Она-то думала, будто понимает, что от нее требуется. Хорошо учиться и стать доктором. Но чем ближе она подходила к диплому, тем как будто ниже он падал в их

глазах, раз после выпуска ее не ждет жених. На выпускном сестры матери озадачили ее просьбой — чтобы она ждала дома, пока не приедет Кунле, и встретила гостей вместе с ним. Две тети тщательно проинспектировали ее платье и признали негодным; она не сомневалась, им будет что сказать и о платье, которое она выберет на день рождения ее матери.

— Тетя Каро, — сказала Вураола, — я хочу такое. Мне нравится классика.

Тетя Каро посмотрела на страницу, потом на мать Вураолы.

— Не слушаешь ни слова, Вураола, это же слишком старомодно, будешь как бабуля, — сказала Йейе. — Ты посмотри на эту женщину, sef, у нее будто шестнадцать детей и сорок восемь внуков. И вот так ты хочешь выглядеть на моем дне рождения?

— Но мне нравится.

— Ха, Каро, помоги вразумить эту девицу. Она не из Союза Писания[72], так можно одеваться только монашкам, когда они не замужем, да и то

[72] Примечания: 72

Союз Священного Писания (1867) — международная христианская волонтерская организация, распространяющая христианство среди детей в более чем 120 странах.

они kúkú[73] замужем за Иисусом.

— Йейе, по-моему, это очень пойдет доктору Вура о.

— Каро, ìyen nipé[74], Иуда. Давай объединим голоса и вразумим девицу.

Тетя Каро рассмеялась.

— Пусть носит, что ей нравится.

— Спасибо, тетя Каро, — отозвалась Вураола.

— Дело не том, что ей нравится, а в том, что ей нужно, эн, и в том, что нравится тому, что ей нужно.

— И что мне нужно?

— Муж.

— Тетя Каро, скажите, когда будет готово платье? Вы можете передать его через кого-нибудь мне на работу?

— Вураола, ты собираешься слушать в этом важном деле совет женщины, у которой никогда не было мужа?

— Мама!

— Каро знает, что я шучу. Àbí?

— Доктор Вура, встаньте, чтобы я сняла новые мерки, — сказала тетя Каро. — Вы похудели с

---

[73] Примечания: 73
Чаще всего используется как «просто».

[74] Примечания: 74
Ну все.

прошлого раза.

5

Ручка то и дело выскальзывала из руки. Ладони Эниолы намокли от пота. Лицо казалось мокрым, подмышки — липкими. Он закрыл ручку и положил на тетрадь по географии. Невозможно уследить за тем, что писал учитель на доске; он потом перепишет у Хакима. Все равно его конспекты лучше: он подчеркивал заголовки и подзаголовки зеленым фломастером и выписывал определения красной ручкой.

Был понедельник, но на утренней линейке не сказали ни слова о плате за учебу. В прошлые годы имена учеников, задолжавших школе, зачитывали после молитв, и тех, кто, как Эниола, все равно приходили вопреки угрозам мистера Бисаде, наказывали и отправляли домой. Но этим утром линейка прошла без наказаний, а мистер Бисаде пропал раньше ее завершения.

Эниола вытер ладони о предплечья. Он всегда платил последним в классе, так что привык к наказаниям. Невыносима была эта отсрочка. Он планировал, когда его прогонят из школы, пойти в мастерскую тети Каро. Даже жалел, что все еще сидит здесь, а не складывает халаты там, забыв о

смехе одноклассников, чьи родители заплатили вовремя.

Когда мистер Бисаде вошел в класс незадолго до конца первого урока, Эниола чуть ли не обрадовался. То, что случится неизбежно, случится сейчас, и руки наконец перестанут трястись.

При появлении мистера Бисаде класс встал.

— Доброе утро, сэр, рады вас видеть, сэр. Благослови вас Бог, сэр.

— Садитесь, садитесь, — сказал мистер Бисаде. В его руках была треххвостая плетка.

— Мне… — начал учитель географии.

Директор посмотрел на свои часы.

— Пять минут. Нет, не ждите, можете идти.

Учитель географии собрал со своего стола в углу тетради и вышел.

— Я пришел с особой встречи с владелицей и рад сообщить, что школьная администрация решила проявить милосердие к тем, кто еще не оплатил учебу. — Мистер Бисаде прочистил горло. — Вместо того чтобы отправить вас домой сегодня же, мы продлим отсрочку. Если вы оплатите половину суммы, можете учиться до контрольных в середине семестра.

Кто-то захлопал, но остановился. Эниола слышал, как несколько одноклассников вздохнули

с облегчением, но не мог к ним присоединиться. Его родители не заплатили ни одной найры из пяти тысяч. Он грыз ногти, пока одноклассники начали перешептываться. Кто знает, могут ли они заплатить хотя бы две тысячи с половиной? Он вспомнил двести найр от Йейе; сегодня утром он снова их сложил в нагрудный карман. Сколько это процентов от двух тысяч пятисот?

— Тишина! — рявкнул мистер Бисаде. — Так-то лучше. Отныне порядок будет такой. Если вы заплатили половину суммы за учебу, можете не волноваться до середины семестра. Теперь перейдем к постоянным должникам, которые отказываются платить вовсе.

Пол хохотнул.

— К вам мы тоже проявим милосердие. Вас не отправят домой на этой неделе — более того, ваша отсрочка продлится целые две недели, — но каждое утро я буду угощать вас завтраком. А когда вернетесь домой, вы уже не забудете сказать родителям, чтобы они заплатили за школу, чтобы ваши учителя не голодали. Что я сказал? Они должны платить за школу, чтобы?..

— Наши учителя не голодали, — хором ответил класс.

— Громче.

— Наши учителя не голодали.

— Хорошо. Мы разрешим посещать все уроки, но сначала будем угощать завтраком. Каждый день. А если не хотите завтрак, сидите дома. Хотите знать, что это за завтрак?

— Да! — крикнул Пол.

— Я спрашиваю: хотите знать, что это за завтрак?

Весь класс пробубнил «да».

— Вы получите шесть ударов вот этим, — он хлестнул плеткой. — Каждое утро на протяжении отсрочки. Когда две недели отсрочки пройдет, вас отправят домой. Все ясно? Хорошо. Если у вас две головы — эн, приходите в школу после периода отсрочки, не заплатив пятидесяти процентов суммы. И когда я закончу вас пороть, вы уже собственное имя не вспомните. А теперь — к тем, кто насладится сегодняшним завтраком.

Он достал из кармана лист бумаги и развернул.

Эниола сцепил руки, чтобы они не тряслись.

— В этом классе только двое, уже хорошо. Óуá, похлопайте себе. Сандра Оче и Эниола Они, вы тоже хлопаете? Eyin[75] хронические должники.

---

[75] Примечания: 75
Если вы...

Чего вы хлопаете? Выходите и кушайте на здоровье, jàre.

Эниола и Сандра встали перед классом.

— Óyá, Сандра, дамы вперед. Куда?

Девочки могли выбирать, будут их сечь по левой руке или по спине. Мальчикам выбора не давали — их мистер Бисаде всегда сек по спине.

Сандра уже плакала навзрыд и не могла ответить. Только протянула левую руку, и наказание началось. Бедная девочка отдергивала руку после каждого удара и хваталась за запястье, подскакивая на месте, после чего протягивала руку снова. Ее всхлипы заглушал хохот некоторых одноклассников.

Пока Сандра хныкала по пути к своему месту, вперед выступил Эниола, повернулся к мистеру Бисаде спиной и напрягся перед первым ударом. Он был готов. Этим утром он пододел под школьную форму три трико. Первые пять ударов пришлись внизу спины, и трико смягчили удары. Но на последнем мистер Бисаде целился выше, и плетка захлестнула шею. И все же Эниола удержалась от вскрика — только закусил язык до крови. Он растянул губы, как он надеялся, в улыбке и вернулся на место. Над ним никто не смеялся. В этот раз он смог выстоять молча.

Когда мистер Бисаде ушел, вокруг Сандры собрались подруги, чтобы ее пожалеть, но от их внимания она только громче заплакала. Эниоле хотелось прикрикнуть, чтобы она заткнулась. Хотелось, чтобы пришел следующий учитель и девочки, сгрудившиеся у Сандры, перестали бросать на него жалостливые взгляды. В прошлые годы он хотя бы мог сразу после порки уйти домой и зализывать раны в одиночестве. А теперь приходилось сидеть здесь и терпеть жалость. Если такое считается тут за милосердие, оно ему не нужно.

* * *

Домовладелец никогда не красил двухэтажный дом, где семья Эниолы снимала комнату на первом этаже. Как и у большинства зданий в этом конце улицы, стены были цвета цемента и плесени.

Вернувшись из мастерской тети Каро, Эниола увидел у одной из этих стен отца, присевшего над чем-то с керосиновой лампой. Сначала показалось, что он отскребает от стены плесень, но, подойдя, Эниола увидел, что по земле рассыпано гарри.

— Добрый вечер, сэр, — сказал Эниола.

Отец кивнул, не отрывая глаз от земли.

Гарри хватило бы на три раза — и не надо было приседать, чтобы увидеть, что от песка его уже не просеять. Упади оно горкой, они бы собрали сверху и еще могли бы поесть.

— Что случилось? — спросил Эниола.

— Бусола. — Отец встал. — Упала и все рассыпала. Пойдем, здесь уже ничего не поделать.

Внутри Бусола сидела на кровати, а рядом с ней — мама.

— Больно! — плакала Бусола, пока мама промокала ее поцарапанную коленку тряпкой, смоченной в керосине.

— Перестань кричать, — сказала мама. — Я тебя просила быть осторожнее. Видишь, что получилось? Слава богу, не ударилась головой.

— У нас есть еще? — спросил отец.

Мама покачала головой:

— Я потратила на этот гарри все деньги.

— Пойду завтра к своему бывшему директору, — сказал отец. — Может, он одолжит нам… Он обещал в прошлом году, если я попрошу немного.

— Люди все время обещают, но, когда стучишь к ним в дверь, никто не открывает. — Она погладила Бусолу по ноге. — Что мы будем сегодня есть?

Эниола привалился к стене. Сунул руку в левый карман, обхватил пальцами двести найр. Деньги, которых хватило бы и на гарри, и на пальмовое масло в придачу.

— Мой директор не такой, — сказал отец.

Мама протянула руку; он отдал лампу. Она посветила на коленку Бусолы и довольно кивнула.

— Приляг, — предложила она. — Утром все пройдет.

Она вернула лампу мужу.

— И что нам сегодня делать?

— У тебя есть деньги?

— Были бы у меня деньги на этой земле, стали бы мои дети голодать?

Эниола стиснул купюру. Мать открыла рот, чтобы что-то сказать, закрыла. Сложила руки на груди и уставилась в стену. Когда она все-таки заговорила, голос у нее был хриплый.

— Нам снова ложиться спать голодными?

— У меня есть деньги, — сказал Эниола.

Родители обернулись к нему, распахнув глаза от удивления, будто он только что сказал, что беременный близнецами. Даже Бусола привстала в постели.

Он достал двести найр. Родители потянулись к деньгам одновременно, и их руки столкнулись

над его ладонью. Он отдал деньги отцу.

Тот рассматривал купюру так, будто считал ее поддельной.

— Откуда они у тебя? — спросила мать. Она стояла подбоченясь, а в ее глазах уже клокотала лекция о честности.

— Клиентка тети Каро дала.

Мать сжала тонкие губы.

— Можете спросить тетю Каро, — продолжил Эниола. — Я говорю правду.

Мама обняла его. Он поморщился, когда она задела место, где этим утром оставила след плетка мистера Бисаде.

— Спасибо, мой Эниола, — сказала она. — Да будут у тебя дети, которые о тебе позаботятся.

6

Тетушки нагрянули в среду. Они явились с жалобами и термосумками, набитыми жареным мясом, с живыми козами и восклицаниями, с банками бальзама «Абоники», с упреками и мешками риса.

Жалобы и термосумки с мясом — nítorí Ọlọ́run, как можно проводить такой праздник у себя дома? Это же не десятилетие Вураолы и не присвоение имени Мотаре. Это пятидесятилетний юбилей, kẹ̀! Сколько человек доживает до пятидесяти? Их мать — да будет она нежиться в загробной жизни — не увидела восхода солнца после сорокалетия. Разве одно это не повод для ее дочерей праздновать пятидесятилетие как победу? А великая победа требует прекрасного и большого пира. И благодарностей. Да, конечно, благодарностей. Неужели в городе нет мест для мероприятий? Йейе надо было ехать в Лагос, Ибадан, Абуджу. Разве ей не хватает денег? Они бы все вложились в празднование. Если они в складчину оплачивали пятидесятилетие каждой сестры, с чего им вдруг не хотеть, не рваться, не жаждать сделать то же для самой младшей?

Если Йейе не хватает на праздник, почему она не попросила старших сестер? Йейе слишком гордая, чтобы просить? Или сестринские узы, что связывают их вместе, ослабли со временем и расстоянием? Нет? Тогда почему такой важный праздник проходит у Йейе на *лужайке*? Знали бы они перед приездом, еще можно было бы что-нибудь исправить. Ах, это было в приглашении? А зачем им читать приглашение, если они разговаривают с Йейе каждую неделю? Почему Йейе сама не сказала им словами через рот, где будет праздник? Приглашение — kọ́, разум — ni[76]. Так или иначе, никак нельзя допустить, чтобы это повторилось, когда Йейе исполнится шестьдесят. Ни за что, ведь все они будут живы и за этим проследят. С особой Божьей милости. Все будут на месте, могучим именем Иисуса. Никто не сляжет, волей Всемогущего.

Так, кто отнесет термосумки в дом, чтобы Мотара пересчитала мясо?

Термосумок было пять, по одному от каждой сестры. Двести кусков индейки от тети Биолы, которой не надо было ничего привозить. Она же так много сделала для Йейе и сестер после

---

[76] Примечания: 76

«Разум, а не приглашение!» — частицы придают саркастический оттенок выражению.

того, как скончались их родители. Лишь Господь Бог может вознаградить эту женщину о, лишь Господь Бог. Четыреста кусков курицы от тети Абени. Она всегда была такой щедрой. А Вураола знает, что, когда все они были маленькими, тетя Абени делила свою рыбу напополам, чтобы Йейе досталось больше? А если бы Йейе попросила, отдала бы и целиком. Нельзя выбирать из сестер любимых, но у тети Абени всегда была добрая душа. Тетя Сунмбо все-таки смогла привезти сотню кусков баранины, несмотря на все, что терпит из-за своего дурака-мужа. Такая смелая, эн. Двести кусков свинины от тети Мосун. Да, с собственной свинофермы, которую она только что открыла. И может ли Вураола представить, что тетя Джумоке привезла двести кусков говядины? Говядины? Кому нужна говядина? Все знают, что в четверг забьют двух коров; одну они даже купили в складчину. Нельзя говорить о старших плохо, но тете Джумоке надо было соображать.

Живые козы и восклицания — Мотара так выросла. Мотара теперь отбилась от рук, рот у нее стал такой, что того гляди весь дом проглотит. Видите ее короткие шорты и глубокое декольте? А это что, татуировка? Нет? Но зачем ей рисовать на коже фломастером, если она еще живет до-

ма? Почему она такая дерзкая? А что же будет, когда она уедет в университет? Йейе надо что-то сделать с Мотарой, пока она не навлекла позор. Лучше зачислить в частный университет, да причем христианский. Йейе ведь договорилась, чтобы кто-нибудь прокоптил и сварил двух привезенных коз, правда? Нет?

Упреки и мешки с рисом — а Йейе уверена, что подготовилась к празднику? Точно? Одна пара туфель, которую планировала надеть Йейе, высоковата для ее возраста. Она же не забыла, как Джумоке упала на танцполе на своем пятидесятилетнем юбилее? А эти туфли низковаты — она же не забыла, как хорошо Джумоке получилась на фотографиях с юбилея? Хотя те туфли и не походили по цвету к наряду. Да, да, да, да и да. Они бы могли что-нибудь привезти из Лагоса, Ибадана, Абуджи. Йейе пора перестать себя вести так, будто у нее нет сестер. Они же хотят помочь, почему она не дает им помочь? У нее есть место для мешков риса, которые она просила не привозить? Какие из них сестры, если они не могут привезти рис на день рождения? Рис о, самый обычный рис. А Йейе все твердит, что его больше чем достаточно. Да что Йейе в этом понимает? Они-то все отпраздновали пятидесятилетие, им

лучше знать. Много риса на празднике не бывает. Всегда лучше иметь излишек.

— Раздашь рис после праздника, когда все разъедутся, — сказала Вураола, когда мать перевела дыхание.

— Не хочешь с ними поговорить?

— У меня правда нет времени, ма. Я вышла из отделения, чтобы ответить на звонок, и мне уже пора обратно.

— Могу включить громкую связь, все о тебе спрашивают.

— Я разговаривала с тетей Джумоке утром, когда она выезжала из Лагоса.

— А как же тетя Абени?

— Я разговаривала с ее сыном на прошлой неделе.

— Звони ей почаще.

Тетя Абени уже много лет верила, что умирает от того, что не могут диагностировать врачи. Когда Вураола уступала и звонила здоровой (как показывал любой анализ крови или КТ) шестидесятилетней женщине, разговор быстро сворачивал на какого-нибудь нового бесшумного убийцу, который, не сомневалась Абени, вторгся в ее организм.

— Я с ней увижусь, когда приеду домой.

— И когда это? — спросила Йейе.

— Все еще в пятницу.

— А завтра не можешь?

— Никак.

— Никак? Ты уверена? Приезжай завтра после работы, переночуй и выезжай в пятницу утром.

— Я не могу, я завтра дежурю. — Она умудрилась поменяться с коллегой на выходные, но на вечер четверга желающих не нашлось.

— Даже Лайи приедет раньше тебя.

— Я буду дома до половины пятого.

Йейе вздохнула.

— Тетя Джумоке растирает мне колени и лодыжки «Абоники» каждые пять минут. Думает, это поможет с моей хромотой. Они меня убьют со своими wahala[77].

— Что же ты не поселила их в отеле?

— Моих сестер? В отель? Отель, что это такое? Это же мои сестры. Да что с тобой?

— Ладно, прости. Просто помочь хотела.

— Чем помочь? Тем, что согласилась пожить в одной комнате с сестрой? Правильно они говорят: испортила я вас, дети. Мы с сестрами жили в одной комнате, когда наши родители еще были

---

[77] Примечания: 77
Беды.

живы. Все шестеро о, в одной комнате. А теперь ты предлагаешь поселить их в отель, потому что не можешь переночевать с Мотарой? Ладно, мне пора, тетя Мосун варит эгбо[78]; по-моему, уже готово, и не хочу, чтобы они закончили раньше, чем я спущусь. Лучше поторопись домой, она сегодня готовит эве[79], чтобы завтра утром у нас было муке элеве[80]. Ты меня знаешь, у меня не бывает времени, чтобы двенадцать часов подряд варить бобы, приезжай и угощайся, пока она здесь.

* * *

Когда Вураола вернулась домой в пятницу, одни рабочие ставили на лужайке шатры, а другие разгружали с грузовика пластмассовые стулья и столы. Тетушки наблюдали за процессом и время от времени давали указания. Они расселись на пластмассовых стульях вокруг стола, ломившегося от тарелок с мясом. Все потягивали соки, кроме тети Абени, которая пила только воду.

---

[78] Примечания: 78

Эгбо — кукурузная каша.

[79] Примечания: 79

Эве — плоские широкие листья для подачи.

[80] Примечания: 80

Муке елеве (или эве) — вареные бобы на листьях. Все это традиционные и старомодные блюда, вызывающие у нигерийцев ностальгию.

В приветствии Вураола встала перед ними на колени и оперлась подбородком на стол, пока они отвечали на ее любезности. Бизнес у всех идет хорошо, некоторые дети по-прежнему не слушают ни слова — может Вураола их вразумить? Она подает такой хороший пример. Один-два мужа по-прежнему никчемны, но в общем и целом хвала Богу за жизнь. Она встала и обняла каждую, потом взяла со стола куриную ножку.

— Ehen, Вура, пока ты не ушла в дом, какое пиво вы в этом доме пьете? Не то, что будут разливать на празднике завтра. Просто что стоит в холодильнике?

— Тетя Мосун, а может, тебе хватит? — спросила тетя Джумоке раньше, чем ответила Вураола.

Тетя Мосун поерзала.

— Разве так разговаривают со старшими?

— Просто даю совет. — Тетя Джумоке хлопнула по своей ладони тыльной стороной другой.

— Ты себе советы давай, Джумоке. Вот стоит доктор и ничего не говорит, а тебе обязательно надо быть главной советчицей. Я kúkú не знаю, что за университет выдал тебе диплом, чтобы ты теперь раздавала советы. — Тетя Мосун сжала ладонь Вураолы. — Дорогая моя, когда зайдешь, попроси кого-нибудь вынести мне бутылочку

стаута. Любую, главное, чтобы холодную. Понимаешь? Отправь мне бутылку, которая отбывает серьезный тюремный срок в холодильнике.

В гостиную внесли как минимум десяток пластмассовых стульев, чтобы восполнить нехватку, и все уже были заняты. Йейе суетилась из конца в конец, командуя Рэйчел и Мотарой, которые обслуживали гостей. По пути к лестнице Вураола узнала женщин из рыночной ассоциации Йейе, глав Союза матерей епархии и несколько жен членов *IEMPU*. Она поздоровалась со всеми, кто встретился, и поспешила наверх, не сомневаясь, что если задержится в гостиной, то Йейе запряжет за работу и ее.

Вураола удивилась, наткнувшись в семейной комнате на своих подруг Тифе и Грейс. Их тоже приглашали, но она не ждала их до следующего утра.

— Детки, вы не сказали, что приедете сегодня.

Грейс бросилась ей в объятия, а Тифе осталась сидеть и попивать вино из бокала.

— Надеюсь, нам рады, — сказала она.

— Ну конечно, почему вам не будут здесь рады? — Вураола села рядом с Тифе и обняла ее за плечи. — Спасибо большое, детки. Как вы? Как там Ифе? Вы обе смогли вырваться? Сегодня не

дежурите, àbí?

— На какой вопрос ответить первым, мадам? — спросила Грейс.

— Где вас сегодня уложить? Дом набит битком настолько, что мне самой придется спать с Мотарой, — тетушки заняли почти все комнаты. Может, найдем отель?

Грейс усмехнулась:

— Кунле уже обо всем позаботился.

— Мой Кунле?

— Он обо всем договорился, забронировал отель, за все заплатил. Такой душка.

— Ehen? Мы же с ним говорили перед тем, как я выехала из больницы, и он мне ничего не сказал.

— А у меня начинает меняться мнение об этом парне о. — Тифе поболтала вино в бокале.

— И какое оно было раньше? — спросила Вураола.

— Say na[81] кобель, — ответила Тифе.

Грейс фыркнула:

— Тебя послушать — все парни кобели.

— И когда я ошибалась? — спросила Тифе.

— Abeg, abeg, только не начинай, — сказала

---

[81] Примечания: 81
Выражение для усиления значения.

Грейс.

Тифе поставила бокал на стул.

— Правда жестока, детки.

— Вы уже успели что-нибудь поесть?

— Кунле отвел нас в ресторан, когда мы приехали. В то местечко с перечным супом рядом с Акевусолой. И мне не стыдно сказать, что я съела три тарелки, — сказала Тифе.

— Так вы его даже видели? Он мне вообще ни слова не сказал.

— Это бы испортило сюрприз, — объяснила Грейс.

— Значит, вам ничего не нужно? Кунле обо всем позаботился?

Тифе погладила живот.

— Хорошо позаботился, sef. Этот парень — он, пожалуй, из хороших кобелей. Ну знаешь, кобель-лайт. Mo wà[82] впечатлена, sha, совсем чуть-чуть.

* * *

Кунле с родителями присоединились к ним за ужином. На улице шесть пластмассовых столов составили в один длинный, во главе которого сел

---

[82] Примечания: 82
Я.

отец Вураолы. Йейе, родители Кунле и Лайи расположились рядом с ним, а Грейс, Тифе и Кунле — по сторонам от Вураолы в другом конце. Тети заняли места посередине, вместе с беременной женой Лайи, Одунайо, и рассказывали ей о вечно падающей прибыли от плантаций пальмового масла, унаследованных от их деда. Мотара почему-то решила устроиться у шатров, подальше от остальных.

Грейс почти не притронулась к еде. Она хотела сдать экзамены до военной службы[83], но не могла определиться между терапией и педиатрией.

— Ты же не начнешь работать, как только сдашь, — сказала Тифе, роняя изо рта рисинки. — Сперва тебе надо отслужить Нигерии, так что успокойся и хорошенько подумай перед тем, как решать.

— Скорее всего, терапия. Просто решать-то надо скорей, я регистрируюсь на экзамен на следующей неделе.

— Чего такая спешка? — поинтересовалась

---

[83] Примечания: 83

Национальный молодежный корпус (National Youth Service Corps, 1973) — программа, созданная во время военного режима после Гражданской войны. В Нигерии нет общего военного призыва, но выпускники вузов и ПТУ обязаны отслужить год в армии. Они проводят 21 день в учебном лагере, затем направляются на место прохождения службы (это может быть и горячая точка).

Тифе.

Грейс пожала плечами.

— А ты когда будешь сдавать, Вураола?

— Не сейчас.

— Вот видишь? И это правильно, дай себе время подумать, ты же не хочешь застрять в резидентуре, которая тебе не нравится. — Тифе насадила на вилку кусочек мяса.

— Тифе, Грейс все-таки думает об этом с пятого курса. Она нас опережает, и…

— Вураола, не принесешь холодной воды? — попросил Кунле.

Поднимаясь, Вураола подавила желание спросить, почему до этого он просил воду комнатной температуры. На кухне Рэйчел надзирала за двумя наемными поварами, жарившими рыбу. Вураола достала бутылку из холодильника и сама сделала глоток по дороге.

Когда она вышла, все уже поднялись с мест, а Кунле стоял у дверей на одном колене и держал шкатулку с кольцом.

Она не слышала, что он сказал.

Все тетушки аплодировали, а тетя Мосун притоптывала ногами, готовая пуститься в пляс. Грейс уже пританцовывала под неслышный ритм. Даже Тифе улыбалась во весь рот. Ее роди-

тели прислонились друг к другу, а на лице отца появилась редкая улыбка. Профессор Корделия прижала руку к груди, словно чтобы удержать сердце, а ее муж уже поднял бокал для тоста. Вураолу ослепила вспышка, когда Лайи сделал фотографию.

— Скажи «да», скажи «да»! — кричала Одунайо.

Вураола протянула левую руку.

Часть II
На улице черных сестер

Мир был таким, каким и должен быть. Не больше и уж точно не меньше. У нее была любовь хорошего мужчины. Дом. И свои деньги – все еще новенькие, свежие и самого здорового оттенка зеленого, – и от одной мысли об этом она воспаряла и напевала про себя.

***Чика Унигве. На улице черных сестер*[84]**

[84] Примечания: 84

«На улице черных сестер» (On Black Sisters' Street, 2007) — роман нигерийки Чика Унигве, игбо по происхождению. Считается одной из самых важных писательниц Западной Африки.

7

Эниола не мог себя заставить напомнить родителям о плате за учебу. Каждый семестр с начала средней школы им приходилось повторять несколько раз, что его выгонят, если не заплатить через месяц, через две недели, завтра. И каждый семестр его язык становился тяжелее и тяжелее от мысли о разговоре с родителями, и порой он целыми днями думал, когда и как заговорить, прежде чем наконец открыть рот, только чтобы — не раз и не два — закрыть снова на час, на день. А когда заговорить получалось, спотыкаясь о слова в спешке поскорей закончить, его часто печалил ответ родителей. Как отец смотрел в пол или потолок, не сводя глаза с одной точки. Как мать опускала голову, проводя рукой по лицу, словно ловила невидимые слезы. Когда бы он ни просил что-нибудь, для чего нужны деньги, — учебник «Новая общая математика», школьные брюки, которые не кончались бы у лодыжек и не давили ему на яйца, рубашку, не натирающую под мышками, — их было так жалко, что Эниола сокрушался, что он не из тех учеников, которые могут решать задачки, не подглядывая в приме-

ры в учебнике.

А вот Бусолу беспокойство родителей не смущало. Она жаловалась на то, что ее пороли в школе в первую неделю милосердия, которым Великая Судьба одарила своих учеников. Каждый день задирала блузку, чтобы родители видели, как синяки множатся и ползут поперек спины один поверх другого, будто червяки. Спрашивала, почему они не платят, повышала голос, плакала, отказывалась стирать одежду или мыть посуду, пока не получит ответ. И хоть Эниола понимал ее гнев, его поражало, что она не терпит молча, как приучился он. Но все же был благодарен за ее голос: это он сподвигал родителей просить деньги по всем родным и родственникам. Почти всю неделю мать обходила разные свалки, чтобы собирать пластиковые бутылки и пустые консервные банки и продавать торговцу земляными орехами дешевле, чем она ожидала.

В субботу утром Бусола разбудила всех, складывая тарелки и кастрюли, которые отказалась мыть вчера вечером, в стопку и звеня одной громче другой. Эниола сел на матрасе, когда она начала бросать в кастрюлю ложки. Родители зевали и ворочались в постели, цепляясь за сон, пока Бусола не грохнула сковородой. А когда она

запустила ее обратно в буфет с кухонной утварью, Эниола спросил себя, зачем она ее вообще доставала. Она ведь даже не грязная. На ней никто и ничего не жарил много месяцев.

Когда родители наконец сели в постели, Бусола встала на колени для приветствия, но не успели они ответить, как принялась жаловаться из-за платы за учебу.

— Бусола, — мама скинула с постели ноги, — еще солнце не встало, дай хотя бы дню начаться, прежде чем говорить об этом все утро.

Бусола показала в окно.

— Уже рассвет, день начинается. Разве это не меня будут пороть в школе в понедельник? Я не согласна о, я не выдержу еще неделю. Если не будете платить, разрешите остаться в понедельник дома. В следующий понедельник меня kúkú не пустят учиться, если вы еще не заплатите, так что разрешите остаться.

— Не в этом доме. Начнешь платить аренду в другом — оставайся там сколько пожелаешь, но в этом ты не останешься. Мы же стараемся, Бусола, мы стараемся.

— Сколько у вас есть? Можете заплатить половину?

— Зачем ты напрашиваешься на неприятности

этим утром? Я же тебе говорила, мы ищем деньги. Ты сама здесь была, когда я вчера пришла с рынка, ты сама здесь была, когда твой отец ходил…

— Почему не говоришь, сколько у вас есть, эн? Почему? Просто скажи, сколько у вас есть, и…

— Ты можешь учиться еще неделю до того, как надо будет заплатить, почему не можешь потерпеть?

— Но это же не вас бьют, не вас! — Бусола повышала голос. Она чуть ли не кричала на маму. На маму, чей голос дрожал и затихал, голова опускалась к груди. Эниола поймал взгляд сестры, нахмурился и покачал головой. Пора бы ей уже научиться. Чего она добьется криками?

— Ну почему ты такая? Разве твоего брата не бьют, Бусола? Ты видела, чтобы Эниола разговаривал так со мной или с твоим отцом? Почему ты так себя ведешь?

— Потому что из-за вас у меня распухла вся спина. Каждый день — порка. Надо мной смеются все в классе. Это все из-за вас. — Бусола тыкала в родителей указательными пальцами.

— Но ты же не умерла? — Эниола вскочил с матраса, не выдержав дрожи в голосе матери. — Почему ты так кричишь, будто с тобой происходит то, чего не происходит с другими?

Почему ты такая грубая? Ты что, единственная в этом доме, кого бьют в школе?

Бусола закатила глаза.

— Может, тебе нравится страдать, я не знаю. Но я — я говорю за себя. И я не хочу, чтобы на этой неделе меня опять порол дурацкий учитель. Ты страдай сколько влезет. А я не буду страдать молча о.

— А кто тебе сказал, что я страдаю молча? Я же тебе говорил, что…

— Заткнитесь, просто заткните рты оба, пожалуйста. Хотите, чтобы у меня с мужем этим утром опять разболелась голова?

Голос их мамы был не громче шепота, но и этого хватило. Эниола затих, замолчала даже Бусола. Хотя, будучи Бусолой, все равно бурчала под нос.

8

Когда их дочь перестала жаловаться и унесла грязные тарелки на задний двор, Ийя Эниола достала деньги, которые откладывала в старый кошелек с тех пор, как ее дети начали новый семестр. Она каждый день пересчитывала купюры четырежды: перед тем, как ложилась, и после того, как вставала. И в тот чудесный день в январе, когда она смогла добавить к тонкой стопке пять найр, и во многие дни, когда не могла добавить даже пяти, Ийя Эниола пересчитывала деньги. Дважды утром и дважды вечером.

Давным-давно, когда к ней обращались только по имени Абоседе, — до того, как она встретила мужа, который теперь лежал на постели спиной к ней, — ей нравилась математика. Всего остального в школе она не понимала — с первого же дня, когда взяла мел и скопировала свою первую «А» с доски на свою деревянную дощечку. Зато цифры почему-то всегда казались настоящими и полезными; они оставались на месте, а алфавит и слова на доске расплывались. Когда она перестала ходить в школу, столько раз оставшись на второй год, что была и самой высокой девочкой

в классе, и единственной, которая уже носила лифчик, все, по чему она какое-то время еще скучала, — это сложение. Через несколько дней после того, как она подслушала, как один учитель сказал другому, что она безмозглая тупица, Абоседе объявила родителям, что больше не хочет в школу, а перейдет жить к бабушке. Родители не возражали. Бабушка жила с семьей, и Абоседе надо было всего лишь перейти двор.

В их районе только ее бабушка продавала акараже[85]. Все, включая ее шестерых детей, называли ее Ийя Алакара, и, смотря после какой именно большой войны она на самом деле родилась, ей было либо восемьдесят, либо девяносто лет, когда Абоседе бросила учебу. Ийя Алакара всегда сама отмачивала и чистила бобы для акараже, отказываясь от любой помощи детей и внуков. Когда у бабушки поселилась Абоседе, родные девочки — матери, женатые дяди, разведенные тети и двоюродные братья с сестрами, которые жили в пяти домах, составлявших их двор, — благодарили ее за то, что она взяла на себя ежедневные труды старушки. Но Ийя Алакара так и просыпалась раньше всех, чтобы жарить акараже, и грозилась

[85] Примечания: 85

Акараже — блюдо из бобов коровьего гороха, зажаренных на пальмовом масле и скатанных в шарики с разными добавками.

отослать Абоседе обратно к родителям, если та хоть пальцем посмеет прикоснуться к ее утвари или ингредиентам.

Абоседе нашла другой способ помогать. Она стала записывать продажи в старой тетради и подсчитывать, сколько заработано на конец месяца. Когда она объявила сумму бабушке, та хохотала так, что поперхнулась, и Абоседе пришлось бежать за водой. «Спасибо о, но ты вычла из этого, сколько я потратила на акараже? Деньги на дрова? Пальмовое масло? Бобы? А как же лук и соль? Перец? Это все хорошо, но в следующем месяце спроси, сколько я на все это трачу, эн. Я этим занималась еще до того, как зачали твоего отца, Абоседе, я-то умею подсчитывать прибыль. Может, я и не училась в школе, но у меня есть своя мудрость. Я просто не умею записывать цифры, поэтому хорошо, что ты начала. Я тебя благодарю, благодарю за то, что стараешься помочь. — Тут Ийя Алакара помолчала и прикрыла рот рукой. — Я так тебе скажу, Абоседе, — не хотела, потому что я тебе не мать. Но правда в том, что все-таки я тебе и мать, поэтому раскрой уши и слушай. В мире, где мы живем, надо иметь мудрость, что дают в школе, и мудрость, что дает тебе Бог. Когда вращается мир, надо понимать куда и следовать

за ним. И судя по тому, что я вижу сегодня, мир поворачивается к мудрости в школах. Я следила, как дети твоего отца один за другим уходят из школы. Сначала я думала, хоть ты останешься, но теперь и ты присоединилась к ним. Боюсь я за твое будущее, Абоседе. Почему ты перестала учиться в школе? Kóìtiírí?[86] Почему?»

Абоседе не смогла себя заставить рассказать, как буквы пляшут на странице, когда она пытается читать. Один раз уже попыталась, а учитель решил, что она безмозглая тупица.

— Просто устала учиться каждый день. Но ты не волнуйся, я выйду за кого-нибудь с дипломом. Не меньше чем диплом преподавателя второй степени. Честное слово.

— Абоседе. Абоседе. Хм-м-м-м. Абоседе! Сколько раз я тебя назвала?

— Три раза, ма.

— Сколько у тебя ушей?

— Два, ма.

— Что ты делаешь ушами?

— Слушаю, ма.

— Так слушай меня внимательно: что не твое, то не твое о, даже если выйдешь за того, у кого это

---

[86] Примечания: 86
Почему?

есть. Что не твое, то не твое о. Не ленись, Абоседе, предупреждаю тебя, не ленись.

Опасения Ийи Алакары насчет того, что выйдет из ее внучки, не менялись, и она снова и снова возвращалась к разговору о школе. До самого последнего дня на земле, десять лет спустя, Ийя Алакара верила, что Абоседе надо вернуться и доучиться — даже если теперь, в двадцать пять, она будет постарше некоторых учителей.

Родители Абоседе за ее будущее не переживали. Они решили, что Ийя Алакара научит ее готовить такой хрустящий снаружи и мягкий внутри акараже, что за ним придут покупатели с другого конца города. Акараже такой перечный и вкусный, что одна из жен овы присылала за ним человека и покупала дюжину каждый день. И хоть было неясно, себе ли царица покупает акараже или потчует ову, все в семье хвастались, что акараже с их двора каждую неделю угощаются во дворце. Родители думали, что, когда старушка умрет — а никто не верил, что она протянет еще десяток лет и переживет двух своих детей, — внучка унаследует ее большую сковороду и станет новой легендарной Ийей Алакарой.

Когда Ийя Алакара скончалась за два дня до свадьбы Абоседе, большую сковороду добавили в

кучу вещей, что она забирала с собой в квартиру, которую снимал ее муж. Она сохранила ее, но так и не смогла ни разу приготовить такой же идеальный акараже, как ее бабушка при жизни. Весь первый месяц брака пробовала каждый день, но ничего не получалось. То слишком долго вымачивала бобы, и потом было трудно счищать шкурку; то перегревала масло, и акараже получалось замечательным внутри, но почерневшим снаружи; то паста расплескивалась на капли, а не шлепалась аккуратным шариком. Абоседе плакала, пробуя результаты своих трудов, и мечтала о руке Ийи Алакары на плече, о ее хриплом всезнающем голосе. Этот голос подсказал бы, что делать с плохими продажами акараже, со склоками с мужем, с ее жизнью.

Прошел год, прежде чем Абоседе смирилась, что ей никогда не стать Ийей Алакарой. Она задвинула сковороду подальше, но, когда у нее родился сын и она стала Ийя Эниола, обязательно каждую субботу кормила семью акараже на завтрак. Часто, пока они ели, она все рассказывала о бабушке, пока уже сын и муж не начинали кивать так, как кивали, когда не слушали. И теперь, хоть она насчитала только две тысячи триста семьдесят найр — меньше даже половины платы

за одного ребенка, — она взяла пятьдесят найр и попросила Эниолу накупить акараже на все. Да, в буфете с кастрюлями и утварью еще оставалось гарри. Да, иногда дети не были голодные по утрам — или притворялись, что они не голодные. Да, муж будто теперь и вовсе жил на воде и воздухе. Но она пятнадцать лет кормила семью акараже на завтрак каждую субботу, и нет, это не изменится и сейчас. Что бы с ней ни случилось, она все еще внучка Ийи Алакары, и каждую субботу на завтрак она ела акараже. И все тут. И это не потеря пятидесяти найр из денег на учебу помешает детям пойти в школу.

Рождение Эниолы укрепило брак. Из-за того, что в детстве он просыпался с воплями, даже если в соседней комнате уронят булавку, ей с мужем приходилось спорить молча. И через несколько месяцев без криков она начала вспоминать, почему выбрала именно его, а не тех ухажеров, о ком задумывалась после свадьбы. Когда Эниола научился ползать, она стала продавать леденцы, и ее смесь газировок «Тэсти Тайм», сахара и воды полюбили столько детишек в округе, что скоро она купила маленький холодильник, только чтобы морозить леденцы. Перед ней расстилалась жизнь, светлая и открытая, как улыбка ее сына.

Для сына она придумала меню, о котором, надеялась она, он еще будет вспоминать с тоской, когда покинет семью. На воскресный ужин — жареный рис, а каждую первую субботу, чтобы отметить начало нового месяца, она готовила толченый ямс с двумя разными супами. Эгуси[87] — для всех, а окро[88] — для мужа, который не ел ямс ни с чем другим. Теперь Ийя Эниола могла готовить только то, что было. Но по утрам суббот она притворялась, что все еще живет в той версии своей жизни, где меню возможны.

Всю эту неделю, когда дети приходили из школы с красными спинами, с искаженными болью и гневом лицами, с телами, говорящими о том, как она их подвела, мать еще до того, как Бусола открывала рот, возвращалась мыслями к мнению Ийи Алакары о школе. Вернулась и сейчас, когда сунула деньги обратно в кошелек, удержавшись от того, чтобы пересчитать в третий раз, и напоминая себе, что деньги не умножатся, сколько ни пересчитывай.

---

[87] Примечания: 87

Эгуси — густой (практически без бульона) суп с любым мясом, раками или креветками, приправами и семечками эгуси (растение сродни тыкве).

[88] Примечания: 88

Окро — похожий по составу густой суп из окры (бамия), раков или креветок, мяса и семечек эгуси.

Она сжала плечо мужа.

— Баба Эниола, вставай. Печаль за школу не заплатит, а только лишит тебя сил. Я знаю, что ты не спишь, Баба Эниола. Баба Эниола?

Ийя Эниола встала и начала уборку. Веря, что нечестно портить шансы детей в жизни, выйдя за того, кто, как она, с трудом читает и не умеет писать, она твердо решила найти мужчину с дипломом. Когда она встретила будущего мужа на Пасхальной кантате, тот уже учился в баптистском колледже в Иво. Диплома преподавателя второй степени, к которому он стремился, хватило, чтобы дать ему номер почтового ящика ее семьи. Скоро после первой встречи он вернулся в Иво и писал ей оттуда письма.

Моя любимая Абоседе,

надеюсь, письмо найдет тебя в здравии, и если так — восхваление Богу.

Он заполнял страницы провозглашениями любви и новостями о своей жизни — он ложится спать с ее фотографией под подушкой, он читает новый роман Ачебе «Муравейники саванны»[89],

[89] Примечания: 89

«Муравейники саванны» (Anthills of the Savannah, 1987) — политический роман нигерийского писателя Чинуа Ачебе, считавшийся «самым важным африканским романом в 1980-х» по версии «Гардиан» и получивший Букеровскую премию.

он видит сны о ней каждую ночь и скоро приедет увидеть наяву. С помощью соседки, писавшей под диктовку за деньги, она ответила ему всего один раз, чтобы показать, что тоже его любит. Надеялась, увидев, что и она призналась в любви, он начнет писать реже, но он начал писать каждую неделю. Она не рассказывала, что ей требовались часы, наморщенный лоб и головная боль, чтобы дойти от «Моя любимая Абоседе» до его обычного прощания:

Возвращая перо в золотую корзину любви, я вспоминаю твою красивую шейку.

Твой вечный почитатель,

Бусуйи

Соседка предлагала читать письма вслух. За деньги, разумеется. Но она предпочитала пробиваться через них сама, опасаясь, что соседка разнесет соседям такие фразы из писем Бусуйи, как:

Мой эталон красоты, когда мы воссоединимся, я вновь прижму тебя к себе, чтобы твое тело было ближе ко всему, где я жажду твоего касания.

Приезжая, он дарил ей книги, и она принимала их с улыбкой. Читала вслух названия, сначала притворяясь, что любуется обложкой: «Один

мужчина, одна жена» Т.М. Алуко, «Àjà ló lẹrù» láti ọwọ́[90] Оладейо Окедиджи, «Сайлес Марнер» Джорджа Элиота. Она любила его за книги, которые не могла читать. За письма, от которых болела голова. Потому что в честь помолвки он возил ее в Ибадан купить книги в «Книжном магазине Одусоте» и потому что, когда через месяц после свадьбы она призналась, как ей тяжело читать, он не посмотрел на нее как на дуру, а начал читать стихи вслух перед сном. Даже когда они кричали друг на друга и она отворачивалась от него в постели, все равно читал.

Несмотря на все глупости, которые теперь о нем говорили ее братья, она знала, что ее муж — не лодырь. Она годами задавалась вопросом, прав ли был ее учитель: значат ли ее мучения в школе, что она тупица? А потом именно непреклонная вера мужа в ее идеи — где им лучше жить, как распорядиться деньгами, когда завести детей, — убедила ее в обратном. Если сейчас отчаяние и не дает его телу слушаться сердца, она не согласится с братьями, будто он обленился после увольнения. И она знала, знала и верила: в глубине души этот человек — человек, который плакал у нее

---

[90] Примечания: 90
«Страшная собака» авторства...

на плече в ночь, когда они решили продать все его книги, — не хотел, чтобы дети перестали ходить в школу. Если бы он мог, он бы встал и помог ей заработать на оплату учебы. Иногда братья говорили, что прошлое — сон, который лучше забыть, а важно только настоящее. Ну и что, если сейчас деньги на давно просроченную квартплату искала она? А разве в первые десять лет совместной жизни этим занимался не он? Пока она покупала еду на прибыль от леденцов, он оплачивал и школу, и квартиру, и заправлял машину, и ежемесячно слал деньги ее родителям до самой их смерти. Если ее братья решили все это забыть, это их дело.

Сложив одежду, которую дети разбросали по всей комнате, Ийя Эниола подошла к мужу. Пружины скрипнули, когда она села на кровать и положила ему руку на плечо. Когда он попытался ее стряхнуть, она только сжала сильнее.

— Вчера я не хотела говорить из-за детей, — начала она. — Хватит и того, что они переживают из-за учебы… не хотела, чтобы они услышали и вдобавок переживали из-за этого. Понимаешь? Баба Домовладелец говорит, что хочет видеть тебя этим утром. Может, поднимешься к нему и поговоришь, когда мы позавтракаем? Скоро

Эниола вернется с акараже, и у нас еще осталось гарри.

Его кожа казалась тонкой, а под ней — будто ничего, кроме костей. Он таращился в некрашеную стену у кровати. Помнил ли он еще, как целыми днями выбирал между тремя оттенками желтого, когда они решили перекрасить старую спальню после рождения Эниолы? Думал ли об этом в недавние дни, часами пялясь в пустоту? Хотелось наклониться и обвести его подбородок языком, вырвать его из утреннего созерцания стены, но она удержалась. Вдруг войдет кто-нибудь из детей.

— Я спросила домовладельца, не может ли он поговорить со мной вместо тебя, но он ответил, что жилье снял ты, а не я. Ты знаешь, я бы пошла, если бы он разрешил. Ты сходишь после завтрака?

Она провела мизинцем по его шелушащимся губам, надеясь, что он их раскроет и впустит ее пальцы. Но нет.

— О чем ему с тобой говорить, кроме квартплаты? Наверняка об этом. Просто попроси его хорошенько, упади в ноги и все такое. Попроси дать еще время. Может, расскажешь о плате за учебу детей. Да, скажи, что сейчас у нас все мысли

об этом. Гора перед носом не дает увидеть гору вдали, что-нибудь такое. Помнишь, как он любит поговорки? Когда мы оплатим школу, подумаем о квартплате, но сейчас школа превыше всего. Нет, нет. Не говори, что школа превыше всего. Просто скажи, что мы скоро заплатим. Баба Эниола? Пожалуйста, поговори со мной, нам нужно подумать об этом вместе. Я все перепробовала и не хочу идти к брату и снова клянчить на школу.

Переживая, что ее дети не смогут читать, как и она, Ийя Эниола в каждую беременность молилась, чтобы они переняли умение отца проходить от начала страницы до конца с легкостью, все еще казавшейся ей волшебной. Еще она тревожилась о том, как дети будут учиться писать. Что с ними станет, если им будет так же трудно, как и ей? Есть ли такой мир, где на экзамене можно отвечать голосом, а не текстом? Мир, где их не окрестят дураками и не будут дразнить, если им просто нужно больше времени, чем одноклассникам, чтобы прочитать что-нибудь с доски, из учебника, из собственных тетрадей? Порой она задумывалась, стоило ли ей вообще заводить детей.

В первые годы учебы Эниолы она заставляла мужа читать ему домашнюю работу вслух каж-

дый день, думая, что сын, услышаны ее молитвы или нет, все равно лучше поймет то, что ему читают. Когда она сама училась в школе, то, что учителя говорили, понималось и запоминалось без труда. Даже видя в его табели средние оценки за экзамены и контрольные, она не верила, что сын умеет читать, пока в одну субботу он вслух не прочитал «Азбуку королевы» от корки до корки. Только когда муж одобрительно кивнул после того, как Эниола закрыл книгу, она поверила, что он спасен.

Насчет Бусолы она волновалась меньше. Она-то знала азбуку наизусть еще до яслей и потом с первого же семестра оставалась в тройке лучших учеников. Во втором классе получила награды за обществознание, математику и английский. Ийя Эниола улыбалась посреди домашних дел при мысли о даре ее детей, учившихся без проблем и не страдавших от унижений, которые переживала она из-за учителей и сверстников. Теперь от той радости давно не осталось и следа. Уже за десять лет до того, как их зачать, она приняла решение защитить детей от боли. И все-таки они страдали. Ее секли за низкие отметки. Их секли за то, что она не платит за их учебу. Ее братья настаивали, что во всем виноват ее муж и что

она должна повторять ему об этом почаще.

Она поставила ноги на пол и заговорила, сидя спиной к мужу:

— Баба Эниола, сегодня я хочу пойти к старшему брату. Думаю, надо снова попросить у него взаймы.

Два года назад то же предложение закончилось спором, который длился целую неделю. Теперь она ждала, чтобы заскрипели пружины, когда он сядет, чтобы повысился или задрожал его голос. Ждала, что он разозлится, возмутится. Чего угодно.

Она встала и взяла метлу. Когда подметет, поговорит с ним еще, вытащит из кровати силой, если придется. Может, и правда пора применить методы, которые советовали братья? Она как раз поставила матрасы детей стоймя, чтобы протереть под ними, когда вошел Эниола и в комнате запахло акараже.

Муж сел в постели, когда Эниола взял у нее метлу.

— Тебе дать акараже? — спросила она мужа.

Он покачал головой.

Уж хотя бы ответил. Выбрался из кровати и, может, скоро встанет. Он страдал от того, чего она до конца не понимала; надо проявить терпение.

* * *

Через несколько часов Ийя Эниола стояла во дворе, где выросла, и смотрела, как две девочки чертят линии в песке. Их, одетых в платья по колено, сшитых из одинаковой ткани с цветочным узором, легко было бы принять за близняшек, если бы одна не была намного выше другой. Ийя Эниола не знала обеих. Наверное, дети нового жильца, который въехал с тех времен, когда она приходила сюда в последний раз. Девочки ее не замечали, рисуя короткими палками по песку и задерживаясь, только чтобы убрать камешки, из-за которых линии получались кривыми. Сначала они нарисовали прямоугольник; потом провели линию посередине, разделив его надвое. Когда они приступили к дуге на одной стороне прямоугольника, Ийя Эниола решила, что они готовятся к игре в суве, и направилась к дому брата.

До того как попросить его отрезать ей ноги, если она еще хоть раз ступит в родной двор, Ийя Эниола часто навещала Алагбу, старшего брата. Только они одни никуда не переехали, не погнались за мечтами в Лагос, Локоджу или Порт-Харкорт, как остальные родичи. Ей грели душу эти визиты, когда она оставалась до заката, а Алагба предла-

гал проводить ее домой к мужу, пока совсем не стемнело. Когда дети были младше, она ходила с ними — он умел их успокаивать и задобрить сладостями. На Рождество, когда у мужа еще была работа, Ийя Эниола заносила брату растительное масло и рис, а то и банки томатной пасты, если ее леденцы хорошо продавались. Когда мужа сократили, Алагба не отпускал ее домой с пустыми руками. Дарил копченых тростниковых крыс со своей охоты, на прощание совал в ладонь купюры. Из всех трех братьев лишь он дал бы взаймы всегда, только попроси. Наверное, потому, что ему не приходилось думать о собственных жене и детях. Хоть Алагба и был на пятнадцать лет старше ее, он так и не обзавелся ни женой, ни детьми — или, по крайней мере, за отца его никто не признавал.

Еще Алагба был единственным, кто до сих пор называл их родной двор домом. Он жил в здании, которое построил давно покойный двоюродный дед, и отказывался сдавать лишние комнаты, хоть две из пяти и простаивали. Одна стала его гостиной, а в другой он спал. Потом, когда он наконец купил керосиновую плиту, она помогла разместить ее в бывшей спальне, чтобы ему приходилось делить с другими жильцами только

надворный туалет. Один дом во дворе сдавали, но остальные в разной степени обветшали. Дом Ийи Алакары сгорел дотла несколько лет назад из-за короткого замыкания, а у дома отца через несколько месяцев после кончины матери сорвало бурей крышу. Теперь стены провалились и в коридорах ее детства пышно выросла трава.

В ее последний приход все братья съехались на Пасху, и за тарелками толченого ямса и супа эгуси еще шли разговоры о том, чтобы дети в складчину провели ремонт. Алагба настаивал, что это их долг — проследить, чтобы отчий дом не развалился. Кто-то — она уже не помнила кто — пожалел, что они так далеко от крупных дорог и их землю не купит какой-нибудь новый банк. Алагбу эта мысль возмутила, и братья битый час спорили, правда ли банки платят семьям миллионы найр, чтобы строить отделения на их участках — на земле, где погребены их родители и предки. Пока Алагба молчал в отвращении к самой этой мысли, другие братья рассуждали, как поделить деньги, если банки заинтересуются. На четыре части согласно числу жен их отца или на двадцать шесть частей, чтобы досталось поровну всем детям? А еще лучше — на пять, ведь это они все придумали, а остальные родственники

даже не ступали во двор с самой смерти отца. Ийя Эниола жевала сухую рыбу из эгуси и ждала, когда они перестанут кричать, чтобы взять слово самой. Хотя жены братьев бросали на нее взгляды, умоляющие вмешаться, она знала, что надо подождать. Она привыкла к повышенным голосам и вздыбленным венам на висках, когда братья вели ни к чему не приводящие споры.

Когда все доели и обмакнули облизанные пальцы в мелкие мисочки с мыльной водой, братья зевнули, вытянули ноги и спросили, нет ли у жен зубочисток. Дети унесли грязные тарелки на улицу, жены ушли на самодельную кухню готовить ужин, а мужчины, не получив ответ о зубочистках и решив, что не их это забота — искать самостоятельно, ковырялись в зубах нестриженными ногтями. Наконец-таки оставшись наедине с братьями, Ийя Эниола предложила свою идею.

В тот день она пришла, даже не обсудив ее с мужем. Быть может, тогда бы его ответ подготовил к тому, как это восприняли братья. Может, Ийя Эниола подготовилась бы к тому, как вылупились их глаза, отпали челюсти, да так и остались, будто сейчас они пустят слюни. Будто она предложила выкопать Ийю Алакару и сжечь ее череп на рынке. Будто первый клочок земли, где ступили

в этой жизни ее ноги, — не земля этого самого двора, будто она не имеет права на наследство.

А все казалось таким простым. Из-за сокращений учителей ей пришлось делить комнату — одну комнату — с мужем и детьми в доме не лучше тех, что в ее семейном дворе. Через пару лет домовладелец потребовал заранее оплатить два года вперед, чего они не могли себе позволить. Ей казалось логичным, что можно переехать обратно в семейный двор и жить в том доме, который сейчас сдавали чужакам. Но в тот Пасхальный понедельник братья заявили, что переезжать обратно с мужем и детьми — неприлично. Когда Алагба сказал, что ей можно вернуться только разведенной женщиной, она сперва решила, что он шутит; но потом он назвал ее мужа никчемным и ленивым дураком.

Надо было сразу забрать сумочку и уйти. А она обрушила на старшего брата слова, которые не будут давать ей уснуть еще годы спустя. Ушла она, только когда зареклась возвращаться в семейный двор, и велела братьям отрубить ей ноги, если передумает. И вот она снова перед домом Алагбы.

Она дважды постучала и, когда никто не ответил, приложила ухо к двери и подумала, не

передать ли весточку через жильцов. Но казалось неправильным после трех лет молчания возвращаться в жизнь Алагбы через слова кого-то постороннего. Она постучалась опять и в этот раз услышала, как шаркают ноги. Отошла от двери, глянула на платье и поправила на себе шарф ему в тон.

Открылась дверь; и вот на пороге щурился он, худой и сутулый — не такой, как она помнила. Стоял и не отходил, чтобы впустить ее.

— Добрый вечер, сэр. — Она встала на колени.

— Вспомнила свою семью. — Он распахнул дверь до конца и наклонился поднять сестру.

Они вошли в гостиную. Ее обрадовало, что наволочки уже изменились. Должно быть, к нему годы были добрее. Достаточно добры, чтобы он смог заменить те бурые хлопковые наволочки, которыми пользовался десятки лет, бурыми замшевыми. Недостаточно добры, чтобы поменять и диван, но все же. Он не выглядел беднее, чем в их последнюю встречу; сможет одолжить ей пару тысяч, если правильно попросить.

Они сели в противоположных концах комнаты, упираясь ногами в большой стол посередине, занимавший почти все место. Она чуть отодвинулась на стуле.

— Если далеко отодвинешься, дверь не откроется.

Она кивнула и не стала спрашивать, зачем он вообще оставил стол. Одна ножка шаталась, столешница облезала со всех сторон.

— Как поживает Эниола? — спросил Алагба.

— Хорошо, сэр. Передает привет.

— Хм-м-м. Узна́ю я его, если увижу? Наверное, совсем вырос.

— Выше отца.

— Хм-м-м. А Бусола?

— Она уже в средней школе.

— Все еще хорошо учится?

— Очень хорошо, сэр.

— Это замечательно. Слава Богу за то, что воссоединил нас.

Миг она молча жевала изнутри щеки, ожидая, что он спросит и о муже. Не спросил.

— А как поживаешь ты?

— Ну, как видишь, я все там же, где ты меня оставила, но слава Богу. — Он помолчал и обжег ее взглядом. — Человеческой слабости и человеческому греху не помешать Божьему делу.

Ийя Эниола отодвинулась на стуле и встала на колени.

— Прости, Алагба. E ni mo mí bínú lúgbẹ̀ẹ̀[91]. Мне так жаль. — Она поставила локти на стол и наклонилась к брату.

— Встань, Абоседе.

Она не встала, а он все сверлил ее взглядом, моргнув, только когда его глаза увлажнились. Ей было больно, что она снова довела его до слез, хотя и не так больно, как от того, что он снова назвал ее Абоседе. Она уронила взгляд с его мокрых щек на растресканный стол. Хоть он старше и его ничего не обязывало, Алагба стал называть ее Ийя Эниола после рождения сына. В последнюю встречу он вернулся к «Абоседе», и она знала, что теперь он выбрал это имя неспроста. Забирает то, чем ее наделил, напоминает, что между ними все изменилось.

— Я прошу, умоляю, прости меня. Я наговорила ужасные вещи, кощунство. Сама не знаю, что в меня вселилось.

— Как там говорится? — сказал Алагба. — Кощунство и правда зачаты одной матерью. Значит, извиняешься? Но ты же говорила правду.

Но она наговорила и много неправды, повторяла оскорбления, которых за годы нахваталась у

---

[91] Примечания: 91
Букв. «Я быстро разозлилась».

соседей, двоюродных братьев и сестер, повторяла то, во что даже не верила. Она сама перестала кое с кем разговаривать, потому что они произносили те самые слова, которые она сгоряча швыряла в брата в тот Пасхальный понедельник. Когда Алагба назвал ее мужа никчемным и ленивым дураком, она в ответ назвала его идиотом и неудачником, бездельником, который так и не съехал из родного дома, перворожденным, недостойным своего звания, тем, кто берет у младших братьев, а не дает им, разочарованием для родителей и для всех женщин, которые отказались за него выходить. Ужасным водителем. Даже передразнивала его хромоту.

— Прошу, прости меня, я говорила не всерьез. Это все гнев.

— Гнев — это хорошо, он открывает правду. Когда люди говорят во гневе, я их слушаю, ведь тогда-то и выходят на свет настоящие мысли, которые они скрывали.

— Это неправда. Я ни во что это не верю.

— Что неправда? Абоседе? Что неправда? Была у меня жена? Были у меня дети?

Ийя Эниола легла лбом на стол, не думая о впившемся в кожу крае отошедшей столешницы. Она это заслужила. Братья старались ее успокоить.

Тянули за платье, щипали за руку, усаживали на место, только чтобы она снова вскочила и продолжала кричать. Надвигалась на Алагбу, пока не нависла прямо над ним и не спросила, где его жена и дети, раз ему не терпится раздавать советы чужим семьям. И тогда вся комната затихла, братья перестали ее умолять и просто молча уставились на нее. Другой ее старший брат, Баба Супо, пересел к Алагбе и обнимал его за плечи, пока тот плакал. И после ее тирады, когда она вдруг так обессилела, что боялась упасть в этой тишине, прерываемой только шуршанием занавески от сквозняка, Алагба произнес: «Абоседе».

Не успел он ничего добавить, как она бросилась из комнаты, расталкивая невесток, сгрудившихся в коридоре подслушать, и зареклась когда-либо возвращаться в проклятый родной дом.

— Алагба, — сказала она теперь, не в силах оторвать голову от стола. — Пожалуйста, прости меня.

Когда-то он был женат. Работал таксистом, копил деньги, чтобы переехать с беременной женой из дома после рождения ребенка. Но однажды, пока он вез жену домой со свадьбы друга, в его такси врезался грузовик. Когда он очнулся в больнице, жена уже была в морге. После этого он уже

не стремился переезжать. Родители без конца говорили с ним об этом до самой своей смерти, твердили, что женщины ему отказывают, потому что он до сих пор живет с ними.

— Прости за все, что я наговорила, за то, что кричала. Все эти дни мне не давал вернуться стыд. Я даже не знала, как начать извиняться. Как изгладить все, что я сказала? Я даже не знала, откроешь ли ты мне сегодня. Из всех братьев со мной разговаривает только Баба Супо. А раз на меня так злятся те, кого я не оскорбляла, я не знала, чего ожидать от тебя. Я так боялась прийти. Пожалуйста, Алагба.

— Хм-м-м. Поэтому ты ждала больше трех лет?

— Мне было слишком стыдно. — Она подняла голову от стола и посмотрела на него. Его глаза покраснели, словно натертые, но щеки просохли. — Алагба, прошу, поверь.

— Ладно, я все услышал. Сядь.

— Алагба, пожалуйста, я тебя умоляю.

— Ийя Эниола, я же сказал, что все услышал. С чего мне бояться говорить тебе правду? Если бы я еще злился, я бы так тебе и сказал.

— Спасибо, спасибо большое, сэр. — Поднимаясь, она уперлась руками в стол и поморщилась от грубой поверхности, царапающей ладони.

Вернуться ей не давал стыд, но вдобавок слишком придавила жизнь. В начале каждого года она давала себе слово помириться с Алагбой, но уже до конца января покупки, счета и прочие мелкие катастрофы жизни без уверенности, смогут ли они сегодня поужинать, умеряли пыл. Она правда надеялась, что, появившись впервые после стольких лет, не будет клянчить. Тогда бы он не подумал, что она извиняется только из-за корысти, тогда бы понял, что ошибался насчет ее мужа. Ей было стыдно — но еще она ждала, когда в жизни что-нибудь изменится, чтобы вернуться не пешком, а на машине и из дома, где есть краны и раковины.

— Не хочешь пить? — спросил Алагба, наклонившись вперед так, будто собирался встать.

— Давай я сама.

Чашки стояли там же, где и всегда, — на стуле рядом с большим глиняным горшком, который Ийя Алакара подарила жене Алагбы, когда та еще была жива. Ийя Эниола всегда подозревала, что он не покупал холодильник, чтобы повседневная жизнь в чем-нибудь зависела от того, что напоминало об утрате. А вовсе не потому, что не мог позволить себе даже подержанный, как он обычно заявлял, когда она жаловалась

на этот горшок. Она сняла крышку и взяла со стула пластмассовый кувшин. Воды было мало, пришлось опустить руку по локоть.

— Надеюсь, ты не сам себе носишь из колодца? — спросила Ийя Эниола, наливая воду. — Тебе помогают соседские дети?

— Бог меня не оставил. Шлет помощников.

Она поставила чашку перед ним.

— Я тоже тебя не оставила, Алагба. Прости.

— А я что-то говорил о тебе?

Она налила и себе и вернулась на место, решая, когда лучше заговорить о деньгах. Неправильно просить в тот же день, когда пришла извиняться, но выбора не было.

— Как с тобой обошлись годы? — спросила она.

— Бог не воздал злом за мое добро, и я ему благодарен. — Он заглянул в чашку перед тем, как сделать глоток. — А ты? Как поживаешь теперь ты?

— У детей все хорошо. Мы все здоровы.

— Что ж, слава Богу за его милости.

— Муж все еще ищет работу. Занимается время от времени поденщиной, пытался класть кирпичи, но ты знаешь, как строят дома.

Брат смотрел на нее так, будто в жизни не слышал ни о домах, ни о кирпичах.

— В строительстве он работает не каждый день. Когда дом достроят, работа кончается, пока не начнется другая. И платят мало. Поэтому мы все еще надеемся, что он устроится в контору.

— Хм-м-м. В контору.

— Да, сэр, такой он человек, только для этого и подходит. Но это не лень о, совсем не лень. Пока он делает что может. Даже хотел устроиться грузчиком на рынок, но я его отговорила.

— Почему?

— Там носят такие тяжести, а он сейчас совсем худой. Просто боюсь, что его раздавит вес мешка с рисом.

Брат улыбнулся впервые с тех пор, как она пришла.

— Работа людей не убивает.

— Он не боится работы, просто… он ищет, очень старается что-нибудь найти.

— И сколько лет уже ищет?

Ийя Эниола вздохнула и огляделась. Стены голые, не считая календаря Апостольской церкви Христа. На его верхней половине, вокруг портрета апостола Джозефа Айо Бабалолы[92], улыбались четыре лица, а под ними был листок

---

[92] Примечания: 92

Джозеф Айо Бабалола (1904–1959) — нигерийский священник, лидер Апостольской церкви Христа, исцеляющий проповедник.

января — спустя недели после того, как надо было перелистнуть на февраль.

— Ты еще молода, можешь бросить этого мужчину и найти кого получше. Можешь сколько хочешь корчиться так, будто выжимаешь апельсин, Абоседе, но я все равно должен сказать тебе правду.

Опять «Абоседе». Гнев обжег горло, острый и едкий. Она сделала глоток, чтобы его затушить. Почему она надеялась, что извинения не дадут ему снова ругать ее брак?

— Скажем, Баба Эниола и правда такой ленивый, как ты говоришь, но разве я сама ничего не стою? Почему решение всех моих бед — другой муж? Разве я не могу сама позаботиться о детях? Разве это не я привела их в этот мир?

— Детей зачинают вдвоем. Почему ты должна нести ответственность одна, когда он жив и здоров? Почему? Когда есть мужчины получше, которые могут тебе помочь, Абоседе. Если тебе плевать на себя, подумай о детях.

— Зачем, по-твоему, я пришла, Алагба? Только о них я и думаю.

Брат склонил голову к плечу.

— Прости, что я кричу. Я не, я… я…

— Ничего, ничего. — Алагба вздохнул. — Как

там с детьми?

— Я пришла поговорить с тобой о плате за их учебу.

— Так я и знал.

— Но не только поэтому.

Он положил подбородок на кулак и посмотрел на нее.

— Пришла я поэтому, но извинилась по другой причине. Клянусь, я уже давно хотела извиниться, просто… Клянусь могилой матери.

— Не приплетай могилу матери. Пусть она покоится с миром.

— Я хотела… Я не знаю, как…

Чуть не плача, она уставилась на свои стиснутые руки. Ее все еще пугал вид объеденных ногтей и красных подушечек пальцев. На большом пальце ноготь висел полуоторванный. Она начала грызть до того, как пришла в родной двор, или после? Эта привычка появилась еще в школе, и она всегда видела результат, но никогда не помнила, как поднимала руки к губам и грызла ноготь за ногтем. Через несколько лет после ухода из школы ногти отросли длинные, красивее, чем накладные, которые тогда как раз вошли в моду. Выйдя замуж, она стала красить их лаком. Когда появились дети, сумочка, полная

бутылочек с цветами и чудесами, стала для нее источником радости и покоя. Она никогда не разрешала им посмотреть — это было ее время наедине с собой. Запершись на полчаса в ванной, чтобы покрасить ногти, она не переживала из-за перепадов настроения мужа, не тряслась из-за шатающегося зуба Бусолы или расцарапанной коленки Эниолы. В эти полчаса тишины важно было только одно: ровно наложить лак. Голубой, зеленый, золотой и серебристый — ее любимые цвета, и она красила ногти каждую субботу, чтобы лак оставался свежим утром в воскресенье, когда она надевала туфли с открытыми носками в церковь. А теперь она снова грызла ногти, да так, что краснела кожа.

— Продолжай, — сказал брат.

— Мы не можем заплатить за учебу. Я старалась — то есть мы старались. Мы с мужем сделали все, что могли, чтобы наскрести на школу. Знаешь, как я старалась, Алагба? Однажды — вроде бы на прошлой неделе — я послала Бусолу купить гарри на ужин. По дороге обратно девочка упала и растеряла гарри. В тот вечер нам больше нечего было есть, но даже тогда я не притронулась к деньгам, которые коплю на школу. И радовалась, что в тот день мы легли голодными, Алагба. Для

меня это лучше, чем брать на еду больше, чем я планировала. Но все мои усилия — все наши усилия — впустую. Я бы не пришла просить взаймы, но теперь нам нужно больше десяти тысяч найр. Домовладелец требует за квартиру… Нет, Алагба, нет, я не предлагаю, чтобы мы переехали сюда.

— Хоть предлагай, хоть не предлагай, это по-прежнему невозможно. — Алагба покачал головой. — Этого просто не будет, láyé láyé[93].

— Хорошо, сэр.

— Ehen. Так сколько нужно за учебу?

— Десять тысяч найр за обоих, но мы смогли собрать только две тысячи с чем-то. На прошлой неделе их стали каждый день пороть в школе. А с этой недели будут пороть в два раза больше. — Она сглотнула и прижала ладонь к горлу, надеясь хотя бы так удержать голос от дрожи. — А потом им запретят приходить. Bọ̀dá mi[94], я тебя прошу. Если можешь помочь чем угодно, я всему буду рада, сэр. Только ты у меня и остался. На прошлой неделе я звонила Бабе Супо, и он не смог прислать денег. Я не обижаюсь о, я все понимаю, у

---

[93] Примечания: 93
Никогда.

[94] Примечания: 94
Дорогой мой.

каждого своя bukata[95]. У него тоже есть дети, он сам сейчас платит за их учебу. Поэтому я прошу, сэр. Что угодно.

— Хм-м-м. Тебе нужно… скажем, восемь тысяч.

— Да, сэр. Они и так учатся в самой дешевой школе, что мы смогли найти. Иначе остается только отправить их в общественную школу.

— А чему их научат в общественной школе?

— Àbí? Вот почему мы стараемся, чтобы они ходили в частную, даже если в самую дешевую: так хотя бы будет шанс окончить ее с чем-то в голове.

— Правильно, так и поступает хороший родитель.

— Да, сэр.

— Ийя Эниола, я хочу помочь, но могу дать только тысячу.

— Алагба, прошу, не вспоминай, как я тебя обидела. Если можешь — хотя бы две. Я сделаю что смогу, чтобы найти оставшуюся тысячу. Тогда мы хотя бы заплатим половину и упросим учителей дать еще время.

— Ийя Эниола, если Бог прощает нас, когда мы его оскорбляем, почему я, смертный, не прощу?

---

[95] Примечания: 95
Нужда.

Дело не в прошлом. Если бы я злился на тебя, стал бы вымещать на твоих детях? Хоть ты и прятала их от меня столько лет, для меня они все равно свои. Все, что во благо им, во благо и мне. Я читаю Библию каждый день, и там сказано, что, когда это в моих силах, нельзя удерживать добро от тех, кому нужно. Разве я могу оскорбить Бога из-за тебя? И даже если Бог простит меня за то, что я не дам тебе деньги, простят ли меня аладжоби? Разве духи предков, обитающие в этом дворе, не станут преследовать меня из-за такой подлости до самой смерти? Если бы я мог, Ийя Эниола, — посмотри мне в лицо, ehen, — если бы я мог, я бы помог.

— Прощу, я хочу… я хочу, чтобы дети учились. Это их единственный шанс в жизни. Мне нечего им оставить. Нечего им дать, чтобы…

— Думаешь, я рад тому, как ты страдаешь? Почему, по-твоему, я злюсь на твоего мужа? Бог не благословил нашу семью богатством, но разве ты ходила голодной? Посмотри, как теперь исхудала твоя шея. Если он знал, что не может о тебе позаботиться, зачем взял тебя в жены? Посмотри и на то, в чем пришла, — разве ты не лучше одевалась, когда жила здесь?

Ийя Эниола опустила глаза на свое застиранное платье из анкары. Подол когда-то разошелся, и ес-

ли приглядеться, то было видно, что его латали.

— Давай я больше не буду о твоем муже, пока мы опять не поссорились.

— Хорошо, сэр.

— Но, Ийя Эниола, я не могу дать больше полутора тысяч. Я сам закончил платить за учебу на прошлой неделе. Мой кошелек еще не оправился.

Ийя Эниола придвинулась. Должно быть, она ослышалась.

— Закончил платить за… что?

— За учебу, я же сказал — за учебу.

— За чью?

— Моих детей.

— Детей? Хорошо, Алагба, ты не хочешь давать деньги. Это ничего.

— Что ж, когда ты меня бросила, Бог меня не оставил. — Он показал на дверь. — Ты могла их видеть, когда приходила, — дочерей моей жены от первого брака.

— Жены?

— Да, Божья милость бесконечна, и потому в прошлом году я женился. Первый муж моей жены умер после рождения второй дочери, и с тех пор она воспитывала детей в одиночку. До прошлого года, когда мы поженились. Теперь и я

за них отвечаю.

Это были радостные вести, но Ийя Эниола не могла заставить себя даже улыбнуться. Она опустила голову к груди. Алагба — единственный, к кому она всегда могла обратиться в последнюю минуту, зная, что он отдаст ей последнюю чашку гарри в доме. В прошлом он ее уверял, что лучше умрет с голоду сам, чем оставит без еды Бусолу и Эниолу. А теперь она поняла, что где-то на задворках разума всегда верила: в его жизни никогда не будет тех, чье благополучие идет прежде ее. К кому пойти теперь? Как заплатить за учебу детей? И за квартиру? Да и сказал бы он ей о жене, если бы она не попросила на учебу? Она всмотрелась в его лицо и поняла по тому, с каким спокойствием он выдержал ее взгляд, — будто в том, что она узнала о свадьбе только год спустя, нет ничего особенного, — что он бы придержал новости при себе. Как она могла не прийти к нему ни разу за все эти годы? Почему гордыня была для нее важнее родного брата? И как она стала той, кого сама не узнает, той, в ком чужое счастье рождает только отчаяние?

— Поздравляю, сэр.

— Жаль, Ийи Фавор сейчас нет дома.

— Кого?

— Ийи Фавор, моей жены. Она ушла к Сабо за луком. Она торгует перцем и прочим перед домом.

— Никто не говорил мне о свадьбе. Никто. Я бы пришла, я бы…

— Это я просил братьев ничего тебе не говорить.

— Алагба, я знаю, что тебя обидела, но почему…

— Все это в прошлом, теперь давай говорить об учебе твоих детей. Подумай хорошенько, потому что ты не сможешь так делать каждый год. Помнишь, что я тебе посоветовал в нашу последнюю встречу?

— Бросить мужа?

— Нет. Насчет детей.

— Ты сказал, что я должна учить их ремеслу?

Алагба кивнул.

— Эниола учится. Знаешь портниху в нашем районе?

— Каро?

— Он сейчас у нее в подмастерьях. Беда только в том, что мы не можем заплатить и ей. Сперва нужно за школу и за дом, а уже потом придумывать, как заплатить ей.

— Кто из твоих детей учится лучше?

— Бусола.

— Тогда собирай деньги на учебу Бусолы. Это ты сможешь. С моими у тебя уже есть больше половины. Заплати только за нее. А вот это тебе уже не понравится: пусть Эниола бросит школу и…

— Упаси боже от плохого. — Ийя Эниола щелкнула пальцами.

— А, понимаю, тебе мой совет не нужен.

— Я не хотела на тебя кричать. Пожалуйста, говори.

— Пусть бросит школу и учится на портного. Он уже проучился больше любого из нас с тобой. Если прибавит это к ремеслу, чего-то в жизни да добьется. Тогда ты сосредоточишься на Бусоле, и она возьмет от школы все лучшее. И это правильнее, чем если оба проведут полсеместра дома из-за того, что не хватает денег, и чем если не доучатся оба. Подумай над моими словами.

Она об этом уже задумывалась. Насколько проще была бы жизнь, если бы голова не болела из-за платы за учебу, за новую форму, носки и сандалии, за тетради, которые кончаются слишком быстро, потому что дети пишут слишком крупно, за учебники, которыми они иногда бросаются, — и она могла только наорать за такое поведение. Они что, считают, у нее денежное дерево под кроватью? Она уже подумывала забрать детей из

школы и стыдилась своей радости от мысли, что тогда освободится больше денег на еду, жилье, а то и на флакончик лака для ногтей. Если они бросят учебу, то, когда ей найдется чем торговать, она сможет пускать их на улицы с подносом на голове и по будням, а не только по выходным. Продажи практически утроятся, отрастут ногти — глядишь, она даже сможет спокойно спать по ночам. Но вот дети.

— Я так не могу, Алагба. Это мой долг. Я должна дать им шанс жить лучше, чем я.

— Я прошу только подумать. И подумать хорошенько.

Он встал и пошаркал от стула, мимо глиняного горшка, к своей спальне.

Когда он закрыл за собой, она вертелась на месте, выискивая признаки женской руки в доме. Ни новых занавесок, ни свадебных фотографий на стене или на накрытом анкарой столе, где рядом с колокольчиком лежала Библия. Казалось, изменилась только накидка на стуле — слишком кусачая для бархатной, когда она ее пощупала.

Дверь со скрипом открылась, и брат вернулся, протягивая сложенные деньги.

— Спасибо большое, сэр. — Она взяла их и встала на колени. — Да не будешь ты носить воду в

корзинах или копить в дырявых кошельках. Да не будет твой кошелек пуст и да не будет в твоей жизни трат.

— Сядь, Ийя Эниола, вся слава должна предназначаться Богу. Я говорю — сядь. Ehen, так уже лучше. — Он вздохнул. — Хотел бы я сделать больше. Но ты все же подумай о моих словах. Вложи деньги в Бусолу, у нее больше шансов. Если произойдет чудо и ты сможешь заплатить за обоих — ну и хорошо, но если в школе сможет учиться только один и ты сможешь дать ей все, чтобы она не отвлекалась и получила все, что нужно, то, думаю, это все-таки лучше, чем если оба будут учиться абы как. Мир изменился — это раньше люди могли сделать карьеру со школьным аттестатом и дипломом второй степени. А теперь? Даже те, кто учится в университетах, не всегда находят работу. Лучше выбери того, кто сможет дойти до конца, — вот в него и вложись.

— Я подумаю.

— А Эниола — он не пропадет. Если он научится шить, очень хорошо о себе позаботится. Не придется выпрашивать работу.

Когда она спрятала деньги в самый глубокий закоулок сумочки, они поговорили о его жене, и он твердил, что та вернется совсем поздно и Ийе

Эниоле ни к чему ждать.

— Может, тебе еще куда-нибудь надо? — спросил он. — Попросить денег у кого-то еще?

— Да, сэр, я пойду. Помоги мне передать привет Ийе Фавор, когда она вернется. Я тебя скоро навещу, чтобы познакомиться с ней.

— Hìnlẹ́ àwé, — сказал он, когда она встала.

Она еще постояла, дожидаясь bámi kí'kọ̀ rẹ[96], но не дождалась. Трудно было смириться, что теперь его прощание лишилось упоминания мужа. Еще труднее — что он не вышел проводить ее до перекрестка, как раньше.

Снаружи Фавор с сестрой уже дорисовали линии и начали игру. Когда Ийя Эниола приблизилась, по песку со стуком ударил камешек. Промазал и выскочил за прямоугольник. Младшая девочка зашипела и разочарованно притопнула ножкой. И правда играли в суве. Ийя Эниола присмотрелась к девочкам, гадая, унаследовали ли они глаза навыкате и подбородки с ямочками от женщины, что теперь стала женой ее брата.

---

[96] Примечания: 96

Церемониальный ответ со значением «не хочу отвергать тебя».

* * *

Ийя Эниола переходила с одной стороны на другую, пока не вышла на асфальтовую дорогу до кольцевой развязки. Там она петляла среди торговцев, окад[97] и уличных лотков, прижимала сумочку крепче, когда вошла в толчею, двигавшуюся к центральной мечети. Каждый тычок локтем, каждый рывок за платье казались попыткой украсть сумочку, и она боялась за деньги Алагбы. Ведь сунуть их в лифчик — секундное дело. Могла бы так и сделать, когда вышла из дома брата. А она дождалась, пока окажется на самой оживленной улице в городе.

Она свернула на заправку, думая срезать через нее туда, где можно перейти дорогу. У первого насоса ее окружили три девочки. Они сцепили руки, встали перед ней в полукруг и умоляли одними бледными, почти прозрачными глазами, откинувшись так, что их шелковистые волосы колыхались ниже талии. Что бы они ни говорили, все заглушалось торгами у лотков вдоль каждой стороны улицы, громкими сигналами автомобилей и мотоциклов, звоном смеха. Их волосы и

[97] Примечания: 97
Окада — такси-мотоцикл.

бледная кожа указывали, что девочки не отсюда. Большинство здесь заявляли, что родом из соседней страны. Ийя Эниола поражалась, что кто-то готов променять свою страну на эту, но, может, она просто не знала обо всей боли в мире. Сейчас она покачала головой, отвернувшись, когда одна из девочек чуть не разрыдалась. На заправке были и другие попрошайки — облепляли машины и пешеходов, протягивали тарелки и миски. От дверцы к дверце ползала старуха. Мужчина в одних джинсах держался за плечо маленького мальчика, ковыляя за ним от окна к окну. У насоса стояла женщина, одной рукой приглаживая зоб, а другой — пересчитывая деньги в миске.

Девочки перед Ийей Эниолой были единственными попрошайками без заметных хворей. Она попыталась их обойти, но они попятились и сдвинулись в сторону, снова встав на ее пути через несколько шагов. Они бы мигом разбежались, если бы она их отругала или напугала, но она не решалась. Она никуда не торопилась и могла хотя бы проявить доброту, если не дать денег. И вот она сдвигалась то туда, то сюда, позволяя девочкам мотаться перед ней и проходя пару шагов за раз. Одна захихикала, а две другие широко заулыбались. Ийя Эниола и сама улыб-

нулась, удивляясь чувству в сердце, похожему на радость. А потом одна из них наткнулась на поводыря попрошайки в джинсах и упала, потащив остальных за собой. Они сбили поводыря и попрошайку с ног и опрокинули их миску с деньгами. Ийя Эниола потянулась к девочкам, но не успела прикоснуться, как они уже вскочили и уносились прочь от заправки и кричавших им вслед работников.

— Надеюсь, вы не пострадали? — окликнула она девочек, когда они прыснули на улицу.

Раз они были вполне в состоянии бежать, Ийя Эниола повернулась к попрошайке в джинсах и его поводырю. Мужчина сидел, а его поводырь спешно собирал разлетевшиеся деньги.

— Ах, извините о, извините, — сказала Ийя Эниола попрошайке. — Вам помочь?

Он повернулся к ней, глядя куда-то в пустоту и не моргая.

— Нет. Дождусь поводыря.

Ийя Эниола огляделась. Они не были на дороге у машин, несущихся на заправку, но кто знает, вдруг какой-нибудь лихач решит свернуть в их сторону?

— Вам помочь подняться? Ваш поводырь еще занят, подождем его вместе. Вам помочь?

— А если с вами кто-то есть? И вы с ним хотите меня похитить. Я даже не пойму, что происходит. Оставь меня, женщина. Поводырь придет и поможет.

Ийя Эниола решила подождать с ним, пока мальчик не вернется со своей охоты на разлетевшиеся купюры. Мимо пронеслась машина, взметнув одну двадцатинайровую банкноту у ее ног. Она наклонилась, чтобы помочь попрошайке, пока купюру не унесло ветром. Но стоило ее руке двинуться к деньгам, как попрошайка схватил их раньше.

Он прожег ее взглядом, запихивая бумажку в нагрудный карман. Глаза его вдруг стали ясными и пристальными.

— Эн! — воскликнула она. — Так вы не слепой.

Он поднес указательный палец к губам. Просьба.

Нет, предупреждение. Быстро, как удар змеи, он выхватил из кармана деревяшку и движением большого пальца раскрыл лезвие с серратором.

Ийя Эниола отшатнулась и ушла, подавляя желание оглянуться. Она тут же перешла дорогу, юркая между такси и не обращая внимания на ругань водителей.

9

Вураола решила встать, когда Мотара снова задела ее по ноге. Все равно не спала уже где-то час. Сонная, но не в силах провалиться обратно в сон, даже когда насчитала четыреста овец. А Мотара между тем металась по всей постели — очевидно, все такая же беспокойная во сне, как в младенчестве, когда она скатывалась с кровати с такой регулярностью, что ее матрас переложили на пол.

Когда красные угловатые цифры на часах на прикроватном столике мигнули и показали 4:17, Вураола села и притоптывала ногой по полу, пока не нашла тапочки. Предстоял долгий день метаний между гостями, чтобы проследить, что их бесконечный поток всем доволен — аперитивами и сувенирами, размером и типом кусков мяса, точной температурой напитков на столе. Она все еще не понимала, почему все это так важно, но знала, что многих такие вещи заботят. Старший двоюродный брат со стороны отца два года не разговаривал с Вураолой после того, как она распоряжалась официантами на свадьбе другого двоюродного брата и ему подали рыбу

вместо курицы.

Вураола не сомневалась, что уже к половине седьмого ворвется мама и потребует помогать с миллионом вещей, которые надо успеть до начала. Йейе думала, что оставаться в постели после рассвета — признак лени, и как будто не понимала желания выспаться по субботам или на каникулах. Время от времени Вураола гадала, не потому ли ее родители теперь спят в разных комнатах, что Йейе требовала, чтобы все вставали с первыми лучами.

Вураола раздвинула занавески, чтобы пробраться в преломленном свете уличных фонарей. Перешла от окна к туалетному столику; с заднего двора слышались приглушенные голоса официантов. Вчера вечером, когда они отметили помолвку Вураолы радостными криками, двумя бутылками шампанского и удушающими объятиями, сестры Йейе составили график, кому следить за работниками кейтеринговой компании ночью. Вураоле предложили время с полуночи до часу. Когда она отказалась, тетя Биола посмотрела на нее с разочарованием и промолчала только потому, что рядом был Кунле. Но Вураола и так услышала все, что тетя «произнесла» одними глазами. Тетя, чьи ожидания и упреки неминуемо

сводились к свадьбе, спрашивала, и спрашивала с тех пор, как Вураола научилась ходить: «Вот как ты будешь вести себя в доме мужа?» Вураола со своими двоюродными сестрами часто шутили, что тетя Биола умудрялась смотреть на все — на их прически и цвет кожи, оценки и выбранные предметы, да сколько раз они ходят в церковь, да пользуются ли накладными волосами или помадой — с точки зрения их будущего замужества. Но в последнее время их смех съеживался в смесь покашливания и шмыганий — жалкие кляпы для слез, которые кое-кто из них пытался удержать.

Вураола могла бы стать женщиной, о которой мечтала тетя Биола, и помчаться сейчас вниз, чтобы освободить от дежурства кого-нибудь из тетушек. Но ее попросту не волновало, если кто-то из работников и украдет во время готовки мясо. Вураола поискала на туалетном столике «Все, что остается» Патрисии Корнуэлл, посмотрела под кроватью и за шторами. Еще было время пробежать главу-другую, пока ее не позовут. В конце концов книжка нашлась под стопкой нижнего белья в гардеробе.

Когда она была подростком, родители наказывали ее каждый раз, когда заставали за чтением любовных романов периода Регентства, которые

она обожала. И все же отскабливание ковров зубной щеткой, подъем по лестнице на коленях и изредка удар тапочкой по руке ее не останавливали — она просто лучше прятала книги. С тех пор Вураола перешла к триллерам и детективам, но привычка прятать романы осталась. Хоть теперь обложки не были пикантными, а Йейе давно перестала рыться в ее вещах в поисках доказательств, что она пьет, курит, занимается сексом или чем угодно еще, что, как она предупреждала, доведет до смерти, нужды и жизни старой девой. С мобильником и «Все, что остается» Вураола вышла в коридор и закрыла за собой дверь. По пути в коридоре подняла левую руку и полюбовалась помолвочным кольцом. Она уснула с ним на пальце, слишком завороженная его блеском, чтобы снимать. Металл — розовое золото, камень — в форме груши, сияющий. Что ж, теперь она точно не останется старой девой.

Она прошла по тихому коридору, задержалась в семейной комнате, потом передумала оставаться в кресле. Здесь ее легко могла увидеть проходившая мимо тетушка. Взамен она устроилась на балконе, в плетеном кресле с подушками. Пыталась читать, но мысли отказывались погружаться в мир доктора Скарпетты. Кунле уехал

через час после того, как сделал предложение, и еще час они провели на телефоне, когда он уже вернулся домой: обсуждали, как он планировал предложение, и их жизнь вместе, заново переживали те мгновения, когда поняли, что любят друг друга. Когда Вураола наконец задремала, предложение казалось кульминацией, точкой, куда клонились дуги их жизней, пересечением неминуемым, как сама судьба. Она отложила роман и написала Кунле.

Не спишь?

Телефон не вибрировал в ответ. Она откинулась на спинку и смотрела в чернильное небо. Обычно Кунле ставил будильник на пять утра и выползал из постели на пробежку вокруг поместья, никогда не нажимая кнопку «Отложить». Может, он и сейчас на пробежке. А может, игнорирует ее, потому что все еще дуется. Вчера ночью разговор закончился спором. Он хотел пожениться в пределах полугода, а она хотела подождать еще минимум год. Через год после практики ей предстояла национальная служба, а там могли отправить куда угодно в Нигерии. Если они женятся до того, Вураоле разрешат служить неподалеку от дома ее мужа. И он, конечно, рассуждал правильно, но она все равно не поддавалась. В год службы ей

хотелось пожить где-нибудь еще — подальше от двух городов, где она провела почти всю жизнь. А свадьба пусть будет после этого года свободы от тесных кружков общения, по чьим орбитам она двигалась с самого детства до университета, когда казалось, будто она всегда находится в одной комнате с каким-нибудь знакомым ее родителей. Телефон завибрировал.

— Привет, милый, — сказала Вураола, приложив трубку к уху.

— Привет, — сказал Кунле.

— Ты бегал?

— Нет.

— У тебя там дождь?

— Просто был не в настроении.

Она знала, что он старается говорить легче, но его выдавала дрожь в голосе, напоминая о первом случае, когда она заметила, как дрожит его голос при фальшивой улыбке. Кунле тогда окончил среднюю школу, а Вураола вернулась домой из школы-пансиона на каникулы в середине семестра, и отец послал ее к Кокерам с запечатанным конвертом. Она подслушала родителей и знала, что в белом конверте — доллары для отца Кунле, который собирался в академический отпуск в Саудовскую Аравию. Тогда семья Кунле все еще

жила в доме, предоставленном Центральной больницей, и, хотя Вураола путалась в ряду одинаковых бунгало, водитель отца доставил ее прямиком к Кокерам на порог. Когда она вышла, Кунле стоял на лужайке, спиной к дому, где родители ссорились из-за его оценок. Лайи, легко сдавший все экзамены, уже рассказал Вураоле о провале Кунле. Тот не сдал биологию и химию — а это главные требования для поступления в любой медицинский вуз в стране. Отец гнал его на пересдачу. А мать думала, что ему лучше выбрать другие предметы и забыть о будущем в медицине. Воспаленные глаза Кунле говорили, что он либо плакал, либо заплачет сейчас, но при виде Вураолы он улыбнулся. И продолжал улыбаться, пока она стояла перед ним, не зная, что сказать после того, как она сунула в руку конверт. Он спрашивал о школе, вытягивал ответы повышенным голосом, все-таки не заглушавшим ссору в доме. Как можно не замечать проклятия, вопли, грохот чего-то разбитого о кафель. Вдруг поддавшись внезапному приливу нежности к мальчику, которого она до тех пор почти не замечала, Вураола обняла Кунле и сбежала в ожидающую машину. Теперь она снова почувствовала тот прилив, представляя его раскинувшимся на кровати, все

еще сокрушенным вчерашним спором.

— Я подумаю насчет свадьбы, — сказала она.

— Вчера я только об этом и просил, пока ты меня не перекричала.

— Я вовсе не кричала.

— Просто хочется начать жизнь вместе как можно раньше. Уже сейчас хочется просыпаться рядом с тобой каждое утро. Вура, ты разве не понимаешь, какая ты для меня радость?

— Не волнуйся, мы придумаем компромисс. Можем мы поговорить о чем-нибудь другом?

— Да… Ты сейчас в чем?

Она подергала подол ночной сорочки.

— Ни в чем.

У него перехватило дыхание, а она смотрела, как восходящее солнце полосует облака пламенеющим сиянием.

10

В эту субботу раньше, чем принять душ или хотя бы почистить зубы, Йейе Кристиана Алаке Макинва села за туалетный столик полировать свои золотые украшения. Она выкладывала каждое на ладонь и вспоминала, сколько граммов оно весит. С ожерельями и кольцами даже не приходилось подглядывать в серую тетрадку, куда она записывала крупные расходы. Каждую вторую неделю Йейе спрашивала у Алхаджи Руки — бывшей соседки, работавшей в торговле подержанными золотыми украшениями, — о ее цене покупки за грамм. Так она могла прикинуть, сколько выручит за свои, если, упаси господи, мужа разведут на все деньги, ее склады сгорят в пожар, какое-нибудь бедствие обрушится на ее сестер, а она провалится в бездну несчастий и некуда будет сбежать от нищеты. Если такое когда-нибудь и случится, ее спасением станут эти украшения.

Йейе завернула все восемнадцатикаратные вещицы — ожерелья и сережки, кольца и браслеты, пару ни разу не надеванных браслетов для ног — в защитную ткань и сложила в деревянную

шкатулку для драгоценностей. Шкатулка была не новой, но ею никогда еще не пользовались. Йейе приобрела ее, когда Вураоле исполнилось двадцать пять — возраст, когда она уже надеялась отдать первую дочь замуж или хотя бы сговорить, — и шкатулка дожидалась своего дня в левом углу туалетного столика.

Разложив все восемнадцатикаратные украшения в плюшевых внутренностях шкатулки, Йейе с щелчком закрыла ее и сложила над ней руки. Хотелось бежать в ванную вприпрыжку, как в детстве, когда она напевала, пока мама набирала пригоршни воды из стального ведра, и размахивала руками в танце под брызгами. А когда мама хватала ее за плечо, чтобы другой рукой отскабливать спину, Йейе уже не плясала, а извивалась, но все равно пела, пока с нее не смывали мыло и не накидывали на плечо полотенце. Если мама торопилась, Йейе зарабатывала за неусидчивость шлепок по попе, но чаще мама просто умоляла дочь не ерзать. Йейе по-прежнему приплясывала по пути в ванную почти каждое утро, но в последние дни принимала душ неподвижно. Все движения приберегались до танцпола. Она может и подождать.

Она задвинула деревянную шкатулку в столик

и перевела взгляд на драгоценности попроще. Четырнадцать и десять карат, итальянские и бразильские, а где-то в кучке — набор из позолоченных сережек и кулона, подаренный тетей Биолой перед свадьбой Йейе. Первые два года семейной жизни это было ее единственное украшение. Тогда она еще не стала женой, чей муж шутит, что она тратит на ювелирку больше, чем он — на учебу их детей. Это было правдой, только пока дети учились в начальной школе, но он не расставался с шуткой десятилетиями, качая головой, когда выписывал ей чеки на «побрякушки». Йейе не обижалась — главное, чтобы ей доставались чеки.

Оказалось, что тетя Биола права во всем. И в том, что Адемола — младший брат полковника Дж. Д. Макинвы — влюблен в Йейе, и в том, что он не будет отрицать отцовство, как сперва пытался муж тети Джумоке, а если бы и отрицал, полковник бы проследил, чтобы его младший брат поступил по-мужски.

Йейе было девятнадцать, когда тетя Биола познакомила ее с Адемолой Макинвой на новогодней вечеринке в семидесятых. Армия правила почти десять лет, тетя Биола уже три года была третьей и любимой женой бригадного генерала,

а их мать умерла уже четыре года назад. Ну и что, если генерал уже женат на других женщинах? Зато тетя Биола имела в своем полном распоряжении один из его дуплексов в Бодидже, а он заботился о ее младших сестрах как о своих детях. Это он открыл первый банковский счет Йейе, это он оплачивал ее содержание, пока она не вышла за Адемолу Макинву.

За время своего правления в качестве любимой жены генерала тетя Биола посвятила всю себя задаче, чтобы и ее сестры вышли за подходящих мужчин. Подходящими она считала окончивших университет, денежных и холостых. Она часто говорила сестрам: может, она не спасет их от многоженства, зато хотя бы проследит, чтобы они были первыми женами, потому что все остальные позиции ничего не стоят. Она это говорила даже при генерале, вгоняя Йейе в краску, но как будто совсем не смущая его.

Большинство ее знакомых офицеров уже были женаты, зато у всех имелись родные и двоюродные братья, а близость к власти делала их подходящими. Одним из них и оказался Адемола. С самого знакомства на Новый год до свадьбы их отношениями управляла старшая сестра. Йейе была за столом Адемолы на новогодней вечерин-

ке — села напротив, как подучила Биола: в поле зрения, но вне досягаемости. Он глазел на нее всю ночь. Однажды перегнулся к ней через стол заговорить, но музыка играла слишком громко, а она к нему не подвинулась. Они поговорили на рассвете, когда кончился праздник, зевая между фразами. В тот месяц он пригласил ее на два дня рождения. После одного она дрочила ему на заднем сиденье, ухмыльнувшись, когда он раскрыл рот и потерял дар речи. Даже ее тело послушалось тетю Биолу — и она зачала Лайи через месяц после встречи с Адемолой. И, как и планировала сестра, закончила Йейе год и с сыном, и со свадебным кольцом. Восемнадцать карат, итальянское золото, не меньше. Уж тетя Биола за этим проследила.

После свадьбы Йейе перестала слушаться ее советов, но это не мешало той учить жизни в редких звонках по голубому телефону с наборным диском, которые получалось пропустить *NITEL*[98]. Раздосадованная треском на линии, однажды тетя Биола даже приезжала из Ибана и часами умасливала, советовала и, наконец, приказала Йейе вытягивать из мужа деньги — красть, если

---

[98] Примечания: 98
NITEL — нигерийская телефонная компания.

придется, — на золото.

Миссис Кристиане Алаке Макинве, любимой жене Адемолы и любящей матери Олайиволы, слова тети Биолы все больше казались горькими и бесчувственными. Чего же еще ждать от той, чей срок любимой жены подошел к концу, а она с этим так и не смирилась. Но для женщины, кого муж обожал? Дурацкий совет. Тетя Биола не знала, как Адемола смотрел на Йейе, когда они оставались одни, не слышала обещаний, которые он не прекращал произносить перед сном. В отличие от мужей ее сестер, почти не замечавших детей, пока те не начинали ходить или говорить, Адемола помогал ей с Лайи с первого же дня, как она привезла его из роддома. Поставил колыбель у себя в кабинете, чтобы по субботам проводить время с сыном, пока отсыпается Йейе. Когда она вскакивала посреди ночи кормить или убаюкивать Лайи, вставал и Адемола. Иногда привязывал мальчика к спине старым халатом и плясал по спальне. Лайи плакать не прекращал, зато смеялась Йейе.

Недолгое и чудесное время она верила, что узы, связавшие ее с мужем, непостижимы для всех, кроме них двоих. Их брак не походил ни на какой другой. Их любовь — а когда Лайи исполнился

год, она уже любила мужа — было не понять старшим сестрам, как раз начавшим втайне от мужей скупать землю в складчину. Йейе не стала участвовать в их плане, не стала лгать мужу, чтобы добыть деньги на четыре предназначенных ей участка, отказывалась приберегать золото на черный день. Двое как один — она с Адемолой и утонула бы, и всплыла бы вместе. Вместо всего этого первые два года семейной жизни Йейе откладывала часть денег, чтобы купить участок в Оке-Омиру. Когда она сказала любимому мужу об этой земле, он поинтересовался, на что она ей, если он унаследовал два гектара в Идо-Иджеше, а все, что принадлежит ему, принадлежит и ей, даже если ее имени нет на купчей. На следующий месяц Йейе сказала, что больше не хочет позолоченные украшения. Что о нем подумают люди, если его жена носит дешевые pánda[99]?

Хотя после признания мужу о покупке земли и последовало семейное собрание, где родственники с его стороны обвиняли Йейе в замысле убить их сына, Адемола не стал спорить, когда она попросила деньги на новое ожерелье. Иногда он отзывался о ее тщеславии чуть ли не с восхи-

---

[99] Примечания: 99
Фальшивки.

щением, а Йейе только отвечала, что никогда не будет носить устаревшие украшения. И, как и учила тетя Биола, не говорила ни слова о стоимости перепродажи.

Сейчас, когда обручилась Вураола, Йейе уже не могла считать страховым фондом свои восемнадцатикаратные спасательные круги, но если за ее пятидесятилетием вдруг последует вереница нежданных катастроф, о которых вечно переживала тетя Биола, — пожар, ограбление, утрата важных контрактов Адемолы, его гибель, развод, — то она бы выручила четыре-пять миллионов найр от перепродажи одних только четырнадцатикаратных. Почистив и уложив все золото, Йейе надела золотые сережки, которые тетя Биола подарила ей на восемнадцатилетие. Рассмотрела себя в зеркале. Сережки задевали плечи — неподобающе для именинницы на юбилее. Сегодня она наденет что-то утонченней — клипсы, которые прятали мочки, но не болтались. Она пригладила места, где протуберанцы сережек касались кожи. Если она не может надеть давний подарок Биолы, было бы славно увидеть сережки на одной из дочек. Обе молодые, им будет к лицу, но лучше предложить Вураоле. Вураола может согласиться, а раз ей скоро выходить

замуж, заодно будет хороший повод обсудить ее внешний вид. Йейе не сомневалась, что старшая дочь планирует надеть почти невидимые сережки-гво́здики. Стоило ли раньше высказать Вураоле о ее бесконечной череде черных, серых и коричневых нарядов? Может, цвета поярче и жениха привлекли бы пораньше, а не сейчас, когда дочка опасно близка к тридцати. Йейе рассмеялась. Вряд ли, конечно, но, боже мой, она и в самом деле вечно ходит будто в трауре.

Йейе сложила руки в молитве и закрыла глаза. Ее Вураола выходит замуж. Наконец-то. Olúwáṣeun[100]. Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение[101].

Когда столько лет назад накануне Рождества с воплями появился на свет Лайи, Йейе думала, что ощутила только мимолетный страх. Просто последствие того, как близко она подошла к смерти за двадцать три часа родов. Но страх так и не развеялся. Оставался с ней, когда она нянчила сперва Лайи, потом Вураолу и, наконец, Мотару. Собирая им школьный обед и помогая с домашней работой, вынося наказания и проверяя оценки,

---

[100] Примечания: 100
Слава богу.

[101] Примечания: 101
От Луки 2:14.

она постоянно чувствовала страх — ближе и неизбывней, чем ее тень. Он колотился волнами о края ее разума во сне, и она выкрикивала имя кого-нибудь из детей, даже если кошмары не имели к ним отношения. А потом, когда Лайи женился, случилось нечто странное и чудесное. Хотя страхи за него сгустились в абсолютный ужас после его дурацкого решения бросить медицину и «последовать за мечтой», они унялись до легкого волнения, стоило ему произнести брачную клятву.

В неделю после его свадьбы Йейе ждала, что волнение усилится, но так и не дождалась. Наоборот, она словно скинула гору с плеч — словно только что окончила школу и получила хорошую оценку на экзамене. В конце концов и это волнение уступило место чему-то наподобие покоя. Ну и что, если Лайи решил отказаться от карьеры в медицине? Его дипломы бакалавра медицины и бакалавра хирургии никуда не делись, а из-за его решений теперь пусть болит голова у его жены. Это новое чувство освобождения сопровождалось примесью вины, смутным ощущением, что, прекратив волноваться, она стала плохой матерью.

Это чувство было слабым и легко списывалось со счетов. Как и мысль, будто Лайи расстроится

из-за того, что она теперь меньше вникает в подробности его жизни. Йейе давно примирилась с мыслью, что дети так или иначе найдут, в чем ее винить. Если они верят в то, что говорят все вокруг, будто матери — какие-то бесподобные богини из чистого золота, — как тут оправдаешь ожидания? Участь богов — пасть. Йейе никогда не переживала, что дети назовут ее плохой матерью: это неизбежность. А ужасала ее мысль, что они пострадают под ее присмотром. Теперь же, когда Лайи женился и принадлежал жене — пусть эти узы никогда и не сравнятся с материнскими, — Йейе уже не выкрикивала его имя во сне. А где-то через год перестанет выкрикивать и имя Вураолы.

Йейе поднялась с новыми силами. Неделю назад она беспокоилась, что этот мальчишка Кунле зря тратит время ее Вураолы. А теперь предстояло планировать свадьбу.

* * *

— Фотограф приехал. Ждет тебя внизу. Позвать его в семейную комнату?

Йейе, придерживая концы геле[102] у ушей, покосилась на дверь. Там стояла Мотара с куском жареного мяса.

— Почему не стучишь? Сколько мне тебя учить?

— Я даже не знаю, сколько раз *ты* вваливалась ко мне. — Мотара укусила мясо. — В одном только этом месяце без счета.

— Ehen, и что из этого? Хочешь сказать, мне нужно разрешение, чтобы входить к тебе в этом доме? Себя предупреждай, эн, и не действуй мне на нервы этим утром.

— Ладно, ладно. — Мотара пожала плечами. — И вообще-то, я стучала.

— Омотара Макинва.

— Ну правда. Я стучала. — Мотара показала на геле. — Ты просто завязывала, и оно шуршало, как то, с которым я помогала тебе в прошлое Рождество. Поэтому ты и не услышала. Мама-мама. Ты отлично выглядишь. Классные туфли, sha, и клатч, и кружева. Операция «Ослепить Всех Блестками».

Йейе сверлила ее глазами. Вураола, когда была подростком, выложила бы всю правду через

---

[102] Примечания: 102

Геле — национальный нигерийский головкой убор, напоминающий тюрбан.

секунду после того, как Йейе перестала моргать. Лайи держался дольше, зато у него бегали глаза, он начинал чесать затылок или повторять то, что уже сказал, будто оно от этого станет правдой. Но вот Мотара. Уставилась в ответ и дальше жует свое мясо. Как ни в чем не бывало. Вураоле бы и в голову не пришло врать о таких пустяках, она бы просто с ходу извинилась, что вошла без предупреждения. А Мотара врала как дышала — чтобы что-нибудь получить, чтобы избежать наказания, от скуки.

Йейе оперлась на туалетный столик, стараясь не выпустить из рук геле. Этот геле совершенно не шуршал. Он был из алаари — плетеного хлопка с мягким шелком. Он, в отличие от прошлогоднего трескучего дамаска, едва шептал. Йейе посмотрела на свои часы. Она не успевала разоблачить ложь Мотары. На фотографии перед началом праздника оставалось чуть больше часа.

— Подойди, — сказала Йейе. — Подойди и помоги.

— Но у меня все руки жирные.

— Помой у меня в ванной.

— А кости?

— Кости?

— От мяса. Куда деть?

— Дай подумаю, хм-м-м. Ну, всегда можешь положить мне на голову, àbí?

Мотара двинулась к ванной, ворча под нос и закатывая глаза. Йейе с облегчением выдохнула: хорошо, что никто не видел этот разговор. В семье и так все думали, что она позволила Мотаре отбиться от рук. В этом возрасте Лайи или Вураолу наказали бы за то, что они ворчат после выговора. Вураола, будь она сейчас в комнате, так и сказала бы, поджав губы и постучав по лбу. Ее дикция стала лучше, но вот тело выдавало разочарование все так же, как когда она впервые потопала ябедничать папе на Йейе.

Йейе больше не оправдывалась за то, как вырастила Мотару. Много лет пыталась, но старшие дети все воспринимали только как подтверждение своих подозрений: что она стала матушкой, которая треплется до утра с дочкой-подростком вместо того, чтобы заставлять ее учиться, — потому что наконец обрела своего любимого ребенка.

Как там сказал Лайи в первый раз, когда они обсуждали его так называемые мечты, за которыми он последовал вместо того, чтобы применить образование на дело? «Я знаю, ты меня любишь, но, по-моему, я тебе никогда не нравился» — вот каким было его обвинение. Та Мотара, что

дрыхла допоздна, врала и почти не помогала по дому, приносила средние оценки, потому что ленилась учиться, — это единственный ребенок, который нравился Йейе. И где это Лайи научился проводить такие различия? Если бы оканчивал резидентуру, у него бы не было времени на теории о том, кому он нравится, а кто слишком слабо ему улыбается, когда он входит, не постучав. Ну конечно он ей нравился.

На самом деле правда проще, чем он думал. Мотара — единственная, кто в переходном возрасте не превратилась в угрюмую и молчаливую версию себя. В свои первые месячные Мотара каждую ночь заползала к Йейе в кровать, а в случае Вураолы Йейе узнала об этом только спустя семестр. Она просматривала список покупок, который ей передала Вураола на пасхальных каникулах, и наткнулась на «прокладки», запрятанные между «Никсодермом» и «лосьоном для тела „Венус“». Йейе всегда знала: есть шанс, что первые месячные настанут у Вураолы в школе. Она представляла, как в машине по дороге домой в начале каникул дочка прошепчет об этом — с примесью страха и возбуждения в голосе, которые уже не может сдерживать. А когда бы они приехали, Йейе отвела бы Вураолу к себе и они бы

сели рядом на кровати. Она бы положила руку ей на плечи и рассказала о своих первых месячных. Они бы посмеялись, как было глупо стремиться быть похожей на старших сестер — Йейе дважды врала о месячных, пока они не начались посреди урока математики. Промочила тогда нижнее белье и юбку, пока учитель объяснял теорему Пифагора. Глядя на клочок бумаги, который Вураола оторвала от школьного объявления, Йейе знала, что не может допустить, чтобы этот момент — их момент — умялся в два слова в списке покупок. И пошла к Вураоле, готовая к разговору. Ради Вураолы, ради себя, ради своих старших сестер, которые когда-то в юности обменивались историями в своей комнате.

— Надеюсь, тебе не было больно в первый раз. Это же случилось не на уроке àbí?

— Что? — спросила Вураола.

Йейе села на ее кровать.

— Твои первые месячные.

— Ладно, ма.

— Как все было?

— Нормально, ма.

— Расскажи.

— Зачем?

— Все хорошо, иди сюда, я тебе расскажу…

— Это началось в январе, и заведующая уже объяснила мне все, что надо знать.

— В январе? Вураола? В январе? Lọ́hùún lọ́hùún?[103] Почему ты не сказала, когда я приезжала в день посещения? Или в середине семестра?

— Пожалуйста, не кричи. Просто купи прокладки, ма.

Может, все дело в том, что Лайи и Вураола учились в пансионах. Они иногда называли это очередным доказательством того, что Мотара — ее любимица. Забывая, пока не напоминала Йейе, что они сами хотели уехать. Лайи умолял отпустить его с друзьями. Вураола обсудила выбор школы с отцом задолго до того, как Йейе узнала, что все уже решено. Они получили что хотели и в конце каждого семестра возвращались домой, все туже и туже сжимаясь внутри себя, как пружины, пока не скрылись вовсе — непостижимые, нераспутываемые.

Мотара была познаваемой. Она обычно говорила, что у нее на уме. Может, даже слишком часто, но в основном Йейе это нравилось. Взять хоть ложь о шуршащем геле: через неделю-другую, в

---

[103] Примечания: 103
В самом деле?

разговоре о чем-нибудь другом, Мотара может и сознаться, что врала, как ни в чем не бывало. Если будет в хорошем настроении, они над этим даже посмеются. Какой же это фаворитизм? Нет, Йейе просто знала последнего ребенка лучше других, когда они были в ее возрасте.

Вернувшись из ванной, Мотара тут же забрала у Йейе концы геле и расправила.

— Надо сперва повязать узел, — сказала Йейе.

— Ṣé, просто поручи это косметологу? Она kúkú повязывает геле твоей сестре у меня в комнате. Сходить?

— Я предпочитаю завязывать сама.

— Но этот ты не завязала, это же я…

— Просто доделай. — Йейе взяла клатч и перепроверила содержимое. Телефон, конверт с новенькими купюрами, две ручки, блокнотик.

— Голову налево, — сказала Мотара. — Да, хорошо. Сиди так.

Йейе защелкнула клатч.

Мотара вздохнула.

— У тебя все хорошо?

— У меня огромная проблема.

— Что случилось? Мотара, что? — Йейе пыталась расшифровать выражение Мотары в зеркале, но ее лицо скрыли складки геле.

— Сиди спокойно, а то испортишь, что я делаю.

— Ты сказала, у тебя проблема.

— Да, и огромная. Духи почти кончились, а других нет. Хватит только на пять пшиков.

Йейе сделала глубокий успокаивающий вдох.

— И это твоя проблема?

— И ты можешь ее решить.

Вот так Мотара представляет себе проблемы? Проблема Лайи — любят его родители или он им нравится? Защищенный родословной, которую Йейе для него подобрала, выйдя за его отца, и вооруженный образованием, которое мог себе позволить бросить благодаря ее гарантии, что он не умрет с голоду в погоне за своими беспутными мечтами, Лайи жаловался, будто он ей не нравится, раз она не верит в эти мечты. А Вураола? У нее, насколько видела Йейе, проблем не было. Не теперь, когда она обручилась и выйдет замуж до тридцати.

Йейе улыбнулась и поправила свой коралловый браслет. У ее детей та жизнь, которую она когда-то хотела для себя, но иметь не могла. Жизнь, где любую внезапную катастрофу, если только они не погибнут, смягчат их фамилия и банковский счет того, кого она выбрала им в отцы. А где не смогут родители, там выручит бо-

гатый дядюшка, тетушка или двоюродные братья и сестры. Если же подведут все, дочерей ждет запас золота, пока припрятанный в огнеупорном сейфе. И для всех троих — ее доля от земли, которую они с сестрами приобрели вместе после того, как она потратила первые два года брака в иллюзиях, будто мужская любовь — это что-то неиссякаемое.

— Твой отец готов фотографироваться? — спросила Йейе.

— Да, ждет в семейной комнате с папой Кунле и твоими сестрами.

— И профессор Кокер здесь?

— Да, вошел, когда я уходила из семейной комнаты.

— Ehen. С женой?

— Нет. — Мотара взяла с туалетного столика булавку и заколола геле. — И Кунле с ним нет.

— Видимо, приехал что-то обсудить с отцом. Осторожней о, не уколи меня. Кривись сколько хочешь, только не заколи до смерти.

— Булавкой-то?

— Мотара, и теперь, когда Кунле женится на твоей сестре, хватит называть его по имени. Добавь что-нибудь, прояви уважение.

— «Брат» или «дядя»?

— Да, лучше «дядя», это уважительней.

Мотара рассмеялась.

— Может, сразу «папа»? Вот это наивысшее уважение, десять из десяти.

— Ну хорошо, ставь перед его именем «брат», если «дядя» для тебя слишком.

— И не подумаю. Как я буду звать его дядя Кунле, если я даже родного брата не называю «дядя Лайи» или «брат Лайи». Уверена, его это и не волнует.

Мотара отказывалась приставлять к именам брата и сестры любые варианты — брат, дядя, сестра или тетя, — которые Йейе предложила, когда та стала внятно говорить. В отличие от Вураолы, которая с пяти лет перешла на «брат Лайи» в его присутствии и придерживалась «Лайи» без него, Мотара противилась угрозам, пропускала мимо ушей уговоры и продолжала звать старших по имени без прикрас. Родственники высказывали Йейе, что думают о подобном отношении: будто они Мотаре друзья. То, что Мотара отвечала на их жалобы без единого признака стыда или раскаяния — пожимала одним плечом, обозначая, что спорить ей об этом скучно, но делать она все равно будет по-своему, — принимали за явный признак того, что Йейе балует младшую дочку. А

то, что Мотара стала приставлять к имени Лайи «доктор» после того, как он поступил в интернатуру, родные не восприняли как исправление — только как доказательство, что Йейе позволяла этому ребенку поступать как в голову взбредет.

— Откуда ты знаешь, что Кунле все равно? — спросила Йейе.

— Не переживай ты. Я зову его Кунле с самого детства, он не против.

— В твоем детстве он не был женихом твоей сестры, Мотара. Теперь, когда они женятся, все меняется.

— Ну ладно. — Мотара пожала одним плечом. — Я закончила с геле о. Нравится?

— Идеально.

— Не за что. — Мотара направилась к двери.

— Стой. Вернись, — сказала Йейе. — Помоги подняться.

— Как твое колено?

Йейе вцепилась в руку Мотары. Колени были в порядке. Она могла бы встать и сама, но хотела постоять поближе к Мотаре, посмотреть секундочку в эти глаза, что никогда не отвечали взаимностью. Левый смотрел прямо на нее, а вот правый косился на туалетный столик. Когда много лет назад семейный врач предложил кор-

ректирующие очки, Йейе осталась довольна, что Мотара отказалась их надевать.

Она сжала руку матери.

— Óуá, пойдем.

Йейе услышала бренчание, как только ступила в коридор. Узнала первый рифф из *Congratulations* Кинга Санни Аде и начала покачиваться в танце. Кто-то поставил *Seven Degrees North*. Когда Йейе вошла в семейную комнату, тетя Биола уже плясала у стола.

— Ну иди ко мне, моя дорогая. Иди сюда. — Тетя Биола раскрыла объятия.

Йейе отпустила руку дочери и тоже принялась приплясывать. Покачиваясь под музыку, которая становилась все громче, она направилась к тете Биоле, а вокруг хлопали, подпевали и вскрикивали другие сестры. Когда Йейе заключили в объятия, все уже были на ногах.

Тетя Биола отклонилась и окинула Йейе взглядом. Довольная увиденным, она расплылась в широкой улыбке и запела вместе с КСА: «Поздравляю с днем рождения, именинница, мы желаем тебе счастливого дня рождения!»

— Пятьдесят! — Голос тети Биолы дрожал, когда она за плечи крепко привлекла Йейе к себе. — Детке нашего дома пятьдесят лет.

— Hin ṣé, тетя ми. Hin ṣé gbogbo ùgbà, gbogbo ọjọ́[104], — прошептала Йейе.

Она могла бы целый день повторять «hin ṣé, hin ṣé, hin ṣé» — и все равно было бы мало. Ее благодарность сестре было не передать словами. Три с половиной десятилетия назад тетя Биола сжала ее руку, объясняя: да, их мать погибла в той аварии, которую пережила Йейе. А пока Йейе — с ногами в гипсе, подвешенными под потолком палаты, — пыталась вспомнить, как дышать, тетя Биола наклонилась над койкой и прошептала клятву, в которой ради Йейе готова была пожертвовать всем, что когда-либо хотела: «Я о тебе позабочусь, не волнуйся, я о тебе позабочусь».

— Я же просила не благодарить за то, что я исполняю свой долг. — Тетя Биола отстранилась и хлопнула в ладоши. — Пора фотографироваться. Kà rí[105] фотограф, hin pè? Где он? О господин, это вы? Ṣe kíá àwé[106], делайте свое дело.

Фотограф, чья верхняя губа пряталась под густыми усами, указал на мягкое кресло.

---

[104] Примечания: 104
Спасибо. Спасибо в каждом саду, каждый день.

[105] Примечания: 105
Где?

[106] Примечания: 106
Быстрее.

— Можем начать с того, как она сидит там.

— Нет-нет, — возразила тетя Биола. — Нельзя же на таком фоне, нет, слишком пустая стена. Лайи? Иди сюда, помоги ему перенести кресло. Поставьте перед шторой. Посмотрим, как получится.

Пока тетя Биола командовала Лайи и фотографом, Йейе шла по многолюдной комнате, здороваясь с зятьями, приехавшими этим утром. Начала со второго мужа тети Биолы и продвигалась от дивана к дивану, пока наконец не поблагодарила мужа тети Джумоке за брелоки-сувениры, которые он привез для вечеринки. А когда Йейе приняла все подарки и поздравления, кресло уже переставили по вкусу Биолы. Йейе подошла, понимая по тревоге на лице сестры, что сегодня ее хромота заметней обычного. Всего-то потанцевала — а уже глухая боль в левом колене.

— Где твой отец? — спросила она Вураолу, со вздохом опускаясь в кресло.

— В кабинете, — ответила Вураола, не отрываясь от телефона. — Разговаривает с Кунле, профессором Кокером и Достопочтенным Фесоджайе.

— Ehen, и Достопочтенный здесь?

Фесоджайе, о ком Йейе знала, но кого никогда не встречала лично, был представителем их избирательного округа в Национальном собрании.

— Он приехал домой к отцу Кунле, но тот уже был здесь. И тогда Кунле его привез.

Тетя Сунмбо кивнула Вураоле.

— Этот Кунле — он чудесный мальчик, и, вижу, еще и из подходящей семьи. Поздравляю, моя дорогая, ты привела домой хорошего.

— Очень подходящий, — вторила тетя Биола. — Молодец, Вураола.

Та прищурилась, разглядывая что-то в телефоне.

— Хорошо… спасибо, ма.

Йейе улыбнулась в камеру. Упаси боже сказать это вслух, но Кунле — улов куда лучше, чем она ожидала от Вураолы. Чем дольше дочь оставалась одна, скача от несерьезного романа к несерьезному роману, тем больше Йейе переживала, что, когда она наконец решит определиться — уже ближе к тридцати, чем к двадцати, — сможет выбирать только из тех, кто не женился, потому что никому не нужен. В худшие дни она представляла, что Вураола закончит с каким-нибудь необразованным алкашом, чьи родители живут в доме без водопровода. А как это поможет ее

дочери в жизни?

Но посмотрите на Бога. Посмотрите на Лакунле Кокера. Выйти за него — большая удача для любой, хоть двадцатиоднолетней, хоть двадцативосьмилетней. Да, из-за его оценок по окончании средней школы случился скандал. Миссис Аджади из Союза матерей однажды сказала, что первые результаты его *WAEC*[107] довели его мать до слез. Пять F9 из девяти предметов. Натуральный кошмар. После того как родители перестали принуждать его к медицине, он трудился усерднее и окончил с дипломом с отличием второй степени верхнего уровня по какому-то другому предмету. То ли государственное управление, то ли управление бизнесом. А может, и связи с общественностью. Как бы то ни было, справился. Его мать в речи на молитвенном собрании Союза матерей после его выпускного сообщила каждой, что до первой степени ему не хватило всего пары баллов.

Зато у его семьи имелись связи. Йейе знала от его матери, что у Кунле уже несколько приглашений на лучшую работу — безо всяких собеседований и конкурсов. Дядя в Абудже звал

---

[107] Примечания: 107

West Africa Examination Council (WAEC) — Экзаменационный совет Западной Африки.

возглавить отдел маркетинга в своей компании. Тетка предлагала место в *NNPC*[108]. А теперь Вураола говорит, что он отказался от перевода в Лагос или Абуджу, потому что отец хочет иметь его на время кампании при себе. Такой чуткий мальчик и послушный сын. Какой толк читать новости в девять часов всей стране, если можно помочь отцу стать губернатором штата? Да, в самом деле, будь он доктором, и вовсе был бы идеален. Только представьте: Вураола — вторая половинка в паре «д-р и д-р (м-с)». Само совершенство. Но что Кунле потерял в сфере медицины, то наверстал семейными связями, поднимавшими его по любой лестнице, какую он выберет, и смягчавшими любое падение, чтобы потом возносить вновь и вновь. Йейе прожила уже долго и понимала, что тетя Биола всегда была права: настоящее богатство — династическое, и Нигерия устроена так, что родословная часто значит больше образования.

Фотограф попросил Йейе встать на фоне голой стены со всеми детьми вокруг.

— Я должна быть рядом с тобой, — сказала ей Мотара.

---

[108] Примечания: 108

Nigerian Petroleum Development Company (NNPC) — Нигерийская национальная нефтяная корпорация.

— Но это не по порядку, — возразил Лайи. — Я встану справа, Вураола — слева, а ты — рядом с Вураолой.

— Почему? Доктор Вура самая низкая. Почему она не с краю?

Йейе почувствовала, как Вураола рядом напряглась всем телом. Она даже в туфлях на каблуках была ниже сестры. Когда Вураола была подростком, Йейе надеялась, что она еще прибавит пару сантиметров. Благо, Кунле высокий. Хотя бы его гены дадут шанс их потомству. Йейе поправила свою буба. Да, Кунле — почти само совершенство.

— Мотара, не надо обижать сестру из-за фотографии. — Она сжала плечо Вураолы.

— Но я не…

— Просто встань, где тебе сказал брат. — Йейе выровняла ожерелье. — Óуá, улыбнитесь. Все улыбаются?

Фотограф кивнул. Щелчок. Вспышка. Другая поза: Йейе сидит, дети стоят за креслом.

— Хорошо, теперь родственники.

Тетя Сунмбо встала и жестом позвала мужа.

Тетя Биола усадила их обратно.

— Лайи, где твоя жена? Она тоже должна быть в кадре.

— Может, и Кунле присоединится? — спросила тетя Джумоке, поворачиваясь в кресле к коридору.

Тетя Биола покачала головой.

— Это можно потом. Он еще в кабинете, а нам надо поторопиться. Хочу проверить, закончили декораторы с подиумом или нет. Лайи, так где Одунайо? Разве она только что не была здесь?

— Не знаю, — сказал Лайи. — Я видел, как она спускалась.

Хоть он стоял у нее за спиной, Йейе все равно знала, что он чешет затылок и оглядывается, уже скучая от фотосессии и готовый перейти к следующему пункту программы.

Вураола шлепнулась в кресло.

— Достопочтенный приехал к отцу с какими-то парнями. И я попросила ее спуститься и проследить, что еды хватает на всех. Жареный рис для них сойдет, правильно?

Встала тетя Сунмбо.

— Тетя Биола, давай уже фотографироваться с мужьями.

— Да. Да. — Лайи обнял сзади Йейе, а затем ушел, на ходу поправляя агбаду по пути к лестнице. С тех пор как научился ходить, он вечно куда-то торопился, и иногда мать задумывалась,

достигнет ли он когда-нибудь своей цели.

Йейе откинулась в кресле.

— Подождем пару минут, может, и мой муж подойдет.

Тетя Сунмбо прочистила горло.

— Мой больше не может ждать. У него встреча.

Ну конечно, этому никчемному мужчинке надо уезжать. К какой новой жене он торопится сегодня? Кто в наше время берет шесть жен? И это притом, что тетя Сунмбо никогда не мешала ему крутить с подружками. Нет, обязательно ему надо на всех жениться. Даже генерал остановился на четвертой.

Йейе улыбнулась мужу тети Сунмбо.

— Ну хорошо, инженер, иди сюда. Ọ̀gá[109] фотограф, вы ее слышали, давайте поторопимся?

Пока сестры Йейе спорили, какой фон для фотографии лучше, Вураола и Мотара спустились, закинув через плечо одинаковые сумочки и подобрав подол длинных платьев. Наконец сестры Йейе решили встать перед роликовой стеклянной дверью на балкон, но тут же начался новый спор: задернуть ее тяжелыми портьерами или нет.

— Давайте сделаем и так, и так, боже мой, —

---

[109] Примечания: 109
Мастер.

прорвался через спор напряженный голос тети Сунмбо.

Мужчины после нескольких снимков направлялись к шатру. Муж тети Сунмбо собирался на свою так называемую встречу, но она не провожала его до машины и даже не попрощалась. Другим мужьям тетя Абени объясняла, как найти свои места за столами в шатре.

— Пусть просто спросят Вураолу или Одунайо, когда спустятся, — сказала Йейе.

— Ну, не потеряются. — Тетя Биола порылась в своей большой сумочке.

Йейе отвернулась от сестер, чуточку сдвинула портьеру и выглянула через стеклянную дверь. Перед воротами вдоль обеих сторон улицы уже выстроились машины. Гости струились во двор по двое и по трое, задерживаясь, чтобы обнять знакомых, после чего пропадали в большом белом шатре.

Скоро заиграет оркестр.

Мать Йейе хотела на свое пятидесятилетие большой праздник. Но даже в лучшие времена не смогла бы себе позволить такой, как сегодня. И все-таки Йейе не сомневалась, что мать предпочла бы живую музыку — так она любила танцы. Обсуждения этого праздника мечты шли давно.

До того, как заболел отец Йейе. До того, как все его компании и активы пришлось распродать, чтобы оплатить больничные счета. До того, как мать продала свое золото. До того, как тете Биола и тете Абени пришлось бросить университет. До того, как их единственной ценной вещью остался дом, построенный отцом. До того, как отца похоронили на заднем дворе того самого дома через три года после того, как ему удалили первую опухоль мозга. До конца всему, что могло бы быть.

Отец Йейе первым в своей семье пошел в школу, единственный из братьев окончил университет, первый и единственный построил свой дом. Хотя он только-только выполз из нищеты, решил, что уже разбогател. Половину денег раздал двоюродным братьям и сестрам, племянницам и племянникам. Бесконечному потоку родственников, которые приходили к его родителям клянчить деньги и услуги, пока отец не заболел. Те же люди, кто потом притворялся, что их нет дома, когда Йейе с матерью стучались в двери их арендованных домов. Да и что бы они сделали, если бы открыли? Продали бы дом, который им не принадлежит, чтобы оплатить еще одну операцию? Богач среди десяти бедняков на самом деле не богач — он еще просто не понял,

насколько он беден.

— Алаке? Алаке?

Когда Йейе отвернулась от балкона, на миг ей померещилось, будто позади — ее отец. Зовет ее по имени. Но это просто тетя Биола звала ее «Алаке» после того, как она не откликнулась на «Йейе». Больше никто не звал ее Алаке — с тех пор, как они с мужем получили титулы вождей в год рождения Вураолы.

— Ṣéèsí?[110] — спросила тетя Биола.

— Я в порядке.

— Kóìtiírí kí o mí wò sìì[111].

— Тетя Биола, не волнуйся. Àní[112], я в порядке. Óyá, давай фотографироваться.

Йейе отошла от стеклянной двери и села в кресло.

Тетя Биола передала ей снимок в рамке, и Йейе поставила его на колени, даже не взглянув. Снимок их матери. Из давних времен. Фотографировалась ли та хоть раз после диагноза? Йейе и сестры пользовались одним и тем же снимком

---

[110] Примечания: 110
Что случилось?

[111] Примечания: 111
Расскажи мне.

[112] Примечания: 112
Обращение к богине игбо Ани, богине плодородия.

на всех свадьбах и важных днях рождения. Их Мать. На кресле в позе yà mí tùkatùka[113]. Руки на коленях, одна сжимает клатч, другая раскрыта, показывая золотые кольца на каждом пальце, и оба запястья — в браслетах из бус. Иро повязано над талией. На буба — две нитки коралловых бус. Ашо-оке иро и геле наверняка красные, но точно уже не узнаешь, ведь фотография черно-белая. Она улыбалась. Один глаз остекленело смотрел прямо в камеру, а другой, правый, взглянул на что-то за кадром. Йейе часто их вспоминала — эти глаза, которые никогда не отвечали взаимностью.

— Óyá, улыбнись. — Тетя Биола нависала над ней, словно чтобы подхватить рамку, если та выпадет из рук. — И держи фотографию повыше. Еще. Ehen, хорошо.

— Ты улыбаешься как она, — сказала тетя Джумоке.

— Нет, — сказала тетя Абени. — Вот Мотара действительно улыбается как она.

Впервые они так фотографировались в утро свадьбы тети Биолы. Только ее свадьбу проводили в переднем дворе дома их отца, будто он

---

[113] Примечания: 113
Полный портрет.

еще жив и готов принять новых родственников. Многое изменилось в том доме, но желтые, как яичный желток, стены гостиной все еще украшались снимками родителей. В тот раз, когда пришел фотограф, тетя Биола показала на этот снимок матери. И Йейе залезла на стул снять его со стены. А когда потянулась и за снимком отца, тетя Биола попросила спускаться. Сначала Йейе приняла искаженное лицо сестры за обновленное выражение скорби. А потом ее голос зазвенел от гнева: «Не хочу видеть этого человека на своих свадебных фотографиях, пусть с ним его драгоценный сын фотографируется». Позже в этот день сестры сгрудились вокруг тети Биолы со снимком матери на коленях. «Драгоценный сын» будет сидеть на месте отца на свадебной церемонии. Больше его не пригласят ни на одну свадьбу. На них, всегда проводившихся в доме генерала в Ибадане, на месте матери сидела тетя Биола, а стул отца оставляла пустым.

Она заявляла, что не хочет иметь ничего общего с драгоценным сыном, потому что, хоть он им и брат, он не сын их матери, а нельзя по-настоящему доверять родственнику, который не сосал ту же грудь. Впрочем, за ее спиной тетя Абени и тетя Сунмбо рассказывали совсем другую исто-

рию. Тетя Биола и драгоценный сын — а звали его Фестус, в честь отца, — родились в один месяц. И он родился от любовницы, а она — от их матери, на которой отец был женат уже два года. Тетя Биола и Фестус-младший с первого же дня школы учились в одном классе, но отец всегда раньше платил за сына. А когда им пришло время поступать в университет, отец как раз открыл свой второй магазин электроники и не мог оплатить первый год для обоих. И пришлось тете Биоле провести два года дома — бесплатно работать кассиром в новом филиале «Фестус Акинийеми и сыновья Электроникс», — а потом поступать вместе с тетей Абени, когда Фестус-младший уже перешел на третий курс. По словам тети Абени и тети Сунмбо, поэтому-то она и вела себя так, будто отца никогда не было. А они, наверное, разрешили вычеркнуть его из своей жизни потому, что на смертном одре он завещал все, что осталось, — к тому времени уже лишь пару наручных часов да дом, который он построил, — Фестусу-младшему. Сестры никогда не заговаривали о том, что стали незваными гостьями в собственном доме, когда им завладел Фестус-младший. И ни к чему — ведь они в итоге выжили. Брак тети Биолы с генералом спас их от бездомной жизни. Они выжили. Все.

Теперь Йейе сжала руку тети Биолы, когда сестры собрались для группового снимка с матерью. Так они делали каждый раз. Сначала — именинница с матерью, пленницей времени, теперь она младше их всех; потом — все вместе. И тетя Биола всегда тихо звала каждую сестру по имени, чтобы собрались все.

— Ты не идешь? — спросила тетя Сунмбо.

Сестры Йейе уже собрали свои сумочки и шли или ковыляли к лестнице.

— Я еще не снялась с мужем.

Тетя Биола бросила взгляд на дверной проем в коридор.

— А потом не получится?

— Я должна его дождаться.

Йейе хотела спуститься на праздник с мужем. Да, иногда она приплясывала по пути в ванную, но Адемола всегда танцевал куда лучше. Когда они танцевали вместе, он держал ее за руки. Привлекал к себе, чтобы она опиралась на него и меньше утруждала колени.

— Позови, когда вы будете выходить, чтобы мы ждали у входа и плясали для вас. Ṣebí, мы так сделаем?

— Тетя Биола, большое тебе спасибо за все.

— Я же просила меня не благодарить. Будешь

меня слушаться?

Тетя Биола начала спускаться. За ней последовали остальные сестры, цокая каблуками по мраморной плитке.

Йейе расслабилась в кресле и перевела взгляд на столик. Смотрела в одну точку, пока вокруг понемногу не затихло все, что требовало ее внимания. Неустанные ударные и Йинка Айефеле, поющий *Beru Ba Monuro* в шатре; болтовня, просачивающаяся с первого этажа; позвякивание и стук, пока фотограф копался в своем рюкзаке. Этому Йейе научилась, когда Вураола была совсем маленькой, ходила за ней по всему дому хвостом и щебетала без умолку, пока Йейе не испугалась, что того гляди зашьет дочери рот ради минуты покоя. Иногда она жалела, что тогда не обращала на нее достаточно внимания. Может, в том лепете и крылся ключик, открывавший молчаливого подростка, которым стала Вураола. Но Йейе никогда не давала этим сомнениям пустить корни, прогоняла воспоминаниями о подростке Вураоле: ноги подтянуты к груди, подбородок на коленях, болтает допоздна с Адемолой в этой самой семейной комнате. С тем Адемолой, который, спасаясь от младенческого лепета, и вовсе запирался в кабинете.

Конечно, все равно никто не ожидал, что праздник начнется ровно в полдень, но о чем там говорят эти мужчины? Йейе посмотрела на свои часы. Она могла подождать Адемолу еще полчаса. Опоздать на сорок минут — не так уж плохо. К тому же он обидится, если она уйдет без него, и весь следующий месяц придется доказывать свою любовь к нему. Только к нему. Не к чекам, что он выписал на вечеринку, и не к чиновникам и вождям — даже не к Леджоке, который придет только потому, что она жена Адемолы. Иногда Йейе раздражала потребность мужа в заверениях. Ну и что, что она выбрала его из-за имени, богатства и семьи, в которой нет нищих? Как она может его не любить, когда так благодарна? Когда всегда следит за его едой и подает сама, прокрадывается раз в неделю к нему в комнату, чтобы заняться любовью, и никогда не отказывает, если это он приходит среди ночи к ней и тянет за пояс ее ночной рубашки. Но он всегда хотел больше, называя все, что она перечисляла, всего лишь супружеским долгом. Как будто долг не может быть проявлением преданности, любви. Она-то не дулась целыми днями в надежде, что он докажет свои чувства. После тридцати лет совместной жизни? Зачем? Он позволял опираться на него во

время танца, чтобы не ныли ее колени. Другого доказательства ей и не требовалось.

В коридоре хлопнула дверь, и Йейе почувствовала запах неприятностей. Адемола никогда не хлопал дверями. Даже когда торопился или опаздывал. Даже когда злился так, что белки глаз краснели, будто он заплачет от гнева. Его движения всегда были размеренными. Чашки ставились в блюдца без звона, спина поворачивалась к ней плавно, не тревожа матрас, двери закрывались у нее перед носом с твердым щелчком. Если Адемола хлопнул дверью, в том кабинете что-то случилось. И хлопнул наверняка он — никому из гостей не хватило бы наглости. Йейе выгнула шею.

Мужчины переливались из кабинета в коридор. Возглавлял процессию Достопочтенный Фесоджайе в зеленой буба, натянутой на брюхе. По бокам шли двое — вблизи они оказались молодыми парнями. Обоим было самое большее семнадцать. Высокие и мускулистые, с клочковатыми бородами, напомнившими Йейе о Лайи, когда он пытался отрастить свою и каждый вечер втирал в подбородок метиловый спирт. В нескольких шагах позади шли бок о бок Кунле с отцом. А затем — ее муж, Отунба Адемола Ма-

кинва. Возвышаясь надо всеми ними, поправляя агбаду с уверенностью человека, который знал всю жизнь, что другие его подождут. Угрюмое лицо подтвердило то, о чем она подумала, услышав стук двери: встреча была не из приятных.

— Добрый эм-м… — Достопочтенный посмотрел на свои часы. — Добрый день, Йейе.

Она поднялась.

— Добрый день, сэр.

— Нас не представили, но я уже видел вас на приемах. С днем рождения, ма.

— Большое спасибо.

— И поздравляю с помолвкой дочери. — Он бросил взгляд в коридор. Кунле с отцом задержались переговорить шепотом с Адемолой. — Об этом мне рассказал по дороге сам счастливчик.

— Мы очень рады. Может, вы приедете на свадьбу? — Йейе улыбнулась.

— Сохрани Господь наши жизни до того дня и дальше. Если получу приглашение, то приеду. Я поговорил с мужчинами, и они так упрямы. Йейе ria, позволь обратиться к тебе, чтобы ты помогла поговорить с ними. — Достопочтенный взял Йейе за плечи и сжал. — Попроси своего мужа предостеречь друга от несчастья. Йейе, я — следующий губернатор этого штата. Пусть про-

фессор не позволяет вводить себя в заблуждение. В кабинете я умолял его быть моим комиссаром здравоохранения, когда я стану губернатором, но он отказался. Теперь это предложение отменяется. Пришло время предупредить его. Если он не прислушается к предупреждению? Йейе, никто из нас не должен плакать над мертвым телом своего ребенка о.

Достопочтенный ушел раньше, чем кулак Адемолы встретился с его затылком. За ним последовали и парни Фесоджайе, пятясь до самой лестницы.

— Какая наглость! — вскричал профессор Кокер, врываясь в семейную комнату по пятам за Адемолой. — Какая же наглость. Я похож на того, кому можно угрожать?

Адемола положил руку на плечи Йейе, а она обняла его за талию, зарывшись пальцами в складки агбады, чтобы они не дрожали.

— Это пустые угрозы, — сказал Кунле. — Так они и поступают — запугивания и угрозы, а дел мало.

— Мне очень жаль, что тебе пришлось терпеть этот позор, — сказал профессор Кокер. — Йейе, мне правда очень жаль.

— Kò sí[114] проблема. — Йейе сглотнула. — Вы можете спуститься на праздник и оставить нас ненадолго?

— Конечно-конечно. Еще раз — мне очень жаль.

Профессор Кокер с сыном вышли.

— И вы, — повернулась Йейе к фотографу.

— Но снимки с мужем, ма?

— Снимете на празднике.

Она дождалась, когда затихнут все шаги, и начала ходить по комнате.

— Ты в порядке? — спросил он.

— Нет, — вздохнула Йейе. — То, что он сказал…

— Не обращай на него внимания.

— Наша дочь выходит за Кунле о.

— И что?

— А если что-то случится?

— Например?

— Убийство.

Адемола рассмеялся.

— Не волнуйся. Убийство, lọ́hùún lọ́hùún? Этого быть не может. Фесоджайе не посмеет. Кокера поддерживает председатель партии. Разве эта мелкая крыса пойдет против председателя? Он

---

[114] Примечания: 114
Это не…

не так глуп.

Йейе остановилась перед мужем.

— Что тут смешного? После того, что случилось с Уильямсом, не прошло и пяти лет.

— Уильямс?

— Фуншо Уильямс[115], разве его не убили в собственном доме из-за губернаторства?

— Мы же не в Лагосе, моя дорогая. Ìwọ[116] не волнуйся. Ничего не случится, это просто политика.

— Почему ты провел встречу у себя в кабинете?

— Почему бы и нет?

— Когда ты узнал, что будут неприятности, надо было сказать профессору говорить с ними в машине или еще где.

— Мы с Кокером теперь вместе. Я финансирую

---

[115] Примечания: 115

Фуншо Уильямс (1948–2006) — влиятельный нигерийский политик от Народно-демократической партии, был замучен и задушен во время губернаторских выборов, на которых был кандидатом. В период с конца 1990-х до 2007 года, в два срока президента Обасанджо, страна еще восстанавливалась после долгих лет войн и диктатур, и эти годы отмечены десятками политических покушений. Убийство Уильямса — одно из самых громких, среди прочего потому, что все подозреваемые были оправданы и ни заказчики, ни исполнители не найдены до сих пор, из-за чего по сей день возникают требования заново открыть расследование.

[116] Примечания: 116

Ты.

половину его кампании.

— Что? Адемола, kílódé[117]? Почему ты не сказал мне? Это же рискованно?

Он поправил свою агбаду.

— Не переживай, это хорошая инвестиция.

Она вгляделась в его лицо. Кустистые брови, которые он не давал ей подстричь, линии улыбки от носа до краев полных губ, подбородок, словно вытесанный из камня. Она искала признаки того, что он тоже беспокоился, но при этом утешал ее. И ничего не нашла. Он смотрел в ответ безо всякого волнения. Йейе всегда удивлялась его спокойной уверенности, что все хорошее в его жизни либо останется прежним, либо станет еще лучше. Он принимал благополучие за должное. Будто попросту невозможно, что хорошее продлится лишь мгновение. Она так и не избавилась от ощущения, что жизнь — это война, череда сражений лишь с редкими мгновениями хорошего.

— Так ты готова? — спросил он, протягивая руку.

Йейе вложила свою ладонь в его и позволила повести ее к лестнице.

---

[117] Примечания: 117
Почему?

11

Ко второй половине дня Эниола чувствовал себя взаперти. Хоть была суббота, он не мог пойти к тете Каро — она взяла выходной и уехала на день рождения клиентки. В мастерской все удивились и обрадовались, когда приглашение доставил лично водитель Йейе. Тетя Каро попросила Эниолу зачитать текст, будто сомневалась, что ее и правда пригласили. На следующий день она достала все свои кружевные платья, показывала подмастерьям и снова и снова спрашивала: «Такое могла бы надеть богатая дама?» Эниола выбрал по примеру Сейи и Марии золотое платье с отделкой из серебристого шифона. Хотя он считал — после всех часов, проведенных за «Овейшен», — что богатые дамы ничего подобного не носят, но чувствовал себя надежнее в согласии с остальными. Позже, если тетя Каро останется недовольна выбором, она разделит вину на троих, и свою долю он уж как-нибудь выдержит.

С переднего двора в дом проникали возгласы, свист и громкий стук по мячу, только мучая Эниолу на матрасе. Ведь мог бы сейчас быть на улице, играть с другими мальчишками. Но он

здесь; прячется, потому что их домовладелец часто сидит на балконе и смотрит на футбол перед домом. Эниола боялся, что если выйдет насладиться игрой, то домовладелец спросит его, почему к нему до сих пор не поднялся отец. А то и о квартплате спросит — и кричать будет так, что услышат все. Там может быть и Пол с его большим ртом и длинными ногами — гоняет и забивает, готовый запомнить все, что домовладелец крикнет Эниоле. И в понедельник Пол обязательно разыграет сценку перед одноклассниками под общий хохот.

Эниола перевернулся на спину. Мама еще не вернулась, а отец лежал на кровати неподвижной съежившейся массой. После ухода мамы он поднимался только один раз — сходить в туалет. По крайней мере, так решил Эниола, когда через пару минут тот юркнул обратно. Эниола-то надеялся, отец планирует подняться и поговорить с домовладельцем, — но нет, он собирался ждать, пока не придет мать и не напомнит о его обязанностях. Эниола проглотил вспыхнувший внутри гнев, затушил воспоминанием таким ярким, что от него чуть не повеяло ароматом чеснока.

Через несколько месяцев после того, как правительство штата уволило сотни учителей в один

день, семья Эниолы отправилась в гости к мистеру Олабоде — другу отца, тоже уволенному. Когда они пришли, дверь стояла чуть приоткрытой, и, постучав два раза, отец Эниолы ее толкнул. Войдя в гостиную, они не сразу поняли, что видят. Мистер Олабоде свисал с потолочного вентилятора на толстой веревке, одетый как на работу — туфли и ремень под цвет его коричневого галстука. Какое-то время они в ошарашенном молчании смотрели на тело. А потом Эниола перевел взгляд на отца и увидел, что тот смотрит на мистера Олабоде с завистью и восхищением. Тогда его это так испугало, что он вскрикнул, нарушив общий транс. Мама закрыла его лицо руками, прижала пальцы к глазам и носу, и поэтому он не мог укрыться от запаха чеснока, который она резала перед выходом из дома.

В газетном объявлении о похоронах, опубликованном через несколько дней, говорилось, что мистер Олабоде скончался после недолгой болезни. В следующие два года от недолгой болезни умирали и другие учителя, и всегда, когда Эниола слышал об их смертях, вспоминалось лицо отца перед тем, как мама закрыла Эниоле глаза. Сейчас, годы спустя, каждый раз, когда ему хотелось встать над отцом и кричать, чтобы он поднялся

и что-то сделал, Эниола вспоминал, что однажды тот уже позавидовал мертвому. Часто его гнев развеивался; порой сменялся страхом.

Было жарко и душно. Эниола уже снял футболку и трико. Хотелось снять и шорты, но рядом на животе лежала Бусола, читала книгу.

— Про что там? — спросил Эниола, обмахивая лицо.

Какое-то время Бусола не отвечала, он уже думал — не расслышала; потом она сказала:

— Это от сестры моей подруги, старшей. Они ее читают для *WAEC*. А что читают у тебя?

Он видел сверстников на уроке искусств с «Гамлетом» и «Радостями материнства»[118].

— Я спросил — про что?

— Чичидодо.

— Чего?

— Чичидодо, — повторила Бусола. — Это птица; правда, я не знаю, настоящая или нет.

— Книга про птиц?

— Нет. Но чичидодо… ну, ты поймешь, если прочитаешь. Могу потом дать. Я почти все.

Его не интересовали книги. Ему хотелось на улицу — свободно носиться по красному песку,

---

[118] Примечания: 118

«Радости материнства» (The Joys of Motherhood, 1979) — роман года нигерийской писательницы Бучи Эмечеты.

чувствовать ветер на спине, когда забивает гол. А не торчать в комнате и слушать про какую-то птицу, пока к потной спине липнет простыня.

Когда он перевернулся на бок, открылась дверь.

Вошла мама, снимая шарф.

— На сегодняшнем солнцепеке яйца можно жарить.

— Hin káàbọ̀, ma[119], — сказал Эниола, садясь.

Бусола закрыла книгу.

— Нашла деньги на школу?

Мама подсела к мужу и положила руку ему на плечо.

— Нашла деньги? — повторила Бусола.

— Совсем забыла о приличиях? Предложить стакан воды — нет. Приветствовать дома, как твой брат, — нет. Сразу со своими деньгами на школу, будто тебя не воспитывали.

Бусола сделала долгий вдох, часто означавший начало очередной жалобы, но в дверь кто-то постучал, спасая Эниолу от их выслушивания.

— Кто там? — спросил он.

— Хозяин этой двери.

Зычный голос было невозможно спутать — это

---

[119] Примечания: 119
Добро пожаловать, ма.

пришел домовладелец.

Провалявшийся почти весь день, отец подскочил и начал озираться так, будто надеялся, что стена раскроется и он сможет сбежать.

— Он пришел к тебе, Баба Эниола, — сказала мама.

Отец встал с кровати.

— Пожалуйста, — сказал он ей, потирая ладони в умоляющем жесте, после чего плавным движением скрылся под кроватью.

— Мне что, вышибить дверь? — гаркнул домовладелец.

— Открыто, сэр, но давайте я… — Мама бросилась к двери; потом, когда домовладелец ворвался внутрь, пала на колени. — Добрый день, сэр.

— Не задабривай меня пустыми приветствиями, Ийя Эниола! — закричал он, грохнув по двери резной тростью. — Я пришел к твоему мужу. Где он?

— Его нет, — ответила она. — Эм-м, он уехал… далеко. Ему пришлось выехать несколько часов назад. Эм-м, звонил дядя его брата и сказал, что он срочно нужен…

Домовладелец осмотрел комнату.

— Я слышал мужской голос, когда стоял перед дверью.

— Да, да, это мой сын, — она показала на Эниолу. — Его голос становится мужским, он говорит как отец. Óуá, Эниола, поздоровайся с Бабой Домовладельцем.

— Добрый день, сэр, — сказал Эниола.

Домовладелец прошелся по комнате — мимо деревянного шкафа с одеждой, кастрюлями и учебниками, мимо закрытого окна с дырявой занавеской. Когда он остановился у кровати, Эниола затаил дыхание, а тот склонил голову к плечу и прислушивался.

— Ийя Эниола, передай своему мужу, где бы он ни был, что я хочу видеть деньги на следующей неделе. Не заплатите к концу следующей недели — съезжаете из моего дома.

Мама кивнула:

— Хорошо, сэр, да, сэр, да, сэр. Я ему все передам.

Домовладелец развернулся и направился на выход.

— Я вас жалею только из-за детей, но больше жалеть не могу. Помнишь, как я разрешил не платить за электричество два месяца?

— Да, сэр, я помню, сэр, спасибо, сэр. — Мама согнулась, чуть не касаясь лбом пола. — Мы благодарны.

— Никто не обвинит меня в жестокости. В этот раз я вас прогоню, даже если твоего мужа не будет на месте. — Домовладелец ударил тростью по двери. — Ты меня поняла?

— Очень хорошо, сэр, — сказала она. — Спасибо, сэр.

Когда он ушел, в комнате повисла тишина.

Мама выпрямилась, закрыла дверь и стояла, не снимая руки с ручки.

— Завтра утром мы идем попрошайничать.

— Что ты сказала? — переспросила Бусола.

Мама, не поворачиваясь, повторила:

— Завтра утром мы идем попрошайничать.

12

— Скажи, каково быть помолвленной? Все стало по-другому, эн? — спросила Грейс.

Вураола следила за столами с первого по двенадцатый и сейчас задержалась у шестого, чтобы проверить, что ее подружкам подали жаренную на гриле рыбу.

Тифе закатила глаза, накалывая кусочек зубатки.

— Кто это тебе сказал, что должно быть какое-то особое ощущение? У нее же не вырос новый палец. Кольцо она носит на том, какой был.

Вураола сама не ожидала, что что-то изменится. Сперва не изменилось. Ни после предложения, ни даже этим утром. Но теперь, спустя три часа после начала праздника, помолвка стала чем-то настоящим и ощутимым. Она уже находилась не в той категории, что вчера. Когда она подходила к столу, женщины поглаживали ее по спине или все бросали и вскакивали ее обнять. Мужчины пожимали ей руку так энергично, что она боялась, как бы не вывихнули. Тетушки улыбались, когда бы ни ловили взгляд. Даже тетя Биола, хоть Вураола и думала, что та затаит обиду из-за

несогласия следить за поварами ночью.

Была разница и в том, как танцевали родители, когда наконец показались на улице, — их восторг не объяснить одним юбилеем: они уже сейчас наслаждались всеми церемониями, что ведут к свадьбе Вураолы. Была разница и в шепоте Йейе всем встречным, который она нечаянно услышала: «Спасибо, спасибо. Вы же знаете, что скоро снова вернетесь праздновать с нами — наша старшая дочь выходит замуж». Была она в том, как папа представлял Вураолу и Кунле своим друзьям «женихом и невестой». Будто они переродились, и теперь их надо было заново знакомить с друзьями семьи, знавшими их с детства.

Вураолу саму удивило, как ей нравится всеобщее внимание. Она думала, это будет почти как знакомое давление — как те вопросы на прошлых сборищах о том, когда же она выйдет замуж. Но папа улыбался, как в тот раз, когда она получила все награды своего класса в средней школе. От «Самая пунктуальная» и «Лучшее поведение» до призов по математике и естествознанию. Больше она это достижение ни разу не повторяла, хоть по-прежнему получала награды каждый год. И ей никогда не забыть то удовольствие от гордости родителей — будто запертый под ее кожей свет,

лучащийся и омывающий всех вокруг радостью. То, что она чувствовала теперь, на пятидесятилетии матери, было еще сильнее. Ее встречали улыбками еще шире, чем за все ее прошлые достижения. Объятия длились дольше, похлопывания по спине перерастали в поглаживания, будто никто не хотел ее от себя отпускать. «Тобой гордится вся семья Макинва, — сказал, приехав, брат ее отца, полковник в отставке. — Ты не дала своему уму затмить женственность, мы так тобой гордимся».

Так все-таки каково это — быть помолвленной? На этом празднике — как быть звездой. Все вокруг хотят прикоснуться или поговорить. Но Вураола не успевала объяснить все Грейс и Тифе. Пришлось бы перекрикивать музыку, а она и так уже охрипла. До конца дня она решила говорить шепотом или с помощью стикеров из клатча. А то было бы глупо вернуться в понедельник в больницу неспособной отвечать пациентам. Она улыбнулась и перешла к другому столу. Здесь сидели трое братьев ее отца. Не успела она начеркать вопрос на стикере, как полковник попросил еще выпивки на всех. Она пробралась на выход, уворачиваясь от официантов, разносивших подносы с тарелками.

Раскрыв клапан в шатер поменьше, без кондиционера и не закрытый со всех сторон, Вураола чуть не столкнулась с тетей Джумоке. Но та и не заметила. Увлеклась криками на распорядительницу из-за того, как быстро у них кончилась перченая индейка. Вураола обошла их, пряча глаза. Сейчас ей нельзя втягиваться в разборки. И хуже того — признаваться, где Йейе и тетя Биола спрятали по пятьдесят кусков мяса каждого вида. На таких вечеринках «мясо кончилось» означало только то, что ты — не из немногих избранных, для кого открыто тайное мясное хранилище. Знала это и тетя Джумоке, потому и кричала: «Ни за что, не хочу я курицу, мои гости не едят курицу. Да ты знаешь, кто я?» Не тронутая речью о том, сколько раз тетя Джумоке меняла именинницe подгузники, распорядительница стояла уперев руки в бока и кричала в ответ: «Мадам, индейка кончилась, не могу же я сама в нее превратиться».

Вураола поспешила, замедлившись, только когда покинула зону еды. Официанты в зоне напитков носили черные рубашки с логотипом компании. Большинство были заняты — расставляли вина в холодильнике, доставали из бочек со льдом бутылки с водой, ставили безалкогольные

напитки в переносные холодильники. Вураола поймала одного за локоть.

— Две бутылки «Дом Периньон» на пятый столик, — шепнула она. — Нигде не задерживайтесь. Поближе, я кое-что скажу. Если попросят еще, скажите, что скоро принесете, но потом два часа ничего им не наливайте. Слышали? Слышали меня, да? Ehen, хорошо. И предупредите остальных. После шампанского никаких напитков на пятый стол. Два часа. Только воду — воду приносить можно, хорошо? А теперь дайте мне одну колу.

Когда он подал колу, она поискала глазами свободный стул. Кто знает, сколько километров она уже прошла в том шатре, мечась от столика к столику и проверяя, что все довольны. Хорошо хоть сменила острые каблуки на плоскую подошву, но, kai[120], вот бы сейчас посидеть в шортах. Вураола усмехнулась, забирая у официанта колу. Йейе хлопнулась бы в обморок от стыда, если бы ее дочь явилась на праздник в шортах. Вураола сделала долгий глоток и закрыла глаза. Может, лучше вернуться в зону еды и перекусить чем-нибудь самой. За весь день она съела только спринг-ролл с тарелки Кунле, когда задержалась

---

[120] Примечания: 120
Выражение неудовольствия.

у столика его семьи. Нет, пока некогда. Скоро раздавать гостям сувениры, а брат с сестрой еще не вынесли заказные блокноты с надписью: «От любящих детей именинницы».

Вураола раскопала в сумочке телефон и написала им.

Встречаемся у напитков. Надо сходить за подарками.

Почувствовала, как ее похлопали по плечу, и услышала:

— Привет, золотая детка.

Так ее называл только один человек — Кингсли. Она вскочила, улыбалась во весь рот. Кингсли — щербатый очкастый Кингсли. Первый однокурсник, с кем она встречалась после катастрофического знакомства Нонсо с ее матерью. По подсчетам Тифе, на четвертом курсе медвуза Вураола встречалась с новым молодым человеком каждый месяц. Сама она никогда не трудилась считать.

— Ты не забыл? Ох, Кингсли, как это мило.

В последнюю их встречу Вураола упоминала о празднике только походя. И то, наверное, уже пару месяцев назад.

Кингсли пожал плечами, словно пожертвовать субботой для него — раз плюнуть.

— Ты сегодня невероятна.

— Спасибо. Ты только что приехал?

— Нет, я тут уже около часа. Звал тебя, когда ты была в шатре, но там такой шум, эн.

— Уже видел Грейс и Тифе? Нет? Они будут так тебе рады. — Вураола показала на большой шатер. — Пошли, отведу к их столику.

Кингсли не сдвинулся с места. Он, прищурившись, не сводил глаз с ее левого пальца, с обручального кольца. Снял очки и надел снова.

— Это?..

— Да, буквально вчера.

— Вау, поздравляю, золотая детка. — Он сунул руки в карманы. — Не переживай, у тебя наверняка и так миллиард дел. Сам найду Грейс и Тифе.

Он прошел мимо нее раньше, чем она успела что-нибудь ответить.

Она огляделась — ни брат, ни сестра так и не показались, и тогда она написала Кунле. Он появился через минуту.

Они вместе направились к дому, останавливаясь перебросится парой слов с гостями, которые вышли на лужайку покурить или поболтать.

— Я что, единственный ребенок? Вечно эти двое все сваливают на меня. Это я выбрала стиль в типографии, а теперь мне еще самой разносить

пятьсот блокнотов? Они же знают, что для Йейе это важно, но и пальцем о палец не ударят, особенно Мотара.

Кунле прочистил горло.

— Ты пригласила Кингсли? Кажется, я его видел, когда шел к тебе.

— Да, знаешь, даже не ожидала, что он придет. Я же понимаю, как он занят, а он все равно отдал субботу ради праздника. Но это же Кингсли, sha, он всегда такой милый.

Человек в зеленом разглагольствовал перед полукругом из трех других. Он помахал Кунле, но тот отвернулся. Вураола улыбнулась и сделала книксен; мужчина широко улыбнулся в ответ.

— Это же какой-то политик? То ли сенатор, то ли еще кто?

— Достопочтенный Фесоджайе. Из палаты представителей.

— Почему ты ему не ответил?

— Не забивай голову.

Естественно, Мотара сидела без дела в гостиной. Ее окружили шесть девушек, хихикавших над какой-то ее историей. Вураола узнала только двух — близняшек тети Джумоке. Она хотела уже махнуть рукой на Мотару и заняться делом, но, когда двинулась по лестнице, их взгляды встре-

тились и она все-таки поманила Мотару.

— Видела, что я писала? — спросила Вураола.

— Что? — Мотара вздохнула. — Привет, Кунле.

Вураола наклонилась над перилами.

— Ты получила сообщение? Иди со мной.

— Почему ты так со мной разговариваешь? Здесь мои подружки, не могу же я их бросить. — Мотара подняла подол и поболтала пальцами. — И вообще я где-то потеряла туфли.

— Посади подружек за столик в шатре, почему вы дома?

— Ты что, не слышала? Я сняла туфли после танцев с Йейе и не могу их найти.

— И что теперь? От тебя никакой пользы, Мотара. Пойдем, будем раздавать сувениры вместе.

— Ahn-ahn, а я тут при чем? Пусть тебе теперь помогает Кунле. И ты всегда можешь попросить любого официанта. А у меня руки болят о — я ничего не могу носить. Всем от меня что-то надо. Тете Биоле, всем. А теперь и тебе. Пожалуйста, мне сейчас надо отдохнуть.

Не дожидаясь ответа, Мотара вернулась к подружкам.

Вураола покачала головой и пошла на второй этаж — времени читать нотации не было. Это она всегда успеет сделать потом.

— Твои родители и правда ее избаловали, — сказал Кунле на лестничной площадке. — Слышала, как она со мной разговаривала?

— Она с тобой и не разговаривала.

— Почему ты всегда ее защищаешь? Она же и тебе нахамила.

— Просто говорю, что не понимаю, о чем ты. Она к тебе не обращалась.

— Она говорила обо мне. И мне не нравится, как она называет мое имя без приставки, будто мы друзья.

— Ну так она и старшего брата не называет «брат Лайи», и меня не называет ни «тетей», ни «сестрой». Ты же заметил?

— Почему ты на ее стороне?

Они стояли перед ее спальней, но дверь оказалась заперта. Что еще изменилось из-за помолвки? Теперь Кунле разрешалось — нет, это даже приветствовалось — заходить дальше семейной комнаты. Разве не сама тетя Биола, когда он приехал утром, звала его зайти к Мотаре и поздороваться с Вураолой? Та же самая тетя Биола, которая говорила: «Принимай парня внизу, пока он не сделает предложение, — с чего ему подниматься в семейную комнату?» Вураола рылась в сумочке в поисках ключей, пытаясь вспомнить,

не брала ли их какая-нибудь тетушка после начала вечеринки.

Кунле не унимался:

— Почему ты объединяешься с Мотарой?

— Просто хочу, чтобы ты понимал контекст.

— И тебя она не зовет просто Вураолой, — нахмурился он. — Тебя она зовет доктор Вура.

— Ну а кто я же еще. — Вураола застегнула сумочку. — Хотел, чтобы тебя звали доктор Кунле, тоже надо было получить диплом.

Он дал пощечину раскрытой ладонью — так, что указательный палец задел ей глаз. А потом добавил и тыльной стороной.

Вураола отшатнулась. Он стоял, сложив руки на груди и гневно поджав губы, глядя, как она прикрывает рукой задетый глаз. Глаз, который не могла открыть из-за боли.

Сначала Вураола думала, что это кричит она, но, все-таки открыв оба глаза, увидела, что это Мотара в конце коридора — зажимая рот, словно чтобы удержать подбородок на месте.

Часть III
Ожидание ангела

Оглядевшись и окинув взглядом калитку и ограды, я увидела, как ограды вдруг превращаются в толстые стены, возвышаются, обрастают колючей проволокой и битым стеклом – раскинутые руки, чтобы удерживать, мешать и ограничивать. Я больше не хотела ограничений – только тех, что выбирала себе сама.

***Хелон Хабила. В ожидании ангела*[121]**

[121] Примечания: 121

«В ожидании ангела» (Waiting for an Angel, 2004) — роман нигерийского писателя Хелона Хабилы.

13

Эниоле не хотелось, но, по словам мамы, выбора не было. Все родственники, кого она могла попросить, дали то немногое, что могли. И теперь, когда она пересчитывала собранные деньги, Эниола мечтал, чтобы их внезапно хватило. На школу, на еду на этой неделе, на то, что осталось отдать за жилье. Ему бы хватило даже платы за жилье и школу. Раньше он уже жил по несколько дней без еды и с радостью бы это повторил, лишь бы не попрошайничать на улицах снова.

— Три тысячи двести девяносто, — сказала мама. — Вчера мы заработали три тысячи двести девяносто найр.

Когда они вернулись вчера вечером, было уже почти девять, и мама отказалась считать деньги в темноте. После тех ее слов они побывали на улице дважды. В воскресенье и вчера. Сегодня будет уже третий день.

— Сегодня будет лучше, чем вчера, — сказала мама, складывая пересчитанные купюры. — По воскресеньям люди щедрее. Помните прошлое? Шесть тысяч о, почти целых шесть тысяч.

А еще мама верила, что люди щедрее по пятни-

цам. Что после джумы[122] они стремятся делать добрые дела. После их первой вылазки в прошлое воскресенье она предлагала в пятницу попрошайничать перед центральной мечетью, но отец наконец обрел голос и потребовал, чтобы дети пошли в школу. Когда мама не стала спорить, Эниола спросил себя: вдруг она просто слишком удивилась, что его еще что-то заботит? Он предполагал, что она все-таки попрошайничала, пока они учились, но не спрашивал. Тем вечером он заметил в супе рака и пытался просто наслаждаться, не задумываясь о том, какие это расходы, когда они еще и за жилье не заплатили — и ни найры за учебу для него или Бусолу.

— Так, десять тысяч найр, чтобы мы остались в школе, и двадцать пять тысяч остатка домовладельцу. Всего тридцать пять тысяч. Минус три тысячи двести девяносто — получается тридцать одна тысяча семьсот десять. Нам осталось собрать тридцать одну тысячу семьсот десять найр, — сказала Бусола, перелистывая страницу и что-то строча в тетрадке. Она торопилась закончить домашку до ухода.

— Не так уж и много. — Мама передала пере-

[122] Примечания: 122
Джума — пятничная полуденная коллективная молитва мусульман.

считанные деньги отцу. — В пятницу мы отдали домовладельцу пять тысяч.

Отец никогда не ходил попрошайничать с семьей, но все деньги обязательно передавались ему. Он носил их наверх, домовладельцу, платил по частям и умолял продлить установленный срок. Пока пощады не было, но сегодня кончалась неделя с его гневного прихода, и семья уже решила, что мало-мальски задобрила его частичными взносами. Но вчера Бусола пожаловалась, что ничего не откладывается на школу.

— Значит, двадцать шесть тысяч семьсот десять, — сказала Бусола.

— Ладно. — Мама расстелила на кровати шарф и разгладила на нем морщинки.

Бусола пожевала ручку.

— Или тридцать шесть тысяч семьсот десять.

— Что? — спросила мать.

— Тридцать шесть тысяч семьсот десять найр, если хотите оплатить нам школу полностью. — Бусола закрыла тетрадь. — Не бывает таких щедрых людей.

— Мы не будем платить полностью. Кто платит полностью за один раз?

— Много кто. Родители Нонье, родители Тинуолы, отец Реми…

— Я тебя спрашивала? — Мама подняла шарф и встряхнула сильнее, чем требовалось.

Бусола встала с матраса и убрала тетрадь в рюкзак.

— Но ты сказала…

— Если ты сейчас же не замолчишь…

— Все хорошо, — сказала отец, убирая деньги в нагрудный карман. — Пожалуйста, не кричи на Бусолу.

— Будем платить понемножку. Сначала пятьдесят процентов, как они просят, потом… — Мать перекинула шарф через плечо. — Óуá, Эниола, подойди.

Эниола, свесив руки, сидел с отцом на кровати. Перед каждым выходом мать требовала готовиться к роли. Таблички делал отец — писал, за что их надо пожалеть, и добавлял подробности, которые Эниола считал лишними. Неужели мало, что он глухой? Так ли всем важно знать, что у него еще и погибли в пожаре оба родителя? Но Эниола никогда не спорил. Не считая писем в школы и в компании, на которые никогда не приходили ответы, таблички — единственное, что отец писал минимум за год. И хотя мать говорила, что можно и дальше ходить с табличками с прошлого воскресенья, вчера он все-таки сделал новые. Теперь

по обратной стороне тех, ради которых встал сегодня с утра пораньше, он размазал жидкий крахмал и отдал маме. Она приклеила их Эниоле на футболку. Одну — впереди, одну — сзади.

Эниоле хотелось что-то сказать маме. Что угодно, чтобы она перестала дышать так, будто тонет. Он искал, но не находил нужных слов. Она запачкала песком его штаны и втирала пепел в руки, пока кожа не стала выглядеть сухой и шелушащейся.

— Точно готов? — спросила она.

— Да, ма. Готов, — сказал он, хотя и знал, что этот вопрос был не ему. На самом деле она пыталась успокоить себя насчет того, что заставляет их делать. И он ответил то, что ей нужно было услышать. Бусола и так рубила правду за двоих.

— И пожалуйста. Богом тебя прошу. Постарайся не разговаривать. Слышишь?

— Да, ма.

Он неподвижно сидел, пока она оборачивала его шарфом с плеча. Дважды вокруг тела, концы завязала в узел под подбородком.

— Что я тебе сказала?

— Да знаю. — Он встал. — Я ничего не скажу. — Улыбнулся, надеясь развеять ее угрюмость. — Я глух и нем, я не могу говорить.

Хмуриться она не перестала.

— Это не шутки. Смотри, какой ты высокий, — если тебя поймают, жалеть не станут. Назовут вором или ритуалистом. Бог знает, что может случиться.

Он знал, что должен идти, как только его таблички спрячут шарфом, но, подняв возле кровати белую пластмассовую миску, остался у двери и смотрел, как мама и Бусола готовятся ко дню в образе слепой и ее дочери.

— Ты, — сказала мама, размазывая жидкий крахмал по закрытому левому глазу. — Собираешься ждать, пока солнце не зайдет?

Он быстро поднимался на холм, постукивая по ноге пластмассовой миской. У первого поворота замедлился.

Там слева стоял лоток, где седая женщина жарила акараже. Он подошел, привлеченный ароматом лука в горячем пальмовом масле. Было видно, что это первая сегодняшняя партия, потому что металлическое сито еще стояло пустым. Он следил, как она перекладывает длинной железной ложкой смесь из пластмассового таза в раскаленное масло. Взялся за один шест лотка, обвил пальцами волокнистое дерево, вдыхал через открытый рот. Он так и чувствовал готовое

акараже — влажную смесь бобов, перца и лука.

— Ehen? — спросила торговка. — Пришел покупать?

Он оторвал глаза от скворчащих шариков. Ее взгляд был твердым, словно она уже поняла по его раскрытом рту, что у него пусто в кармане.

— Óуá. — Она махнула длинной ложкой. — Исчезни. Еще рано, чтобы продавать в кредит. Живо исчезни. Не приноси неудачу.

Эниола захлопнул рот и сделал глубокий вдох. Перед уходом наполнил легкие сладким ароматом от раскаленной сковородки. После пятничного пиршества эбой[123] и супом окро с раком вчера ночью еды уже не было — только два незрелых банана и вода. К утру не осталось и бананов. Сворачивая на другую улицу, он пытался думать о чем-нибудь другом. Начал пересчитывать проезжающие машины и автобусы, но то и дело отвлекался на урчание в животе. Когда добрался до Иджофи, движение на дороге перед больницей встало из-за аварии мотоциклиста. На несколько секунд он забыл о голоде, глядя, как из джипа спускается женщина — с желтым головным шарфом высотой под метр — и кричит на

[123] Примечания: 123

Эба — круглый шарик из гарри, который подается к супам; едят, отрывая и макая в суп.

постового, который стоит у своей металлической будки, попивая из мягкой фляги воду.

Эниола прижал миску к животу и принялся петлять между стоящими машинами. Старался не сталкиваться с жужжащими мимо мотоциклами — с мужчинами в пиджаках и женщинами, которые придерживали обеими руками головные уборы, хлопающие на ветру, будто рвущиеся на волю птицы. Дальше по дороге женщина раздувала огонь под большим котлом с кукурузой. Рядом с аптекой «Джостаде» сидела у подноса с фруктами беременная и чистила ножом апельсин. На подносе в нескольких пирамидах лежали завернутые в целлофан кусочки ананаса и папайи. За следующим поворотом девушка накладывала рис в кульки из листьев и поливала сверху рагу из жареного перца. Проходя мимо, он заметил в ее котле кусочки рыбы и мяса. Когда он добрался до Ифофина, уже казалось, будто еду выставляют на каждом углу, только чтобы поиздеваться над ним.

Не раз хотелось снять шарф и рискнуть поклянчить у торговок, но он помнил наказ мамы: не показывать таблички, пока не дойдет до церкви. И пусть живот урчал, пусть казалось, будто изнутри прогрызаются муравьи, он шел. Мимо

свежеокрашенного правительственного здания и высокого билборда, откуда ему улыбался местный председатель, вознесенный над двухэтажным домом.

Когда он свернул на Илоро, земля под ногами из теплой уже стала горячей — казалось, будто он идет босиком по тлеющим углям. Эта улица отличалась от прежних. Пропали глиняные домики бок о бок с торговыми комплексами; пропали ямы и рытвины посреди дороги. Сколько видел глаз, дорога была заасфальтирована. Большинство зданий прятались за заборами; причем иногда за такими высокими, что Эниола видел за ними только крыши.

Собор Святого Павла находился на середине улицы. Серый, с зелеными окнами и двумя башнями. Его забор был ниже всех, и за ним Эниола насчитал у собора три этажа.

Звуки органа изнутри становились все громче. Хотя мелодия звучала знакомо, он никак ее не узнавал. Может, протестантская. В трех домах от собора он решил развязать узел под подбородком, но мать затянула так туго, что одной рукой он не справлялся. Поставил пластмассовую миску между коленей и взялся за шарф обеими руками.

Подходя, Эниола увидел, что на месте, которое

он думал занять, уже была женщина. Она сидела на низком стульчике, спиной к нему; косы ее доставали до середины спины. В прошлое воскресенье он ходил к Святой Троице, потому что мать сказала, что большие люди молятся в соборах. На паперти оказался младшим из трех попрошаек. Двое других были взрослыми мужчинами. А теперь — женщина. Не уменьшит ли она его шансы? Он надеялся, у нее хотя бы нет младенца на коленях.

Приблизившись, он заметил у ее ног большой металлический таз с рисунком цветов и фруктов; его крышка лежала как поднос у нее на ее коленях. Она зачерпывала из таза пригоршней жареные земляные орехи, растирала между ладонями, чтобы снять шелуху, потом подбрасывала, чтобы темная шелуха слетела, — орехи осыпались на поднос. Эниола вздохнул. Не конкурентка, но теперь ему придется сидеть рядом и терпеть, пока она чистит и заворачивает орехи в старые газеты. А гложущие живот муравьи все множились.

Эниола встал с миской перед торговкой. Издавал горловые звуки, пока она наконец не подняла глаза и не улыбнулась ему. Ободренный, он протянул миску, надеясь, что она подбросит орехов

вместо денег.

— Я сама только пришла. — Она покачала головой. — Еще ничего не заработала.

Он поставил миску между коленей, одной рукой потер живот, а другой показал на рот.

Женщина склонила голову набок. Когда она ответила, от ее улыбки уже не осталось и следа.

— Значит, пришел передразнивать тех, кого Бог и правда сотворил такими? Это каким же надо быть негодяем?

Эниола жестикулировал, как только мог придумать, отчаянно убеждая, что не прикидывается.

— Меня не проведешь, дитя. Только не меня. — Она окинула его взглядом и прошипела: — Лучше жди прихожан, ради которых пришел. Знаю я вас. И хватит у меня просить, если не хочешь неприятностей. Rádaràda òṣì[124], будто мне не надо своих детей кормить.

Хоть ему и было стыдно, Эниола не сразу прекратил бешено размахивать руками; он дождался, когда она вернется к своей работе и перестанет обращать на него внимание. Затем переместился как можно ближе к калитке церкви. Там он сложил мамин шарф на землю и сел.

---

[124] Примечания: 124
Сама бедная.

Дожидаясь конца службы, он все потирал руки о землю и размазывал ее по лицу. Мама говорила, что чем он грязнее, тем больше его пожалеют. А жалость — это деньги. Он старался не задумываться о том, что сказала торговка орехами. Неужели это неправильно?

Это только временное решение. Мама так сказала с самого начала. Как только накопят на жилье и смогут расслабиться без опасений, что придется спать на улице, они тут же прекратят.

Он смотрел, как торговка подбросила очередную порцию. Время от времени с шелухой на землю отлетал и орешек. Неужели она думает, что люди пойдут на такое, если у них есть выбор? Точно ли она знает, что сама не станет этим заниматься через год? Когда-то и его мать продавала земляные орехи. Эниола, отвернувшись от женщины, поискал глазами по земле. Он не хотел от нее неприятностей. Насчитал четырнадцать орехов — может, десять. Четыре могли быть и камешками.

Он придвинулся вместе с маминым шарфом к орехам. Взял первый и хотел сразу забросить в рот, но решил, что пригоршня утолит голод лучше, чем есть по одному. И жевать пригоршню можно дольше, пока она не потеряет вкус и не

соскользнет в глотку сама или не сольется со слюной. Он пересел подальше от калитки и поближе к торговке. Поднимал орех за орехом, с паузами, чтобы женщина не заметила.

Последний — повезло, все-таки четырнадцать — лежал у самых ее ног. Он уже хотел махнуть на него рукой и дождаться, когда просыплется еще, поближе к нему. Но голова уже кружилась, нужно было что-то отправить в желудок — что угодно и как можно больше. Он придвинулся и потянулся за последним орехом той же рукой, в которой сжимал остальную добычу.

— Ты, мальчишка, — окликнула она. — Ты что делаешь?

Он издал бессмысленный звук и спрятал руку за спиной.

— Лучше не трогай мой товар, мальчишка. Уж лучше не трогай.

Он встал и вернулся на прежнее место. Теперь он положил шарф на колени. Спрятал в него орехи и растирал, чтобы избавиться от песка. Убедившись, что все до одного чистые, он собрал их в пригоршню и закинул в рот. Покатал по щекам, чтобы они пропитались слюной, зажал языком и стал сосать. Когда иссякли идеи, как еще продлить удовольствие, начал жевать, довольный,

что не попалась ни единая крупица песка.

Когда из маленькой калитки хлынули прихожане, Эниола перешел туда, где, как он думал, будут задерживаться перед поворотом машины. Первым от церкви отъехал белый «лимузин» с тремя окнами с каждой стороны. Все — тонированные. Сначала он подошел с миской к переднему, но передумал и двинулся дальше. У третьего показал на табличку на груди и постучал миской в окно. На прошлой неделе он узнал, что хозяев это злит и они опускают окна, чтобы поливать оскорблениями. «У твоего отца такая есть? Тут одно окно стоит дороже всей твоей семьи». А еще он узнал, что их гнев растворяется в стыд, если они верят табличке на его груди. А стыд часто сподвигает раскрыть кошельки. Окно не опустилось, и, как он ни вглядывался, внутри ничего не видел. Без зрительного контакта не узнаешь, повлиял ли он на них. Белая машина свернула на улицу и умчалась. Он стоял, глядя ей вслед. А что, если у всех больших людей в этой церкви тонированные окна?

Следующая машина не отличалась от первой, но окно водителя было опущено. Когда она замедлилась, Эниола сунул туда миску и показал на табличку на груди. Водитель в простой белой фут-

болке нахмурился, наклонился над рулем, чтобы увидеть за Эниолой дорогу слева. Эниола наклонился к окну. Водитель бросил взгляд налево и направо, посигналил пешеходам, выходившим с церковного двора.

— Самсон, — произнес женский голос где-то в салоне.

— Да, ма! — Водитель выпрямился.

— Прочитай, что написано у мальчика.

— Мадам, я вижу не мальчика о, он же выше меня, sef. Еще чуть-чуть и бороду отрастит.

— Самсон!

— Хорошо, ма. — Водитель обжег Эниолу взглядом, потом прищурился. — «Пожалуйста, помогите. Я глухонемой сирота».

Эниола буркнул и сунулся ближе к Самсону, надеясь, что его разглядят с заднего сиденья.

— Дай ему мелочь с утра, — велел голос сзади.

— Да, ма. — Самсон залез в карман штанов и бросил в миску мятую купюру в двести найр.

Эниола благодарно поклонился и помахал уезжающей машине.

Когда появлялись следующие машины, на дороге было пусто. У Эниолы пересохло во рту от вида того, как они уносятся, оставляя его с почти пустой миской.

Он знал: заплатят они за учебу или нет, а завтра утром его в школу отправят. На всякий случай, скажет мать, просто на всякий случай, вдруг школа решит списать долги, вдруг директор забудет, вдруг тебе разрешат посидеть на паре уроков перед тем, как прогнать. И все это казалось возможным, пока мистер Бисаде не выкрикивал его имя. Может, на утренней линейке, может, под конец первого урока, но всегда — всегда — на глазах у одноклассников.

Хотя лицо овевал прохладный ветерок, по спине Эниолы, пока мимо проносились машины, струился пот. Если все прихожане с автомобилями пропадут раньше, чем он заработает, останутся только те, кто не мог себе позволить приехать в церковь. А сколько они бросят в миску? Сколько рваных, чумазых, заклеенных скотчем пятинайровых купюр? Сколько тех заново введенных монет, которые ничего не стоили, потому что даже баба дуду[125] уже не продают за пятьдесят кобо или одну найру? Можно ли считать одну найру деньгами, если на них даже сладости не купишь? Вчера в миску бросили двенадцать монет по одной найре — но, когда мать пошла купить

---

[125] Примечания: 125
Баба дуду — ириски из кокосового молока.

соли на десять, их не брал ни один торговец. Эниола сжал миску. Времени заработать совсем мало, а потом придется бродить по улицам, как вчера. И что из этого вышло? Никчемные монеты да рваные купюры.

Эниола перешел на угол торговки орехами и встал в тени от ворот. Понаблюдав за ней, он заметил, что у нее покупают не только прохожие — останавливаются и машины. Время от времени водители выходили поторговаться, но чаще она сама вставала и подбегала с подносом. Эниола заметил, что, если она медленно обслуживала, на углу собиралась очередь из двух-трех машин.

И эта маленькая задержка стала ответом на мысленные молитвы Эниолы. Он перешел к ней и, когда останавливалась машина, оценивал, когда лучше обратиться к пассажирам. Если водитель выходил, он подбегал, мыча и тыкая в табличку, пока не опускалось окно и кто-нибудь не бросал в миску бумажку. Если водитель оставался на месте, у Эниолы обычно было больше времени, пока торговка пыталась успеть обслужить и пешеходов, и машины. Однажды он даже успел дойти до той части своей программы, где после мычания изображал, что вот-вот потеряет сознание.

Эниола никогда не давал миске наполниться. Стоило набрать пять банкнот, как три он совал в карман. Мать научила, что пустые миски привлекают больше денег, и, хоть он в этом и сомневался, все-таки ее слушался.

Подъехал красный «мерседес». Пока водитель бежал к торговке, Эниола присмотрелся к паре на заднем сиденье. Позади водителя — женщина. Голова опущена, лицо почти целиком скрыто сиреневой широкополой шляпой. Мужчина — его Эниола принял за мужа — наклонялся туда и сюда, возясь с бантом на ее шляпе. Эниола решил сосредоточиться на муже, поскольку ее вроде бы больше увлекал телефон. Он подбежал к его окну и чуть не улыбнулся, когда оно опустилось только после двух стуков.

— …сразу понятно, что родословную ни купишь, сколько бы денег он ни наворовал в Абудже; думает, можно повторять такое в церкви? В церкви?! — мужчина достал кошелек. — Какая мерзость.

— Дай мне сперва… — пробормотала женщина, — …дописать.

Мужчина открыл кошелек.

— По-моему, он и сейчас стоит прямо за нами. Достопочтенный? Ни хрена в нем нет достопо-

чтенного.

— Мы все еще в церкви. — Жена на миг вскинула глаза. Говорила она резко и отчетливо.

— У тебя есть мелочь?

— Rárá[126], не думаю. — Она вернулась к телефону, скользнула по экрану большим пальцем и озабоченно сжала губы трубочкой.

Глядя на вертикальный шрам, проходящий через седеющую левую бровь и задевающий веко, Эниола тщетно пытался поймать взгляд мужа. Тот закрыл кошелек. А когда еще и нажал на кнопку, Эниола оперся на машину и прижал ладонь к жужжащему наверх стеклу. Мычал и тыкал себе в грудь. Но тот лишь пожал плечами и не снимал палец с кнопки до тех пор, пока Эниола уже не прижал голову к плечу.

Муж похлопал по ноге женщину.

— Точно нет мелочи?

Та подняла лицо — и, пока она глядела, моргая, на Эниолу, он подумал, что сейчас и правда упадет в обморок. Когда их глаза встретились, он увидел искорку узнавания. С трудом сглотнул и прижал миску к груди. Это была Йейе.

— Давай спросим… — Она показала на водите-

---

[126] Примечания: 126
Никогда.

ля, как раз садившегося обратно.

Мужчина на заднем сиденье потер бровь со шрамом.

— Не понимаю, почему ты не ешь земляные орехи из магазина, как все нормальные люди.

— Ọ̀gá, эти лучше, — сказал водитель, сложив на кресле рядом сразу несколько кульков.

— У тебя есть мелочь? — спросила Йейе водителя, не отрывая взгляда от лица Эниолы.

А он чувствовал, как внутри все дрожит. Ему конец. Он труп. Хотелось сорваться с места. Почему ноги не слушались?

Водитель выгнул шею, чтобы увидеть Эниолу, и расхохотался.

— Это вы ему хотите дать денег? Этому? Да он же прикидывается.

По спине Эниолы лился пот. Скоро водитель выкрикнет его имя и объявит всем, что он притворщик. Или раньше это сделает Йейе. Бежать в любом случае поздно. Его все равно догонят — не здесь, так в мастерской тети Каро.

— А ты откуда знаешь? — спросил муж Йейе.

— Я его отлично знаю. Йейе, вы помните, это же…

— Я спросила: у тебя есть мелочь? — Йейе щелкнула пальцами. — Я разве просила рассказывать

истории?

— Простите, ма. Да, ма. — Водитель передал две купюры по пятьдесят найр.

Йейе взяла их, перегнулась через мужа и бросила в миску. Потом сняла шляпу и смотрела на Эниолу, пока не поднялось окно и машина не тронулась с места.

14

Àrò meta[127]. Золото, ладан и смирна. Три желания Золушки… Бусола могла бы продолжать. Ну и что, что Теми закатывает глаза? Бусола свое знала. Цифра три всегда что-то значит. Всегда. Она верила.

Однажды, когда Бусола еще училась в начальной школе, мать с Эниолой над ней смеялись, когда она целый день не выходила из комнаты, потому что встретила в коридоре трех цыплят. «Кто сказал тебе такую глупость?» — спросил однажды отец, пока уголки его губ поднимались в улыбке, редкой, как его смех. После этого Бусола начала притворяться, что больше не обращает внимания на цифру три.

— Но почему? Ты можешь быть третьей. А Сандей будет читать после тебя, — сказала Теми, поправляя пуговицу на фартуке.

Бусола покачала головой и посмотрела на Сандея, который стоял рядом и барабанил пальцами

---

[127] Примечания: 127

Àrò meta — «три вождя в белых шапках», исторически считавшиеся важными лидерами в Лагосе. Их статуя стоит с 1991 года на въезде в Лагос, означая высшие благословения для гостей.

по парте Теми.

Теми наклонилась вперед.

— Но ты пришла раньше Сандея.

— Пусть он читает первый.

Два — это совпадение. Но три? Трижды? Может, Бусола не знала, хороший он или дурной, но что это знак — знала.

Теми пожала плечами и улеглась головой на парту.

— Хочу поспать до конца переменки.

Бусола вернулась в конец класса, к своей парте рядом с Зейнаб.

— Теми даже не оставила для меня книжку. — Бусола повернулась к Зейнаб, когда та села. — Отдала Канми. Ты представляешь? Я ей что, не подруга, эн?

— Может, Канми попросил раньше?

— Да нет же, jàre. Но даже если и просил, как так можно? Я же ее подружка, разве я не должна читать раньше? Она знает, я читаю быстро. Разве я не первая дочитываю? Что — если меня минуту нет рядом, все, нельзя придержать книжку, эн?

Зейнаб приобняла Бусолу за плечи.

— Почему ты ей так и не скажешь?

— Потому что я… потому что я не… потому что… — Бусола закрыла глаза из-за слез, подсту-

павших все утро, и сделала глубокий вдох. Нельзя плакать в классе, особенно на переменке, когда ее могут прозвать плаксой и прозвище прилипнет навсегда-навсегда. Лучше порисовать. Это всегда успокаивало. Она отмахнулась от руки Зейнаб и достала из стопки тетрадок на парте свой блокнот.

Hian[128]. Безобразие. Четвертая в очереди. Не первая, как обычно, и даже не вторая. Четвертая о, четвертая. Hian. Она пролистала блокнот до места, где записывала новые для себя слова. Провела пальцем по столбцу и остановилась на «безобразие». Рядом стояло тире, но определения еще не было. Нужен словарь. «Оксфордский для продвинутых учащихся» или Лонгман. Он шел первым пунктом в списке книжек, который она вручила отцу после сдачи общего экзамена, но родители даже карманный не купили, а она уже на середине второго семестра средней школы. Она перелистнула страницу. Даже если она не может вспомнить точное определение, это, sha, все равно безобразие, что она четвертая в очереди

[128] Примечания: 128
Гневное восклицание.

на «Смерть — это женщина»[129]. После Канми, Моджида, а теперь и Сандея. И все потому, что она не заплатила за школу и решила прятаться в лесу, пока мистер Бисаде не уйдет в старшую школу.

Бусола и Теми учились вместе с начальной школы, а с третьего по пятый класс даже вместе сидели. Они уже должны быть лучшими подругами, но, когда на прошлой неделе по дороге в класс с утренней линейки Зейнаб спросила Теми, кто ее лучший друг, та пристально посмотрела на Бусолу и сказала: «Иисус». Теми — врушка и вредина и иногда просто так пихает Бусолу локтем, но все это ничего не значит, потому что ее отец продает старые книги студентам в Колледже образования и у нее дома всегда много сборников и романов. Что ни попроси — книги серии «Божья коровка»[130], Энид Блайтон[131], се-

[129] Примечания: 129

«Смерть — это женщина» (Death Is a Woman, 1981) — роман нигерийского писателя Диксона Игавини из серии Pacesetters.

[130] Примечания: 130

«Сказки Божьей коровки» (Ladybird Tales) — серия пересказов детских сказок.

[131] Примечания: 131

Энид Блайтон (1897–1968) — британская писательница десятков детских детективов о компаниях друзей, разгадывающих преступления.

рия «Лидеры»[132], сокращенный Диккенс, серии африканских писателей. Теми даже заявляла, что прочитала целую стопку книг от *Mills & Boon*[133], но принесет их только в старшей средней школе, хотя это она тоже наверняка врет. Бусола знала, что Теми не любит книжки. Это же Бусола читала ей «Сказки Божьей коровки» вслух, чтобы та их пересказывала родителям в доказательство, будто и правда читает то, что ей дает отец.

С самой начальной школы Теми каждый понедельник приходила с новой книжкой. Сразу после утренней линейки помахивала ею над головой, и к ее парте сбегались заинтересованные одноклассники. Как прихожане на утреннюю службу. И всегда Бусола читала первой. Обычно она возвращалась с утренней линейки вместе с Теми и ждала прямо у парты, пока та еще доставала книжку из рюкзака.

Настоящая подруга сохранила бы место за Бусолой, даже если сегодня она пропустила линейку. Настоящая подруга придержала бы «Смерть — это женщина», пока Бусола не прокрадется

---

[132] Примечания: 132

«Лидеры» (Pacesetters) — серия африканских авторов от британского издательства Macmillan, начатая в 1977 году.

[133] Примечания: 133

Mills & Boon — британское издательство романтической литературы.

в класс. Особенно учитывая, что это книга из серии «Лидеров», которую хотели все. Никто так не интересовался книгой «Красивые еще не рождены»[134] две недели назад или «Большими надеждами»[135] в прошлом семестре. Зато принеси «Передовика» — и вдруг все становятся читателями. А теперь этот дурак Канми, который иногда смеялся над Теми из-за ее кривоногости, наслаждался книгой, а Бусоле в следующие дни читать нечего, кроме собственного блокнота. Или «Сахарную девочку»[136] — единственную ее книгу, которая была не учебником.

Бусола так часто ее перечитывала, что узнала бы сахарную девочку Ралию в толпе, если бы та вдруг сошла со страниц. Знала она, например, что Ралия была бы настоящей подругой, если бы они учились в одном классе. Ралия после собственных злоключений поняла бы, что сегодня Бусола, просидев несколько часов в укрытии, чтобы ее не

---

[134] Примечания: 134

«Красивые еще не рождены» (The Beautyful Ones Are Not Yet Born, 1968) — дебютный роман ганского писателя Айи Квеи Арма (в котором рассказывается о птице чичидодо).

[135] Примечания: 135

«Большие надежды» (Great Expectations, 1861) — роман Чарлза Диккенса.

[136] Примечания: 136

«Сахарная девочка» (Sugar Girl, 1964) — роман нигерийского автора детских книг Колы Онадипе.

отправили домой вместе с остальными должниками, не просто хотела что-то там почитать, — ей *нужно было* держать книгу в руках.

Злоключения. Бусола листала блокнот, пока не нашла слово. Его определение она записала две недели назад. Да, она злоключалась, как и Ралия. Или у нее были злоключения. Как правильно? Надо спросить Хакима, если увидит его по дороге домой. Иногда он возвращался с Бусолой и Эниолой. Хаким всегда охотно давал свой словарь, чтобы она посмотрела слова. Никогда не жаловался, если приходилось ждать перед ее домом, пока она записывала определения. Он бы понял, почему она так расстроилась из-за книги. Даже ее брат сказал бы просто дождаться своей очереди, как нормальный человек, будто хотеть читать — это что-то странное. Но Хаким? Хаким ее понимал и обычно знал все слова, которые она только учила. Время от времени она показывала ему блокнот, чтобы он подтвердил, что примеры употребления, которые она для себя придумывала, — правильные. Но показывала она только слова, хоть почти не сомневалась, что он не станет смеяться над ее рисунками. Разделы с растениями или животными она не показывала никому.

В начале семестра мама подарила Бусоле два блокнота. В одном она делала заметки по учебе, как и велела мама, а другой стал ее личным. Она нарисовала на обложке череп и подписала: «ТОЛЬКО ДЛЯ БУСОЛЫ НЕ ОТКРЫВАТЬ». Первый раздел посвящался кустарникам, деревьям и плодам в лесу возле школы. Бусола знала, что родители думали, будто ей страшно ходить в школу в густом буше, но на самом деле она была не против. Вот бы они еще ее послушали и не приказывали Эниоле провожать ее до самой школы и потом одному возвращаться в старшую. Он-то ничего не говорил, но она видела по тому, как быстро он шел — будто летел над землей, — что ему страшно даже в короткой полосе зарослей между старшей школой и новым корпусом.

Так же боялись и некоторые ее одноклассники, но многие, например Теми и Зейнаб, обожали исследовать буш и искать там фрукты. Пока они нашли апельсин, несколько деревьев манго, гуаву и последними — два агбалумо. Бусола все записывала в блокноте. Указывала рост деревьев, зарисовывала листья, затем переходила ко вкусу первых сорванных с них фруктов. Она ходила к деревьям, даже когда те стояли без фруктов, и записывала наблюдения при свете, сочившемся

через листву. Ее друзья перед тем, как отдалиться от школьной поляны, всегда старались запомнить ориентиры — деревья с кривыми стволами, прогалины, засыпанные гниющими фруктами с жужжащими мухами, — но Бусоле хотелось просто бесконечно блуждать в лесу. Неизведанные чащи ее не пугали — они ее звали. Все, что она уже наблюдала — постоянное чириканье и шуршание, запах сырости, зрелости, гнили и зелени, что она вдыхала среди деревьев, — сулило еще больше открытий.

Тем утром, когда мать потребовала, чтобы она пошла в школу, хоть за учебу так и не заплатили ни найры, Бусола сказала Теми и Зейнаб, где ее искать, и направилась прямиком в буш. Должно быть, впервые она не стала блуждать. Просто села на торчащие из-под земли корни дерева, чьего названия не знала, и ждала, пока ползли часы, каждый — длиной с десятилетие.

Может, ей бы полегчало, если бы опять появилась та желтоватая змея. Бусола надеялась, что она появится, хоть и знала, что вряд ли еще раз увидит ту же самую. Желтоватая змея была для нее особенной: это из-за нее она в прошлом семестре решила, что хочет стать тем, кто всю жизнь скитается по лесам и записывает, что

видит.

Потом Хаким сказал, что надо всего-то поступить на лесоводство в университете — и дело в шляпе. Он помог назвать то, чего она хотела, когда она все описала, но зародилась эта страсть из-за змеи. В день, когда Бусола увидела желтоватую змею, Теми на переменке чуть не довела ее до слез. Бусола сбежала в лес. Вдали от детской площадки, где Теми с другими девочками играли в «десять-десять», мимо мальчишек, пи́савших у зарослей на опушке, и еще дальше, пока листва, сомкнувшаяся над головой, не стала пропускать солнечный свет только тонкими лучиками. Бусола подходила к дереву манго, когда увидела обернувшуюся вокруг другого дерева змею. Она замерла и дышала как можно тише, глядя, как та заползает по стволу и исчезает в листве. Пересчитывала оттенки ее переливающейся шкуры. Зеленый, черный и тот сияющий желтоватый отлив, что она не видела больше нигде.

А после школы она спросила Хакима, как называется человек, который изучает лес, и, вернувшись домой, заявила отцу, что будет учиться на лесовода. Это был один из редких случаев, когда она слышала, как отцовский голос разросся в крик. Баба нависал над ней и кричал, что она ста-

нет врачом или инженером, что она не потратит жизнь зря, как он. Пока его успокаивала мама, Бусола ушла. Сидела перед домом, мечтая сходить к Хакиму, но зная, что ей не разрешат, потому что он мальчик. Хоть ей еще не исполнилось тринадцати, у нее уже были груди. Маленькие, но все-таки. Заметные в блузке и особенно болезненные, если с чем-нибудь столкнешься. Мама, как только их увидела, начала свою агитацию: «Хватит играть с мальчиками». Вот Хаким бы смог ответить на вопрос, который ей бросил отец. Он бы ответил на вопрос «Где ты будешь работать?».

Отец ошибался. Бусола не знала, чему учился он, но явно не лесоводству. Тогда что он понимает? Как любой человек, у кого есть глаза, может сказать, будто исследование леса — это пустая трата жизни? Ведь там сама земля другая, всегда в движении. Живая от ползучих червяков, скученных корней, толстых, как ямс, и стеблей, пробивающихся через почву к свету. Отец был странным и тихим человеком. Мама и Эниола говорили, что раньше он был совсем другим, но Бусоле в это верилось с трудом, и чем дальше, тем труднее.

Конечно, в то утро, когда Бусола ждала, пока закончится линейка и первые два урока, змея

не появилась, зато она видела смешную белку. Бусола открыла блокнот на середине, где рисунки теснились впритык друг к другу, чтобы не занимать слишком много места. Пожевав недолго ластик, начала рисовать белку, которую видела прятавшейся в кустах. На долю секунды они встретились глазами — и та шмыгнула в заросли, но Бусола еще помнила травинку, приклеившуюся к ее подбородку, будто эспаньолка. Вот почему она рассмеялась — и спугнула белку. Когда Зейнаб пришла за ней после первых уроков, она нашла Бусолу сидящей у ствола, с блокнотом на коленке: она воссоздавала на странице беличий хвост.

Зейнаб смеялась всю дорогу до школы, когда узнала, что это хвост. Бусола ужасно рисовала. Получались не курицы, а комары, не белки, а крысы. Это не мешало ей рисовать каждый день. Рисунки ее успокаивали и отвлекали от того, что расстраивало. Ну и пусть Зейнаб смеется каждый раз, как заглянет к ней в блокнот. Прямо сейчас она могла сосредоточиться на белке, которую видела утром, и наносить штрихи, которые напоминали лично ей травяную эспаньолку, а значит, все хорошо. Только Бусола не могла сосредоточиться. Теми всегда была злюкой, но уже две недели вела себя так, будто они не подруги.

Зейнаб задала тот вопрос про лучшую подругу на следующий день после того, как Бусола впервые водила мать, будто та слепая. Они дошли до самой кольцевой развязки и попрошайничали там рядом с банком «Юнион». Может, Теми их заметила? Может, узнала Бусолу, несмотря на самодельный головной убор, который ее заставила нацепить мама?

Бусола захлопнула блокнот и встала. Канми сидел через ряд перед ней, и, потому что он был низкий и держал книжку перед собой, когда читал, она видела, если вытягивала шею, докуда он дошел. До девятой страницы. Девятой! Бусола опустилась на стул. С самого утра — и только девятая страница.

Теми сказала, что отдала книжку сразу после линейки. Это перед первым уроком; теперь они на середине четвертого, свободного по понедельникам, а Канми не дошел дальше девятой страницы. Да она была бы на двадцать пятой еще до второго урока. Она уже давно освоила искусство читать романы во время учебы, не попадаясь. Вот если бы только родители платили за школу и ей не приходилось прятаться от утренних учителей.

Бусола почувствовала, как ее тянут за рубашку.

— Я спрашиваю — это не твоя мама? — Зейнаб показывала на дверь.

Бусола повернулась, уверенная, что подруга обозналась. Но на пороге была ее мать, вглядывалась в класс, еще не увидев Бусолу.

На странный миг в голову пришло, что отец умер. Он часто просыпался с каким-то удивленным и разочарованным видом. Не раз казалось, что он проводит столько времени в кровати, чтобы перейти из этого мира во сне. Бусола закрыла глаза и попыталась представить комнату, которую семья звала домом. Где сегодня был отец, когда она уходила в школу? Проснулся ли? Как ни пыталась, она не видела его в комнате — ни спящим, ни бодрствующим. В голове все кружился и кружился образ пустой родительской кровати, пока она не вспомнила, как, когда в прошлом году у Моджида скончался отец, в классе вдруг появилась его старшая сестра, прервала урок математики и забрала его домой. Бусола спрятала блокнот под тетрадками и подошла к двери.

Мама стояла одной ногой в классе. Она не возвращалась сюда с тех пор, как привела Бусолу в первый день средней школы. Тогда она тоже не зашла дальше порога, разглядывала класс, ничего не говоря после одного вопроса учителю:

когда установят окна и двери. «Скоро, — ответил учитель, — очень скоро».

— Вам так и не установили окна и двери. — Мама потянула Бусолу в коридор, проходящий из одного конца корпуса в другой.

Бусола пожала плечами.

— Дома все хорошо?

— Надеюсь, ты всегда проверяешь парту перед тем, как сесть утром?

— Да, ма. Bàami ńkọ́?[137]

— И после перемен проверяешь?

— Да, ма. Все время. Bàami ńkọ́? С ним все хорошо?

— У отца все хорошо. Сегодня у него болит спина и он не может ходить, но все хорошо. А что?

— Зачем ты пришла?

— Я пришла… — Мама спустила сумочку с плеча и зарылась в нее. Достала сложенную бумажку и вручила Бусоле. — Я пришла отдать твою квитанцию.

Бусола раскрыла бумажку, разгладив указательным пальцем. Уплачено семь тысяч найр. Более чем достаточно, чтобы она оставалась в школе. Она крепко обняла мать. До оплаты всего

---

[137] Примечания: 137
Что с Баами?

семестра не хватало только три тысячи.

— Спасибо, Mọ̀ọ̀mi[138], спасибо большое!

— Не надо плакать. Утрись.

Бусола дотронулась до щеки и обнаружила, что та мокрая. Она и не заметила, что плачет.

— Óyá, где у вас бухгалтерия?

У миссис Руфаи, которая вела уроки бизнеса и заодно подрабатывала школьным бухгалтером, своего кабинета не было. Она сидела с остальными десятью преподавателями в учительской в другом конце школы. В новом здании только там установили оконные створки и двери. Окна всегда были открыты, а дверь придерживалась сломанным шлакоблоком, чтобы не захлопнулась.

Мать говорила «hin káàsán»[139] всем учителям по пути к столу миссис Руфаи. Кто отвечал словами, кто — бурчанием, но ответы заглушались почти десятком вееров, трепетавших в тщетных попытках выгнать духоту из узкой комнаты.

Миссис Руфаи обмахивалась оторванной задней обложкой тетради, когда перед ее столом встали Бусола с мамой.

---

[138] Примечания: 138
Мама.

[139] Примечания: 139
Добрый день.

— Добрый день, ма, — сказала Бусола, протягивая чек.

Та взяла его и просмотрела за секунду, после чего со слабой улыбкой взглянула на мать Бусолы.

— Это не все деньги.

— Добрый день, ма. За Бусолу осталось три тысячи?

— Да.

Миссис Руфаи открыла тетрадку с края стола и раскрыла на таблице.

— Ее отец спрашивает, когда надо выплатить остальное?

— Эм-м… — Миссис Руфаи записала имя Бусолы и рядом «7000» в скобочках. Только потом подняла голову и наморщила лоб, словно удивляясь, что они еще здесь.

— Мама спросила…

— Ах да, конечно. Пусть ходит до начала экзаменов. Но если вы не заплатите, она не сможет сдавать экзамены о.

— Хорошо, спасибо, ма. — Мама Бусолы повернулась к выходу.

— Подождите, подождите о. — Миссис Руфаи постучала ручкой по столу. — У вас же еще второй в старшей школе?

Мама не остановилась.

— Вы за него не платите? Или мне разделить деньги между двумя?

Мама ускорилась и не останавливалась, пока между ней и учительской не было уже два класса.

— Она спрашивала про деньги за Эниолу, — сказала Бусола, когда та наконец остановилась.

— Мне еще надо на рынок, но я вернусь домой раньше, чем ты придешь из школы. Если меня еще не будет, поищи в буфете гарри.

— Ты пойдешь… — Бусола не смогла себя заставить произнести «попрошайничать» вслух. Даже когда мама подняла седеющую бровь, Бусола ждала молча, пока в ее глазах не вспыхнуло понимание.

— А, нет, не сегодня.

— Ты уже дала Эниоле его чек, àbí?

— Откуда у меня такие деньги? Сейчас я заплатила за тебя. Об Эниоле я позабочусь позже.

Бусола смотрела, как мама смахивает невидимую пыль с платья, и чувствовала неладное. Во время разговора мама всегда смотрела людям в глаза; отворачивалась, только когда огорчалась или врала.

— Но почему ты не разделила деньги на двоих? Ты еще можешь сказать миссис Руфаи, а то она

спрашивала, когда ты…

— Если я их разделю, на вас обоих не хватит.

— Ну это какая-то глупость, у нас же…

— Что? Я говорю глупости, эн? Ну спасибо о, Бусола. Знаешь, а мне ни разу, ни разу не приходило в голову то, что ты говоришь. Я столько времени собираю деньги, чтобы заплатить за тебя и Эниолу. Но нет, мне и в голову не приходило, что их можно разделить, эн. Все ждала, когда ты подскажешь. Спасибо большое. Что бы я делала без твоей мудрости?

Бусола почесала в затылке.

— Прости, ма. Я спрашиваю просто потому, что вчера у нас было где-то девять тысяч найр, — может, ты бы подождала перед тем, как платить, чтобы хватило на половину за меня и половину за него. Я думала, мы так и хотели?

— Мы уже отдали две тысячи домовладельцу, так что…

— Для Эниолы ничего не осталось?

— Говори потише, jàre. А где бы мы сегодня ночевали, если бы не заплатили утром за жилье? — Она показала на класс Бусолы. — На полу вашей недостроенной школы?

— Но ведь платить только за меня нечестно.

Мама вздохнула.

— Wo[140], надо было что-то отдать домовладельцу. Не волнуйся, скоро мы позаботимся об Эниоле.

— Хочешь сказать, я останусь в школе, а его прогонят домой?

— Иди в класс и хватит меня допрашивать. — Она махнула на дверь. — Будто у тебя есть деньги за брата.

Бусола сложила руки на груди и встала у нее на дороге. Если сказать это вслух, мама обвинит ее в неуважении, но правда проста: они попрошайничали вместе. Разве не каждый имеет право голоса на то, как тратить деньги? Когда они попрошайничали в последний раз, Эниола ходил в одиночку. И принес в то воскресенье почти две тысячи найр. А теперь родители не дадут ему на учебу ни гроша? Эниоле, который и предложил ей сегодня спрятаться, чтобы прийти на уроки днем, перед окончанием уроков? Ее высокому неуклюжему брату, кого почти никто в школе не зовет Эниолой? Если повезет, то Единством, а если нет — agùnmáníyè[141], когда одноклассники особенно хотят посмеяться. Она много думала о

---

[140] Примечания: 140
Слушай.

[141] Примечания: 141
Название растения глирицидия, означает «расти без смысла».

втором прозвище. Что Эниола может поделать с тем, что он самый высокий в классе? И откуда, откуда у него быть «смыслу», если он обычно сидит дома от двух недель до месяца за семестр, потому что родители не могут вовремя наскрести денег на школу?

— Так нечестно.

— Я же сказала, скоро заплатим.

— Скоро — это никогда, скажи точно. На следующей неделе? Завтра? На выходных? Снова будете ждать второй половины семестра? Мы уже сдадим первую контрольную.

— Не знаю, Олубусола[142], пропусти, у меня еще дела.

— Ты знаешь, что его из-за денег бьют больше, чем меня? Старшеклассников наказывают сильнее. Мистер Бисаде сам так сказал. Его и сегодня утром пороли, ему-то там прятаться негде, а вы заставили его пойти в школу.

— Скоро мы заплатим.

— Когда? Когда заплатите? Мистер Бисаде лупил меня только два семестра — и мне уже надоело. А Эниола это терпит годами. Годами — и

---

[142] Примечания: 142

Полные имена, начинающиеся с «Олу», распространены в Нигерии; «Олу» означает «Бог», оставшаяся часть имени — какую-либо его милость. Так, Олубусола — «Бог прибавит богатства».

вы ничего не делаете. — Бусола покачала перед мамой пальцем. — Ты видела его спину на прошлой неделе? Хочешь, чтобы это повторилось, àbí? Завтра опять погоните его…

— Ну ладно, он больше не пойдет в эту школу, слышишь? Никто не будет его заставлять. Он будет учиться в другом месте. Общественные школы бесплатные, нам не придется волноваться из-за денег. Теперь довольна?

На этом мама оттолкнула Бусолу и ушла.

15

Эниола слышал вскрики из соседнего класса и думал, не уйти ли. Несмотря на мамины слова, не было никакого смысла сидеть, как дураку, и ждать, когда в класс придет мистер Бисаде и отхлещет и его. Он терпел наказание в прошлые недели, зная, что ему разрешат учиться. А сегодня за поркой последует громкий приказ покинуть школьную территорию. И если директору покажется, что он мешкает, он будет гонять его по классу и лупить палкой или кнутом. Так они будут носиться кругами, пока Эниола наконец не соберет все вещи и не найдет выход. А и то и другое всегда непросто, если хватаешься за кровоточащие места ударов. И оттого, что не знаешь, куда попадет следующий удар, труднее удержаться от слез. Даже стены похожи на двери, когда в глазах все расплывается. Однажды он выбежал без рюкзака, когда уронил его два раза, уворачиваясь от кнута мистера Бисаде.

На середине его первого семестра в Великой Судьбе Эниола отказался пойти в школу в понедельник, когда мистер Бисаде пригрозил пороть учеников. Отец в то утро уехал в Ибадан на ка-

кое-то собеседование, но, вернувшись через несколько дней, встал перед Эниолой на колени и умолял учиться до самой минуты, когда его прогонят. «Важна каждая капля знаний, — сказал он, прижимаясь лбом ко лбу сына. — Шрамы пройдут, а то, что ты узнаешь, останется на всю жизнь. Аттестат у тебя уже никто не отнимет».

Этим утром отец даже не поднялся с постели, когда Эниола отправился в школу с Бусолой. Верит ли он еще в то, что сказал, когда говорил предложениями, а не односложным бурчанием? А если уже нет? И все страдания Эниолы ничего не значат для того, кого он надеялся порадовать? Эниола закрыл ручку, тетрадь по географии, убрал все в рюкзак. В классе был только один выход — у доски. Не получится уйти незаметно для миссис Исонг, писавшей по бумажке на доске.

Все девять семестров младшей средней школы он повторял себе под нос отцовские слова, пока мистер Бисаде — вечно этот злобный мистер Бисаде — бил его кнутом, тростью или ремнем, а потом приказывал очистить помещение. К первому семестру старшей средней Эниола сменил отцовский голос на сцену из своего будущего. В этом будущем он инженер, доктор или политик, может себе позволить новенький «мерседес-бенц». И не

подержанный, а новенький и блестящий. Самое важное: его жена — вылитая копия Функе Акинделе[143]. Однажды он с женой и двумя детьми на заднем сиденье проедет — под таким проливным дождем, что кажется, небо вот-вот рухнет под тяжестью воды, — мимо мистера Бисаде, не останавливаясь и не предложив подвезти. Пронесется, даже когда их глаза встретятся и мистер Бисаде помашет, прося о помощи. Эниола представлял его мольбы, пока ждал, когда директор войдет в класс, и надежда на месть делала ужас ожидания чуточку сносным. Но теперь ничего не помогало. Особенно когда вскрики из соседнего класса переросли в завывания. Скорее всего, не поможет, и когда начнется порка. Копия Функе Акинделе? На что такой красавице, как Функе, сдался бывший уличный попрошайка? Эниола взял рюкзак и направился к двери. Миссис Исонг окликнула его по имени, но он не обратил внимания и в коридоре бросился бежать.

Варианта было два. Либо домой, либо в мастерскую тети Каро. Он весь вечер гадал, как объяснит тете Каро встречу с Йейе, если та решит на него донести. Йейе его узнала. Он не сомневался. Да

---

[143] Примечания: 143

Функе Акинделе (1977) — нигерийская актриса, режиссер и политик.

и водитель тоже, и как знать, не расскажут ли они тете Каро, что он мошенник? Причем еще наверняка в присутствии Сейи. А Сейи передаст Ахмеду, что он попрошайка. Если узнает Ахмед, узнает и весь класс, вся школа, sef. Если тетя Каро сегодня спросит, он не будет знать, что ответить, чтобы не потерять лицо. Поэтому он направился домой.

Когда он пришел, отец лежал в постели. Эниола снял школьные сандалии и сел к нему. Прочистил горло, надеясь, что отец отвернется от стены, и заговорил:

— Я не стал ждать, когда директор придет в класс.

Эниола надеялся хоть на какую-то реакцию, хватило бы даже «ладно», но отец только невнятно буркнул. Этот звук ударил Эниолу как пощечина, и он чуть не взорвался от ярости. Вот он дома задолго до полудня, а отец и слова не скажет. Ни извинений, что за школу до сих пор не уплачено. Ни вопроса, сколько уроков он успел просидеть до ухода. Ни реакции на его решение сбежать раньше наказания.

Будь мама дома, она бы говорила, что все наладится. Эниола хотел, чтобы отец сел рядом и пообещал, что все будет хорошо, за школу скоро

заплатят, он продолжит учиться. Бусола собиралась почти все утро просидеть в буше. Мать наверняка ушла наскребать деньги. А отец лежал лежнем, пока все вокруг страдали и пытались что-то сделать. Эниола надавил кулаком на матрас и вспомнил мистера Олабоде, висящего под потолком, одетого как на работу, с ремнем и в туфлях в тон коричневому галстуку. Через несколько минут гнев утонул в страхе потерять отца.

— Я ухожу, сэр, — сказал Эниола.

Новый вздох и что-то вроде «хорошо».

Эниола снял школьную рубашку и две футболки, пододетые, чтобы смягчить порку. Мать бы спросила, куда он. Ни за что бы не отпустила из дома, не зная весь его маршрут. Уходя, Эниола даже не попрощался — и хлопнул дверью. По дороге к «Первому классу» он репетировал и отметал ответы на расспросы о его встрече с Йейе: ни одна ложь, стоило прошептать ее себе вслух, не годилась.

Когда Эниола вошел, тетя Каро показывала Сейи, как шить плиссированную юбку. Мария сутулилась над другой швейной машинкой и вовсю строчила.

— Ehen, ты, я тебя ждала, — сказала тетя Каро, увидев Эниолу.

— Добрый день, ма.

Она кивнула:

— Помнишь ту даму, Йейе?

Эниола прошел мимо швейной машинки Марии к столу с законченными нарядами, ожидавшими глажки.

Тетя Каро воткнула булавку в клетчатую ткань.

— Она говорит, видела тебя вчера.

Эниола вцепился обеими руками в край стола. Посмотрел на нее и покачал головой; ее слова и подсказали тот единственный ответ, что еще мог его спасти. Если прикинуться, будто он даже не знает Йейе, можно сказать, что она говорит неправду, не имея при этом в виду, будто одна из любимых клиенток лжет. Можно сказать, что она, видимо, ошиблась.

— Да знаешь ты ее, — сказала Сейи, уперев кулак в бок.

— С чего ты взяла? Ты у меня в голове? — Эниола начал складывать блузку.

— Ее еще надо погладить, — предупредила Мария, не отрываясь от своей буба.

— И она только что была здесь о, — сказала тетя Каро. — В общем, теперь придумывай, как ее отблагодарить. Может, в следующий раз, когда она

приедет. Она приезжала этим утром и сказала, что хочет заплатить за твою учебу.

Эниола оперся на стол.

— Чего?

— Àbí? — Мария хлопнула тыльной стороной одной ладони по другой. — Ты ей будто во сне привиделся — мы еще подметать не закончили, а она уже примчалась.

— Расспрашивала о твоих родителях и так далее, я объяснила, что они не могут за тебя заплатить, и тогда она сама дала деньги.

— Вот так просто, наличными. — Мария широко улыбнулась. — Везунчик о.

Сейи фыркнула.

— Да она просто денежный мешок. Вовсе Эниоле не повезло. Вот когда мы учились вместе…

— Сейи, еще раз услышу твой голос — и сегодня пойдешь домой, раз уже сама умеешь шить плиссированные юбки, — сказала тетя Каро. — А ты, Эниола. С сегодняшнего дня у тебя будет своя машинка. Решим какая, когда я тут закончу.

Он нацепил на лицо подобие улыбки. Значит, Йейе ничего не сказала о вчерашнем дне. Может, она и не рассердилась, а только пожалела его. Он отвернулся от всех и порылся в стопках тканей в поисках древнего утюга тети Каро. Нашел и

включил.

Эниола знал, что все ожидали от него радости и благодарности. Это ведь хорошо. Теперь он может по-настоящему учиться на портного, а не быть мальчиком на побегушках. Кто знает, вдруг он еще до конца года сможет шить платья, жакеты и агбады с нуля? Он коснулся утюга пальцем — еще холодный. Эта штуковина нагревалась целую вечность. Что-то вроде улыбки так и не сходило с лица, но радости он не чувствовал. Просто обязательно надо улыбаться. Ради тети Каро, такой за него довольной, и ради Марии, которая то и дело улыбалась ему. Но на самом деле он будто так и остался сидеть в классе и дергаться от каждого звука в ожидании мистера Бисаде. Даже сейчас его волновало только одно: когда же родители соберут деньги, чтобы он вернулся в школу? Тетя Каро ему нравилась, и он знал, что ее уроки пригодятся в жизни, но мечтал о шансе учиться в университете или, на худой конец, в техническом училище. Точно не в преподавательском, как отец. Уж лучше всю жизнь попрошайничать, чем пойти в учителя. Упаси боже, упаси боже от плохого. Он вспомнил о лишних лоскутах, которые откладывал месяцами. Может, уже скоро получится сшить для Бусолы лоскутную блузку.

Вот она обрадуется.

— Поди сюда, — сказала тетя Каро. — Забери у Марии буба и погладь.

— Да, ма. — Эниола направился к швейной машинке.

Тут тетя Каро вскинула взгляд и нахмурилась.

— Погоди, а где это она тебя видела?

— Кто? — Эниола схватил буба и метнулся к столу.

— Йейе. Она не сказала, и я все думаю, где же вы могли встретиться.

Эниола сдвинул стопку одежды в сторону и аккуратно расстелил бубу, чтобы не помять кружевную ткань.

— Эниола?

— В церкви, ма.

— А, — сказала тетя Каро. — Я и не знала, что вы ходите в одну церковь.

Эниола ничего не ответил.

— Скорей, скорей. Погладь буба.

— Да, ма.

Он приложил палец к утюгу и вскрикнул, когда тот обжег кожу.

* * *

Когда он вернулся после заката, Бусола мерила шагами коридор. Не успел он переступить порог, как она подбежала к нему.

— Ты видел по дороге какие-нибудь тройки? — спросила она. — Ты считал?

— Ты чего?

Он плохо видел ее лицо. Электричество было, но такое слабое, что единственная лампочка в коридоре горела не сильнее свечки.

— Я видела в буше за школой три яйца…

— Только не начинай опять, Бусола.

Она схватила его за руку.

— Погоди, погоди, не заходи пока. Сегодня Mọ̀ọ̀mi пришла в школу дать мне чек, потом я ходила в буш на переменке, потому что она сказала, что еще не заплатила за тебя, и я расстроилась. Тогда я и…

— Она заплатила за тебя, а за меня — нет?

— И сказала, что ты больше не пойдешь в Великую Судьбу.

— Ты что-то не поняла.

— Слушай, она сама сказала…

Он стряхнул ее руку.

— Ты ошибаешься.

Эниола понял, что не ошибается, когда родители встретили его улыбкой. Они сидели на кровати рядом, мама — сжимая колено отца, и тут он осознал, что не помнит, когда в последний раз видел у отца улыбку.

— С возвращением, Эниола, — сказал он. — Как дела?

Эниола отшатнулся и наткнулся на Бусолу. Мама встала.

— Готов ужинать?

— Что происходит? — спросил Эниола. — Вы чего такие странные?

Мама подошла к буфету и открыла кастрюлю, выпустив чудесное благоухание натертого в каменной ступке перца и рака, вдыхавшее жизнь в ее вареный рис[144]. В последний раз она готовила его на Рождество — так давно, что Эниола и не помнил какое. А теперь предлагала дымящуюся тарелку его любимого блюда, когда он еще разуться не успел. И прямо как он любит — с большой офооро[145]. Офооро? Когда они в последний раз ели какую угодно рыбку? И почему одному ему

[144] Примечания: 144

Вареный рис (concoction rice) — домашнее нигерийское блюдо из риса, при приготовлении которого используется пальмовое масло.

[145] Примечания: 145

Офооро — копченая макрель.

достается целая офооро?

Эниола прошел мимо матери прямиком к отцу.

— Бусола говорит, я больше не пойду в Великую Судьбу.

— Эниола, это я сказала Бусоле. Не кричи, оставь отца, пусть он…

— Я не с тобой разговариваю. Я задал вопрос ему.

— Пожалуйста, не шуми. Ты же знаешь, как нам трудно. Плата за учебу, за жилье, за все. Мы просто решили облегчить бремя. Пожалуйста, посмотри на меня, Эниола, я здесь. Тебя там бьют, ты даже не попадаешь на все уроки. Пока мы сможем за тебя заплатить, пройдет еще месяц, а твои одноклассники успеют сдать контрольные.

Он уже повышал голос дважды, но мать не сердилась. Просто протягивала тарелку и говорила так, будто не собирается упрекать за то, что он кричал на отца. Его пугало ее спокойствие.

— И что?

— У твоего отца есть знакомая в Единой, его бывшая коллега. Сегодня утром он с ней поговорил, и она сказала, ты можешь начинать на следующей неделе.

Эниола придвинулся к отцу.

— Что начинать? Где?

— Учиться. В Единой грамматической школе, — сказала мать.

— Хватит говорить за него. Пусть говорит он, пусть откроет рот и скажет хоть что-нибудь. Он потерял работу, а не язык.

— Пожалуйста, не надо так с отцом.

— С каким отцом? Это он — отец? — Эниола почувствовал на плече руку матери, но не повернулся. Он встал вплотную к отцу и закричал изо всех сил: — Ну говори же, говори!

— Тебе даже не придется сдавать вступительный экзамен, — сказал он.

Эниола схватил его за грудки. Указательный палец пульсировал — там, где он обжегся утюгом тети Каро. Сначала он чувствовал только боль — будто снова прикоснулся к утюгу. Будто разочарование во всех нарушенных отцовских обещаниях — о школе Единства и Великой Судьбе — сначала жгло палец, а потом разлилось по всему телу. И Эниола почувствовал гнев — пульсирующий под кожей, стучащий в голове. Единая была ближайшей к ним школой, а это слово — сокращение для названия, которое он никогда не трудился запоминать. Отца словно не удивила рука, схватившая за воротник; уголки

его губ чуть опустились, но смотрел он чуть ли не с облегчением. Он что, ждал этого дня?

— Эниола, пожалуйста, отпусти его, — сказал Бусола.

Он заставил себя вспомнить самоубийство мистера Олаборде, но уже не чувствовал прилива жалости к отцу, страха, что завтра может вернуться и увидеть его висящим под потолком. В этой дыре даже вентилятора не было. Если отец решит покинуть этот мир, ему придется пить яд или еще что. И разве от этого не станет легче всем? У мамы будет на один рот меньше. Может, она даже выйдет за другого. За кого получше. За того, кто не отсиживается дома, пока вся семья клянчит милостыню, чтобы выжить.

— Эниола, пожалуйста, пожалуйста! — кричала Бусола. — Mọ̀ọ̀mi, скажи что-нибудь!

Он отпустил, испугавшись того, как быстро в его разуме развернулись все эти мысли. Ударил кулаком в ладонь и отвернулся от отца. На его дороге стояла мать, все еще с тарелкой риса. Он выхватил ее и запустил через комнату, рассыпая рис. Тарелка ударилась о стену и упала рядом с Бусолой, которая хныкала на матрасе, спрятав лицо в ладонях.

Мать отошла, и, глядя на нее сверху вниз, Энио-

ла почувствовал, как гаснет его вспышка страха. А что она может? Он выше и сильнее ее, причем уже давно. Почему он делает все, что она говорит? Он всегда ее слушался. С тех пор как понял, каким никчемным стал отец, делал все, чтобы упростить ей жизнь, и вот до чего дошло — она выбрала Бусолу вместо него. Эниола задыхался, будто его ударили в горло.

— Эниола, присядь. Давай поговорим, — сказала мать.

Он замотал головой. Говорить хотелось, но он боялся, что стоит открыть рот, как вырвутся всхлипы. Две лампочки в комнате замигали, словно сейчас загорятся в полную силу.

— Я не сержусь, просто присядь. Давай поговорим.

А какое она имеет право на него сердиться, если потратила деньги, ради которых трудился он, только на сестру? Эниола направился к двери. Больше она не будет ему указывать. Никогда. Когда он ступил в коридор, свет погас.

— Куда ты дел вчера ночью фонарь? Эниола?

Он закрыл за собой и постоял, чтобы глаза привыкли к темноте. Перед домом еще до переезда его семьи к земле прибили длинную скамью. Он ощупью нашел дорогу до нее и сел. Скоро он услы-

шал в коридоре шаги, но не поднял взгляда, даже когда почувствовал, как мама садится рядом.

Она положила руку ему на затылок и начала выстукивать ритм. Эниола глянул в ее лицо, ожидая увидеть гнев, но ее щеки были мокрыми. Ну и пускай плачет. Ему не жалко. Она свой выбор сделала. Хоть ей и нравилось говорить «мы с твоим отцом» сделали то, «мы с твоим отцом» сделали все, притворяясь перед всеми, будто у нее еще есть муж, заботящийся о семье, он-то знал, что почти все решения принимает она одна. И это она выбрала вместо него Бусолу. Хоть сестре учиться еще пять лет до окончания средней школы, а ему — только один.

— Почему? — спросил Эниола. — Почему?

Мать вздохнула.

— Эниола, ты же знаешь.

Но он не знал, не точно. Потому, что Бусола всегда была умнее? Стала первой в классе на экзамене первого же семестра, тогда как он с трудом пробился через младшую среднюю, никогда не поднимаясь выше тридцать первой строчки в классе из пятидесяти пяти человек? Или потому, что родители принимали его за дурака, а значит, и деньги на него тратить без толку? Или потому, что любили Бусолу больше? Или не любили его

совсем? Он не знал почему. Знал только одно: родители решили, что он не стоит трудов даже ради того, чтобы подарить ему тот малюсенький шанс, который бы дали выпускные экзамены в самой дешевой частной школе в округе. Вместо этого его ссылали в бесплатную общественную школу, а за долгие годы он от обоих наслушался, какая она бесполезная.

— Я просто устала, — сказала мать. — Почему не может случиться что-нибудь хорошее? Хотя бы на денек. Хотя бы ненадолго. Я согласна, даже если хотя бы ненадолго.

Эниола отвернулся и смотрел, как по улице катит велосипедист, освещая дорогу, пока петляет между ям. Он не мог не чувствовать к ней жалости. Она же все-таки старалась, да?

Он начал было рассказывать, что ему оплатили учебу у портной, но тут включилось электричество, и его голос заглушила детская песенка в честь возвращения света, которую он сам когда-то пел. Up nepa, up nepa, wọ́n ti mú iná dé o[146].

---

[146] Примечания: 146
Вставай, вставай, тебе принесли огонь.

16

Доктор Фиделис, невролог-консультант, руководила медпунктом по четвергам, с полудня до трех. Несколько интернов предупреждали Вураолу, чтобы она готовилась перед приходом, и все же она забыла заранее пополнить запас перчаток. Вураола и доктор Али — единственный старший ординатор в неврологии — сидели рядом с доктором Фиделис. Она хотела тайком написать про перчатки ему, но передумала: она слышала, что в клинике доктора Фиделис пользоваться телефоном запрещено.

Вураола сделала глубокий вдох и показала на перчатки перед доктором Али.

— Можно взять парочку, сэр?

Доктор Фиделис уставилась на нее.

— Вы сегодня первый день на практике?

— Эм-м. — Вураола сглотнула. — Нет, ма.

— Это риторический вопрос. — Доктор Фиделис говорила медленно, как с детсадовкой. — Вы меня поняли?

— Простите, ма. Я забыла, что они у меня кончились. — Вураола встала. — Пожалуйста, я сбегаю в отделение и попрошу у старшей медсестры.

Доктор Фиделис уже отвернулась.

Старшей медсестры на посту не было, а та, что ее подменяла, в ответ на просьбу закатила глаза.

— Почему не принесли свои?

— Обычно больница должна предоставлять такие вещи.

— Доктор, я похожа на главврача? Пожалуйста, обратитесь за перчатками к нему в кабинет, а еще лучше — поезжайте сразу в Абуджу и попросите Яр-Адуа[147].

Она бежала к аптеке, когда наткнулась на Кингсли. Он схватил ее за руки, чтобы она не упала.

— Помедленней, золотая детка. — Кингсли поправил свои очки толщиной с донышко бутылок колы.

— Привет, Кингсли. Спасибо, что пришел на день рождения мамы, и прости, что не перезвонила.

Хотя они начали интернатуру вместе, из-за графика никогда не попадали в одно отделение одновременно. Они работали вместе, только когда совпадали их дежурства в реанимации, но Кингсли звонил раз в две недели, чтобы проведать или что-нибудь предложить. Съездить в

---

[147] Примечания: 147

Умару Яр-Адуа (1951–2010) — президент Нигерии с 2007 по 2010 год.

город и перекусить перечным супом, ободряющую картинку, банку леденцов «Алтоидс». После третьей банки она перестала отвечать на его звонки.

— Да, просто хотел предложить подвезти на день рождения к Тифе на выходных. Я знаю, ты не любишь долго сидеть за рулем. — Кингсли пожал плечами.

— А, да-да, спасибо. Мне надо бежать. Я сейчас в клинике доктора Фиделис и…

— И ты здесь? — Кингсли взглянул на часы. — Уже опаздываешь, а она шутки не шутит. Задала мне перцу, когда я был в неврологии, превратила мою жизнь в ад. Я слышал, она не подписывает журнал практики, если недовольна работой.

— Просто у меня кончились перчатки, и я…

— Я вчера дежурил, моя пачка еще должна быть в дежурке. Возвращайся в клинику, эн. Просто подожди снаружи, я все принесу.

Пачку он ей вручил, задыхаясь после бега. Она пыталась достать парочку, но он покачал головой, сказал забирать сразу все и умчался раньше, чем она успела поблагодарить.

Вураола вернулась и показала перчатки.

— Есть, ма.

— Задерживаете пациентов, доктор Макин-

ва. — Доктор Фиделис посмотрела на нее так, словно нашла таракана в супе. — Рекомендую приступить к работе и доказать, что вас правда чему-то учили.

— Да, ма.

О чем еще Вураоле не говорили насчет первого года работы врачом? Какими злыми и раздражительными могут быть начальники. Наверное, думала она, и они устали. Наверное, даже больше нее. Вураола могла представить, как у доктора Фиделис — одной из всего двух неврологов в системе высокоспециализированной помощи, охватывающей четыре больницы, — усталость превращается в изнеможение, пробирающее до мозга костей. Как не стать раздражительной после десятков лет без сна, на низкой зарплате, с древним оборудованием, когда приходится самой покупать перчатки и маски, иначе пациенты умрут и отправятся на кладбище раньше, чем больница предоставит СИЗы[148]?

Первым пациентом Вураолы был мужчина, который не увидел значительных улучшений после курса кортикостероидов, прописанных от спондилеза. И хоть за ее работой следил доктор

---

[148] Примечания: 148

СИЗ — средства индивидуальной защиты.

Али, она гадала, что могла упустить, когда доктор Фиделис поманила пациента к себе, как только он встал от ее стола. Через четыре пациента стало ясно, что доктор Фиделис вознамерилась проводить повторную консультацию для всех, кого сегодня примет Вураола.

— Похоже, вы забывчивы, — сказала доктор Фиделис, попросив к себе уже шестого пациента.

— Вообще-то она довольно эффективна, — заметил доктор Али, потянув свой зеленый галстук.

Женщина что-то черкнула в медкарте.

— Должно быть, поэтому и забыла свои перчатки.

Три часа — и Вураола уже сомневалась во всем, что говорила пациентам. Она понижала голос, переживая, что доктор Фиделис подметит еще больше ее недочетов. Она — такая блестящая, всегда собранная, в костюмах пастельных оттенков и на низких каблуках — была ровно таким врачом, кого Вураоле хотелось впечатлить. И ее возмущало, что теперь доктор Фиделис считала новенькую неорганизованной.

Стрелки ее часов показали три и двинулись дальше. Она проголодалась, но раз ни доктор Али, ни доктор Фиделис не прерывались на перекус, тоже просто пила воду и работала, крепче сжимая

ручку, чтобы пальцы не дрожали.

Наконец около пяти — через два часа с того момента, когда клиника должна была закрыться, — доктор Фиделис закрыла ручку и повернулась к доктору Али.

— Если кто-то еще остался, он пришел слишком поздно. Пусть приходит на следующей неделе. Я не могу, я сегодня больше не могу, Али.

— Хорошо, ма, — отозвался он.

Она накинула сумочку на плечо и встала.

— Хорошего вечера, ма, — сказала Вураола.

Та только поджала губы и вышла.

— Не волнуйся из-за нее, — сказал доктор Али, когда шаги затихли.

— Поверить не могу, что я забыла.

— Да не в тебе дело, сегодня ее беспокоит другое. Двое ее ординаторов в Ифе сдали экзамены, и она уговаривала их остаться консультантами. Last last[149], sha, ничего не получится — то ли из Абуджи сюда не распределяют, то ли еще что. Обычный идиотизм. Она ужасно разозлилась. — Доктор Али открыл свою сумку для ноутбука и достал пачку крекеров «Белокси». — Хочешь? Ты хорошо позавтракала? Бери-бери, перекуси, пока

---

[149] Примечания: 149
Случилось худшее.

не упала в голодный обморок.

— Спасибо.

— И знаешь, что будет? Оба ординатора — мои знакомые. У одного — предложения где-то от четырех частных клиник в Лагосе. Будет выбирать на следующей неделе.

— Рада за него.

Они направились к коридору на одной скорости.

— Да, но для нас это ужасно. Знаешь, сколько у нас в стране неврологов-консультантов?

Вураола покачала головой и закинула в рот еще один крекер.

— Меньше сотни — на всю долбаную страну. Население уже больше сотни миллионов, то есть один невролог на миллион человек. — Доктор Али рассмеялся. — И мы даже тех, кого учим, не можем удержать. Знаешь, что со вторым, который сдал экзамены? Уже пишет *USMLE*[150]. Вот-вот — и уедет из страны. В таком духе, эн, все наши общественные больницы станут не лучше хосписов. Дай лет десять-пятнадцать.

Вураола расстегнула сумку и достала телефон.

— И есть такие, как твой брат, который вообще

---

[150] Примечания: 150

United States Medical Licensing Examination (USMLE) — экзамен на медицинскую лицензию США.

все шлют на хрен.

— О, ты знаешь Лайи? Ты тоже учился в Ифе? — Она пролистнула уведомления. Четыре сообщения от Мотары, два пропущенных от Кунле, пять — от матери. Она переключилась с бесшумного режима на вибрацию.

— На одном курсе учились.

— Я ни за что не уйду из медицины.

— Просто сразу уезжай из Нигерии, вот что тебе нужно.

Не успели они выйти в коридор, как телефон завибрировал. Кунле.

— До завтра, sha, береги себя. — Доктор Али помахал, двинувшись через парковку.

— Спасибо большое, сэр. — Вураола помахала ему пачкой крекеров и пошла дальше по коридору.

Прежде чем набрать Кунле, она успела съесть еще один. Кунле откликнулся сразу же.

— Прости, я с полудня в консультации. Тот еще денек.

— Знаю. Я сзади.

Она остановилась и повернулась. И вот он — в джинсах и рубашке поло, прислонился к железному столбу, скрестив ноги. Она сунула крекеры в сумку, когда он двинулся к ней. С маминого

дня рождения он удивлял ее каждый день. Без предупреждений появлялся: по вечерам — на пороге, днем — в коридорах. Оглянешься — а он тут как тут. Иногда приносил перекусить. Печенье, «Принглс», полурастаявшее мороженое. В ночь после понедельника, когда он дал ей пощечину на глазах у Мотары, он ночевал с ней, но с тех пор всегда уезжал раньше полуночи. Так и не выдержал убожества ее грязной ванной комнаты — унитаз без крышки, недостающие кафельные плитки. Ей это тоже сперва не нравилось, но теперь она и не замечала. Времени на душ оставалось все меньше, и только в выходные она могла понежиться в ванной дома.

— Давно ждешь?

Кунле встал за ней и начал разминать ей плечи.

— Где-то час.

— Не трогай халат, пожалуйста. — Вураола отступила. — Я весь день принимала пациентов. Кто знает, что я подцепила.

— Брось, я просто хочу помочь. Ты очень напряжена.

— Ничего. — Она бросила взгляд на парковку. — Где припарковался, abeg? Я так устала.

— У твоего хостела, так что придется пройтись.

Давай помогу с сумкой.

— Спасибо. — Она отдала сумку, и они двинулись с места. — Только это не хостел. Это общежитие, общежитие интернов.

— А выглядит хуже некоторых хостелов. — Он взял ее за руку. — Переезжай ко мне. Брось, давай уже.

— Ты далековато от больницы.

— Буду тебя подвозить в любое время.

Вураола рассмеялась.

— Или оставайся здесь, когда ты на дежурстве, чтобы переодеться и все такое.

— А что скажет твоя мама?

— Она говорит, после церемонии знакомства это нормально.

— Ты с ней уже все обсудил?

— Я и с твоей мамой поговорил. Она говорит, никаких проблем, если сперва проведем знакомство. — Он стянул резинку с ее волос и зарылся пальцами в ее косы. — Слушай, я правда хочу, чтобы ты переехала ко мне.

— Моя мама действительно согласилась?

— Просто подумай, обсудим после церемонии.

— Ладно.

До их ритуального знакомства оставалось шесть недель. Это считалось первым шагом пе-

ред самими свадебными церемониями, и они пришли к компромиссу о дате после маминого дня рождения.

Кунле хотел назначить знакомство через два месяца после помолвки, а свадьбу — через шесть. Тогда как Вураола хотела между помолвкой и свадьбой как минимум год. Кунле согласился ждать год, если знакомство проведут пораньше, как хотел он. Их родители пришли в восторг. Его родители — потому что знакомство пройдет за целый месяц до праймериз. Ее — потому что она выйдет замуж до тридцати. Йейе каждый день заглядывала рассказать, что планирует на знакомство. Через пару недель после того, как назначили даты, стало очевидно: весь выбор Вураолы ограничится тем, что она наденет на церемонию; все остальное мать брала на себя.

Единственной родственницей, кого не радовала предстоящая церемония, была Мотара. Вураола лично, по телефону и в сообщениях — больше, чем писала кому угодно в жизни, — уверяла ее, что Кунле никогда ее не бил. «Никогда. Никогда-никогда. Ни разу». Это она прошептала сразу после происшествия, когда Мотара замахнулась на Кунле своей сумочкой из бус, а он бросился прочь. Прокричала в ту ночь, когда Мотара гово-

рила об этом, пока Вураола пыталась уснуть — с ноющими ногами, одуревшая после миллиона обходов шатра, чтобы проследить, что все довольны. И снова и снова по телефону и в сообщениях она придерживалась одной версии, что бы ни говорила Мотара. «Никогда. Никогда-никогда. Ни разу. Это впервые, он пообещал, что это больше не повторится, и я ему верю».

Через неделю она перестала отвечать на звонки Мотары, но время от времени еще отвечала на сообщения. Настойчивость сестры уже не казалась милой или трогательной. Даже оскорбительно, что подросток, увидев сцену, длившуюся всего несколько минут, мнит, будто знает, что у них за отношения. Oshisco[151]. Вураолу раздражал сам смысл ее сообщений:

Ты врешь, чтобы его защитить, он с тобой жестоко обращается, а ты не видишь, не выходи за тирана.

Она не какая-то беспомощная жертва, которой нужна спасительница в лице, прости господи, Мотары. Она отлично знает, что делает.

Конечно, это не первый раз, когда Кунле ее ударил, а третий. Три раза за два года — и сколько

---

[151] Примечания: 151
Чушь.

другого, чего не видела Мотара. Двадцать четыре месяца. Семьсот тридцать дней. Сколько минут и секунд? Три пощечины, которые, вместе взятые, не занимали и минуты, — и вот на этом Мотара строит свое мнение об их отношениях в целом? Сплошные эмоции и драма — как раз в духе Мотары, которая требовала пойти в шатер, взять микрофон у того, кто там выступал, и обвинить жениха у всех на глазах. Вураола просто рассмеялась, потому что приняла это за шутку. А потом увидела взгляд сестры, серьезный и искренний.

Прав Лайи насчет Мотары: родители совершенно ее избаловали, и теперь она не задумывается о последствиях своих действий для других. Как можно думать, что ради этого стоит портить мамин праздник и устраивать сцену? Праздник, который для Йейе символизировал то, как далеко она дошла, сколько всего добилась, как много перенесла в жизни. Как Мотара не понимала, что это, возможно, главный момент в маминой жизни? Эта сирота заявляла всему миру: «Взгляните на меня теперь». Мотара живет в своем пузыре, где можно вытворять что хочется, без последствий. Ну и как ей понять, что для всех будет значить, если Вураола уйдет от Кунле.

В больничных коридорах Вураола и Кунле

натыкались на тех, кто знал родителей кого-то из них или всех сразу. И лишь один человек — профессор, только что вернувшийся из академа в Саудовской Аравии, — еще не слышал о помолвке. Кунле тут же представил ее как будущую жену.

— Почему не скажешь «невеста»? — Вураола вставила ключ в замок.

Кунле пожал плечами, входя в ее крошечную квартирку.

— Просто уже не терпится.

Она сразу направилась в спальню. Усталость, с которой она боролась с самого полудня, брала свое. Вураола жаждала упасть, как только войдет, но все-таки заставила себя сперва раздеться. И была в нижнем белье, когда Кунле принес стакан воды.

— Спасибо. — Она вернула пустую чашку и шлепнулась на кровать. — Включишь вентилятор?

— Конечно.

«Да. Конечно. Без проблем». Кунле стал таким податливым и подобострастным после маминого дня рождения. Включив напольный вентилятор, он лег рядом и положил руку ей на живот. А еще он стал таким приставучим. Его руки тя-

нулись к ней по поводу и без. Он приласкал ее, провел пальцами по коже — прикосновение такое легкое, практически незаметное. Они не занимались любовью с того дня. Хотя в его глазах кипела страсть, он сдерживался, искупал вину. Она понимала, что он ждет разрешения, но не чувствовала прежнего желания. С тех пор, как он дал ей пощечину. Так было после каждого случая, когда он ее бил. Вожделение пропадало на долгие дни, зато потом накрывало с такой силой, что заставало ее врасплох. Она провела пальцем по его усам. Такие тонкие, словно нарисованные карандашом.

— Помассировать плечи? — спросил он.

Она перекатилась на живот и закрыла глаза. Он начал ее разминать.

— Есть рагу?

— Нет. А что?

— Могу сварить тебе рис или приготовить эбу.

Он не хотел ее потерять. Их любовь придавала его жизни смысл. Между ними было что-то особенное. И ни с кем другим это не воссоздашь. Все это он повторял каждый день после происшествия, пока она не велела заткнуться, потому что стало противно от того, как он пресмыкается. Теперь он заменял те слова предложениями что-

нибудь приготовить или купить.

— Поехали в «Кэптейн Кук», снова возьмем асаро[152], — сказал Кунле.

— Никуда я не поеду, abeg.

Хотелось остаться в этом моменте. Чтобы кожу щекотал шепот его дыхания, когда он прижал губы к ее лопатке, чтобы ее не марало ни прошлое, ни будущее. Она не чувствовала себя так ни с одним мужчиной, даже с Нонсо. Окруженная его вниманием, она была величественным солнцем, вокруг которого вращался весь его мир.

— Ты сегодня разговаривала со своей мамой?

— Надо ей перезвонить. — Вураола зевнула. — Но у меня еще нет сил.

— Я виделся с ней перед тем, как приехать.

— Где?

— Я ездил в ее магазин. — Он погладил ее предплечье. — Такое ощущение, что твоя мама готовила это знакомство с самого твоего рождения.

Вураола рассмеялась.

— А вы с ней теперь лучшие друзья, эн?

— Она уже продумала цветовую схему, меню, список гостей. Тебе ничего не придется делать, только прийти.

---

[152] Примечания: 152

Асаро — каша или очень густой суп из ямса и любых других ингредиентов. Может быть как основным блюдом, так и гарниром.

— Мне даже кажется, что мы поссоримся, если я попытаюсь выбрать что угодно, кроме одежды.

— И я поговорил с ней о Мотаре.

— Господи, Кунле.

— Мы же практически семья, Вура, я могу говорить с твоей мамой о таких вещах напрямую. Я просто объяснил, что не хочу, чтобы Мотара звала меня просто по имени, и она с ходу согласилась. Все в порядке, дорогая. Твоя мама сама давно думает, что Мотаре лучше звать меня «брат Кунле». Я все уладил. — Кунле медленно выдохнул. — Как и надо было сразу сделать вместо того, чтобы спорить с тобой. Сразу пойти к твоим родителям. Так решают проблемы взрослые люди.

Его уже не было, когда Вураола проснулась около полуночи. Она поплелась в гостиную проверить дверь и обнаружила, что он запер ее снаружи и просунул ключ снизу. Еще Кунле оставил на одном из протертых кресел, которые достались ей вместе вместе с квартирой, нейлоновую сумку. В ней лежала миска асаро и куриная ножка в фольге. Она села и все съела, ломая куриные кости, чтобы высосать костный мозг.

* * *

Кингсли забрал Вураолу в субботу, до полудня. В его машине пахло так, будто он оставил ее на ночь отмачиваться в духах. Вураола не сразу привыкла к благоуханию и заметила, что Кингсли мычит мелодию под нос.

— А можно просто включить музыку?

— Давай я тебе лучше спою. — Кингсли двигал плечами под какой-то внутренний ритм. — Óуá, по особым заявкам. Ты сама знаешь, что хочешь.

Вураола усмехнулась и стала возиться с радио. Когда Кингсли завел *Call My Name* в исполнении *Styl Plus*, и ей вспомнились те успокаивающие недели, когда они обменивались записками и дарили друг другу книги. Им нравились одинаковые романы, они могли часами обсуждать сюжетные повороты. Наедине с ней он пел и пару раз даже убаюкал ее колыбельной. Он был как раз тем, что нужно, когда исчезла возможность чего-то постоянного с Нонсо. Единственное, что ее беспокоило в тот месяц с ним, — что он всегда подписывал записки «С любовью, Кингсли».

Теперь Вураола прочистила горло, когда он перешел с *Call My Name* на *Imagine That*.

Кингсли рассмеялся.

— Расслабься, золотая детка, это всего лишь песня.

Когда Кингсли пригласил ее в «Банвилл» и сказал, что сомневается, может ли между ними действительно быть любовь, она была так ему благодарна, что чуть не заплевала рисом всю скатерть, спеша с ним согласиться. Это Тифе месяцы спустя обратила ее внимание, что разговор, который Вураола приняла за разрыв, задумывался как раз с целью подтолкнуть ее к серьезным отношениям.

— Я знаю, что ты помолвлена, и очень рад за тебя, — голос Кингсли был слабым и тихим. — Так рад.

Вураола обернулась к окну, смотрела, как их обгоняет бензовоз. Они ехали по шоссе, то ускорялись, то резко замедлялись перед рытвинами. В последний год учебы Тифе и Грейс прозвали Кингсли ее бойфрендом-секретарем, настолько он был готов исполнять любые ее просьбы. Грейс посмеивалась, но Тифе просила Вураолу во имя дружбы прекратить пудрить ему мозги.

В студенческие годы Вураола стремилась быть во всем похожей на Тифе. Умная и часто проницательная, Тифе словно не отягощалась ничьими ожиданиями и — возможно, как след-

ствие — обладала неисчерпаемой способностью наслаждаться жизнью. Всю учебу она каждый месяц отрывалась от медвуза, чтобы залезть на гору, съездить на пляж или погулять одной в саду. Иногда уезжала из города, но если не получалось, то довольствовалась университетскими парками и садами. Каждый день рождения праздновала с размахом. Даже на третьем курсе, когда праздник выпал на день перед *OSCE*[153] по анатомии, Тифе тусовалась с соседками до полуночи.

Год интернатуры был самым долгим периодом, когда Вураола разлучалась с Тифе. Вураола скучала по подругам каждый день и удивилась, что они созваниваются и переписываются не так часто, как можно было ожидать. Нередко проходили целые недели, прежде чем Тифе отвечала на сообщение или звонок.

— У меня где-то в бардачке *Expressions*, — сказал Кингсли. — Можешь включить.

— Что?

— Альбом *Styl Plus*.

— А, не надо.

— Ты в порядке?

— В порядке.

---

[153] Примечания: 153

Objective Structured Clinical Examination (OSCE) — Объективный структурированный клинический экзамен.

— Ты какая-то. Тихая.

— Нет, я в порядке. Просто много всего на уме. — Вураола почти не сомневалась, что Тифе попросила бы немедленно разорвать помолвку, если бы узнала, что Кунле ударил ее хотя бы раз. — Ты когда-нибудь давал пощечину женщине? Любой?

Кингсли нахмурился:

— Может, младшей сестре в детстве.

— А девушке?

— Никогда. А что?

— Ничего.

— Подожди, ты… он тебя бьет?

— Следи за дорогой, пожалуйста.

— Вураола.

Он всегда произносил ее имя неправильно: «золото» в первой половине говорил как надо, но «богатство» во второй половине подменял по произношению на «завтра». Она не помнила, когда он в последний раз звал ее Вураолой; уже давно привыкла к «золотой детке».

— Ты ничего не говоришь.

— О чем? — Она открыла бардачок и поискала диск *Styl Plus*.

— Он…

— О нет. — Вураола рассмеялась. — Стала бы я

выходить за такого человека?

Кингсли посмотрел на нее.

— Не убей нас о, Кингсли, abeg, глаза на дорогу. — Вураола достала диск из конверта. — Я тут хотела спросить: ты уже определился со специальностью?

— Это совсем непросто. Кажется каким-то важным решением, понимаешь?

Кингсли, прежде чем поступить на медицину, получил диплом по биохимии. Он уже отслужил после первого высшего и, в отличие от Вураолы, мог начать резидентуру сразу после интернатуры. Довольная, что Кингсли перестал выспрашивать о Кунле, она кивала, пока он перечислял варианты. Дерматология, общественное здравоохранение или психиатрия. Он говорил, пока они не доехали до университетской клиники.

Вечеринка Тифе проходила в «Спрингхилле» — университетском зале в ресторанном корпусе «Нью-Бука», сдававшемся под что угодно, от праздничных рейвов до молитвенных собраний. Припарковавшись, Кингсли потянулся к руке Вураолы. Она отдернулась от неожиданного прикосновения.

— Вураола.

— Ничего. Я не ожидала, что ты… Мы же не

трогаем друг друга?

— Дело в том, что я не понимаю, правду ты говоришь или нет. Отчасти я надеюсь, что да, потому что… ну, и в самом деле, зачем тебе выходить за такого человека? — Кингсли поправил косичку, сбежавшую из ее свободного узла. — Но если быть честным, другая моя частичка надеется, что ты врешь. Что он тебя бьет, что он тебя не заслуживает. Потому что, кто знает, вдруг у меня еще есть мало-мальский шанс.

— Кингсли, ты хороший друг, но я никогда…

— Можешь не говорить. Я и так знаю. — Кингсли вздохнул. — Дело в том, что, если он тебя бьет, тебе лучше от него уйти. Ты же это знаешь? Да?

— Но для ясности — он меня не бьет.

Вураола не хотела уходить от Кунле. И не только из-за позора, что ляжет на нее после разрыва помолвки, или разочарования и стыда ее родителей. В неделю после маминого дня рождения она сама удивилась, как ей тяжело от мысли о разрыве. И тогда стало ясно, что она хочет выйти за Кунле — но только чтобы он перестал ее бить в расстроенных чувствах. Дальше пощечин дело не заходило. Он работал над собой. А она знает, что делает. Волноваться еще не о чем, нет причин выкладывать подробности Тифе и видеть, как в

ее взгляд просачивается осуждение. «Почему не бросила его после первого же раза?»

Когда они вошли в «Спрингхилл», из динамиков звучал Лагбаджа. Вечеринка еще не началась, но Тифе уже танцевала конко, а десяток собравшихся подбадривали ее.

Кингсли присоединился к ним:

— Давай, давай, давай, Тифе!

Тифе обернулась к ним с распростертыми объятиями.

— Кингсли! Вура!

— А где Грейс? — спросила Вураола во время объятий.

— Ты что, похудела? — Тифе отодвинулась и потыкала в ключицы Вураолы. — Похудела. Надеюсь, не моришь себя голодом, чтобы влезть в какое-нибудь дурацкое платье?

— Это только ты толстеешь во время интернатуры, Тифе. Как — уму непостижимо.

Вошла с тортом Грейс. За ней следовали люди с переносными холодильниками накрытыми блюдами разных размеров.

— Man dey[154] голод, пожалуйста, — сказал Кингсли. Он обходил зал и пожимал руки всем

---

[154] Примечания: 154
Да будет.

знакомым. — Грейс, abeg, есть чем перекусить?

Грейс открыла термосумку, завернула что-то в салфетку и протянула ему.

— Мясной пирожок?

— Благослови тебя Боже. — Кингсли впился в пирожок. — А помните «Саксес»?

Вураола кивнула.

— Боже мой, никто не печет мясные пирожки, как они.

Пока они не сгорели в пожаре. Весь ряд магазинов напротив университетского спортивного центра, студенческая мекка — Вураола бывала там часто. Иногда делала химическую завивку в «Мегаколл», листала мотивационные книжки в «Бадеджоко», после чего покупала ручки и разноцветные тетрадки, пять в одной пачке, которые так обожала. И что бы ее туда ни привело, первым делом она заглядывала «Саксес»: его выпечка манила всегда.

Вураола тоже попросила мясной пирожок.

— Кунле с тобой не приехал, — заметила Грейс. Она расставляла термосумки и блюда вдоль стены.

— Опять носится с кампанией своего отца. — Вураола откусила пирожок. Корочка суховата, в начинке больше картошки, чем нужно в мясном

пирожке. — Праймериз всего через два месяца.

— Это очень скоро.

— Они очень надеются, что он победит.

— А этот… как там звали того мужика из палаты представителей?

— Фесоджайе?

— Да. — Грейс ткнула пальцем в воздух. — Я где-то читала, что он тоже баллотируется?

— Понимаешь, эн, это все непросто, потому что отцу Кунле уже дали обещание в партии…

— Нет-нет-нет. — Тифе прижала палец к губам Вураолы. — Сегодня мой день. Вам разрешается говорить только о том, какая я чудесная, или спрашивать о моем десятилетнем плане захватить мир.

— Óуá, скорей же рассказывай свой десятилетний план. — Вураола взяла бутылку «Ла Касеры» и села на один из пластмассовых стульев вдоль стены.

Тифе приступила к речи, которую Вураола уже не раз слышала. Резидентура в Соединенных Штатах, возвращение в Нигерию, открытие собственной клиники в Абудже. По пути Тифе собиралась научиться играть на пяти инструментах, посетить все континенты, кроме Антарктиды, и открыть риелторскую компанию. Амбиции

Вураолы всегда бледнели в сравнении с ее. Она всего-то хотела окончить резидентуру, устроиться преподавательницей в университете и стать профессором. В отличие от Тифе, она не представляла для себя жизни вне медицины.

— А замуж когда? — спросил Биодун, их бывший представитель курса в медвузе, после того как Тифе закончила.

— Лучше спроси, планирую ли я выходить вообще.

Поднялся шум. Смех и десяток «о-о-о», усеянных смешками. После приезда Вураолы и Кингсли «Спрингхилл» понемногу наполнялся гостями и теперь набился битком.

Тифе подняла руки, словно останавливая дорожное движение.

— Успокойтесь вы. Я просто еще решаю, хочу ли я замуж — или должна хотеть. Это легко спутать.

— Мы начнем с молитвы или?.. — спросила Грейс.

Тифе пожала плечами.

— Сестра Грейс, если хочешь, помолись за всех нас. Я не против.

Грейс достала из сумочки платок и накрыла волосы.

— Преклоним головы, пожалуйста. Биодун,

сними кепку.

Вураола закрыла глаза, но не слышала слов Грейс. Без толку обсуждать с Тифе сомнения из-за Кунле. У нее такой ясный взгляд на свою жизнь, она так ловко скользит между своими желаниями и чужими требованиями — и она будет настаивать, чтобы Вураола поступала так же. А ей не хватало слов, чтобы объяснить: для нее эти различия между «хотеть» и «должна хотеть» никогда не имели особого значения. Она не могла объяснить, как ей нужен Кунле. Чтó там — хоть она и боялась, что он продолжит ее бить, все равно не могла представить себе будущее без него. Может, она и правда его любит? И не помнит, когда бы еще так увлекалась мужчиной. Не может себе представить, что встретит кого-то вроде него. Да и разве с возрастом варианты не иссякают? К тому же Кунле любит ее, даже нуждается в ней. И на душе всегда приятно от того, как он это повторяет. Отказаться сейчас — навлечь несмываемый позор на семью, мама еще месяцами не сможет показаться в Союзе матерей. Но, может, дело не только в этом? Может, она правда хочет выйти замуж до тридцати, не хочет быть как та двоюродная сестра, которая вышла замуж только в тридцать пять и последние пять

лет была предметом многочисленных семейных сплетен, диких гаданий и горячих молитв? Куда ни глянь, везде Вураола находила объяснения — над которыми Тифе бы только посмеялась. Нет, Тифе невозможно рассказать о том, что происходит, и не разочаровать.

* * *

Вураола вставила в замок ключ, но дверь распахнулась раньше, чем она его повернула.

Внутри стоял Кунле.

— Как ты сюда попал?

— Открыл.

— В каком смысле?

Кунле закрыл дверь за ними. В замке был ключ. Он повернул его.

— Я давно уже сделал копию. В одну из суббот, когда ты отсыпалась.

— Но я тебе ключ не давала.

— А в чем дело? У тебя есть мой, мы с тобой женимся, ну и… — Он уже отвернулся и направился к рабочему столу, который заодно служил и обеденным.

— Надо было спросить, Кунле.

Он поставил на стол тарелку риса.

— Как там было у Тифе?

— Отлично, ей понравился подарок, она просила тебя поблагодарить.

— Ага, она мне уже писала.

— А как ваше собрание? — Вураола скинула обувь и села, пока он возился на ее маленькой кухне.

— Этот Фесоджайе никак не угомонится. Папа должен был пойти единственным кандидатом от партии. Так обещал председатель, но теперь этот придурок мнит, что может нам помешать.

— Сочувствую.

Она пошла к себе переодеться, потом вернулась к нему за стол.

Она видела, что он расстроен. Он так болел за мечту отца, что часто любое разочарование портило ему весь день. К утру он возьмет себя в руки, будет полон новых идей и оптимизма насчет их шансов. Вураола хотела размять ему плечи, но он сбросил ее руку.

— Что случилось?

— Как ты доехала?

— Что?

— Твоя машина простояла тут весь день. Как ты попала в Ифе?

— А, Кингсли тоже поехал, вот подвез и меня.

— Кингсли.

— Да. — Вураола следила за Кунле, за каждым его движением.

— Ты была в желтом платье. — Кунле сделал глоток воды. — Это же он тебе говорил, что в желтом твоя кожа будто сияет, или еще какую-то хрень?

Вураола подавила смешок.

Он схватил ее за руку.

— Тебе смешно?

— Что ты это еще помнишь — да.

Хватка сжалась. Она стиснула кулак и попыталась освободиться.

— Ты и Кингсли — наедине в машине на тридцать минут? Сорок пять минут. Час. Ты раньше трахалась с ним в машине, àbí?

— Отпусти, Лакунле.

— Только вы вдвоем, в дороге туда и обратно, чтобы повспоминать прошлое, àbí?

— Отпусти. — Она занервничала.

— Почему не поехала сама? Почему поехала со своим бывшим?

— Лакунле, прекрати нести чушь.

Хватка сжималась. Большим пальцем он давил на лучевую артерию — и Вураола вдруг осознала его силу, брутальные возможности бицепсов, которыми так восхищалась. Ее пальцы начали

неметь.

— Почему ты поехала с бывшим?

Вураола сделала глубокий вдох, потом крикнула изо всех сил:

— Отпусти!

Она не видела, как он сдвинулся с места, пока его пальцы уже не сомкнулись у нее на горле. Он придавил ее к спинке стула, прижался лицом к ее лицу. Ее глаза заслезились. Стул приподнялся на задних ножках, завис. Она уставилась на Кунле, царапая его руки; ударила его по лицу; и вот уже не могла дышать, давилась и отплевывалась, ловила ртом воздух. Наконец он отпустил, и она распласталась по столу, кашляя и пуская слюни.

Кунле принес ей воды. Она сделала глоток слишком жадно и подавилась. Он похлопал ее по спине, забрал чашку и поднес к ее губам. Она оттолкнула и на заплетающихся ногах двинулась к двери, ничего не видя перед собой за пеленой слез. Когда она оказалась у двери, там уже был он.

— Не уходи. — Он упал на колени. — Я этого заслуживаю, но, пожалуйста, не уходи. Вураола Абеке, пожалуйста.

— Отвали. — Вураола попятилась. Ей хотелось кричать, но голос вырывался хриплым шепотом.

Язык казался толстым полотенцем, застрявшим в горле.

— Нет, пожалуйста, Вураола. Абеке mi, прости, я просто не хотел, чтобы ты кричала, вот и все. Вот и все, милая, вот и все. Я не хотел делать тебе больно. — Он полз по комнате за метавшейся от стены к стене Вураолой. — Клянусь, жизнью клянусь. Абеке. Жизнью моей мамы. Клянусь. Прости меня, пожалуйста. Вураола. Пожалуйста.

Когда он потянулся к ее ноге, она сбежала в ванную и заперлась изнутри. Включила кран, чтобы заглушить его лепет. Над раковиной висело маленькое зеркало. Она наклонилась и вгляделась в свое отражение. Заметных синяков на шее не осталось. Глаза красные, но помада не размазана, волосы все еще в свободном узле. Единственное, что было не на месте, — сбежавшая косичка, которую днем поправлял Кингсли.

17

Йейе ворвалась, как обычно, не постучав. Мотара села в постели.

— Ты не постучала.

— И что?

— Уважай мою личную жизнь.

Йейе собрала с пола фантики от шоколадок и бросила в Мотару.

— Оглядись, это дом моего мужа. Мой дом. Вот когда будешь в доме своего мужа, эн, и я приду к тебе в гости, тогда и рассуждай о личной жизни.

— А почему это не может быть и мой дом?

Сорок семь. Утром воскресенья, когда отец спросил, не планирует ли она вынуждать и своего мужа ждать так же, как его, перед поездкой в церковь, Мотара решила всю неделю считать, сколько раз в семье заговорят о том, как она будет вести себя замужем. Или в доме мужа. Дом мужа был направлением, о котором говорили все с тех пор, как она подросла и поняла, о чем речь. Если она что-то и заметила за одну эту неделю, так это что дом мужа — пункт назначения для всех хороших девочек, когда они становятся женщинами, точно так же как рай — пункт назначения для

всех праведников, когда они умирают. Пока что от родителей и тетушек, с кем она говорила на неделе по телефону, она насчитала сорок семь упоминаний о том, как должна вести себя замужем, в доме мужа, с семьей мужа.

Йейе стянула с Мотары одеяло.

— Wo, иди и сними белье с веревки, кажется, дождь собирается.

— А почему Рэйчел не может?

— Ты — что ты делала с самого утра? Даже в комнате у себя не убралась. Что тебе сейчас так мешает принести белье с улицы? Эн? Что?

Мотара почти весь день провалялась в кровати, читая и перечитывая сообщения от Вураолы, мотаясь между страхом и гневом, пока голова не заболела. С самого дня рождения Йейе ей снилась Вураола. И в некоторых снах сестра умерла или находилась в смертельной опасности. Сбила машина, погибла в пожаре, попалась в руки бандитов. Сценарии менялись, но одно оставалось неизменным: причиной всегда был Кунле. Вчера ночью она проснулась вся в поту, в липнущей к телу ночнушке. Однажды она прокралась в кровать к Йейе, и мать почти час выпытывала, что за сон выгнал ее из спальни. Тогда и был шанс рассказать, что сделал Кунле, этот придурок с

кокосом вместо башки. Но она притворилась, что уснула, только чтобы Йейе не волновалась.

— Не понимаю, почему ты не можешь встать с кровати и просто выкинуть мусор в корзину. Лучше возьми себя в руки и начни прибираться за собой. Так-то ты будешь вести себя в доме мужа, эн? — Йейе показала на пачку сока, которую Мотара оставила на полу вчера ночью.

— И-и сорок восемь, — сказал Мотара, вставая.

— Что?

— Ничего.

— У Вураолы в комнате так никогда не бывало.

Сколько Мотара помнила, родители всегда просили брать пример с сестры. В средней школе — чтобы она училась хорошо, как Вураола, чтобы вела себя с ними как Вураола, помогала по дому, стала врачом. И она разочаровала их почти по всем фронтам. Увенчав разочарования провалом на экзамене по самому важному предмету — биологии. Теперь она в теории должна была готовиться к пересдаче, но учебник собирал пыль с тех пор, как год назад она вернулась из школы-пансиона. Второй провал будет означать, что им придется отказаться от своей мечты и прислушаться к ее. По крайней мере, на это она надеялась. Мотара не могла потратить еще год,

пока родители ждут, что она станет святой Вураолой Безупречной. Она взяла пачку из-под сока и забросила в корзину.

— Разбери белье и сложи, потом отнеси каждому в комнату. Не сваливай все мне на постель и не жди, что Рэйчел придет тебе помогать.

— Но…

— И никаких «но», просто делай, что говорят.

Мотара вышла. С Йейе бесполезно спорить, когда она расстроена, а вчера она вернулась из магазина в дурном настроении.

Стук пестика в ступе слышался уже на лестничной площадке. У кухни он стал громче. Увидев Мотару, Рэйчел отложила пестик.

— Не толки прямо посреди кухни. — Мотара поморщила нос. Воняло кровью. Видимо, незадолго до ее прихода что-то разделывали.

Рэйчел присела и с силой привалилась к деревянной ступе, с кряхтеньем сдвинула ее по полу. Та скрежетала, пока не остановилась у черного хода.

— Есть хочу, у нас есть чин-чин[155]?

— Йейе вчера приносила, — сказала Рэйчел и продолжила работать пестиком.

---

[155] Примечания: 155

Чин-чин — запеченное или жареное тесто из пшеничной муки в виде снеков.

Все четыре конфорки на газовой плите горели, на кухне было жарко. Время от времени в открытые окна веяло ветерком, насыщенным обещанием дождя, и каждый раз усиливался отвратительный запах крови.

Мотара поискала миску с чин-чином на столешнице. Та была заставлена кульками с угу и гбуре, каждый — завязан слоновьей травинкой. Большинство листьев — свежие и зеленые. Кое-какие пожелтели, но их тлен еще находился на красивой, съедобной стадии; пока ни одного бурого или сухого листа. Она отодвинула овощи в сторону, но миски с чин-чином так и не нашла. Только баночки карри, перца и тмина.

— Так где чин-чин?

Рэйчел продолжала толочь, ее грудь поднималась с каждым движением пестика вверх. Голос Мотары заглушался шумом пестика. Она достала из кучи грязных сковородок и утвари в раковине кухонные ножницы. Их зазубренные лезвия были в крови и пахли рыбой. Что-то маслянистое — наверное, рыба Титуса[156]. Мотара гремела ножницами по раковине, пока Рэйчел наконец не заметила скрежет металла по металлу.

---

[156] Примечания: 156
Рыба Титуса — макрель.

Служанка прислонила пестик к стене и пыталась отдышаться через рот, издавая слабый свист.

— Где чин-чин?

Рэйчел поскребла в затылке, потом вытерла руки о бурое платье.

— Что, Йейе спрятала?

— Она оставила его на завтра. После церковной службы приедет муж тети Вуры.

— Он не ее муж! Еще даже знакомства не было.

Рэйчел пожала плечами и начала собирать ямс из ступы.

Мотара подошла к плите. Открывала все кастрюли, пока не нашла ту, что с рыбой. И правда Титус. Она наколола одну вилкой и выключила конфорку. Йейе, видимо, забыла, что рыба почти готова. Мотара положила рыбку в блюдце, разделила по хребту и отрезала кусочек.

Когда она отправила его в рот, на улице заморосило. Она подошла ближе к открытому окну. Йейе говорила, что пригласила на ужин Кунле, но Мотара не помнила, приедет ли с ним Вураола. Если да, они смогут поговорить еще раз — и, если повезет, сестра одумается раньше церемонии знакомства. После этого Вураола все равно что замужем. Разве все, что останется — принесение

ямса и официальная регистрация, — не просто формальность?

Мотара вздохнула, достала телефон и в который раз перечитала последнее сообщение от Вураолы:

Заканчивай, Мотара, это уже неприлично. Не знаю, что там тебе привиделось, но последнее, что я об этом скажу, — ты все неправильно поняла.

И тут, пока она читала предыдущие сообщения, до нее дошло. В них ничего не подтверждало то, что видела Мотара. Не получится никому показать в доказательство.

— Омотара, да что с тобой? Ты не сняла белье. Сидишь, ешь да копаешься в своем телефоне. Ну что это за ерунда?

Мотара увидела мать на пороге кухни.

— Прости, я…

Йейе шикнула и промчалась мимо нее за дверь.

Мотара поставила блюдце на столешницу и прикоснулась к своим волосам. Косы заплели меньше недели назад. А значит, ей нельзя под дождь без шапочки для душа.

Когда Йейе вернулась, ее волосы, короткие и седеющие, липли к голове. Она встала перед

Мотарой, обтекая на пол.

— Вся одежда промокла до нитки. Ничего не спасла.

— Мне жаль, ма.

— Себя жалей, себя жалей. Те, кто говорит, что я тебя избаловала, не ошибаются. — Йейе повернулась к Рэйчел. — Выключи все конфорки и оставь нас на минутку, пожалуйста.

— Просто хотелось перекусить перед тем, как все занести, а потом из головы вылетело.

Когда Рэйчел ушла, Йейе продолжила:

— Знаешь, вчера ко мне в магазин приезжал Кунле и говорил то же самое.

— Что я избалованная?

— Он слишком вежливый, чтобы так и сказать, но суть я поняла.

— Какую еще суть? — Мотара сделала глубокий вдох, чтобы голос не повысился и не задрожал. — Кунле поливает меня грязью, а ты сидишь и веришь?

— Ты на кого кричишь? На меня? На меня повышаешь голос, эн? Это ты виновата? Нет, ты не виновата. Это все допустила я. Так мне все и говорят, но нет, я не слушала. А теперь ты открой уши и услышь: с этого дня ты перестанешь звать Кунле по имени. Отныне он для тебя дядя Кунле.

— Что ты говоришь? Он мне не брат и не дядя.

— Скоро он женится на твоей сестре.

— Упаси боже от плохого.

— Что? Мотара, у тебя хорошо с головой? — Йейе наступала на Мотару, руки в боки, лицо перекошено от ярости. — И ты так говоришь о свадьбе своей сестры?

Мотара сложила руки и уставилась себе на ноги. Она правда жалела, что забыла про белье, но не понимала, как мать перешла от этого к разговору с Кунле. Дни уже стали неделями, пока она думала, как и когда рассказать кому-нибудь об увиденном на дне рождения Йейе — и рассказать ли. Ни один момент не казался подходящим. Может, и не бывает идеального момента, чтобы сказать, что Вураола в опасности.

— У тебя что-то с ушами? Объяснись. Почему ты вдруг так говоришь?

Мотара сделала глубокий вдох и подошла к матери ближе.

— Кунле дал Вураоле пощечину, я видела.

Йейе нахмурилась, потом рассмеялась.

— Это что еще за вранье такое?

— Нет-нет. В этот раз я не вру, не вру. Я видела, это было на твоем дне рождения. Он дал ей пощечину. Нельзя проводить знакомство. Ты

должна им помешать. Так что да — упаси боже от плохого.

— Заткнись немедленно. Что за чушь ты несешь? Я не потерплю позора. Я не собираюсь устраивать для своей дочери знакомство, а потом отменять. Моя радость никогда не станет позором.

— Кунле дал пощечину Вураоле — ты меня вообще слушаешь?

Йейе покачала пальцем перед носом Мотары.

— Ты врешь.

— А если нет?

— Тот Кунле, которого я знаю с самого детства? — Йейе покачала головой. — Нет. Я тебя знаю, Мотара, ты врешь ради удовольствия.

— Не сейчас.

— Прекрати немедленно. — Йейе посмотрела на свои часы. — Почти семь. Подай отцу ужин. А мне надо переодеться. И смотри, чтобы я не слышала жалоб от твоего отца о. Сразу тебя предупреждаю.

Мотара чувствовала себя дурой из-за того, как повела разговор. И почему она не дождалась, когда Йейе будет в хорошем настроении? Надо было понимать, что говорить о таком сразу после того, как расстроила маму, — ужасная мысль. А

учитывая, что на кону безопасность Вураолы, стоило продумать, как подать это умнее.

В одном из кухонных шкафчиков стояли фарфоровые сервизы. Все пять — для отца. Мотара достала набор из трех предметов и расставила на подносе. Если ошибиться и здесь, к этой теме с Йейе будет уже не вернуться.

Она наполнила супницу, потом отобрала четыре блинчика с толченым ямсом из коричневой термосумки, где их хранила Рэйчел, разложила в самой большой тарелке, а в средней — улиток, рыбу и курицу. Все блюда она накрыла крышками.

Мотара прошла к столу в столовой медленно, чтобы суп не плескался по стенкам миски и не оставил следов пальмового масла. Отцу это не нравится. Расставив тарелки на столе, она подняла крышку и оценила супницу. От опрятности испытала прилив удовольствия и с новыми силами продолжила сервировку.

Дома отец носил тапочки и перемещался как охотник, неожиданно появляясь рядом, когда Мотара думала, что одна. Она вечно пыталась предугадать его появление, потому что предпочитала избегать встречи. Особенно сейчас — когда вернулась из средней школы единственным ребенком в семье, который не сдал экзамены, — она

избегала отца как только могла. Его разочарование было неколебимым и не смягчалось от теплых слов Йейе. Этот человек гордился достижениями своих детей и ожидал, что они отплатят за его инвестиции великолепными оценками. Оценки Мотары никогда не поднимались выше средних, а теперь она и вовсе не сдала экзамен. Он вошел в гостиную незадолго до семи, напугав Мотару, хоть она и вслушивалась в его шаги.

Пока он садился, она опустилась на колени и чуть склонила голову, когда он побарабанил пальцами по столу.

— Добрый вечер, сэр.

— Где твоя мать?

— Ей нужно переодеться.

— Хм-м-м. Ладно, вставай.

Она встала и раскрыла блюда, перевернув крышки и расставив в ряд на белой скатерти.

Затем перенесла завернутый ямс на плоскую тарелку.

— Верни, — сказал он. — Двух достаточно.

Она налила черпаком эгуси из фарфоровой супницы в маленькую миску, старалась не расплескать и не капнуть маслом на скатерть. Наколола вилкой улиток и перенесла четыре в суп, после чего он поднял руку, показывая, что

этого хватит.

Мотара встала, сложив руки за спиной, а он приступил к еде. Закашлялся, сделал глоток воды, которую она предусмотрительно налила в чашку. Когда он пригляделся к чашке перед тем, как поставить обратно на блюдце, она поняла: что-то не так. Где-то она оплошала.

— Убить меня хочешь? — Он показал на чашку. — Холодная вода в дождливый день?

Мотара забрала кувшин.

— Прошу прощения, сэр.

— Будь внимательней ко всему, что делаешь, — сказал он.

— Я принесу теплую воду.

— Я не о том. Присядь, дай с тобой поговорить.

Мотара села на мягкий стул рядом. Отец откинулся на спинку.

— Бери пример с сестры.

— Да, сэр. — Ну конечно, святая Вураола, Богоматерь Вечного Совершенства.

— Вот это усердная девушка. Даже в твоем возрасте — усердная. И смотри, где она теперь. Понимаешь, о чем я?

Мотара кивнула.

— Ты такая легкомысленная, разбросанная. Я это вижу по тому, как ты занимаешься делами

по дому, и, разумеется, это отражается и на твоих результатах. Пора вырасти, Мотора. Я хочу, чтобы ты из этого выросла, иначе такое отношение останется с тобой и в будущем. Представь, что ты замужем, семья твоего мужа приезжает в дождливый день, а ты, не подумав, подаешь им холодную воду. Разве так можно?

— И сорок девять.

Начиная счет, Мотара и не думала, что они дойдут до пятидесяти за неделю, но вот, пожалуйста, осталось всего одно упоминание.

— Что ты сказала?

— Спасибо, сэр.

В удачный день она еще расскажет Йейе о своем подсчете и на основе этого выступит против постоянных напоминаний о браке как главной мотивации самосовершенствования, но с отцом такой разговор попросту невозможен. Может, разве что для детей вроде Вураолы, которые делают все, что от них ожидается, — но про себя Мотара знала, что ей не хватит уверенности поднять эту тему без хотя бы одного диплома за плечами.

* * *

Вураола приехала с Кунле на следующий день, со светло-голубым шарфом на шее. Мотара не

выходила из гостиной, пока они болтали с родителями о церемонии знакомства, выжидая момента, когда сможет побыть с сестрой наедине. Но Вураола ни разу не оставила Кунле — даже чтобы подняться наверх за чем-нибудь для больницы, даже чтобы сходить в туалет.

Мотара весь день приглядывалась к шарфу, отмечая, какой он широкий, как прячет шею целиком, как Вураола не сняла его и не ослабила, когда села за стол. Еще до того, как приступить к воскресному рису, Мотара вывела теорию. Не иначе как Вураола прячет огромный синяк. Почему-то не верилось, будто то, что она видела, не происходило раньше. Ударить Вураолу в родном доме, так близко к семье? Нет, когда они наедине, он наверняка способен и на что похуже.

За обедом Вураола казалась чересчур счастливой и веселой — улыбка, как приклеенная, не сходила с лица, даже когда она жевала. И все же Мотара не сомневалась: сестра и правда вздрагивает каждый раз, когда Кунле тянется за чем-нибудь на ее стороне. Мотара даже дважды попросила его передать соль, только чтобы проследить за реакцией Вураолы и убедиться, что ей не мерещатся выражения, мелькающие на ее лице.

Мотара чувствовала, как к ее собственному лицу приливает кровь, пока Йейе рассуждала об ашо-эби для знакомства. Хотелось прикрикнуть на маму, пока она говорила о достоинствах кофейно-коричневого геле и персиковых кружев. Ее больше, чем она ожидала, расстроило то, что мать не поверила ни единому слову. Ну да, она и в самом деле иногда врет просто так, но все-таки не ожидала, что Йейе настолько спокойно воспримет новость о том, что Вураола может быть жертвой бытового насилия. Неужели Мотара настолько смехотворна, что Йейе даже на один день не задумается, вдруг она права?

Мотара отодвинула пустую тарелку и сказала то, к чему ее приучили еще в детстве:

— Спасибо, сэр, спасибо, ма.

Йейе кивнула.

— Хвала Богу, — пробормотал в ответ отец.

— Доктор Вура, я хочу рассказать Отунбе и Йейе о том, что Кунле… дядя Кунле… — Мотара сжала кулаки под скатертью. — Расскажи, что он с тобой сделал.

Вураола коснулась шарфа.

— Не понимаю, о чем ты.

— Омотара, если ты сейчас же не заткнешься… — начала Йейе, сверкнув глазами.

Мотара не сводила взгляда с Кунле, который по-прежнему закидывал рис в рот, как вор.

— Я все видела. Скажи сама.

Вураола покачала головой и отвернулась.

Отунба отпил воды.

— Что происходит?

Мотара сглотнула.

— Кунле дал Вураоле пощечину в день рождения Йейе.

— Для тебя она доктор Вура. Вот одна из твоих бед. Не уважаешь старших. Nítorí Ọlọ́run, почему ты так хочешь нас опозорить, Мотара? — Йейе уже переходила на крик.

Отунба отложил приборы на салфетку.

— Что сделал Кунле?

— Она врет, — одновременно сказали Йейе и Вураола.

Мотара встала.

— Я не вру. Вура… Доктор Вура, ты знаешь, что я не вру. Почему ты его покрываешь? Почему защищаешь этого, этого гада? Он дал тебе пощечину в этом самом доме. Почему ты врешь?

— Сядь и прекрати истерику, — сказала Вураола, подливая воду Кунле.

— Господи Иисусе! Что ты делаешь? Так отчаянно рвешься замуж? Что с тобой?

— Кунле, — Отунба отодвинул тарелку, — что происходит?

— Простите, сэр. Я не, я даже не понимаю. Это, э-э, в пятницу я ездил в магазин Йейе, чтобы обсудить, что Мотара ведет себя со мной невежливо, и думаю, ее это обидело. Это мое единственное объяснение, сэр.

Отунба покосился на Йейе, и та закивала.

— Омотара Макинва, сядь немедленно и прекрати устраивать сцену.

Мотара села на краешек стула. Руки дрожали. На глаза навернулись слезы. Она сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться.

— Папа, попроси ее снять шарф.

Вураола хохотнула — резкий лающий звук.

— Я знаю, она под ним что-то прячет, попроси ее снять шарф, пожалуйста. Если у нее синяки, тогда поверите мне.

Отунба оперся подбородком на кулак.

— Пожалуйста.

Отунба кивнул:

— Ладно, Вураола, сними шарф.

— Это просто смешно, — ответила она. — Я ничего не прячу, шарф как шарф.

— Ну и хорошо, тогда просто сними, — сказал Отунба.

— Я тебе верю, моя дорогая. — Йейе потянулась через стол и взяла Вураолу за руку. — Я тебе доверяю, но будь уж так добра, сними шарф.

Мотара закусила нижнюю губу, пока сестра развязывала узел под подбородком.

Все придвинулись рассмотреть шею Вураолы. Уставившись на несколько секунд, Мотара перестала сдерживать слезы.

— Может, хотите с фонариком посмотреть? — спросил Кунле.

Мотара снова бросила взгляд на шею сестры: кожа гладкая и нетронутая.

— Мотара! — Йейе вздохнула. — Не хочешь извиниться перед сестрой и Кунле?

Мотара закусила губу. Она не собиралась извиняться перед тем, кто ударил ее сестру. Ни за что. Упаси боже от плохого.

— Йейе, пожалуйста, оставьте Мотару, в этом нет нужды. Ничего особенного не случилось. — Кунле улыбнулся. — Давайте просто наслаждаться обедом.

18

После обеда Йейе попросила Вураолу остаться для разговора наедине. Вураола начала собирать тарелки, надеясь это оттянуть. Ее руки дрожали, тарелки зазвенели, когда она поднялась.

— Оставь это Рэйчел и Мотаре. Нет — пусть сегодня убирается только Мотара, — сказала Йейе. — Давай, пойдем наверх.

Вураола отдала тарелки сестре. Снова села и подняла с пола шарф — последний подарок Нонсо на ее день рождения. Большая атласная штука, которую она вытянула из гардероба, когда заметила, что шея еще побаливает от прикосновений. Кожа стала чувствительной; видимо, надави Кунле еще чуть-чуть — и остался бы синяк. Она переживала, как бы не поморщиться, когда обнималась с родителями. Пока что шарф служил барьером от боли, что могла вызвать их любовь.

— Вура. — Шепот Кунле был и мольбой, и предупреждением. Его рука на ее колене сперва массировала, потом сжала — и сжимала, пока она ее не сбросила.

Когда он наконец покинул квартиру, Вураола вышла из ванной, упала в кровать и тут же

уснула. Вернулся он на рассвете. Хотя у него так и осталась копия ключа, он постучал. Она открыла машинально, медлительная и тяжелая ото сна. Он сказал, что всю ночь провел в автомобиле, не смог сосредоточиться на том, чтобы вести; в этот раз ему не просто жаль — он понял, что у него проблема и ему нужна ее помощь. Нужна она. Вураола с трудом держала глаза открытыми, пока он заикался, пока его голос дрожал от изможде-ния и страха.

— Óуá, Вураола, óуá, идем. — Йейе уже выходи-ла из столовой.

Она обернула шею. Если мать хочет поговорить об обвинении Мотары, она и сама не знала, смо-жет ли соврать или уйти от прямого ответа. До прошлой ночи она твердо настроилась не при-знаваться матери, если Мотара исполнит свою угрозу. Но теперь, несмотря на все, что наговорил Кунле, распростершись перед ней на полу и цеп-ляясь за ее лодыжку, умоляя, пока сам не начал засыпать, Вураола видела: между ними что-то серьезно изменилось, — и реагировать требуется по-другому.

— Знаешь, с самой вашей помолвки мать Кунле звонит мне каждый день, — сказала Йейе, отпи-рая дверь своей спальни.

— Мы сегодня с ней ужинаем.

— И с профессором, àbí?

— Нет, он уехал в Абуджу на встречу с председателем партии.

— Закрой за собой.

Войти в спальню Йейе всегда было как войти в ее любящие объятия. Укутанная слоями ароматов, ассоциирующихся с мамой, — цветочные нотки ее «Анаис Анаис», мускусный аромат пудры для укладки волос «Джован», ментоловый укол от банки бальзама «Робб», обитающей на прикроватном столике, — Вураола чувствовала себя как за каменной стеной.

Она села на кровать, думая, что мать сядет рядом и положит ей руку на плечо. В такой позе Йейе всегда вытягивала секреты.

— Весь мир твердил, что я слишком много спускаю Мотаре с рук, но я хоть кого-нибудь послушала? — Йейе подошла к огнеупорному сейфу и набрала комбинацию. — Да и ты. Ты часто говорила, а я закрывала уши. И вот теперь моя жизнь. Мое собственное дитя позорит меня перед зятем.

Вураола поджала губы, удерживаясь от поправки. Говорить маме «будущий зять» бесполезно. Она не знала, не потому ли Йейе ведет себя так,

будто идана[157] закончена и клятвы произнесены, что все это время слишком боялась не увидеть даже помолвку Вураолы до тридцати лет. А возможно, и потому, что Кунле из настолько знакомой семьи.

— Кунле говорит, ты не против, если после знакомства я перееду к нему.

— По-моему, хорошая мысль.

— Вау, Йейе, просто вау.

— А что?

Сейф щелкнул, и Йейе достала шкатулку среднего размера.

— Ты ли та самая женщина, что угрожала проверять мою девственность с помощью яйца?[158]

— Ehen? Я угрожала? — Йейе пожала плечами. — Ну, ты уже не дитя. Знакомство означает, что родители одобрили ваш союз. Ты свободна. Он же kúkú готов жениться на тебе хоть завтра, если попросишь. Ты свободна о, переезжай. Помоему, так даже лучше, sef.

— А мне так не кажется, — сказала Вураола,

---

[157] Примечания: 157

Идана — свадебный обряд вручения символического приданого: ямса, орехов, соли, колы и прочего.

[158] Примечания: 158

Древняя проверка, известная многим народам. Девушке пытаются ввести между ног яйцо; неудача означает, что она непорочна.

надеясь, что мать спросит, почему ей не хочется жить с Кунле.

Но Йейе уже села на кровать, поставив между ними шкатулку, и продолжила как ни в чем не бывало:

— И уверена, его мать тоже не против. Главное — чтобы после знакомства. Ты только посмотри, как у тебя все хорошо складывается, Вураола. Разве не чудесно? Не буду врать, я-то думала, Кунле сделает тебе предложение уже на твоем выпускном. А когда не сделал, я боялась, он ждет чего-то еще — может, девчушку помоложе, лет двадцати, ты же знаешь этих мужчин. Но ты сама погляди: когда Мотара стала молоть чушь, многие мужчины встали бы и ушли. А ты смотри, как он был спокоен. Знаешь, все так хорошо складывается. Его работа, семья, темперамент. Как чудо, àbí?

Чудом была беззаботность Йейе, которая всегда уравновешивала мгновения радости практичным отношением — Вураола объясняла это тем, что та рано утратила родителей. Сейчас же она выглядела счастливей, чем когда родилась Мотара или женился Лайи.

— Àbí? — Йейе нахмурилась. — Или думаешь, он обиделся на ложь Мотары?

Вот возможность сказать, что Мотара не лжет.

И как тогда отреагирует мать? Йейе с сестрами обожали хвастаться, как быстро взяли себя в руки после кончины родителей, не тратя время на переживания. Но Вураола знала: Йейе носит это бремя до сих пор. Оно проявлялось и в том, как она иногда рассеянно поглаживала травмированную ногу, глядя в прошлое, которого не видел никто, кроме нее. И в том, как она расплакалась, когда подростком Лайи попросил новые истории о бабушке, жалуясь, что уже устал от старых, которые без конца повторяла Йейе. И в том, как нервно она встречала счастье, будто хорошего в жизни — лишь мгновение. Вураола поправила шарф. Ну и как можно отнять у матери эту редкую пору несдержанной радости?

— Вураола?

— Нет. Нет, он не обиделся.

Ей бы только помочь Кунле, чтобы он перестал на нее срываться. А уж как — она придумает сама; ни к чему превращать чудо мамы во что-то не такое уж и чудесное. К тому же, может, вчера вечером в их отношениях что-то и сдвинулось, зато сегодня утром настало озарение. Кунле понял, что у него проблема. Он уже не говорит, будто пощечина — это ошибка: теперь это проблема, и решать они ее будут вместе. Может, ему и тре-

бовалось зайти так далеко, чтобы шок вызвал настоящие перемены.

— И что такое с Мотарой, gan[159]? Стала взрослая и теперь не хочет звать старших «брат» или «сестра», àbí? Я уже всем в Союзе матерей рассказала о знакомстве. Мне теперь вернуться и сказать им — что? Никогда. Никогда это не будет моей участью. Orí mi kò̩ó̩[160]. Когда я с ней закончу, эн, больше Мотара такого не выкинет.

— Не наказывай ее, пожалуйста. Думаю, она сделала выводы.

— Забудь пока про нее. — Йейе подвинула шкатулку, и та коснулась ноги Вураолы. — Хотела отдать это тебе после предложения Кунле, но с днем рождения и всем прочим вылетело из головы. Открой.

Вураола открыла защелку.

— Теперь, когда ты выходишь замуж, я хочу, чтобы это было у тебя.

Содержимое шкатулки было завернуто в лавандовую тряпицу.

— За что мы молимся, чего я тебе желаю, на что надеюсь — что вы с Кунле проживете в здо-

---

[159] Примечания: 159
Правда, серьезно.

[160] Примечания: 160
Голова кружится.

ровье и благополучии долго-долго. Но никогда не угадаешь, что случится. Твой отец считает меня параноичкой, но я всегда знаю, что говорю. Сегодня все хорошо и fiam[161], — Йейе щелкнула пальцами, — и вот так все может измениться. Дорогая моя, в этой жизни, эн, у женщины всегда должны быть запасные варианты. Это золото — часть твоего наследства от меня. Есть и кое-что еще, ты узнаешь потом, но начнем с этого. Если все рухнет, надеюсь, у тебя останется хотя бы это. Храни это и умножай с годами.

Вураола встала перед матерью на колени.

— Я благодарна.

Йейе провела рукой по косичкам Вураолы.

— Я хочу, чтобы в этой жизни, Вураола, тебе ни о чем не пришлось беспокоиться. Это одна из причин, почему я рада тому, из какой семьи Кунле. Уверена, там о тебе позаботятся. Ты не должна страдать так, как страдала я, Вураола. Мои дети не будут так страдать.

* * *

Реанимация пульсировала от криков и стонов пациентов. На шоссе отказали тормоза восем-

---

[161] Примечания: 161
Мгновенно.

надцатиместного автобуса; он врезался в два остановившихся седана. В реанимацию внесли и вкатили как минимум двадцать пять пациентов за час.

Шла первая неделя после дня рождения Тифе. Вураола дежурила в реанимации с Кингсли и доктором Хассаном, старшим врачом. Никто из них не был в форме или белых халатах. Не было формы и у медбратьев. В реанимации все меняется в мгновение ока — и уже бывало, что родственники нападали на врачей или медсестер за то, что те не успели спасти их любимых. Было важно иметь возможность уйти из отделения так, будто ты не из медицинского персонала.

Это Кингсли заметил, что все пассажиры автобуса — в одинаковой анкаре; и так их было легче опознать и перенести в начало очереди, поскольку их травмы могли оказаться тяжелее. В больнице не хватало ни врачей, ни медбратьев, чтобы справиться с таким притоком, и приходилось придумывать какую-никакую систему, чтобы сперва помочь тем, кто нуждался в этом больше всего. Вураола попросила дорожных офицеров перенести на свободные койки десятерых пациентов с самыми тяжелыми ранениями. Объяснять, что делать с остальными, не пришлось

— их уже раскладывали на полу. В такие дни пациенты неизбежно оказывались в коридорах.

Много месяцев назад, когда еще не прошла и половина первого дежурства в реанимации, у Вураолы закончились места. Она отпросилась у медбрата в туалет, но сама ушла из отделения, и ее рвало, пока не закружилась голова. В ту ночь поступило несколько пострадавших в ДТП, но беспокоила ее не кровь — она была не из тех, кто паникует при виде торчащей кости или выбитого глаза. Все внутри перевернулось от хора умоляющих голосов, этого несмолкаемого шепота и крика, этого пронизанного болью плача. «Доктор, nítorí Ọlọ́run, доктор, пожалуйста, доктор, помогите, доктор». От чего ее мутило, от чего тряслись руки, так это от понимания: многие голоса затихнут навсегда раньше, чем дежурные врачи успеют подойти. Будь у всех в больнице по десять рук и глаз, может, они бы спасли тех пациентов, у кого еще был шанс. Оставив свой ужин в канаве за отделением, Вураола прополоскала рот, побрызгала водой на лицо и вернулась к работе.

Теперь она научилась отключаться от криков. В основном пыталась работать с пациентами по какому-то порядку. Всегда тянет бросаться от одного к другому, когда они громко зовут врача.

Но Вураола как могла сосредоточивалась на процедуре, не задумываясь, не умирает ли сейчас тот, кому она может помочь, только потому, что она не успевает к нему вовремя.

Кингсли похлопал ее по плечу, когда она приподняла веко нереагирующей пациентки.

— Пожалуйста, поможешь зашить?

— А медбрат?

— Все заняты. — Он показал свой диагностический фонарик. — А я возьму эту. Шкала комы Глазго, да?

Вураола кивнула и отступила. Кингсли славился тем, как тряслись его руки, когда он накладывал шов. Из-за стресса легче не становилось.

От плеча до запястья его пациента шла рана. Он таращился в потолок, когда Вураола взялась за шов.

Ей это давалось. Мама верила, что любая хорошая жена должна уметь готовить, шить и печь. Когда Вураоле было десять, Йейе научила ее латать носки и готовить кексы с изюмом, но потом уроки кулинарии пришлось отложить, пока она не вернулась домой после средней школы. Из трех навыков, который Йейе требовала освоить к свадьбе, Вураоле нравилось только шитье. В медвузе, вдали от дома и матери, она вместо одежды

перешла к хирургическим наборам для шитья, тратила по несколько наборов в месяц и иногда даже успокаивала нервы тем, что зашивала незрелые бананы и куриные грудки. В последние месяцы она смогла без проблем перейти на человеческую кожу без того страха за пациентов, от которого тряслись руки у Кингсли.

Вураола заметила, что Кингсли уже накрыл лицо женщины ее же халатом, но по-прежнему стоит у койки, будто прирос к месту. В вечер полегче она бы дала ему минуту, которая, очевидно, требовалась ему после потери пациента. Но сейчас она пробежалась по составленной мысленно очереди и выбрала того, кого точно не придется зашивать.

— Кингсли, оформи того, кто держится за живот

— Эн?

— Вон, в джерси. Он здесь был еще до ДТП.

— Ладно.

Закончив шов, Вураола осмотрела пациента на предмет других ран, потом попросила его встать.

— И куда идти?

— Пожалуйста, посидите на полу, сэр. А мы перенесем на койку кого-нибудь еще, кому нужна помощь.

— Ты хоть понимаешь, с кем разговариваешь? Мне? На полу сидеть? Да ты знаешь, кто я?

Вураола сняла перчатки.

— Пожалуйста, освободите койку до моего возвращения.

— Дурная девка. Бред какой, так со мной разговариваешь, когда я тебе в отцы гожусь.

Вураола покачала головой и ушла. «Дурная девка, бестолковая девчонка, неграмотная телка» — разозленные мужчины обожали называть ее девушкой, будто только и ждали повода убрать приставку «доктор». Она как раз проходила мимо Кингсли, когда человека в джерси вырвало. Она отскочила вовремя. Кингсли повезло меньше.

— О боже. — Вураола быстро огляделась. Послать за уборщиком было некого.

— Твою мать.

Вся рубашка Кингсли была в рвоте и крови.

— Eish Pẹ̀lẹ́[162]. — Вураола отступила подальше.

— Кажется, мне и в рот попало.

— Иди переоденься, прими душ. — Доктор Хассан указал Кингсли на выход из отделения. — А по дороге позови уборщика.

---

[162] Примечания: 162
Сочувствую (уважительное).

* * *

Через четыре дня после дежурства с Вураолой у Кингсли начались слабость и рвота. Его отпустили из больницы до конца дня. Когда вечером он явился в реанимацию с кашлем и болями в груди, дежурный врач заподозрил лихорадку Ласса и затребовал перевод на карантин в Ифе.

— Ты знаешь, когда будут результаты на Ласса? — спросила Вураола по телефону.

— У меня взяли образец крови, но анализ проводят только в Лагосе. Значит, как минимум через неделю после того, как он придет в Лагос этим вечером или завтра.

— Хочешь сказать, даже в Ибадане не делают? — Она бросила взгляд на настенные часы. Если не выйдет из квартиры через десять минут, опоздает на обход.

— Говорят, со дня на день откроют новую лабораторию в Акуре, но пока что на всю страну только три лаборатории, и ближайшая — в Лагосе.

— Очень сочувствую. — Вураола обулась в зеленые балетки. — Как себя чувствуешь?

— Жар спал, уже хорошо.

— Температура?

— В последний раз была тридцать два.

— Не так уж плохо. — Она взяла сумочку. — Мне уже пора, прости, не могу…

— Сам понимаю. Не переживай, все будет хорошо.

— Я еще сегодня позвоню.

— Обещание есть долг, золотая детка.

Она не вспомнила о своем обещании до вечера — когда Кунле проверил ее историю звонков, пока они нежились в постели. После дня рождения Тифе он каждый вечер проводил с ней. Готовил или покупал ей ужин, убирался и однажды даже, пока она спала, вручную постирал накопившееся нижнее белье.

— Зачем ты звонила Кингсли?

— Он же мой друг.

— Я спрашиваю: зачем ты ему звонила?

Вураола вдруг почувствовала странное желание сбежать в ванную и запереться. Стучало чье-то сердце; она не знала, ее или его. Когда хотела ответить, язык не сдвинулся, и, хоть одна его рука лежала на ее животе, она ощущала обе на горле.

— Вура?

— Он заболел.

— Почему ты шепчешь?

Вураола прочистила горло. Пока что он не злился.

— Кингсли болеет уже несколько дней.

— Чего раньше не говорила? — Кунле прижал ее крепче. — Надеюсь, ему уже лучше?

Вураола кивнула. Закрыла глаза, пока Кунле выстукивал ритм у ее пупка. Вроде бы ничто не указывало на то, что он вспыхнет, но расслабиться она уже не могла. Даже когда он запел *Òlóó Mi*. Во время экзаменов он звонил ей и приставлял телефон к музыкальному центру, пока песня играла ровно минуту. «Одна минута любви» — так он это называл. Так он ей помогал сохранять спокойствие в напряженное время. Еще он каждый день заказывал ей доставку завтрака из «Кейс Чиппи». Доставка из кампуса до самого хостела студентов-медиков в Глори-Ленде наверняка стоила дороже самого завтрака, но Кунле все равно следил за ее питанием. Каждый день.

— Все еще любишь эту песню? — спросил он.

Вураола положила руку поверх его.

— Да-да. Пой.

Ну и что, что он не идеален? Никто не идеален. Он хотя бы из кожи вон лезет, чтобы показать, как раскаивается. А это что-то да значит. Должно. Как вчера ночью: он переночевал у нее, пока

она была на дежурстве, и незадолго до трех ночи доставил ей на работу свежезаваренный кофе и пачку диетического печенья.

Она всегда знала, что его впечатляет ее профессия. С этого он всегда начинал, когда представлял ее людям. «Познакомьтесь с моей очаровательной девушкой, она студент-медик. Это доктор Вура, моя замечательная девушка. Это моя гениальная будущая жена, доктор Вураола». Вчера ночью она встретила его с кофе в коридоре и, забирая термочашку, заметила, как он смотрит мимо нее в отделение — глазами, сияющими от тоски. Кунле восхищался ею, да, но это восхищение неразрывно сплеталось с его личными разочарованиями и комплексами. Он все еще горевал, что не стал врачом, как хотели его родители.

Пока Кунле снова и снова пел *Òlá Mi*, она думала о том, как ее родители, особенно отец, избегают говорить о Лайи или с ним — теперь, когда он воплощал собственные мечты. Если уж ее родители, с двумя старшими детьми, из которых одна стала врачом, так задеты решением Лайи, как же себя вели наедине с сыном Кокеры? Наверняка это непросто — быть единственным объектом родительских ожиданий.

Вураола повернулась лицом к Кунле.

— Мне не стоило язвить насчет того, что ты не врач.

Кунле поднял бровь.

— Я это сказала на мамином дне рождения. Я знаю, как ты к этому относишься.

— О Вура. — Он поцеловал ее в лоб. — Я только хочу, чтобы ты не делала того, что меня злит. Ты же знаешь, как я тебя люблю, да?

Она кивнула и позволила прижать себя крепче.

— Давай просто будем счастливы, пожалуйста. Мы же были счастливы на этой неделе. У нас все замечательно, правда?

— Да, правда.

Он положил ее голову под свой подбородок и заключил Вураолу в объятия, вселяющие некий первобытный комфорт. Безопасная тьма утробы, тепло объятий ее матери, облегчение, когда ее впервые подняли из колыбели, пока она плакала от одиночества.

19

Новая школа Эниолы — Единая апостольская миссионерская грамматическая — была из тех, которые правительство забрало у церквей за годы до того, как он в нее зачислился. И, по словам миссис Окон — той подруги, которую отец умолил принять сына так поздно после начала учебы, — этот переход уничтожил большинство школ. Когда миссис Окон не жаловалась на то, что случилось с образованием в стране, она преподавала английский для старшей средней школы. Одна из немногих учителей, которые никогда не пропускали уроки. За две недели в Единой Эниола ни разу не видел химика.

В тот понедельник миссис Окон сокрушалась из-за заклеенного за выходные школьного забора. Хотя до губернаторских выборов оставался еще почти год, там уже висели плакаты двух кандидатов от правящей партии. Миссис Окон ненавидела обоих, но больше возмущалась из-за Достопочтенного Фесоджайе — выпускника этой школы, ни разу ничего на нее не пожертвовавшего, ни единого стула.

— Даже ни единой парты, эн, ни единого гвоздя,

но месяц до праймериз — и он вдруг вспоминает наш адрес.

Ученики ерзали на стульях, дожидаясь, пока закончатся жалобы. Эниола понял, что она близка к финалу, когда она взяла тонкую палку, с которой проверяла их домашнюю работу. На утренней линейке директор часто похвалялся, что префект самой первой лаборатории Единой теперь стал министром здравоохранения. Когда класс Эниолы впервые был в обветшавшей биологической лаборатории, их прогнала черная кобра — она заползла в одну из дыр в крыше, пока учитель препарировал лягушку. С тех пор учитель ни разу их туда не водил.

— Все дураки, говорю вам, дураки и злодеи, — ворчала миссис Окон, начав проверку домашки. Она переходила от парты к парте, заглядывая в тетради.

Эниола заранее открыл тетрадь и приготовился к ее приближению.

— Эниола, ответь, — миссис Окон показала палкой в тетрадь, — почему ты даже не прикоснулся к своему заданию? У тебя были все выходные — а ты не ответил ни на один вопрос. Почему? Почему, молодой человек?

— Нет времени, ма. У меня нет времени.

Эниола смотрел на пустую страницу, где должны были быть ответы. Им задали пересказ текста, и он вполне успел бы за утро, если бы его вообще волновало, что думает миссис Окон.

— Встать! Встать немедленно. — Миссис Окон взмахнула палкой.

Эниола встал и сунул руки в карманы.

— Объяснитесь, молодой человек.

— Я забыл. — Он сложил руки на груди.

— И ты смеешь открывать рот и говорить, что забыл? Забыл о домашней работе, Эниола? А поесть на выходных ты не забыл? — Она придвинула большие очки к переносице правым большим пальцем. — А поспать или попить не забыл?

Он просто смотрел на нее.

— Эниола? Эниола? Что ты на меня так уставился? Ладно, я знаю, что с тобой делать. Поднимай стул, поднимай живо.

Вокруг шушукались одноклассники; мальчик перед ним показал язык.

Он взял свой деревянный стул и начал поднимать.

— Нет, поставь. — Миссис Окон широко улыбнулась. Побарабанила пальцами по его парте. — Подними всю парту. И я тебя предупреждаю:

если продолжишь в том же духе, я все расскажу твоему отцу, эн.

В другой день Эниола послушался бы и простоял до конца урока с партой на весу. Скрипя зубами, с дрожащими руками. Но теперь она напомнила про отца, и ему захотелось разбить уже поднятый стул об пол — в щепки.

Эниола бросил его и выбежал из класса. Миссис Окон последовала за ним.

— Эниола! — кричала она. — Вернись сейчас же! У тебя будут неприятности, молодой человек. Сам увидишь, когда я тебя поймаю. Дурак, вернись немедленно!

Он слышал ее голос позади, пока мчался из коридора на школьное поле, но не остановился.

Эниола знал, что она не погонится, — только директор гонял учеников по всей школе, пока не поймает. Даже если миссис Окон и погонится, он знал, что убежит. По крайней мере, сейчас. Знал и то, что она просто подстережет его на уроке другого учителя. Он это уже видел. Обычно она входила через заднюю дверь и неожиданно хватала провинившегося за плечо.

Он не возражал против наказаний в дальнейшем, если только не придется держать на весу мебель. В кабинете, рассчитанном на тридцать

человек, их было шестьдесят, и школьная рубашка Эниолы часто уже к полудню покрывалась пятнами пота и липла к телу. От физических усилий было только хуже. Дома Бусола стала звать эти пятна картой Нигерии. Пусть миссис Окон доносит отцу сколько хочет. Он все равно не будет держать стулья и столы. В Единой было хорошо только одно: он еще не заслужил издевательского прозвища; и он не даст ей это испортить.

Когда голос миссис Окон затих вдали, Эниола сменил бег на шаг. Он шел по корпусу, заброшенному после того, как буря сорвала с него крышу. Теперь его захватили хулиганы Единой — та самая дурная компания, с которой его просила не связываться мама. Они часто проводили здесь переменки. Кое-кто сидел и весь день, но никто не смел позвать их в класс, потому что однажды они избили за это учителя. Эниола брел к заброшенным классам, подальше от пределов досягаемости миссис Окон.

В корпусе стояла тишина. В первом кабинете, куда он вошел, никого не было, а у единственного стула не хватало ножек. Он заглянул за целым стулом в другой класс. Там за партой сидели двое и ели рис из большой пластмассовой миски. Одного Эниола узнал. Рашиди учился в SS1 и жил на

его улице — несколько раз они играли в футбол, но никогда не общались.

— Ты, что тебе здесь надо? — спросил Рашиди, бросая ложку на парту.

— Стул. — Эниола подошел к парням и рису. — Стул ищу.

Второй хлопнул Рашиди по колену и заржал.

— Ты глянь, как он смотрит на наш рис голодными глазами.

— Голодный, ni? — спросил Рашиди, показывая на Эниолу ложкой.

Тот кивнул, гадая, не станет ли теперь Рашиди дразнить его из-за еды.

— Чего спрашиваешь? — сказал второй. — Нам-то что, голодный он или нет?

— Сааму, он свой пацан, живет на моей улице. Ṣebí, тебя зовут Эниола?

— Нам-то что, Эниола его зовут или нет? — спросил Сааму.

— Сааму, я же говорю — он свой пацан. Иди сюда, jàre, Эниола. Иди, похавай.

Он кивнул: он не ожидал, что его пригласят поесть, а теперь, когда пригласили, переживал, что они разозлятся, если он откажется. Да он и правда проголодался; останавливало только предупреждение матери не есть то, что приносят в

школу другие. В детстве он без сомнений верил в ее сказки о жадных детях. О мальчишке, который превратился в ямс, когда съел ямсовую кашу одноклассника, и о девочке, которая полезла в свой карман за печеньем, которым поделилась ее подруга, а нашла два больших пальца, — все это было так же реально, как Бусола. Даже когда стало понятно, что это все выдумки, он все равно не любил есть вне дома. Просто потому, что мама сказала, будто это опасно. Мама, которая решила платить только за Бусолу. Эниола протащил по полу стул, поставил рядом с Рашиди и сел.

Тот порылся в черном полиэтиленовом пакете на полу и достал ему ложку. Эниола принялся за рис.

— Голод нешуточный, вон как набросился, — рассмеялся Рашиди. — Помедленней, парень. Не убежит от тебя еда.

Когда миска опустела, он хлопнул Эниолу по спине.

— Серьезно, когда ты в последний раз ел?

— Вчера вечером, — ответил Эниола.

— А до этого?

— Прошлым вечером.

— То есть один раз в день? — Рашиди улыбнулся и кивнул. — Помню, и я когда-то ел один

раз в день. Сааму, а помнишь, как ты ел один раз в день?

— Слава Богу за Достопочтенного, — ответил Сааму, ковыряясь в зубах ногтем. — Он спас нас из класса людей, которые едят один раз в день. Да живет он вечно.

— Да о, — сказал Рашиди. — Наш Достопочтенный никогда не умрет. Бог грома сразит любого, кто хочет убить Достопочтенного.

Он достал из кармана школьных шорт сигарету.

— Куришь?

Эниола покачал головой и зажал нос, когда Рашиди закурил.

— Ну и где будешь завтракать и обедать завтра?

Эниола пожал плечами; он был благодарен за рис. Количество еды на ужин менялось изо дня в день, потому что родители все еще пытались расплатиться с домовладельцем. Несмотря на мольбы мамы, Эниола отказывался попрошайничать, раз деньги не пойдут ему на учебу. Чувство предательства из-за того, что родители выбрали вместо него Бусолу, со временем только усилилось. И никакие мамины уговоры не заставили бы его передумать.

— Не знаешь, где завтра позавтракать? — Рашиди покачал головой. — Ты — ты никогда не слышал, что делает Достопочтенный? У него дома дают завтрак, обед и ужин каждый день. Надо только прийти.

Эниола нахмурился: он никогда не слышал о том, что говорил Рашиди. Бесплатная еда каждый день? Это просто невозможно.

— Бесплатная еда? Достопочтенный бесплатно кормит людей?

— Не людей о, не всех подряд, — сказал Сааму.

— Только пацанов вроде нас. Не всех подряд. — Рашиди затянулся сигаретой. — Хочешь сказать, тебя никогда не приглашали поесть в доме Достопочтенного?

Эниола покачал головой. Он заметил, как Сааму и Рашиди переглянулись, но значения этому не придал.

Рашиди откинулся на спинку стула и стал пускать в потолок кольца дыма.

— Так узнай о новой жизни. Там бесплатно кормят — а ты ходишь голодный в городе, где на халяву дают завтрак, обед и ужин.

— И не надо платить?

— Нет о. Вот этот рис — из его дома, и мы не заплатили ни одной найры.

Сааму поднялся и потянулся.

— Достопочтенный делает богоугодное дело. Несет добро ребятам в городе.

Рашиди похлопал Эниолу по руке.

— Знаешь, если хочешь пообедать, пошли с нами к Достопочтенному. Сааму, что там обещал повар сегодня днем?

Тот почесал в затылке.

— Толченый ямс — кажется, толченый ямс.

— А точно не надо платить? — спросил Эниола.

Сааму и Рашиди рассмеялись.

— Àní, Достопочтенный Фесоджайе никогда не умрет. Вся еда — бесплатная, но если не хочешь с нами, то без проблем. Сааму, пошли.

Рашиди раздавил сигарету сандалией, а Сааму побросал миску и вилки в черный мешок.

— Подождите, — сказал Эниола им вслед. — Подождите меня.

Ему все еще не верилось. Он пошел только из-за любопытства.

Они свернули за корпус и дошли до забора. Рашиди и Сааму ловко перелезли.

— Опять не идешь с нами? — спросил Рашиди.

Эниола прошел вдоль забора, пока не нашел дыру и не перебрался там через мусор на другую сторону.

* * *

Достопочтенный Колапо Тимоти Фесоджайе носил много имен. Для университетской подружки, ставшей его первой женой, он был Кола. До того как все погибли в день похорон отца, родной брат и одиннадцать сводных братьев и сестер называли его Тимо или брат Тимо — в зависимости от старшинства.

Во время одного из многочисленных семейных собраний перед отцовскими похоронами старший сын предложил вместе снять автобус, и, хоть потом Достопочтенный Фесоджайе будет рассказывать репортерам, что был против, всем поддержали идею. Поскольку ко времени, когда он давал интервью, все с того собрания уже погибли, узнать, правда ли он выступал против, было невозможно. А еще некоторые репортеры отметят, что никто не может подтвердить, правда ли идею с автобусом предложил старший сын. Кое-кто даже намекал, будто сам Достопочтенный Фесоджайе ее и предложил.

Из всех детей только его не было в автобусе, когда тот врезался в бензовоз и вспыхнул. Не было и его первой и тогда еще единственной жены. Огонь распространился на другие машины в про-

цессии, так что заодно Фесоджайе потерял в тот же день несколько дядюшек, тетушек и кузенов. Позже он скажет, что не был в автобусе, потому что ему понадобилось в туалет, а остальным родственникам не терпелось отправляться.

Единственными выжившими родственниками отца Достопочтенного Фесоджайе были пять жен. Они выехали из церкви на катафалке задолго до того, как дети закончили прием сочувствующих, отложивший их выезд. Но четыре из пяти умерли в течение года после аварии. Единственная прожившая еще десять лет — мать Достопочтенного Фесоджайе.

Уже давно ходили подозрения, будто она меняет обличья в глухую ночь, летает средь деревьев и пьет кровь новорожденных. Остальные жены заявляли, что она спала, закинув ноги на стену, и распространяли этот слух в семье как доказательство, что, пока ее тело лежит в постели, сама она находится где-то еще. Большинство считали, что они врут. Легко понять, почему они завидовали матери Фесоджайе, которая была любимицей мужа даже несмотря на то, что родила только двоих детей. Впрочем, когда Фесоджайе остался единственным ребенком и единственным наследником всего состояния, поскольку все братья

и сестры погибли в одночасье, тут и самым ярым защитникам его матери стало непросто спорить с тем, что о ней поговаривали уже десятки лет. И хоть она потеряла в аварии своего второго сына, народ сходился на том, что она не просто ведьма, а глава целого могущественного ковена. Наверняка она принесла в жертву столько народу, чтобы ее уцелевший сын стал великим человеком.

После семейной трагедии все успехи Фесоджайе стали объясняться чарами его матери. Когда он открыл фабрику по переработке кокосов через два года после смерти отца, никто из дальних родственников не явился на церемонию — верили, что мать каким-нибудь таинственным образом принесет в жертву всех гостей, чтобы приумножить растущее богатство сына. Родные перестали приходить и на пышные дни рождения, которые Фесоджайе с женой закатывали каждый год. Он родился в один день с первой женой, Адуке, и они праздновали вместе каждый год с тех пор, как встретились в Ибаданском университете.

Через несколько месяцев после похорон отца Фесоджайе и Адуке получили звания вождей в родном доме Адуке. И вот так в год, когда погибли все его братья и сестры, Фесоджайе стал

Олойе[163], или Баба Олойе для друзей и партнеров. Через несколько лет он попал в палату представителей, а на плакатах кампании по переизбранию назывался Достопочтенный КТФ. И к тому времени одна только Адуке — уже Эрелу[164] Адуке после того, как они стали вождями, — еще называла его Кола.

Все это Рашиди и Сааму рассказали Эниоле по дороге к Достопочтенному Фесоджайе домой на обед.

— Но откуда вы все это знаете? — спросил Эниола.

Рашиди пожал плечами.

— Эрелу часто с нами разговаривает.

— Не верь чепухе, которую люди говорят о Достопочтенном о, он хороший человек, — сказал Сааму. — Ему просто завидуют.

— С вами разговаривает его жена? — Эниола пригляделся к своим спутникам. Оба ростом почти с него, но больше в них не было ничего особенного, чтобы заслужить доверие такой женщины, как Эрелу Адуке.

---

[163] Примечания: 163

Олойе — вождь, мудрец.

[164] Примечания: 164

Эрелу — аристократическое обращение; также в культе огбони женщины-эрелу считаются колдуньями.

— Эрелу не живет с Достопочтенным в Абудже, она занимается его электоратом здесь, — улыбнулся Рашиди. — Эрелу, релу, она мать для всех, мама мальчиков gangan[165].

— Эрелу — единственная и неповторимая, добрая женщина. — Сааму поднял палец. — До сегодняшнего дня благодарна нам за то, как мы помогаем Достопочтенному на выборах.

Эниоле хотелось расспросить их еще, но они уже подходили к двору Достопочтенного. Перед воротами собралась небольшая толпа, и полицейский обыскивал людей перед тем, как пропустить. Сааму пробился к воротам. Эниола следовал за ним, опасаясь, что полицейский их прогонит, но тот только кивнул Рашиди. Над пешеходной калиткой висела растяжка, провозглашающая Достопочтенного КТФ лучшим кандидатом в губернаторы, и, проходя, Эниола задел ее макушкой.

Сам дом находился в стороне от ворот. На лужайке размером с футбольное поле толпились люди у котлов с едой, стоящих на циновках по всей территории.

Когда пришли Эниола с товарищами, здесь уже

---

[165] Примечания: 165
Точно, настоящая.

ела как минимум сотня человек.

За разносчиками еды следила лично Эрелу Адуке. Эниола узнал ее без подсказок. Как и говорил Сааму, на каждой щеке у нее были три вертикальных шрама. В волосы вплетены коралловые бусины, кожа сияла сквозь коричневый кордовый кружевной халат, который она носила со сверкающими золотыми тапочками.

— Àwọn tèmi[166], — сказала Эрелу, увидев Рашиди и Сааму.

Парни простерлись перед ней; потом она отвела всех троих в угол лужайки и говорила с ними в тени мангового дерева, пока один из слуг ходил в дом за пластиковыми стульями.

— Никогда не видела этого лица. — Эрелу показала на Эниолу.

Рашиди положил руку ему на плечо.

— Он из нашей школы.

— Ehen. — Эрелу широко улыбнулась. — А зовут тебя?..

— Эниола, ма.

— Как ты сказал? — Эрелу нахмурила лоб.

— Эниола, ма.

— Хм-м-м. — Эрелу повернулась к Рашиди. — И

---

[166] Примечания: 166
Мои люди.

он твой друг.

Рашиди кивнул.

— Эниола, àbí?

Он кивнул, испугавшись, что каким-то образом оскорбил ее, назвав свое имя.

Эрелу уступила дорогу слуге со стульями.

— Я хочу, чтобы с тобой поговорил Кола.

Сааму раскрыл рот.

— Достопочтенный, — сказал Рашиди Эниоле, будто тот не понял. — Она хочет, чтобы с тобой поговорил Достопочтенный. Везет же тебе о.

Пришел слуга с подносом еды.

— Это имя. — Эрелу поправила халат перед тем, как уйти. — Обязательно приведите его еще, эн.

— Мы много кого приводили, но она никогда не разрешала встречаться с Достопочтенным о, — сказал Сааму, садясь. — И большинство ждет недели, пока она хотя бы скажет перед ними что-нибудь о Достопочтенном.

— Месяцы sef, — добавил Рашиди.

Эниола проводил взглядом Эрелу Адуке. Всякий раз, встречая на лужайке группки пожилых мужчин или женщин, она вставала перед ними на оба колена. Насколько он видел, ее лицо никогда не расслаблялось — она всегда улыбалась. И хоть одетая так, будто сейчас сядет в машину и уедет

на роскошный прием, она без колебаний забирала у слуг тарелки или подносы, если считала, что те слишком мешкают. Через неделю Эниола поймет, что угощение народа дважды в неделю на ее лужайке — это не перерыв в ее графике, не остановка перед тем, как ехать по каким-нибудь действительно важным делам. Весь ее день посвящался людям, толпившимся у ворот из-за еды, и каждое утро она одевалась в кружева, ашо-оке и тапочки с каблуками, чтобы раздавать незнакомцам подносы с амалой.

В тот первый день, доедая амалу, Эниола какое-то время рассматривал мясо, вертел в руках, надавливал, чтобы на пальцы вытек перечный сок, теплый и душистый. Мать бы один этот кусок разделила по меньшей мере на пять перед тем, как приготовить. На миг он подумал завернуть мясо в целлофан и отнести домой Бусоле. Но передумал и удивился, что не чувствует угрызений совести, жуя последний сочный кусочек.

* * *

У Рашиди был мобильник. Причем не из тех телефонов-фонариков, с которых можно только звонить да писать. Его телефон и снимал, и играл музыку. Если он был полностью заряжен, Рашиди

ставил на повтор *С.Е.О.* Дагрина, пока они играли в джекпот в заброшенном школьном корпусе. Когда начиналась часть с «Пон-пон-пон», Рашиди читал рэп вместе с Дагрином и выкрикивал припев, сжимая карты так, что они мялись. «Пон-пон-пон-пон-пон-пон». Стрельба, автомобильные гудки, заявление о своем месте в мире. Если Эниола жаловался, что это отвлекает его от сигналов Сааму, Рашиди пожимал плечами и говорил, что музыка дарит ему счастье. Его главной мечтой было однажды встретиться с Дагрином лично.

Эниоле нравилось играть в джекпот в паре с Сааму. Тот умел быстро набирать карты и выигрывать без особой помощи от Эниолы. Оставалось только следить за его лицом, ожидая сигнал. У Рашиди не было постоянного партнера. В любое время в заброшенном корпусе сидело минимум полдесятка парней, и Рашиди мог позвать играть любого желающего.

После первого посещения дома Достопочтенного Фесоджайе Эниола начал прогуливать уроки и прогуливал все больше и больше — скоро единственным, что он еще посещал перед тем, как спешить к новым друзьям, стала утренняя ли-

нейка. Они рубились в уот[167] и джекпот, пинали полусдувшийся мячик и дремали, привалившись к стене.

Каждый день они перелезали через забор и шли обедать к Достопочтенному Фесоджайе. На ужин Эниола никогда не ходил с ними. Хотя с тех пор, как он сменил школу, мама перестала быть к нему строга, он знал, что она все равно не потерпит возвращения домой намного позже обычного.

Эниола подумывал рассказать родителям о Достопочтенном Фесоджайе, но решил, что все-таки не хочет, чтобы семья приходила туда за едой. Дом Достопочтенного стал единственным местом в его жизни, не замаранным их предательством. Теперь даже мастерская тети Каро казалась частью их плана направить его в портные, а не в университет. А уж на этот счет все его иллюзии развеялись. Может, только десять учеников из его класса в Единой поступят в университет с первой попытки. И он знал, что его среди этих десяти нет. Того небольшого шанса, что давала Великая Судьба, уже не осталось.

---

[167] Примечания: 167

Уот (whot) — африканская карточная игра с нестандартной колодой из пяти мастей (круги, кресты, треугольники, звезды и квадраты). Это игра на сброс и по правилам напоминает «Уно».

В пятницу Эрелу сообщила, что вечером приедет Достопочтенный, чтобы провести выходные в городе, и он будет готов принять Эниолу днем в воскресенье. Она не стала ждать его ответа и сразу ушла к другому кружку. Считалось само собой разумеющимся, что, если его вызывает Достопочтенный, он будет свободен.

— Если ты ему понравишься, эн, — сказал Сааму, — он даст тебе работу.

— И кучу денег. — Рашиди показал свой телефон.

— Какую работу?

Сааму и Рашиди рассмеялись.

— Ты сначала поговори. — Сааму замолчал, отвлекшись на курочку. — Если ты ему понравишься, он тебе сам скажет какую.

— Вот как я — иногда я сопровождаю его на приемы, когда он в городе. Просто иду за ним вот так. — Рашиди встал, надул грудь и походил вокруг. — Будто полицейское сопровождение. Иногда Достопочтенный говорит полицейским оставаться в машине, а охраняем его мы с Сааму. Знаешь того дурака профессора? Который расклеил плакаты перед школой.

Эниола кивнул.

— Однажды мы вот так ходили на прием, чтобы

предупредить его не делать глупостей, но перед тем, как войти в дом gangan, Достопочтенный попросил охрану подождать в шатре.

— Профессор дурачок, — прошипел Сааму. — Достопочтенный — следующий губернатор штата о, и ничто его не остановит, lai lai.

Когда в воскресенье Эниола вышел из дома, мама и Бусола еще не вернулись от церкви, где они попрошайничали. Несмотря на все мамины просьбы извиниться за то, что схватил отца за грудки, Эниола отказывался говорить ему больше чем «hin káàárọ̀[168], Баами», как был обязан каждое утро. И не видел повода что-то менять, когда отправился домой к Достопочтенному. Отец — видимо, решив, что тете Каро надо закончить какие-нибудь заказы, — только пробормотал что-то на прощание, когда захлопнулась дверь. Эниола не ответил.

По словам новых друзей, все, кто нравится Достопочтенному, получают каждое воскресенье жалованье. Рашиди и Сааму уверяли, что, даже если Эниола и не понравится, все равно уйдет с пятью тысячами найр наличными. «Плата за визит» — так они это называли. Перед воротами

---

[168] Примечания: 168
Доброе утро.

Достопочтенного Эниола поправил футболку. С пятью тысячами он сможет вернуться в Великую Судьбу и заплатить за семестр сам. Но если он не понравится Достопочтенному, как тогда заработать остаток? Он тряхнул головой, отгоняя эти мысли. Эрелу Адуке всю неделю была к нему ласкова, должно же это как-то повлиять на решение ее мужа. Может, она замолвит за него словечко. Он не задумывался над тем, чтó от него потребуют за деньги. Не может быть, чтобы что-то ужасное. В конце концов, этот человек каждый день кормил десятки людей и ничего не просил взамен.

Когда Эниола вошел, Эрелу Адуке раздавала парням коричневые конверты. Он подошел к компании из десяти человек и держался с краю, рядом с Рашиди и Сааму. В очереди все были ростом с Эниолу. Здесь хватало дюжих ребят, с мускулами, распирающими футболки. Вместе они представляли внушительное зрелище.

Закончив, Эрелу подозвала Эниолу и провела его к лестнице сбоку дома. Приподняла халат до коленей и поднялась, шагая через ступеньку. Он уже запыхался, когда они наконец поднялись, но она, открыв дверь, мчалась по темному коридору с той же скоростью; ее шаги отдавались впереди, пока его глаза привыкали к полумраку.

Эрелу открыла дверь, и в коридор пролился свет. Он вошел за ней. Стены комнаты скрывались за шкафами, ломившимися от книг. Эниола еще никогда не видел столько книг в одном месте.

Достопочтенный сидел за большим столом и читал, склонив голову так низко, что Эниоле светила его плешь.

— Кола. — Эрелу два раза хлопнула в ладоши.

Достопочтенный поднял голову и потер глаза тыльной стороной ладони.

— Он пришел?

— Да.

— Спасибо, дорогая. — Достопочтенный склонил голову.

Эрелу похлопала Эниолу по плечу.

— Подожди, он скоро закончит.

Эниола кивнул.

Когда за его спиной закрылась дверь, Достопочтенный перевернул страницу.

В одном конце комнаты вокруг рыжего половика стояли четыре кресла, а в другом господствовал рабочий стол. Эниола прищурился, разглядывая корешки книг на полке за Достопочтенным. «Земельный закон в Нигерии», «История обычного земельного закона в Юго-Западной Нигерии»,

«Десять молитв на погибель упрямых врагов», «Идентификация Борна», «Двадцать молитв против сатанинских стрел»…

— Любишь читать?

— Сэр? — Эниола вытянулся по струнке. — Да, сэр.

Достопочтенный закрыл книгу и стал разглядывать Эниолу. Тот почесал бедро, переживая, что последуют дополнительные вопросы. Если надо будет привести примеры, что он скажет? «Сердца» и «Лучший любовник», которыми с ним делился Сааму? А если Достопочтенный попросит пересказать то, что он читает? Lai lai, не будет же он говорить о «Десяти способах трахнуть занятую женщину» или эскападах Питера Стрингфеллоу, который, согласно «Лучшему любовнику», переспал с четырьмя тысячами девушек. Может, сказать о Библии. Он помнил достаточно притч, чтобы сделать вид, что читал ее сам.

— Присядь. — Достопочтенный показал на одно из кресел.

— Да, сэр. — Перед тем как перейти на половик, Эниола разулся. — Спасибо, сэр.

Достопочтенный встал, дождался, пока парень усядется, и сел напротив.

— Спасибо, сэр, — повторил Эниола после того,

как молчание затянулось.

Достопочтенный поморщил нос.

— От тебя воняет.

Эниола сжал челюсти и ничего не ответил. Уставился на свои пыльные ноги, подавляя все то, что хотелось сказать в ответ. «Значит, воняет от меня? А ты лысый, и брюхо у тебя больше, чем у беременной на девятом месяце. И глаза как у жабы».

Воображаемые ответы не смягчили обиду. Он мылся два раза в день, и с мылом, когда было. Мама всегда следила, чтобы его одежда, даже самая заношенная, была чистой. По субботам она обстирывала всех с содой — круглыми желтыми кусками, от которых у нее слезала кожа на руках. И не разрешала детям стирать за собой самим, таким грубым было содовое мыло. Она часто приговаривала, что ее-то рукам уже ничего не страшно. Эниоле и Бусоле лучше поберечь свои.

— Я попрошу жену дать тебе спрей перед уходом, — сказал Достопочтенный. — Какой-нибудь антиперспирант. Я тоже много потею, так что я тебя понимаю.

Эниола поднял взгляд. Похоже, Достопочтенный говорил искренне. Не издевался.

Тот откинулся в кресле и склонил голову на-

бок.

— Встань, дай на тебя посмотреть.

Эниола поднялся, твердо упираясь босыми ногами в мягкий половик, потому что боялся, что пошатнется. Почувствовал, как пересохло в горле от взгляда Достопочтенного. Его лицо ничего не выражало, будто он разглядывал не человека, а некрашеную бетонную стену.

— Сколько тебе лет? — спросил Достопочтенный.

— Шестнадцать, сэр.

— Тебе восемнадцать, понял?

— Да, сэр. — Эниола кивнул.

Может, Достопочтенный попросит зарегистрироваться, чтобы проголосовать за него на выборах следующего года. Карточку избирателя давали с восемнадцати лет.

— Расскажи о самом плохом, что ты делал.

— Сэр?

— Выкладывай. Что ты делал самое плохое за восемнадцать лет? Кого-нибудь зарезал? И не ври. Друзья наверняка уже сказали тебе первое правило — все лжецы заканчивают в костре. Они же тебя предупреждали, да?

Эниола кивнул. Ему ничего подобного не говорили, но он не хотел навлекать на них непри-

ятности.

Он прочистил горло:

— В прошлом месяце я украл телефон у женщины, которая сидела передо мной в церкви.

— Хм-м-м, а рядом были люди?

— Да, сэр.

— И почему они ничего не увидели?

— Все молились, сэр, с закрытыми глазами.

— Понятно. А где был телефон?

— Телефон?

— Когда ты его украл, где он был? В ее сумочке?

— Нет, сэр. Она положила его рядом на скамью, мне надо было только руку протянуть.

— Значит, она была беспечна. — Достопочтенный встал, приподнял складки агбады, разгладил темно-синюю ткань на плечах. — Видишь ли, если бы она правда ценила свой телефон, не вынимала бы из сумочки. Защищала бы. Как там говорят? Коза может съесть только то, что оставят без присмотра, àbí? Ты не упустил свой шанс, мне это нравится. Всегда нужно брать то, что предлагает жизнь. Хвататься за любой шанс и возможность. И что было после того, когда ты украл телефон? Говори. — Теперь голос Достопочтенного потеплел, на лице стала угадываться

улыбка.

— Я выключил телефон и сразу ушел из церкви. Я знал, что она позвонит на него, когда заметит, что его нет, и не хотел, чтобы он зазвонил по дороге домой.

— А она могла бы заметить, когда закончатся молитвы, так что ты правильно ушел пораньше. Иди сюда. — Достопочтенный приблизился к своему столу. — И что ты сделал с телефоном?

— Как только вышел из церкви, вынул и сломал симку. — Медленно шагая за Достопочтенным, чтобы не налететь на него, Эниола с радостью отмечал, как тот кивает, словно соглашаясь с решением именно сломать симку, а не просто выкинуть. — Пошел в телефонный магазин и сменил чехол, потом неделю попользовался, чтобы проверить, что телефон хорошо работает…

— Это правильно. — Достопочтенный сел за стол. — Садись, садись здесь, в черное кресло, да. Так ты мог бы продать телефон за те деньги, что он стоит, да? Потому что сам им пользовался и знал, что все работает.

— Да, сэр.

— Хм-м-м, когда ты его продал?

— Я где-то месяц искал, кто его купит.

Стол был прямо под кондиционером, и Эниола

начал мерзнуть. Он сцепил ладони и напрягал их, переживая, что если будет их тереть, то оскорбит Достопочтенного.

Тот выдвинул ящик и достал фотографию.

— Тебя же зовут Эниола, да? Так звали моего младшего брата. Эниола Теофил Фесоджайе. Такой смышленый мальчишка. Но он умер, ты наверняка об этом слышал.

— Сочувствую, сэр.

Достопочтенный вздохнул.

— Ну и почему?

— Сэр?

— Почему ты так долго искал покупателя?

— Не хотел снижать цену. — Ладони отогрелись, но тепло как будто не шло дальше запястий.

— Какую?

— Я хотел продать за пятнадцать тысяч найр. — Он говорил осторожно, чтобы зубы не стучали; заставлял себя сидеть спокойно, подавлял дрожь.

— И за сколько в конце концов продал?

— Четырнадцать тысяч пятьсот.

Достопочтенный рассмеялся — удивительно резко.

— Это хорошо.

Ободренный смехом, Эниола прибавил:

— Я сказал покупателю, что хочу двадцать

тысяч найр, поэтому он был очень рад купить за четырнадцать.

— А ты мне нравишься. — Достопочтенный погладил фотографию. — Ты мне очень нравишься.

Эниола улыбнулся.

— Пока что будешь в основном сопровождать меня на приемах. Через две недели мы будем раздавать рис рыночным торговкам. Хочу, чтобы ты был со мной. Это неопасно. На рынке в основном бабы, которые хотят бесплатный рис и соль. Просто ходи с внушительным видом. Начни отжиматься, нарасти мышцы. Ты можешь понадобиться для чего-нибудь еще. — Достопочтенный бросил фотографию на стол. — Чего-нибудь, скажем так, потруднее. Приближаются праймериз, понадобится поработать кулаками. Рашиди тебя потренирует, и, э-э-э, я прослежу, чтобы у тебя было все, что нужно для любых заданий. Когда спустишься, Адуке даст тебе сумку. В сумке — угощения для твоей семьи. Я забочусь о своих мальчиках, Эниола. Пододвинься поближе, посмотри на фотографию. Присмотрись хорошенько. У тебя есть брат?

— Нет, сэр, но есть младшая сестра. — Эниола наклонился. Фотография была старой и запятнанной — черно-белый снимок маленького

мальчика, наряженного в ашо-оке.

— Как зовут твою сестру?

— Бусола, сэр.

— Олубусола, значит? Представь, что с ней что-нибудь случится. — Достопочтенный покачал головой. — Забудь, что я это сказал. На этой фотографии мой брат, моя кровь. Но он умер. Эниола Теофил Фесоджайе. У вас одно имя, а значит, ты для меня уже особенный. Не переживай во время заданий ни о чем. Даже о полиции. Тебе никто ничего не сделает.

— Спасибо, сэр. — Эниола простерся на полу.

— Эниола. — Достопочтенный оперся на стол. — Я не говорю людям, как звали моего брата. Пусть это останется между нами, слышишь?

— Да, сэр.

— Ладно, теперь можешь идти. Поищи Адуке, когда спустишься. Она будет ждать тебя с сумкой.

Сумка оказалась больше и тяжелее, чем он ожидал. В ней лежали пачки риса, бобов и гарри, банка растительного масла и несколько баллончиков антиперспиранта, как ему и обещали. А под банкой масла — коричневый конверт, и Эниола пересчитал деньги, как только вышел. Десять купюр по пятьсот найр. Деньги он решил

оставить себе. А вот едой был не против поделиться с родителями, которые его предали. Придется придумать, как уговорить маму принять такую щедрость, не рассказывая всю правду. Но, подходя к дому, он не сомневался, что сочинит убедительную ложь. В конце концов, и ту историю, что так угодила Достопочтенному, он сочинил. Его семья уже годами не ходила на церковную службу, и он ни разу в жизни не воровал.

20

Прошли годы с тех пор, как я вела дневник, и со вчерашнего дня я об этом жалею. Пока сойдет и эта тетрадка со списком дел.

Кингсли умер.

Я написала это в надежде, что смогу в это поверить, ведь это явно какая-то ошибка. Но Грейс говорит, что все правда, она сама подтвердила.

Кингсли умер.

Прошел день после того, как мне об этом сказала Грейс.

Кингсли умер. Его органы перестали работать. Сердце не бьется. Он не дышит. Умер-умер. Сосудистый коллапс. Остановка дыхания. Смерть мозга. Думать об этом в таком духе не помогает. Как ни скажи, это неправильно.

Кингсли умер.

Я думала, если это напишу, то смогу понять, но, даже если читать черным по белому, это не кажется реальным. Не могу представить его мертвым.

Его телефон отключен. Он очень скоро его включит и ответит на звонок. С минуты на минуту выдохнет в трубку «золотая детка». Спросит, как там подготовка к моей свадьбе, и, хоть и не стоит, я помолчу пару секунд перед ответом, что все очень хорошо. Помолчу, потому что даже без любви страсть влечет. А потом все тем же чересчур веселым голосом, которым он говорит, когда врет, он скажет, как рад за меня. С минуты на минуту.

Умер? Со вчерашнего утра не могу вспомнить, чтобы видела его хотя бы спящим или лежащим. В моей памяти Кингсли живой, энергичный, всегда в движении. Знакомится со мной, пока мы сидим в амфитеатре на очередной бесконечной лекции по профориентации. «Меня зовут Кингсли, — говорит он, — но можешь звать меня Кинг».

Тифе сменила аватарку «Блэкберри» на фотографию Кингсли. Когда я ей звонила, она так рыдала, что я не разобрала ни слова.

Кингсли читает, поставив ноги в таз с холодной водой. Я дремлю на его постели с учебником на груди. У нас обоих скоро завершение практики, но, когда бы я ни открыла глаза, смотрю не в

учебник. Мой взгляд притягивается к голой волосатой груди Кингсли. Как же хочется прижаться лицом к этим волосам.

Грейс только что написала о завтрашней процессии со свечами. Дресс-код — все черное. Она все организует сама, но хочет, чтобы я выступила с речью, потому что я была ближе всех с Кингсли.

Его день рождения, он устроил фотосессию с друзьями в «Кликс Студио». Когда с ним фотографируюсь я, замечаю, как Тифе что-то шепчет Грейс. Она думает, мне не надо было разрывать с ним. Ей хочется, чтобы я его любила, и, судя по ее улыбке, она думает, что так и есть. Я улыбаюсь, пока снова и снова сверкает вспышка, и мечтаю рассказать Тифе, как долго старалась полюбить Кингсли. Вовсе не от недостатка моего усердия удовольствие от его объятий так и не расцвело во что-то постоянное.

В коридоре перед моей квартирой интерны обсуждают Кингсли. Кто-то тихо плачет, пока рассказывает, как он был добр с пациентами. Потом кто-то бушует из-за того, сколько пришлось дожидаться хотя бы анализа, и как плохо, что Кингсли нельзя было оставить на карантин в нашей больнице, потому что у нас нет для

этого помещений, и как ужасно, что, когда уже началась кровавая рвота и врачи подтвердили подозрение на лихорадку Ласса, во всей больнице не нашлось «Рибавирина». Никакого «Рибавирина» для Кингсли, который запасал антибиотики в педиатрическом отделении после того, как потерял ночью пациента, потому что под рукой не оказалось ни одного пакета внутривенных антибиотиков.

День рождения Кингсли. Все друзья уже разошлись, но я дожидалась с ним, чтобы забрать фотки на флешке. Мы стоим за студией, когда я говорю, что люблю Кунле. И хоть я подозревала о его мыслях, будто наша дружба значит, что однажды мы снова будем вместе, меня все равно поражает шок на его лице. Он отворачивается, смотрит на желтую балюстраду вдоль надземного перехода к спортивному центру. Когда поворачивается обратно, та боль уже скрыта широкой улыбкой. «Я так за тебя рад», — говорит он.

Люди в моем коридоре куда-то отошли, я уже не разбираю их слов. Голова болит. Скоро приедет Кунле, но я не хочу обсуждать с ним Кингсли. Не сегодня.

Кингсли стоит в реанимации, весь в рвоте пациента, к которому его послала я. О боже. Как он мог умереть? Я всегда думала, что у нас еще будет время.

Часть IV
Каждый день – для вора

А что, если все, что должно случиться, уже случилось – и мы видим, только как разворачиваются последствия?

Теджу Коул. Каждый день – для вора[169]

[169] Примечания: 169

«Каждый день — для вора» (Every Day Is for the Thief, 2007) — дебютный роман американо-нигерийского автора Теджу Коула.

21

Все переживания из-за того, что мама скажет о еде из дома Достопочтенного, оказались впустую. Эниола вернулся задолго до нее и весь вечер придумывал объяснения, чтобы избежать правды, которая, подозревал он, может возмутить родителей. Отцу он ничего объяснять и не собирался — его заботило только то, что скажет мама. В конце концов, если бы отец делал в последние годы то, что должен, семья бы и не нуждалась в подачках Достопочтенного. Но мама — мама старалась всегда. Пусть ее стараний и не хватило, чтобы заплатить и за него, и за Бусолу, она все-таки старалась. Вернулась она уже поздно. И только слабо кивнула и улыбнулась, когда он показал еду. Она пересчитывала семь чашек риса, десять чашек гарри и пять чашек бобов, и он ждал, когда она заявит, что и крупинки в рот не возьмет, пока он не объяснит, откуда это взялось. Не заявила. Только обнимала его, пока у него не онемели руки.

На следующий день Эниола поднялся с матраса, пока родители еще храпели, а Бусола пускала слюни во сне. Напевая, вышел во двор, чувствуя

себя легче куриного перышка, словно какая-то давняя ноша растаяла за ночь. Мычал и притоптывал ногой в такт мелодии, пока чистил зубы — и не солью на зубной щетке с давно расплющенной щетиной, а с настоящей зубной пастой и новенькой щеткой. Возвращаясь, в коридоре он и вовсе приплясывал при мысли, что мать с сестрой тоже почувствуют ментоловую прохладу, когда будут чистить зубы.

Первым делом после ухода от Достопочтенного Фесоджайе Эниола купил тюбик зубной пасты и новые щетки на всех. Пока выбирал щетки, синюю — себе, бежевую — матери, зеленую — Бусоле, рука так долго висела над четвертой, что продавец спросил, три ему надо или четыре. В конце концов он выбрал черную, не трудясь искать любимый цвет отца, как для остальных.

Когда он вернулся в комнату, Бусола уже зевала и потягивалась.

— Ahn-ahn. Это что, новая щетка? — спросила она.

— Почему они еще спят? — Он показал подбородком на родителей.

— Может, потому, что она вчера вернулась поздно, а он… — Бусола пожала плечами, будто поступки их отца уже не поддавались объясне-

нию.

Эниола принял душ и торопливо оделся в школу. Когда он сунул конверт от Достопочтенного в нагрудный карман и поспешил из дома, родители еще спали. Солнце пока не показалось, но половину неба над головой испещряли рыжие облачка, предвещая его появление. Шел он медленно и останавливался почти при каждом поводе. Помедлил, чтобы пнуть сдутый мяч обратно маленькому мальчику, который выбил его со двора на улицу, потом — чтобы с удовольствием почесать за ухом; несколько минут собирал цветы гибискуса перед школой. До встречи с Достопочтенным у него не было ничего, но теперь? Теперь ему принадлежало даже само время. Мир вокруг стал ярче и яснее, словно за ночь с него протерли пыль, о которой Эниола и не подозревал. Он шел напевая, временами накатывало желание пуститься в пляс. Не просто покачиваться, притоптывая ногами, а в настоящий танец, как галала. Все утро он ждал, когда это ощущение развеется, но оно держалось до полудня, когда он направился в Великую Судьбу, отколовшись от Рашиди и Сааму, которые пошли на обед к Достопочтенному.

Когда они спросили, куда он, Эниола соврал,

что у него есть дела у тети Каро. Не хотел признаваться, что вернется в старую школу спросить, не примут ли его обратно. Он не выдержал бы насмешек, если бы ничего не вышло. Без труда представлялось, как его прозовут Великой Судьбой. Не хотелось рисковать тем, что одно дурацкое прозвище сменится на другое. До встречи с новыми друзьями единственным плюсом новой школы было то, что никто не знал о его прозвище Единство там, откуда он перевелся.

Эниола подумывал зайти домой и переодеться в форму Великой Судьбы, но передумал. Для встречи с мистером Бисаде сойдут и коричневые шорты с желтой рубашкой Единства.

Рашиди уверял, что в конце недели можно будет ждать еще один конверт — в этот раз только три тысячи найр, потому что столько Достопочтенный платил своим парням каждую пятницу. Эниола подсчитал, что за месяц полностью оплатит учебу. А дальше планировал копить на следующий семестр. Нет, пока он не купит телефон. И неважно, сколько раз он представлял, как отреагирует Мария, если он войдет в мастерскую тети Каро с голубым *XpressMusic* в руке.

Когда он пришел в Великую Судьбу, уроки уже начались, и он решил идти прямиком к мистеру

Бисаде, ни с кем не разговаривая. Тот дважды пересчитал деньги и предупредил, что Эниола не сможет сдавать экзамены, если раньше не принесет остаток.

Впервые с начала средней школы Эниола не переживал, сможет он сдавать экзамены или нет. Он уже свыкся с новым ощущением, которое сначала казалось незнакомым, пока он наконец не узнал в нем ту легкость бытия, что давала свобода. Свобода от преследовавших волнений и страхов из-за незнания, смогут ли родители позволить себе то, что ему нужно.

Эниола не собирался учиться в Великой Судьбе ни сегодня, ни до конца недели. Он планировал вернуться в середине следующей, когда заберет очередной набитый найрами конверт Достопочтенного. С ним он сошьет себе школьную форму — без дырок. Сделает это у тети Каро. Она разрешала пользоваться машинкой, если он заканчивал свои задания. Да еще и на новые сандалии останется. Правда, только резиновые, а не «Кито», как он хотел.

В Единой Эниола сказал Рашиди и Сааму, что на следующей неделе вернется в Великую Судьбу. Повисла пауза, после чего оба пожали плечами, будто ничего другого и не ожидали и их не

волновало, останется он или уйдет. Эниола прикусил язык и не стал говорить, что будет по ним скучать.

Пока Рашиди возился со своим *XpressMusic*, Сааму предупредил, что Достопочтенный перенес визит на рынок раньше. Парни понадобятся уже в этот четверг.

— Àbí, ученики Великой Судьбы очень крутые? — спросил Рашиди, не отрываясь от телефона.

— Чего? — спросил Эниола.

— Ты теперь слишком крутой, чтобы общаться с нами.

— Снова Рашиди начинает. — Сааму постучал по парте перед собой. — Хватит вставлять свои слова Эниоле в рот. Он просто вернется, чтобы доучиться до школьного аттестата, а так он — один из нас. Àbí?

Эниола кивнул.

— Просто хочу лучше подготовиться для аттестата. Не подумайте чего, я буду приходить к Достопочтенному. В школе нет забора, ничего такого. Я легко смогу уйти.

Рашиди переглянулся с Сааму, потом перевел взгляд на лицо Эниолы. Сидя напротив них, Эниола чувствовал себя так, будто в нем ищут какой-то

скрытый изъян — конец нитки в подоле готовой юбки, распускающий весь шов.

— Я серьезно, Рашиди, ты меня будешь видеть там почти каждый день. Где мне брать деньги на школу или экзамен, если я не приду?

— Ладно. — Рашиди кивнул Сааму.

— Тут Святой Михаил просил тебе передать. — Сааму залез в рюкзак и положил на стол черную нейлоновую сумку.

Эниола улыбнулся вопреки себе. Святым Михаилом звали высокого мужика, который иногда ходил с Эрелу как телохранитель. Он разговаривал с парнями, только когда передавал что-нибудь от Эрелу или самого Достопочтенного. Эниола заглянул в сумку.

Рашиди рассмеялся.

— Смотри, как рот раскрыл. Думает, там деньги.

— Это нож, — сказал Сааму.

Это был самый маленький нож, что Эниола держал в руках. Рукоятка — коричневая с двумя серебряными точками, лезвие — в черных ножнах. Когда он положил его на ладонь, кончик не доходил дальше среднего пальца.

— Это для чего? — спросил он.

— Для плавания, — сказал Сааму. — А ты как

думаешь, для чего? Для тренировки. Тебе надо учиться защищаться.

— От кого?

Рашиди рассмеялся.

— Вот что-то и голос задрожал, Эниола. Не волнуйся, это просто чтобы отпугивать тех, кто полезет.

На следующий день Святой Михаил собрал всех парней еще до обеда. Завел за дом и поставил поближе друг к другу, чтобы ничего не было видно с передней лужайки, где собрались люди. Эниола пытался пересчитать давивших со всех сторон парней, но отвлекся где-то между тридцатью и тридцатью пятью. Большинство были намного старше. Кое-кто — уже почти взрослый, со скрывающей половину лица бородой. Рашиди и Сааму стояли далеко от него, но он видел, как они улыбаются и здороваются с парнями вокруг.

Рядом с Эниолой тоже здоровались и хлопали друг друга по спине, спорили и спрашивали о пожилых родителях, знакомились и воссоединялись. Все разговоры оборвались, когда заговорил Святой Михаил. Говорил он низким и хриплым голосом, требовавшим полного внимания, и перечислял, загибая пальцы на левой руке, что ему от них нужно. Достопочтенный начнет раздачу на

рынке в десять, но их ждут уже в девять тридцать. Пятеро присоединятся к полиции на подиуме с Достопочтенным. Четверо будут охранять подиум по сторонам, а остальные рассеются в толпе. Их дело — оставаться невидимыми во время раздачи и приближаться к подиуму, только если заметят, что кто-то хочет напасть на Достопочтенного.

К четвергу Сааму научил Эниолу казаться еще выше — как выгибать спину, чтобы плечи выглядели шире. «Расправь плечи», — рявкал он и требовал отчитываться, отжимается ли Эниола по утрам, как ему сказали.

Рашиди показал, как ходить с ножом в ножнах: одна рука в правом кармане, всегда на рукоятке, чтобы выхватить, как только понадобится. Он успокоил Эниолу, что ножом придется разве что размахивать перед собой. Они же идут раздавать еду и подарки на рынке, что там может случиться? Эниола начал ходить с ножом в кармане, как предложил Сааму, чтобы привыкнуть и подготовиться к четвергу. Рукоятка давила на бедро, вынуждая двигаться боком, чтобы нога не ныла.

Утром в четверг он встретился с Рашиди и Сааму перед Единой. Они поспорили, идти на утреннюю линейку или нет, но пойти хотел только Сааму. Эниола уже заметил, как Сааму

привлекают школьные ритуалы. Его форма всегда была выстиранной и выглаженной, рукава — накрахмаленными. Хоть он и прогуливал те немногие уроки, на которые приходили учителя, все равно приносил учебники и листал их, если думал, что никто не видит.

Когда они отговорили Сааму от распевания гимнов на построении, Рашиди начал махать рукой такси.

— Такси, kẹ̀? Я не готов разбрасываться деньгами о, — сказал Сааму.

Он копил на собственную квартиру, чтобы к нему переехали все младшие братья и сестра. Сейчас он жил с дядей, который принял его в десять лет после смерти его родителей в аварии. Теперь ему уже было больше восемнадцати, и он редко видел братьев и сестру, потому что всех четверых распределили по стране между родственниками. В прошлом году тетка в Абудже прижгла сестре шею утюгом за то, что она разбила фарфоровую пару.

— Рашиди, кончай, давай так дойдем, jàre. Я смогу накопить уже в этом году.

Рашиди хлопнул Сааму по затылку.

— Я о тебе позабочусь, и о тебе, Эниола. Плачу за всех.

Эниола думал, он заплатит за трех из шестерых людей, которые обычно влезают в такси. Обычно четверо садятся сзади и двое — спереди, и из окон свисают руки. Но Рашиди настоял, чтобы они дождались пустую машину и расселись в комфорте, как положено. Рашиди — с водителем, Эниола и Сааму — сзади. Когда водитель хотел взять еще пассажира, Рашиди сунул ему денег за шестерых.

Такси тарахтело по дороге. Несколько раз глохло. Не было ни ключа, ни зажигания — только два провода, которые водитель тер друг о друга, пока двигатель не заикнется и машина не бросится вперед.

Они успели на ближайшую к рынку остановку как раз вовремя. Напротив остановки была Оджуде Ова — Дворцовая площадь с ратушей, дворцом Ова и рынком. Когда они выходили из машины, сердце у Эниолы уже билось так быстро, что он удивлялся, почему не слышит, как оно колотится о грудную клетку. Он не боялся. Это было возбуждение. Дрожа от предвкушения, по дороге к Оджуде Ова он сунул руку в карман и сжал нож. Всего за несколько дней он перестал ходить боком и начал чувствовать спокойствие, когда потирал кожаные ножны.

На Оджуде Ова, рядом с забором рынка, поставили платформу. Из динамиков пела Салава Абени. У маленьких ворот на рынок стоял грузовик. На его водителя, который пытался их открыть, орал Святой Михаил. Заметив парней, он грозно зыркнул.

— Вас разве сейчас ждали? — прикрикнул он. — Вы сюда что, на голой заднице ползли?

— Нет, сэр, — ответил Эниола. — Мы приехали на такси.

Тычок в ребра то ли от Рашиди, то ли от Сааму подсказал, что он сглупил.

— На такси, àbí? На такси? Отвечай, ты, с большим ртом, или оглох?

— Д-да, сэр.

Хоть он не смел отвернуться от надвигавшегося мужчины, почувствовал, что Рашиди и Сааму рядом уже нет.

— Тогда почему приехали только сейчас? Почему?

— Мы же не опоздали, сэр, мы вовремя…

Он как раз успел увернуться, когда в лицо полетел кулак, и не почувствовал удара — только как костяшки задели ухо. Он поднырнул и под следующий кулак, подскочил над ногой, задевшей штаны, потом отбежал, когда Святой Михаил

хотел схватить его за плечо. Остановился, только когда услышал аплодисменты.

Святой Михаил хлопал, пока он пытался отдышаться.

— Иди сюда, иди. — Святой Михаил развел руки для объятий. — Не бойся, иди сюда, как там тебя зовут, новенький?

— Эниола, сэр.

— Мне понравилось, как ты уворачивался, эн. Такие люди нам и нужны. У тебя талант, эн. А знаешь, что еще мне понравилось? — Святой Михаил положил Эниоле руку на плечо. — Ты ни разу не вынул руку из кармана, эн, всегда был готов достать нож. Очень хорошо, очень-очень хорошо.

Он сжал плечо, потом отошел, криком раздавая приказы всем поблизости. Парни Достопочтенного собирались через главные ворота, выходившие на Оджуде Ова. Кое-кто пришел через пешеходную калитку с рынка. Святой Михаил зычно выкрикивал имена, распределяя задания. Несколько человек — охранять каждый вход, несколько — вешать стяг за платформой, остальные — с мегафонами и флаерами на рынок.

Эниола с друзьями присоединились к группе, разгружавшей грузовик. Рашиди и Сааму скла-

дывали в одном углу мешки риса, а Эниола и остальные в другом — бочонки с растительным маслом. В кузове должна была лежать и ткань — метры анкары с портретом Достопочтенного. Кто-то забыл их погрузить перед отъездом из Ибадана этим утром. Теперь Святой Михаил ругал водителя из-за того, что будет нечего раздавать женщинам. На этот раз спор закончился тем, что Святой Михаил приложил водителя головой о дверцу.

— Тебя сохранил Бог, а то это была бы твоя голова, — прошептал Рашиди на ухо Эниоле, пока они смотрели, как водитель стирает кровь с лица.

— Что, никогда человека не видели? Никогда кровь не видели? Чего все встали на месте? Телевизор пришли смотреть? — Святой Михаил орал так, что у него на шее выступили вены.

Парни вернулись за дело с удвоенным от страха пылом.

После разгрузки надо было раздавать из больших мешков рис, разложенный в черные нейлоновые мешочки. А Эниола с парнями перелили масло в большие лохани, пока двое других наполняли им прозрачные целлофановые пакеты. Новоприбывшие завязывали пакеты риса и масла двойными узлами и складывали по одному

того и другого в сумки. Сумки были нескольких ярких цветов и все — с фотографиями Достопочтенного.

Когда около полудня появился сам Достопочтенный с Эрелу и четырьмя полицейскими, разгрузку и подготовку уже закончили. Перед платформой собралась небольшая толпа, и Эниола стоял позади всех, глядя, как Рашиди и Сааму пляшут под включившуюся песню макосса.

Святой Михаил сунул в руку Эниоле темные очки и толкнул к Рашиди. «Óуá, óуá», — бросил он и поспешил к Достопочтенному.

Сначала Эниола ничего не понял, но Рашиди знал, чего хочет Святой Михаил. Он схватил Эниолу за руку и стал пробираться перед ним через толпу, пока они не поднялись на платформу. И были на ней первыми — Достопочтенный со свитой остановился поговорить со старушкой в толчее.

— Надевай очки! — перекричал Рашиди музыку.

Уже в очках Эниола коснулся рукоятки ножа в кармане. Он не боялся. Он чувствовал защиту от веса в руке, восторг — от знания, что все будут смотреть туда, где стоит он. То, что в первое же участие на митинге Святой Михаил поставил его

на платформу к Рашиди и еще двум парням, которые работали на Достопочтенного почти четыре года, явно значило немало. Он — единственный новенький, кому доверили свой угол платформы, где выступит кандидат. Да, это значило немало. Рашиди всю неделю с гордостью рассказывал, что его часто просили стоять рядом с Достопочтенным — причем только с шестого митинга. Сааму не выбирали ни разу. Рашиди показал на один из передних углов платформы и объяснил, что, пока Достопочтенный выступает, он должен смотреть, не затевается ли что в толпе.

Достопочтенный со свитой поднялся на платформу, уже вспотевший. Утер лицо платком, потом помахал им толпе, вызвав приветственный шум.

Полицейские встали полукругом позади Достопочтенного и Эрелу. Песня в динамиках затихла. Эниола сжал нож покрепче. Пока кто-то из свиты проверял, включен ли микрофон, Эрелу достала из сумочки зеркальце, отвернулась от толпы и припудрила лоб.

Когда Достопочтенный взял микрофон, Эниола приблизился к краю платформы и окинул взглядом поднятые лица. Ухмыляющиеся молодые люди, девушки, поставившие рядом с собой под-

носы с товаром, дети в растрепанной школьной форме. Хотя Святой Михаил велел им распределиться в толпе, Эниола с легкостью различал где-то сотню женщин, завезенных на автобусе из разных частей штата. Почти все — в розовой анкаре с лицом Достопочтенного.

Большинство торговок, ради чьих голосов приехал Достопочтенный даже до того, как стал кандидатом от партии, не пришли. Мало кто готов бросить свой магазин или лоток, чтобы стоять часами на солнцепеке. Кто-то прислал подмастерьев или помощников, а те, чьи лотки расположены вдоль забора Оджуде Ова, наверняка все слышали и так.

После митинга Эрелу, Святой Михаил и избранная группа парней будут до конца дня обходить лотки, раздавая рис и масло. Вечером Достопочтенный отправится в гости к главам рыночных ассоциаций. Все это Сааму объяснял на неделе. Он уже видел, как Достопочтенный вел прошлую кампанию.

Пока что Достопочтенный рассказывал, как его проекты — а именно скважина, которая, знал Эниола, перестала работать много месяцев назад, недостроенный школьный корпус, заасфальтированная дорога к дому Достопочтенного

— изменили жизни тех, кто собрался его послушать.

Пока сначала Достопочтенный, а потом Эрелу благодарили за голоса, отправившие его в Абуджу, люди переговаривались между собой. Казалось, мало кто слушал, как он жалуется, что в качестве законодателя у него связаны руки. Когда микрофон взял кто-то из партии и спросил толпу, будет ли Достопочтенный полезнее на посту губернатора штата, одобрительно шумели только женщины в анкаре с портретами. С виду больше никого не интересовало, что скажут Эрелу или другие представители партии. Люди с нетерпением поглядывали на угол, где свалили пачки масла и риса.

Святой Михаил подошел к платформе, когда последний выступавший — с заплетающимся языком и качавшийся, как пьяный, — закруглил свою историю о том, как Достопочтенный борется за появление университета в городе. Сутью истории было то, что Достопочтенный умеет привлекать бюджетные средства в город. Эниола гадал, успеет выступавший договорить или раньше свалится в ступоре.

Полицейские повели Достопочтенного и Эрелу с платформы, прокладывая дорогу к куче товаров

для раздачи.

Святой Михаил поманил Эниолу и Рашиди.

— Воскресенье. Не это о, а следующее, — сказал он. — Ночью будет особое задание, прямой приказ Достопочтенного. Рашиди, помнишь того глупого профессора? Который метит в губернаторы?

— Да. Мы ходили к жене его друга на день рождения.

— Вот почему мне нравится Рашиди. Все извилины на месте. Помнит такие вещи. — Святой Михаил щелкнул пальцами перед носом Эниолы. — Профессор и этот его друг, Отунба, эн? Достопочтенный хочет, чтобы они знали: лев выше по старшинству, чем кошка.

— Я еще с тех пор хотел спросить, — сказал Рашиди. — Никому нельзя разговаривать с Достопочтенным так, как они разговаривали в тот день, никому.

— Да! Àní, все извилины на месте. Достопочтенный хочет, чтобы мы сделали бестолковому профессору предупреждение на примере Отунбы. Мы знаем, что Отунба — один из главных спонсоров кампании профессора. Так что сначала придем за ним. Если профессор и тогда не поймет, следующее предупреждение будет ближе к дому. Так любит действовать Достопочтенный — мы

сперва предупреждаем. Поэтому вы двое должны быть на месте в воскресенье ночью. Выходим из дома Достопочтенного.

Эниола кивнул. Если захотеть, он может сбежать ночью — надо просто не возвращаться домой из мастерской тети Каро. А с родителями и их укорами разберется потом, когда вернется.

— Ладно, Святой Михаил, я передам Сааму, — сказал Рашиди.

— Нет, только ты и Эниола.

— Этот? Э, Святой Михаил, этот? Он не готов о. — Рашиди покачал головой. — Rárá, не для особого задания.

— Он мне нравится — и он придет.

— Да он просто ребенок, Святой Михаил.

— Что, Рашиди? Я не ребенок, — возразил Эниола. Ehen, ну и что, если он младший в этом разговоре? Это не значит, что Рашиди можно оскорблять его на глазах у правой руки Достопочтенного.

— Заткни рот, ты, — сказал Рашиди.

Святой Михаил сжал плечо Эниолы.

— Хочешь десять тысяч найр?

— Сэр?

— Есть у тебя в жизни проблема, которую решат десять тысяч найр?

Эниола кивнул, не в силах вымолвить ни слова. Вот почему Рашиди не хочет его участия? Чтобы Сааму заработал лишние деньги?

Святой Михаил всплеснул руками.

— Вот видишь? Он готов.

— Сааму, ńkọ́[170]?

— Нет, Рашиди. Не зли меня. Я сказал — только ты и Эниола. Понял?

— Да, сэр.

Рашиди дождался, пока Святой Михаил отойдет, потом повернулся к Эниоле.

— С ума сошел?

— А теперь я что сделал? — Эниола попятился от бешеной жестикуляции Рашиди.

— Ты псих? Кто тебя привел? Не я с Сааму? Ты? Особое задание, báwo[171]? Как у тебя язык поворачивается — «Я не ребенок». Если я скажу, что ты младенец, Эниола, то ты младенец, nìyẹn[172].

— Я знаю, что Сааму стал твоим другом раньше, но мне тоже нужны десять тысяч найр.

— Ты думаешь, дело в деньгах? Ты хоть зна-

---

[170] Примечания: 170
А он?

[171] Примечания: 171
Как?

[172] Примечания: 172
И все.

ешь, что тебе придется за эти деньги сделать? Э, Эниола, ты думаешь, мы тут в игрушки играем? Думаешь, надо будет просто стоять как истукан?

— А что? — спросил Эниола. Теперь он видел, что Рашиди не столько злится, сколько волнуется, и тревога на нахмуренном лице его друга передалась и ему.

— Я даже не думал, что ты понравишься Святому Михаилу, не говоря уже об особых заданиях.

— Да скажи, что надо будет делать? — Теперь Эниола заметил, что вынул руку из кармана, а Рашиди — нет. Очередное доказательство, что он не готов и в такой момент забудет, что надо всегда быть начеку.

— Когда мы позвали тебя на обед к Достопочтенному, я же не знал. Не знал, что Святой Михаил так быстро тебя выберет. Ọ̀gbẹ́ni[173], ты не готов.

— Скажи, Рашиди, просто скажи!

— Вы на этой штуке ночевать собрались? — Сааму стоял на нижней ступеньке платформы.

— А ты не пойдешь раздавать…

— Святой Михаил разрешил пойти домой, — сказал Сааму. — А вас с Эниолой он освободил?

— Сааму, пришла wahala о, серьезная пробле-

[173] Примечания: 173

Вежливое обращение «господин», но также неформальное гендерно-нейтральное неуважительное обращение.

ма. — Рашиди спустился к нему.

Эниола поплелся за ними. Рашиди пересказал разговор со Святым Михаилом, и Сааму остановился и обернулся к Эниоле.

— Я же ни о чем не просил. Это Святой Михаил так решил. Простите. — Эниола не удержался от извинений — наверняка Сааму деньги нужнее, чем ему. Хоть его отец бесполезен, у него еще есть мать. У Сааму — только он один.

Сааму показал на Эниолу и прищурился так, будто разглядывал муравья.

— Хочешь сказать, он идет, а я — нет?

— Так хочет Святой Михаил, — ответил Рашиди.

— Ты серьезно?

— Какие тут шутки? Я не знаю, что делать, он же испугается. Он просто ребенок. А проблемы будут, я же знаю.

Сааму приблизился к Эниоле одним широким шагом.

— Ты — ты получишь десять тысяч найр, эн?

— Я пытался отговорить Святого Михаила, но ты же его знаешь. — Рашиди прокашлялся и понизил голос до шепота: — А если попросят сделать то же, что и в прошлый раз, этот самый Эниола выдержит? Нет. Он не готов, у него нет

духа для особого задания, он не такой, как мы.

— Зато дух получать деньги у него есть.

Эниола видел, что Сааму завидует. Это читалось в том, как он бросал слова, как кривая усмешка тянула за уголки губ, в силе, с которой он толкнул Эниолу. В том, как попытался толкнуть опять, когда Эниола только отшатнулся, но не упал.

Рашиди схватил Сааму за руки.

— Иди домой, — сказал он Эниоле. — Я сказал — иди! Мы еще увидимся.

* * *

Подходя к комнате, Эниола услышал голоса. Слава богу, женский, а не домовладельца. Он открыл дверь и застыл, когда понял, что голос принадлежал той учительнице из Единой, которая пыталась помыкать Эниолой в школе только потому, что когда-то работала с его отцом. Он вошел и обнаружил, что она сидит на краю кровати, сложив руки на коленях так, будто опасалась до чего-нибудь случайно дотронуться.

— Добрый день, — пробормотал он в сторону миссис Окон, роняя рюкзак на матрас. Отец сидел рядом с ней, с усталым видом, словно изможденный усилиями, которые требовались, чтобы сидеть в постели.

— Так ты теперь разговариваешь с учителями, Эниола? — Мама стояла у буфета и наливала воду в чашку.

— Добрый день, ма. — Он злобно уставился на миссис Окон, уже зная, что она пришла на него жаловаться.

Та поджала губы и повернулась к отцу.

— Я в нем так разочарована. Он совсем на тебя не похож. Совсем. Притом что я знаю о тебе по нашей работе, я не ожидала, что твой сын свяжется с хулиганами, но так и вышло.

— Эниола? — Мама протянула миссис Окон воду. — Что можешь ответить?

Он сел на матрас к Бусоле, которая то ли читала, то ли только притворялась.

— Даже не помню, когда в последний раз видела его в классе, — добавила учительница.

— Тебе кто-то уши заколотил? Эниола, я спросила…

— Мои друзья — не хулиганы. Они хорошие.

— Хорошие? — миссис Окон рассмеялась. — Да они бандиты. Я за вами наблюдала. Разве ты не ходишь хвостом за Сааму? Он у нас учится уже не меньше восьми лет. Восемь лет остается на второй год — ты хочешь так же?

Эниола смотрел, как мама взялась руками за

голову, будто из-за великой беды.

— Сааму — не хулиган, а сирота. И что вы вообще понимаете? В чем угодно? Зачем мне сидеть в вашем классе? Сколько учителей нас учат? Вы одна из немногих, кто еще приходит.

Эниола осознал, что кричит, только когда Бусола закрыла книгу.

— Видите своего сына? Видите, как он со мной разговаривает? — Миссис Окон встала.

Отец потер ладони в жесте извинения, но заговорила мама:

— Мы просим прощения, миссис Окон, мы просим прощения.

— Я сделала для вас что могла, — сказала она. — Теперь я ухожу.

— Спасибо, ма. — Мама раскинула руки. — Пожалуйста, не обижайтесь, он просто… Я сама не понимаю, что на него нашло. Мы с ним поговорим.

Отец встал следом за миссис Окон и проводил ее до улицы. Когда за ними закрылась дверь, Эниола вскочил и направился к буфету.

— Что этот мальчик делает? А ну закрой мою кастрюлю, jàre. Кто тебе сказал накладывать еду? Разве так можно после всего, что мы сейчас услышали?

— Мне надо поесть перед тем, как пойти к тете Каро.

— Ты не будешь есть в этом доме, пока не объяснишься. Бусола, начинай перебирать бобы на ужин. Óуá, Эниола, начинай говорить.

Эниола переоделся из школьной рубашки в футболку. Надо убираться из дома, подумать о ссоре с Сааму. Ссора ли это вообще?

— Мне нечего сказать.

— Почему ты прогуливаешь уроки?

Эниола пожал плечами.

— Я больше не пойду в эту дурацкую школу.

Мама вздохнула.

— Ты еще злишься из-за оплаты? Прости меня, Эниола. Но ты же видишь, мы можем только… — Она замолчала, когда отец вернулся с такой одышкой, будто бежал всю дорогу оттуда, где расстался с миссис Окон. — Прости нас с папой, но сейчас мы ничего не можем поделать. Мы не можем себе позволить…

— Да, знаю, не можете себе позволить заплатить за меня, зато можете заплатить за Бусолу.

— Эниола, это не оправдание. Это не причина общаться с хулиганами. Никакая не причина. Миссис Окон думает, что они работают на политиков, а это худшие люди на нашей земле.

Эниола уставился на отца, пытаясь понять, что в нем сейчас такого странного. Он не просто говорил — он кричал и размахивал руками. А потом начал ходить по комнате, сочетая голос и движение с таким пылом, которого Эниола за ним уже не помнил.

— Ты хоть знаешь, что с тобой может случиться в такой компании? Ты знаешь, что эти мальчики могут быть преступниками? — кричал он. — И даже пока не будем об этом — ты собираешься ходить на уроки в Единую?

— Я ухожу из Единой, — сказал Эниола.

— Ни один мой ребенок не бросит школу.

Так бы сказал отец, которого Эниола знал в далеком детстве. Все последние годы он просто отворачивался к стенке. Значит, это-то и было странное, что Эниола в нем не узнавал. Он двигался, говорил и проявлял эмоции — одновременно. Впервые за долгое время он не походил на того, кто готовится к смерти; он снова ожил.

— Я возвращаюсь в Великую Судьбу, — сказал Эниола. — Я сам заплатил за учебу.

— Что-что ты сделал? — Отец положил ему руку на плечо.

Эниола стряхнул ее и отступил на шаг.

— Я заплатил половину.

Отец оглядел всех в комнате, будто ждал объяснения от них. Когда он повернулся обратно к Эниоле, его лицо перекосило от чего-то напоминающего гнев.

— Где ты взял деньги?

— У Достопочтенного Фесоджайе. — Эниола снял носки и школьные сандалии.

— У политика? Боже, миссис Окон права.

Эниола переобулся в тапочки. Он пойдет к тете Каро в школьных шортах.

— Меня с ним познакомил Сааму.

— Тот самый Сааму, который почти десять лет учится в школе, познакомил тебя с политиком? С Фесоджайе? Почему Достопочтенный дает тебе деньги? Ты теперь его наемник?

— Я ухожу к тете Каро. Пропусти, пожалуйста. — Эниола перевел взгляд за плечо отца.

— Думаешь, можешь разговаривать с отцом в этом доме как угодно, àbí?

— А что я сказал? — Эниола бросил взгляд на мать. — Просто попросил отойти. Это преступление?

— Ты не ответил на его вопрос. Ты теперь наемник?

— А почему ты меня об этом не спросила, когда я принес тебе еду, эн? Не спросила, но теперь я

сам скажу: еда, которую я принес, от Достопочтенного. И что ты теперь сделаешь? Выплюнешь обратно?

— Ийя Эниола, в тебе я тоже разочарован. — Отец повернулся к ней. — Твой сын принес домой еду, а ты не спросила, где он ее взял? Когда это началось? Ты же знаешь, что он не может добыть еду законно, а сама взяла.

— Ты? Ты разочарован во мне? А когда ты в последний раз давал хоть одну найру на еду? — Ее голос не рос громче шепота. — Скажи — когда?

Комната затихла. За все годы после того, как отец Эниолы остался без работы, мать ни разу его ни в чем не обвиняла. По крайней мере, не в присутствии Эниолы. Были случаи, когда он хотел, чтобы она сказала что-то такое, что-то похуже, думая, что резкое слово вырвет отца из того, во что он погрузился. Но теперь, когда это случилось, ему хотелось оказаться где угодно, только не здесь. Ну почему они так долго не могли стать родителями, которые ему нужны?

— Разочарован? Отвечай. Когда ты в последний раз давал мне одну найру — нет, один кобо — на семью?

— Абоседе, — сказал отец. — Абоседе, пожалуйста.

Странно было слышать, что он называл ее не Ийя Эниола, видеть, как они смотрят друг на друга через комнату, как по щекам отца катятся слезы. Эниола чувствовал себя так, будто застал их раздетыми, увидел то, что не должен видеть. Он направился к двери. В этот раз отец уступил дорогу.

В мастерской Эниоле пришлось дважды прочистить горло, прежде чем он смог поздороваться. День шел так хорошо, пока Сааму не разозлился. С тех пор что бы ни случилось, все доводило до слез.

Сев за машинку, он ни с кем не разговаривал. Даже с Марией, которая пыталась поймать его взгляд. Сосредоточился на платье, над которым работал вчера, боясь, что расплачется, если откроет рот. Завершив платье, он перешел к лоскутной блузке для Бусолы. Тетя Каро показала ему, как накладывать кусочки ткани друг на друга, чтобы не оставалось прорех. Закончив с работой на день, он мог свободно шить блузку.

После заката приехала Йейе. Девушки уже ушли, остался только Эниола — помогать тете Каро убирать недоделанные наряды.

Когда вошла Йейе, он простерся на полу. Ее сопровождала молодая девушка с матерчатой

сумкой.

— Спасибо еще раз, ма, — сказал он Йейе.

Тетя Каро, обмениваясь с гостьями любезностями, дала ему знак. Он последовал негласному указанию и освободил место от стопок тканей на диване, чтобы они сели.

— Ìyàwó, yawò[174], — обратилась тетя Каро к девушке. — Поздравляю о, доктор Вура.

— Спасибо, ма.

Йейе улыбнулась во весь рот.

— Ìyàwó nìyẹn[175]. Надеюсь, наряды готовы?

— Да, ма. Эниола, посмотри на столе бежевую сумку, я сложила туда вещи Йейе.

— Для меня только иро и буба, но Вураола пусть примерит платье на случай, если понадобится что-то подшить.

Тетя Каро встала.

— Перейдем ко мне в гостиную, чтобы она переоделась?

— Хорошо. — Йейе взялась одной рукой за колено, а вторую протянула дочери, чтобы та подтянула ее на ноги. — У меня был долгий день, эн. Все время на ногах, готовила знакомство.

---

[174] Примечания: 174
Жена.

[175] Примечания: 175
Стала женой.

— Замечательно, ма. — Тетя Каро глянула на Эниолу. — Принеси нам сумку, когда найдешь.

В коридоре они продолжали говорить о подготовке к знакомству в субботу. Потом их голоса затихли в гостиной, и Эниола их уже не слышал.

Он нашел сумку под швейной машинкой Марии, но не сразу пошел к ним через коридор. Все прибирался, смахивал бесполезные обрывки ткани, которые обычно оставлял убирать девушкам на следующее утро. На улице уже было темно, но идти домой не хотелось. А если отдать сумку, что ему еще оставалось?

— Эниола! Уже нашел сумку? — крикнула тетя Каро.

Когда он вошел в гостиную, говорила Йейе:

— Помоги мне упросить Вураолу о, скажи ей, что она должна быть лучшей во всем. Это платье — я с понедельника прошу, чтобы она приехала и примерила.

— У меня не было времени.

Йейе только фыркнула:

— Нет времени, нет времени. Но съездить вчера в Ифе время было.

Доктор Вура покачала головой:

— Я ездила на похороны друга.

— Что? — спросила Йейе. — Какого друга?

— Сумка, ма, — сказал Эниола, не зная, кому ее отдать.

* * *

— Вураола, какого друга? — Йейе сдвинулась на край кресла.

Вураола протянула руку Эниоле.

— Спасибо, я возьму.

— Ты мне ничего не говорила о смерти друга.

Вураола забрала сумку и поставила на коленях. Достала переливающиеся иро и бубу матери и обнаружила под ними платье, которое наденет на церемонию знакомства в субботу. Теперь от церемонии, когда ее родные и семья Кунле будут официально представлены друг другу, ее отделяла только пятница. Тетушки, дядюшки и разнообразные кузены и друзья станут свидетелями того, как их родители благословляют ее и Кунле на практически необратимом пути к браку. Она подняла платье. Персиковая и кофейная ткань. Потому что Йейе говорила, что в ней кожа Вураолы будет выглядеть роскошно — «простотаки роскошно». От бюста до коленей тянулись полосы кофейно-коричневого атласа, чтобы руки и ноги проглядывали сквозь тонкое кружево.

— Нравится? — спросила тетя Каро.

Вураола кивнула, не слыша вопрос. Весь день бесконечные переживания матери из-за платья казались вульгарными. Кингсли умер. Разве ее могут заботить пара метров кружев да атласа?

На похоронах Кингсли Тифе поразила всех, рыдая так безудержно, что Вураола уж боялась, она бросится на гроб. У нее же глаза оставались сухими и до, и после, но вот уже несколько дней приходилось переспрашивать, что ей говорят. И одного повтора не всегда хватало, чтобы вернуть ее в настоящее — из воспоминаний о том, как Кингсли закидывал галстук на плечо по дороге к машине после дежурства, или об оттенке его кошелька, который он носил, сколько она его знала. Оранжевый кошелек, напоминавший цветом логотип одного банка. Она всегда хотела спросить, банковский сувенир это или нет, но так и не спросила. И после похорон могла думать только об этой мелочи. Он сам выбрал такой кричащий оранжевый? Или это подарок кого-то любимого? Наследство от уважаемого дядюшки? Ей отчаянно хотелось узнать о Кингсли что-то новое. Какая-нибудь свежая находка отложила бы понимание, что теперь его сознание осталось в пределах уходящего прошлого.

— Вураола, я с тобой разговариваю. — Йейе

придвинулась к ней. — Кто из друзей?

— Кингсли. — Вураола обвела пальцем узор на платье. В правильном свете он казался оранжевым. — Ты его не знаешь.

— Спокойной ночи, тетя Каро.

Вураола подняла взгляд. Парень, приносивший сумку, вернулся попрощаться.

— Не приходи завтра так поздно, — сказала тетя Каро.

Вураола начала расстегивать рубашку, когда парень закрыл за собой дверь.

— Подойди. Я помогу с юбкой.

Она встала спиной к матери.

— Нет, сними через голову, — сказала Йейе раньше, чем Вураола выступила из юбки на полу.

Тетя Каро и Йейе помогли ей одеться. Суетливо продевали руки в рукава, натягивали платье, пока короткий шлейф не лег на пол.

— Ты похудела, — заметила Йейе, взяв Вураолу за запястье большим и указательным пальцами. — Кунле так больше нравится?

Она пропустила вопрос мимо ушей. Сделала пару шагов, подобрав подол.

— Не надо заузить у талии? — спросила тетя Каро.

— Нет, не волнуйтесь, ма. Все хорошо.

— Вураола, пусть лучше поправят сейчас, чтобы сидело идеально.

Вураола встряхнула платье и обратила внимание на то, как оно плавно опускается к полу. Лучше ли что-то исправить? Ей все равно. Слишком уж трудно и странно изображать интерес к платью, когда у нее умер друг.

— Нет, — сказала она, встав перед тетей Каро и показав на молнию. — Все нормально, спасибо.

Когда они сидели на заднем сиденье машины Йейе, мать перегнулась через сумку с нарядами и сжала плечо Вураолы.

— Сочувствую насчет друга.

Это прикосновение впервые с похорон вызвало у нее слезы. Может, она просто не ожидала такой нежности. В последний год начальной школы ее классным руководителем была бабушка, которая держала на столе банку с эклерами и награждала сладостями и объятиями всех, кто получал отличные оценки за домашнюю работу. Еще до окончания второго семестра у нее случился сердечный приступ во время урока, и она скончалась раньше, чем ее успели доставить в больницу.

Вураола еще никогда не была так близка к чьей-то смерти. Она плакала еще много вечеров,

когда ее звали к ужину. Через пару дней мама потеряла терпение и почти целый час поучала Вураолу не быть такой неженкой. Если она так плачет из-за той, кого видела только в школе, что будет делать, когда скончается любимый человек? Такая формулировка, полная неизбежности, только еще больше расстроила девочку. Она ревела, пока не пришел отец, доевший ужин.

И это отец обнимал ее, пока всхлипы не утихли до редкого икания. Потом он рассказал об акудаайя. О том, как люди, умирающие в одном городе, могут появиться в другом и продолжить свой срок на земле. Не все становятся акудаайя, но вдруг ее учительница стала? Он предложил представить, что она все еще где-то на земле, начинает новую жизнь, участвует в этом приключении. Вураола, устав плакать, заснула под голос отца.

— Вураола, утри слезы и помни обо всем том, что тебе еще нужно успеть до субботы, — сказала Йейе, когда машина остановилась на больничной парковке. — Жизнь не стоит на месте только потому, что тебе грустно.

— Спасибо, что подвезла, — сказала Вураола, радуясь, что уговорила отвезти ее ночевать в общежитие. — До встречи завтра вечером.

* * *

Церемонию знакомства назначили на полдень, чтобы успели съехаться родственники из других штатов. Встретившись с родителями на рассвете, Вураола поднялась к себе и накрылась одеялом с головой. Она засиделась за перепиской с Кунле за полночь и теперь хотела выспаться, пока не начнется ее день.

— Вставай, вставай, — тормошила ее Мотара — и сильнее, чем нужно.

— Зачем пришла?

— Йейе попросила побыть с тобой, пока ты готовишься. — Мотара стянула одеяло. — Раз уж твои подруги не приедут.

Вураола перевернулась на живот. Ни Грейс, ни Тифе не смогли отлучиться с дежурств.

— Вставай, скоро приедут фотограф и визажистка. Давай, Йейе будет ругать меня, если ты не будешь готова к началу этой своей штуки.

Вураола села, пока Мотара включала весь свет в комнате — даже две флуоресцентные трубки, которыми давно уже не пользовались. Мотара стала звать церемонию знакомства и свадьбу «штукой» или «ерундой», будто сказать их название — значит сдаться.

— Мотара, тебе просто надо получше узнать Кунле. Он…

— Ага. Знаю-знаю, замечательный парень, не такой, как мне кажется. Милый, добрый и любящий. Святой, разве что не мученик. О да, я уже знаю. Кунле просто хренова мать Тереза.

— Не ругайся.

— А ты не выходи замуж за сволочь.

— Это же только знакомство.

— Знакомство, а потом что? — Мотара хохотнула. — Что потом-то идет?

— Я уверена, он будет тебе как брат. Если ты узнаешь его получше, то поймешь…

— У меня уже есть брат. Так что… мне хватает.

— Лайи приехал?

— Йейе разговаривала с ним по телефону перед тем, как отправить меня к тебе, он в пути. Можешь ты уже встать с кровати, пожалуйста?

После душа Вураола надела заказной атласный халат. На спине вышито: Intromímọ̀[176]; на нагрудном кармане — «Доктор Вураола». Подарок Грейс и Тифе.

— Я должна сказать про эту твою ерунду только одно.

---

[176] Примечания: 176
Знакомство (название церемонии).

— Ладно. — Вураола села перед туалетным столиком.

— Если выйдешь за него и станешь Вураолой Кокер, твои инициалы станут WC. Угадай, что у тебя будет в голове?

— Мотара, от тебя никакой пользы, теперь ты просто хочешь меня обидеть. Этого ты хочешь?

— Если это вправит тебе мозги.

— Вообще-то я буду Вураола Элизабет Абеке Кокер.

После этого Мотара отказалась разговаривать с Вураолой — только молча делала все, о чем просили, доставляя ей: визажистку и фотографа из гостиной, два яблока и апельсин из кухни, украшения из комнаты Йейе.

Фотограф начал с лица Вураолы. Потом сосредоточился на ее наряде, раздвинув шторы, чтобы сфотографировать платье, геле, каблуки и украшения в самом ярком освещении.

Вураола следила в зеркале, как визажистка, которая назвалась Прейз, начала выбривать ее густые брови в тонкую линию. Она закрыла глаза, чувствуя, как волоски падают на щеки.

— Так хорошо? — спросила Прейз.

— Да, — ответила Вураола, не глядя в зеркало.

В левом кармане халата завибрировал теле-

фон. Сообщение. Может, поздравление от друга или родственника. Скорее всего, «Доброе утро, любимая» от Кунле. Но сегодняшнее сообщение будет длиннее. После попытки передать словами, как он ее будет любить — «больше самой жизни, выше, чем луна, на веки вечные и еще чуточку», — будет что-нибудь о том, какой это важный день для их отношений. Его чувства трогали несмотря на то, как часто он повторял одно и то же. Он переживал, был последовательным — а это важнее всего. После смерти Кингсли он даже начал слать всякие цитаты, чтобы приподнять ей настроение. Вчера вот добавил фразочку о том, что благодарность за воду и воздух проливает свет на путь человека. Вураола даже не поняла, какого хрена это значит, но все равно была благодарна за такую заботу. Пусть Мотара издевается сколько хочет, но Вураола видела в нем намного больше, чем сестра могла понять по одной встрече, не продлившейся и пяти минут. Вураола сжала телефон, но не стала его вынимать. Лучше приберечь волну удовольствия от его сообщения на потом.

— Твои подруги знают Кунле?

Вураола видела Мотару в зеркало. Она пристроилась на краю кровати с кислым выражением.

— Хватит уже дуться.

— Я имею в виду — они знают, какой он *на самом деле*? Ты им рассказывала…

— Заткнись, Мотара, мы не одни.

Мотара встала.

— Если что-то понадобится, ты мой номер знаешь. Я пойду.

Повернувшись глянуть, как сестра выпорхнула из спальни, Вураола почувствовала острую боль над глазом. Лезвие задело кожу.

— Ужасно извиняюсь, — сказала Прейз, промокая кровь ваткой. — Вы повернулись, и лезвие… я не знала, что вы повернетесь.

— Ничего, — ответила Вураола. Порез мелкий, крови всего капля, скоро все пройдет. Никто, кроме сестры, не видел, как ее бьет Кунле. С чего ей самой, добровольно, рассказывать о происшествиях подругам? Она и так знала, как они отреагируют. Тифе перекосит от ярости, пока она будет проклинать Кунле. Грейс будет спокойнее, но на ее каменном лице проступят отвращение и разочарование, когда она узнает, что Вураола не собирается бросать Кунле.

И как ей это объяснить? Как это объяснить этим девушкам, чье мнение для нее так много значило, что она уже чувствовала, как ее накрывает волна

стыда от их разочарования. Тифе и Грейс. Профессор Эзенна, научный руководитель ее проекта по общественному здравоохранению, которая сказала, что у нее блестящее будущее в эпидемиологии. Миссис Хамид, замдиректора в ее средней школе, чье решение, что успеваемость Вураолы давала право выступить с речью на выпускном ей, а не старшему парню, согревало ее все первые годы медвуза. И конечно же, Мотара. Вураола всеми силами сосредоточилась на причинах, которые бы называла подругам. Чтобы приготовиться к какому-то отдаленному будущему, когда они узнают правду. Чтобы отогнать тревоги, вызванные расспросами сестры; потайной страх, что она совершает худшую ошибку в своей жизни.

Первая причина: она его любит. Не так, как когда-то любила Нонсо — с ноющей нежностью, которой сама не понимала, пока не увидела, что им не быть вместе. Глубина ее чувств к Кунле стала очевидна, когда они начали спать вместе. Вураола любила его горячо и жадно. И хотела выйти за него, потому что тогда он весь будет принадлежать ей. Она брала свое. Эта улыбка, это тело, это обаяние — все только ее.

— Поднимите голову, — сказала Прейз. Она обводила глаза от внутренних уголков к внешним.

Вураола моргнула и посмотрела на Прейз.

— Нет. Вверх, вверх. На потолок, смотрите на потолок.

Вторая: Кунле любит ее. Правда. Она никогда не сомневалась в его чувствах, разве что… Но даже тогда. Вдруг это проявление силы его чувств? Того, что его любовь граничит с одержимостью? Однажды тетя Биола сказала Вураоле, что лучше выходить за того, кто любит ее больше, чем она — его. Вот только как тут вычислишь коэффициент любви? Если брать единицей измерения словесные или физические проявления, значит, Кунле любил ее всей душой? Даже теми ее частичками, которые так старался в себе подавить.

— Можете посмотреть в зеркало? — попросила Прейз. — Вам нравится? Пока что.

Пока что ей только подвели глаза. В результате они стали выделяться — зрачки больше и шире, чем на самом деле. Прейз свое дело знала. У Вураолы были красивые глаза, но никакие не особенные — и Прейз это изменила.

— Нравится.

— Хорошо.

Прейз достала маленький тюбик и выдавила рыжеватую жидкость.

— Вы ведь уже нанесли основу?

— Да. Но нужен корректор для плеча, у вас здесь что-то есть. У вас кружевное платье, àbí? Может быть заметно. Это родимое пятно?

След почти пропал. Через пару недель сольется с кожей, но в этом ярком освещении бросался в глаза, даже если не присматриваться специально. Теперь Кунле искал на ее теле синяки. Притворялся, что просто ласкает, но она знала, что он изучает ее кожу в надежде, что синяки поблекли. Когда находил, прижимался к ним лицом. Иногда так начинался их самый нежный секс. Его пальцы танцевали по ее коже, легкие, словно она фарфоровая и он боялся ее разбить. И вот причина номер три. Секс не просто хорош — он многообразен, постоянно меняет регистр, всегда пульсирует от возможности сюрприза.

— Можете, пожалуйста, улыбнуться? Хочу хороший снимок «после» для себя, — попросила Прейз. — А можно побольше, улыбнуться пошире? Вот так, замечательно.

Вураола рассматривала себя в зеркале, пока визажистка собирала свои тюбики.

— Очень хорошо, Прейз, спасибо.

— Я рада, что мы уложились до десяти. Так лучше, эн. Не люблю торопиться. — Прейз поставила свой ящик на пол рядом со столиком. — Завязать

геле сейчас или подождем до двенадцати, когда поправим макияж?

— Не сейчас — может, в одиннадцать тридцать.

— Мне можно подождать в гостиной? Наверху.

— Да, вы оба можете побыть там. Если кто-нибудь спросит, скажите — я разрешила.

Когда визажистка и фотограф ушли, Вураола наконец достала телефон. Писал Кунле. Как и другие люди, но их сообщения она прочитала первыми, его припасая напоследок.

Грейс прислала всего два слова:

Поздравляю, Вураола.

Тифе хватило на большее:

Поздравляю детка так за тя рада потом расскажешь.

Все тети прислали длинные письма, в основном молитвы, которые Вураола пролистнула. Свекр и свекровь — она уже привыкла называть родителей Кунле так — отправили с телефона его матери изящное сообщение, подписанное «Б. и К. Кокеры».

Причина номер четыре — они отлично ладили семьями. Она понимала его семью. Все как у нее, только поменьше.

— Можно войти? — Два тихих стука. — Вураола.

— Да, сэр.

Вураола отодвинулась от туалетного столика. Вошел отец. Он уже надел алаари, в котором женился на ее матери. Йейе той же сентиментальностью не отличалась — тоже оделась в бордовое, как и он, но в новые кружева и геле из дамаска.

— Все еще идет!

— А твоя мать сказала, я для такого уже староват. — Он поднял руки и повернулся. — Живот не выпирает?

— Ты замечательно выглядишь.

Он поиграл бровями.

— Обязательно скажи об этом маме.

— Не волнуйся, она сама заметит, когда ей надоест гонять официантов.

— Я зашел тебя обнять перед тем, как спущусь. — Он простер руки.

— Испачкаешься в моем макияже…

— Иди сюда.

Она позволила окутать себя складками агбады. Он начал напевать песенку, которой научил ее в детстве и которую частенько вспоминал, когда хотел ее ободрить.

— Tẹ́rù bá ń bà yín ẹ wí o, — пел он.

— Ẹ̀rù ò b'ọmọ Mákinwá[177], — вторила Вураола.

Он отстранился.

— Выпьем за жизнь у меня на балконе, когда сегодняшняя драма закончится?

— Да, обязательно.

— Откроем скотч. — Он подмигнул. — В этот раз даже разрешу тебе допить.

Вураола тепло улыбнулась. Лет в одиннадцать-двенадцать она взяла в школу без разрешения два маминых золотых браслета — и ко времени возвращения домой на каникулы потеряла оба. Надеясь, что мать успокоит ее раскаяние, она по глупости не прислушалась к совету Лайи соврать, что вообще их не брала. Что такое, в конце концов, два браслета, когда у Йейе их десятки? Но брат оказался прав. Вураола закончила на коленях в маминой спальне, с вытянутыми руками, а Йейе била ее панкере[178] по левой ладони. Йейе назначила четыре удара, но на середине наказания Вураола оттолкнула маму на кровать

---

[177] Примечания: 177

Если боишься, не бойся, Потому что ты ребенок Макинва.

[178] Примечания: 178

Панкере — гибкая трость, которая до сих пор применяется для телесных наказаний в школах Нигерии.

и сбежала.

Вот только куда бежать, она сама не знала. Неслась по коридору, пока не очутилась перед отцовским кабинетом. И зашла, потому что знала, что разъяренная мать выскочит в коридор в любую секунду — потрясая панкере и готовая удвоить наказание из-за непокорности. Когда она ворвалась, отец копался в своей подшивке «Телл мэгэзин». Слишком испуганная, чтобы членораздельно объясняться, она сразу проскользнула на балкон. И там стояла в дальнем конце, едва дыша, когда зашла Йейе и спросила, видел ли ее отец. Он не только соврал, но еще и прибавил, что слышал шаги на лестнице.

Когда Йейе ушла, он вышел на балкон с двумя стаканами скотча, посмеиваясь под нос. Один — чтобы она перестала дрожать, но дал ей лишь глоток. Она рассказала только о браслетах, уверенная, что и он рассердится, узнав, что она толкнула мать. Несмотря на все заверения, Вураола не сомневалась, что Йейе сегодня изобретет новые наказания. А когда она захныкала, что не готова умирать, отец долго смеялся, а потом помог разработать спасение от Йейе. Разрешил прятаться у него в кабинете, пока гнев матери не сменится на тревогу. А тогда вывел ее через

боковую лестницу, чтобы она вернулась в дом и в объятия обрадованной матери, больше ни разу не вспоминавшей о браслетах.

В тот вечер, когда она пришла в кабинет поблагодарить его, отец закрыл папку, с которой сидел, и снова пригласил выпить на балконе. Но в этот раз налил ей стакан апельсинового сока. «Вижу, она не убила тебя насмерть, так давай выпьем за жизнь», — сказал он, чокаясь. Так они праздновали и все дальнейшие победы, перейдя на вино, когда ей исполнилось двадцать.

— Не хочу скотч, — сказала Вураола. — Сегодня я заслужила шампанское.

Отец улыбнулся — и вот она, причина номер пять. Точно так же он улыбался в момент ее зачисления в университет и вступления в медицинскую профессию. Тем улыбкам предшествовала другая — которую Вураола помнила только благодаря фотографии ее первого дня рождения. На ней она топает от торта к отцу. Он на краю кадра, спиной к камере, и его лица не видно, зато улыбку — еще как. Ту гордую улыбку. И как теперь она может отменить знакомство и все испортить?

— Увидимся внизу. — Отец обнял ее еще раз и ушел.

Пожалуйста. Пять причин для всех женщин, кого она разочарует, надев новое платье, скользнув в туфли, купленные для нее Йейе, повертев головой так и эдак, чтобы Прейз повязала геле, и дальше действуя по плану. Не прислушавшись? Нет-нет. Вопреки. Это ее решение — и она назвала пять вещей, которые для нее важнее всего. Этого достаточно. Должно быть достаточно. Пока что.

Сомнения еще ползали в мыслях, когда она спустилась на церемонию. А потом она была в шатре и ей пел алага:

Tẹ́rù bá ń bà yín ẹ wí o, èrù ò b'ọmọ Mákinwá.

Рядом с ней стоял мужчина и колотил изогнутой палкой в говорящий барабан. Ее семья подпевала, ускоряя ритм, пока припев не стал заклинанием, гимном, развеивавшим все сомнения и страхи, — и вот она уже ликовала. Да, она Макинва. Нет, она не боится.

Дальнейшая церемония пронеслась в сплошном пятне песен и бесконечных молитв. Тетя Биола не отпускала микрофон почти полчаса. Ее вступительная молитва охватила всю семейную историю — от жалоб на разводы до благословений будущей пары.

Когда алага велел Вураоле представить жениха своей семье, она выбрала его из толпы со стороны

его семьи сразу, не притворяясь, будто не знает, где он сидит. Ноги уже ныли от туфель. Не до притворной драмы поиска мужчины, который прямо перед ней. Стоя между семьями, она повернулась к своим и подняла руку Кунле — будто трофей, завоеванный для родных. Она протараторила все его имена и перешла к ласковым прозвищам, как требовал алага. Когда она передала микрофон, Кунле пал на землю даже раньше, чем об этом это попросил алага. Улыбка Йейе ослепляла, когда она поймала взгляд Вураолы и одобрительно кивнула.

Когда ее семья благословила союз, Вураолу и Кунле провели к приготовленному для них двойному креслу.

— Боже, просто великолепно, — твердил Кунле, пока вставал и представлялся каждый родственник.

Вураола прижалась к нему и тихо грелась в лучах его радости, пока и сама не запылала от восторга.

22

Вураола переехала к Кунле на следующий день после знакомства, но пока что они называли это испытательным сроком. Она останется на неделю и затем вернется в больницу, что сходилось с его графиком — он на следующей неделе собирался с отцом в Абуджу.

Сначала, пока Вураола была на дежурстве в понедельник и вторник, они почти не виделись. Но со среды до выходных она поменялась с коллегой и не работала.

В первые дни Кунле вызвался подвозить ее на работу и обратно, и она с радостью согласилась. На пассажирском сиденье она успевала съесть завтрак, который он готовил перед отправкой в больницу. От хлеба, намазанного маргарином, его навыки доросли до пачки дандана[179] с яично-масляным соусом.

По вечерам он привозил холодные напитки и до конца опускал спинку кресла. Почти все поездки она пребывала в прострации, попивая «Ла

---

[179] Примечания: 179

Дандан — нигерийское название жареного ямса, аналога картошки фри.

Касеру» через соломинку, пока он рассказывал о своем дне. Иногда он подпевал альбому *Styl Plus*, который играл на заднем фоне, и она смеялась из-за того, как редко он попадал в ноты. Он смеялся вместе с ней, и его лицо лучилось от счастья.

Эта радость поддерживала в ней силы. Их смех все между ними делал чудесным и сияющим, их любовь пылала так, что выжигала воспоминания о боли. Она перестала морщиться и вздрагивать, когда он к ней тянулся, и уже к пятнице они стали звать эту неделю пробным медовым месяцем.

В воскресенье Вураола пошла в церковь с его родителями. Кунле остался дома, чтобы собраться к поездке в Абуджу. Он сам выбрал для нее наряд — бубу до пола, который она дополнила тюрбаном, высокими каблуками и сумочкой-клатчем. Всю службу она просидела с его родителями, а поскольку находилась ближе к свекрови, прилагала особые усилия, чтобы не уснуть на проповеди.

Вернувшись, Вураола вошла с Кокерами в главный дом. Кунле ждал там. Когда они вошли в гостиную, он обнял ее и на миг задержал ее лицо в ладонях — и только после этого приветствовал родителей.

На воскресный обед у Кокеров подавали кокосовый рис и перченую индейку. Когда Вураола

закашлялась, попробовав индейку, Кунле погладил ее по спине и поднес свой стакан воды. Когда вторая попытка показала, что для Вураолы блюдо слишком острое, мать принесла ей жареную рыбу.

После обеда они поднялись в семейную комнату, чтобы выбрать фильм на вечер. Пока отец Кунле перебирал диски, Вураола заметила обложку «Удар Ово: Бунт» и сказала, что никогда его не видела.

— Только этот или все три? — спросила мать Кунле.

— Вообще не смотрела.

— Не может быть, — сказал отец. — Давайте посмотрим, àbí? Отлично.

— В нашем доме это один из любимых фильмов. — Мать Кунле понизила голос до заговорщицкого шепота. — Кунле влюблен в Бимбо Акинтолу с первого же просмотра.

Кунле закатил глаза и поцеловал Вураолу в лоб. Когда начался фильм, она рассматривала его профиль. Они никогда не демонстрировали свои чувства перед его родителями, но сегодня он касался ее при любой возможности. А теперь еще и поцелуй? Он поднял бровь и улыбнулся, заметив ее взгляд. Она отвернулась к экрану. Что ж, у них

все-таки уже состоялось знакомство — может, пора перестать стесняться его родителей.

Ночью Вураола и Кунле удалились в его квартиру. По настоянию матери они прихватили небольшую термосумку со спагетти и рагу из солонины. Выходя, он держал ее за руку, но отпустил, как только они перешли лужайку к нему.

Пока она разогревала солонину, он словно ушел в себя и только что-то пробубнил, когда она спросила, готов ли он к поездке в Абуджу.

— У тебя все хорошо? — спросила она, когда они сели есть.

— А что должно быть плохого?

— Мог бы просто сказать «да», — сказала Вураола.

Они молчали, пока почти не доели. И вот тогда он начал расспрашивать о Кингсли.

— Почему тебя это так интересует? — спросила она, когда объяснила, почему для нее было так важно поехать на похороны.

— Просто хочу знать, вспоминаешь ли ты его еще.

— Все время. Когда сегодня мы пели в церкви псалом «Пребудь со мной», я вспомнила, как мы это пели, когда предавали его тело земле.

— А еще вспоминаешь, как вы трахались?

Вураола уронила вилку.

— Это еще что за вопрос?

— Ты не ответила.

— Зачем ты это делаешь?

— Отвечай.

Вураола со стуком поставила тарелку и ушла в спальню. Хоть его шаги приглушались носками, она знала, что он идет за ней. Села на кровать и смотрела, как он мечется по спальне.

— Успокойся, Кунле. Ты же поддерживал меня с самой его смерти. Что вдруг случилось?

— «Мой взгляд притягивается к голой волосатой груди Кингсли. Как же хочется прижаться лицом к этим волосам».

— Что?

— «Вовсе не от недостатка моего усердия удовольствие от его объятий так и не расцвело во что-то постоянное».

У Вураолы перехватило дыхание, когда она узнала собственные слова. Кунле цитировал дневник, который она начала вести сразу после смерти Кингсли. Перед уходом в церковь она оставила сумочку на кровати, переложив кошелек и телефон в клатч.

— Ты шарился в моей сумке?

Кунле изобразил кавычки.

— «Я всегда думала, что у нас еще будет время».

Он еще говорил, но она уже не слышала. Она отползала по кровати, пока не уперлась спиной в стену, гадая, успеет ли выбежать из комнаты раньше, чем он перехватит. Его ванная — не вариант: здесь замка нет. Скоро спасения не будет. Кунле в нарастающем гневе метался перед дверью.

— Времени для чего? Для чего?! — уже кричал он.

Вураола вжалась в стену и напряглась всем телом.

— Я вот думаю, в последние дни секс был взрывной. Это потому, что ты все время мечтаешь о нем?

— Слушай, я никогда не любила Кингсли. — Ее слова вырвались с дрожащим, хриплым шепотом.

— «Помолчу, потому что даже без любви страсть влечет».

— Ты что, наизусть выучил? Слушай, я просто осмысляла свое чувство вины и утраты. Это не имеет отношения ни ко мне, ни к нам.

Он сел на кровать рядом, и на миг показалось, что на этом ссора и закончится. Потом он заго-

ворил:

— Ты знаешь, как я себя чувствовал, когда читал, пока ты была в церкви? Ты хоть знаешь, как меня ранила? — Он провел рукой по ее волосам и зажал их в кулаке. — А что я найду у тебя в телефоне, если проверю?

— Кунле, тебе надо успокоиться.

Он наклонился к ней — так близко, будто хотел поцеловать, — потом рванул за волосы с такой силой, что на миг у нее перехватило дыхание.

— Пожалуйста, — просила она. — Прости.

— Боже, так значит, это правда. Ты никогда не извиняешься так быстро. Я прав про тебя с Кингсли.

— Нет-нет-нет-нет-нет, пожалуйста, нет.

Он ослабил хватку. Она смотрела умоляющим взглядом. И тут поняла, что он не злится, как могло бы показаться. И это ее ужаснуло. Он не сорвался. То, что происходит сейчас, — не случайность; а то, что произойдет дальше, — осознанно. Он думал об этом весь день и решил ее наказать.

— Кунле. Пожалуйста.

Он стянул ее за волосы с кровати, потом проволочил по комнате раз, другой, третий — она сбилась со счета, когда он начал бить ее ногами. Она не сомневалась, что сейчас он ее убьет. Не

случайно, а потому, что, прочитав ее дневник, пока она была в церкви, составил план, по которому этой ночью она умрет. Она пыталась отбрыкнуться, но он уворачивался. И тогда она просто закрыла глаза, пока не стало казаться, что в ушах звенит. Главный дом был недалеко, его родители услышат, кто-нибудь придет и все прекратит.

Вураола кричала, пока не охрипла и не могла даже скулить. Никто не пришел.

23

По дороге на особое задание в четырнадцатиместном «хай-эйсе» Святой Михаил подпевал альбому *Opelope Anointing*. Рядом с ним впереди сидел угрюмый мужчина. Эниола видел его в полицейском сопровождении Достопочтенного, но теперь, как и Святой Михаил, он был в черной футболке и синих джинсах. Вместо ржавого автомата, который он носил на плече, будучи в форме, теперь полицейский держал на колене пистолет.

Эниола сидел сзади них с Лападе — одним из тех, кого он видел дома у Достопочтенного. У Лападе тоже был пистолет, ствол которого он зажал между коленями. У Эниолы пистолета не было. Как и у Сайласа — четвертого парня в машине. Сайласу и Эниоле выдали мачете. Рашиди, сидевший в конце с Сайласом, тоже держал пистолет.

Перед отъездом от Достопочтенного Святой Михаил уже чуть ли не в сотый раз объяснил все, что произойдет. Когда он закончил, Рашиди спросил Эниолу, страшно ли ему, но не успел тот ответил, как Лападе уже оттолкнул их и запрыгнул в машину.

Теперь Рашиди прошептал на ухо с заднего

сиденья:

— Не страшно?

Эниола пожал плечами. Сегодня днем сестра попросила деньги на прическу. Сперва он рассмеялся — думал, она шутит. Бусола стриглась коротко, и ему в голову не приходило, что ей хочется заплетать волосы. Ее вроде волновали только книжки, которые она вечно просила у одноклассников. Но когда она дернула себя за мочку уха и отвернулась, он понял, что обидел ее своим смехом. И тогда он отдал две купюры по сто найр из конверта Достопочтенного, полученного в прошлую пятницу. Его не волновало, что он тратит накопления, предназначенные на оплату Великой Судьбы в понедельник. Он просто радовался, что может дать сестре то, чего она, очевидно, хотела уже давно, но иначе не получила бы никогда.

Мать тоже начала просить у него деньги. На мелкие расходы. Пять найр на спички, двадцать — на соль. К вопросу, откуда у него деньги, она больше не возвращалась. А отец тем временем будто вернул голос, который проглотил много лет назад. Теперь он каждый день выговаривал Эниоле из-за Достопочтенного Фесоджайе.

Эниола прижался лбом к окну. Ну и что, что

теперь у него мачете? Святой Михаил не просил никого зарезать — только попугать. Он помогает маме и сестре — может ли то, что дает такую возможность, быть так уж плохо, как говорит отец?

Микроавтобус остановился перед черными воротами, и все натянули выданные маски. Эниола еще поправлял свою, чтобы видеть через отверстия, когда Лападе пошел стучаться. Первый этап прошел так, как их и готовил Святой Михаил всю неделю. Стук. Тихий, будто о ворота стучится мусор на ветру. Потом еще и еще, пока охраннику не надоест спрашивать, есть ли там кто, и он не откроет ворота посмотреть, что там шумит.

И когда охранник открыл пешеходную калитку, Лападе схватил его и приставил к голове ствол. Святой Михаил выключил фары и въехал во двор. Подождал, пока ворота закроют. Когда Лападе сел с охранником в машину, Святой Михаил помчался через лужайку к дуплексу посреди большого двора.

Микроавтобус снова остановился, и в этот раз вышли все, кроме полицейского. Святой Михаил ткнул ствол охраннику между лопаток и толкал его вперед, к дому.

У двери Святой Михаил постучал. Когда женский голос спросил, кто там, ответил охранник.

Открывшая женщина упала на колени, как только их увидела.

— Добрый вечер, сэр, добрый вечер, добрый вечер. Пожалуйста, у меня нет денег, я только служанка. Пожалуйста, благослови вас Боже, добрый вечер, благослови вас Боже.

— Заткнись, — сказал Святой Михаил.

Женщина как будто не могла заткнуться, даже когда отползла от двери.

— Я только служанка. Пожалуйста, благослови вас Боже, добрый вечер, благослови вас Боже.

— Я же сказал заткнуться.

— Да, сэр, хорошо, сэр, спасибо, сэр.

Святой Михаил взглянул на Рашиди:

— Заткни ее.

Тот подошел и приставил ей пистолет между глаз. Он не выстрелил. Только стоял, пока она не перестала лепетать.

Когда они вошли, Эниола заметил фотографии. Задержался, уставившись на женщину средних лет, за которую зацепился глаз. Да, это Йейе, никаких сомнений. Она была почти на всех семейных фотографиях, украшавших стену. Йейе, окруженная, как он понимал, родными, Йейе одна, Йейе с мужчиной, который наверняка был ее мужем. На нем-то Достопочтенный и хотел преподать

своему конкуренту урок. У Эниолы закружилась голова. Это уже не безликие люди, на которых ему плевать, — это Йейе. Она была добра к нему. Что он будет за человек, если сегодня сделает все, что от него требуется?

— Эниола?

Святой Михаил что-то говорил ему.

— Сэр.

— Ты сюда на фотографии пялиться пришел? Я сказал — идем.

Он поднялся за ним по лестнице. В первой комнате было пусто. Когда они открыли вторую, Йейе выходила из ванной, все еще задрав платье до колен. Перед тем как встать перед ними на колени, как приказал Святой Михаил, она одернула подол.

— Где твой муж?

— Не волнуйтесь, я буду слушаться, не волнуйтесь, — твердила она, опустив голову.

Святой Михаил кивнул Эниоле.

Он ворвался в ванную, размахивая перед собой мачете.

— Пусто, — доложил он.

— Мои братья, все мы дети одного Бога, вы мои братья, — говорила Йейе быстро и громко. — Забирайте золото. Если откроете тот ящик, там

много золота, забирайте золото, пожалуйста.

— Я спросил — где твой муж?

— Итальянское золото mà ni. Это не…

Следующее слово он загнал ей в глотку пощечиной.

— Встала, живо встала, а то снесу башку.

Эниола поморщился, отгоняя воспоминания о доброте Йейе. Сейчас эти мысли приведут только к неприятностям со Святым Михаилом.

Йейе схватилась за колено и покачала головой.

— Мне надо помочь, нога, я не могу… подняться сама.

Святой Михаил кивнул Эниоле.

— Помоги ей.

Он протянул руки Йейе. Чьи пальцы дрожали? Его или ее?

Йейе не поднимала головы, когда ее вытолкнули в коридор.

— Где он? — Святой Михаил повернул ручку следующей двери; дверь не открылась.

— Нет о, он не здесь, он не здесь, пожалуйста. Здесь пусто. Идем, я отведу к нему, он должен быть в кабинете.

— Шевелись. — Святой Михаил пнул ее по голени.

Йейе постучала в дверь в конце коридора.

— Мотара?

— Нет, это я.

— Ийя Лайи?

— Да.

Йейе повернула ручку.

— Погоди, я сейчас открою.

Пока они ждали, Йейе не поднимала головы.

Дверь открыл пожилой мужчина.

— Отунба Макинва? — Святой Михаил быстро дал ему две пощечины. — Достопочтенный передает привет.

— У него давление, у него давление, — сказала Йейе. — Пожалуйста, не надо, у него высокое давление.

— Он знает, что у него давление. — Святой Михаил пнул Отунбу в колено. — И что он не уважает старших.

— Пожалуйста, пожалуйста. Золото, у меня есть золото, возьмите золото. — Йейе повернулась к мужу: — У тебя есть деньги дома?

Отунба наклонился, со стоном схватившись за колено.

— Что случилось?

Эниола оглянулся на голос и увидел девушку своего возраста.

— Mo dáràn![180] — закричала Йейе. — Вернись в комнату и запри дверь, Мотара!

Святой Михаил выстрелил в ее сторону. Эниола застыл, когда пуля пронеслась мимо девушки и засела в колонне.

— Не двигайся, если не хочешь сдохнуть.

— Mo gbé![181] — Йейе заломила руки над головой. — Что угодно, пожалуйста, только не трогайте… Пожалуйста, что угодно.

Святой Михаил заткнул ее пощечиной.

— Ты сказала, что там никого нет. Зачем врешь? Сдохнуть хочешь? Хочешь, чтобы твоя дочь сдохла?

Йейе покачала головой, выпучив глаза и зажав рукой рот.

— Есть кто еще дома? — спросил он. — Отвечай!

— Только наша служанка. Больше никого, сэр, никого.

— Опять врешь.

— Клянусь могилой отца, могилой матери.

— Шевелись! — рявкнул Святой Михаил.

Он вытолкнул Отунбу в коридор, тыча стволом

---

[180] Примечания: 180
Все хорошо!

[181] Примечания: 181
Лучше меня!

в складки его шеи. За ним последовали Эниола с Йейе. Он опустил мачете ей на плечо, острием к шее.

Когда они подошли к девушке, которую Йейе назвала Мотарой, та уже всхлипывала. Но Святой Михаил все равно дал ей пощечину перед тем, как приказать идти.

Внизу они вывели всех на улицу и поставили на колени на лужайке.

Лападе достал из машины канистры с бензином. Одну взял Рашиди и начал поливать все машины во дворе. Сайлас взял две и вернулся в дом. Он поливал мебель в гостиной.

Эниола должен был приготовить Отунбу к отъезду. Завязать ему глаза, заткнуть кляп и связать руки.

— Ты идиот? — спросил Святой Михаил. — Сколько еще лет будешь завязывать ему глаза?

— Я сейчас. — Эниола уже достал из микроавтобуса повязку, но забыл кляп и веревки. Теперь он еле двигался на ставших ватными ногах, а повязка то и дело выскальзывала из рук. С чего он взял, что справится? Теперь он бы все отдал, чтобы оказаться где угодно, но не здесь. Хотелось бежать через газон и прочь со двора, далеко-далеко, пока не окажется дома. Но это невозможно,

потому что ворота заперты, а ключи — у Святого Михаила. К тому же теперь он понимал: если он побежит, Святой Михаил его застрелит. В этом он не сомневался.

Полицейский вышел из-за дуплекса. Он вел на газон слуг, проживавших в доме мальчиков.

— Ọ̀gá, помоги этому тупому идиоту, — сказал Святой Михаил. — Тупой идиот, собери телефоны.

Радуясь, что ему не придется вставлять кляп в рот, Эниола начал с охранника. Не успел он еще вынуть симку, как остальные побросали свои телефоны на траву, не дожидаясь приказа.

Святой Михаил говорил с Йейе, доставшей телефон из кармана.

— Мы слышали, у вашей дочери было знакомство.

— Д-д-да.

— Достопочтенный Фесоджайе просил вас поздравить.

У Йейе отпала челюсть, когда она наконец поняла, что это не вооруженное ограбление.

Когда дом и машины уже горели, полицейский затащил Отунбу в микроавтобус. Эниола все еще ломал симки, пока остальные садились. Слишком тряслись руки. Болела грудь, ныли виски, и все

из-за приглушенных всхлипов вокруг, трещащего пожара, из-за того, что теперь он преступник. Похититель людей. За всю неделю Святой Михаил ни слова не сказал о похищении Отунбы. Разве они не планировали только запугать семью? Связать Отунбу, чтобы потом тот передал сообщение от Достопочтенного?

Йейе подняла глаза. Она смотрела на него, разглядывала лицо, словно хотела в чем-то убедиться. Может, маска паршивая. Все равно Йейе видит его глаза, нос и губы. Ее глаза округлились. О боже, узнала. Узнала, что это он. С чего ей еще так на него смотреть?

— Ты здесь спать собрался? — Святой Михаил завел машину. — Давай, jàre, доломаешь симки по дороге.

Отунбу посадили рядом с Лападе во втором ряду. Эниола сел у двери. Отунба рядом с ним стонал, все еще пытался говорить, несмотря на кляп.

— Man yìí[182], Макинва, àbí, как там тебя звать? Сиди тихо.

Стоны Отунбы стали громче. Когда они выехали со двора, Святой Михаил повернулся и быстро

---

[182] Примечания: 182
Этот мужчина.

— так, что Эниола подскочил на месте, — врезал Отунбе рукояткой по виску.

Тот свесил голову набок и затих.

— Они никогда не слушают ни слова. — Святой Михаил принялся возиться с проигрывателем машины. Уже скоро он подпевал Дунни Оланреваджу: — Yóò ṣagolo lọ́jà…

Эниола переживал, что Отунба потерял сознание или умер, но затих он ненадолго. Когда он поднял голову, Эниола увидел, что по его лицу стекает кровь.

Боль в виске Эниолы начала распространяться. Мутило. Он не знал, что будет дальше, куда они едут, что случится, что потребуют от него. Он облил чужой дом бензином. И не просто чей-то, а женщины, что была к нему добра. Еще он участвовал в похищении ее мужа.

То, как запросто Святой Михаил целился в Отунбу, ужаснуло Эниолу. Он с легкостью мог и застрелить. Так они все-таки застрелят Отунбу? Убьют? Боль добралась от виска до каждого закоулка головы. Надо выбираться. Он выглянул в окно и ничего не узнал. Все здания, что они проезжали, были незнакомые.

Отунба рядом с ним закряхтел.

— Слушай, что сказали! — прикрикнул поли-

цейский. — Àní, заткнись.

— Может, он хочет воды, — сказал Эниола.

— Чтобы утонуть, àbí? — отозвался Святой Михаил. — Заткнись там.

Какое-то время Отунба молчал; потом снова начал стонать, показывая связанными кулаками на рот. Эниола бросил симки на пол и наклонился к нему. Было невозможно разобрать, что тот говорит.

Святой Михаил посмотрел назад на полицейского.

— Abeg, разберись с этим дураком. Мы его предупреждали.

Эниола полез за ножом. Он хотел только пригрозить. Сказать, что не будет участвовать в убийстве, и, может, объяснить, что жена этого человека — добрая женщина, но, когда полицейский ткнул в лицо вождя пистолетом, у Эниолы перехватило дыхание. Его рука еще двигалась. Быстро, как учил Рашиди, он полоснул полицейского по предплечью.

Тот закричал и выронил пистолет.

— Что происходит? Что теперь? — гаркнул Святой Михаил. — Чего орешь?

— Эниола порезал ọ̀ga полицейского, — ответил Лападе.

— Что? Эниола? Ayé ẹ ti bàjẹ́ lónì[183]. — Святой Михаил выключил музыку и повернулся к полицейскому. — Зажми, чтобы остановить кровь. Сейчас я притормозить не могу, но мы скоро приедем. Будь мужиком, эн, хватит ныть, терпи как мужчина.

Эниола выглянул. Он не узнавал улицу, но что ему оставалось? Он открыл дверь и выпрыгнул. Упал ничком, тут же вскочил и побежал. Его кто-то звал? Шаги за спиной принадлежали Святому Михаилу или тем, мимо кого он петлял? Он не смел оглянуться, смотрел только вперед. Сначала с главной дороги — в незаасфальтированный переулок, зигзагами, потому что где-то слышал, что это лучший способ увернуться от выстрелов, запинался в темноте, здесь не было уличных фонарей. Когда дорога кончилась, он свернул на тропинку. Бежал, пока не закололо бок и не пришлось остановиться, чтобы отдышаться. Если его кто-то преследовал, то сейчас бы поймал. Он привалился к стене дома. Щеки были мокрыми. От слез или от пота, он не знал и сам. Может, от того и другого.

Улица, где он бежал, была не оживленной, но

---

[183] Примечания: 183
Сегодня твоей жизни конец.

людей хватало. Еще не полночь. На большинстве улиц есть запреты на выход после полночи, а кое-где — и охрана. Он пошел так быстро, как только позволяла боль в боку. Если идти по тропинке до мало-мальски знакомой улицы, он успеет домой и раньше полуночи.

* * *

Когда он добрался до дома, снаружи ждала Бусола.

— Где ты был? Все волнуются. — Не дожидаясь ответа, она наклонила голову и показала заплетенные волосы. — Я все-таки сходила. Мне смогли сделать только аджанколоколо[184], но мне очень нравится. Спасибо, спасибо.

Она обняла его, улыбнулась, и они вошли в дом.

Мать окинула его взглядом.

— Почему такой грязный?

— Где ты был? — Отец мерил шагами комнату. — Опять якшался с политиками, àbí?

— Уже слишком поздно, чтобы это начинать, — резко ответила мама. — Поговорим завтра.

---

[184] Примечания: 184

Аджанколоколо — традиционная (считается устаревшей) прическа в виде коротких толстых косичек, торчащих от головы.

Эниоле хотелось помыться, но сперва надо было перевести дух. Завтра он пойдет домой к Достопочтенному и будет умолять Святого Михаила. Будет ползать, кататься по земле, если придется. Сааму прав, он не готов к особым заданиям. Он лег на матрас и дал глазами закрыться. Не убирал ноги с пола. Скоро он встанет и помоется, скоро.

Проснулся он от громкого стука. Электричество ночью отключилось, и глаза не сразу привыкли к темноте. Стучали к ним. Родители вскочили.

— Кто? Кто там? — крикнула мама. — Кто там посреди ночи?

— Может, Баба Домовладелец? — это прошептал отец.

Бусола рядом с Эниолой что-то пробормотала и села.

Отец только поднимался с кровати, когда хлипкий замок сломался и дверь распахнулась.

На миг Эниолу ослепили фонари. Отец бормотал: «Jésù, Jésù, Jésù»[185], мама хныкала, а Бусола, почувствовал он, вжалась в стену, будто пыталась с ней слиться. Он последним понял, что происходит, потому что светили ему в лицо. Но потом он узнал голос Сааму.

---

[185] Примечания: 185
Иисусе, Иисусе, Иисусе.

— Я же говорил, что это дом труса, — сказал он.

— Эниола. — Святой Михаил говорил тихо и спокойно. — Если ты не сумасшедший, почему сбежал, не закончив задание? Хотел настучать полиции, àbí? Хотел донести? Доносчик, ni ẹ́ àbí?

Эниола пытался ответить, но мог только сипеть.

— Тебе нужно предупреждение. Серьезное предупреждение. — Святой Михаил перевел фонарь на кровать. — И вы, родители, предупредите его получше. На случай, если он забудет, это его первое предупреждение. Предупреждение номер один. Пока он не поселится в могиле, он никому не расскажет о том, что видел этим вечером. Если расскажет, мы его не убьем о, это слишком просто. Но если осмелится, получит еще одно предупреждение.

— Хорошо слышали? — Сааму вскинул ствол.

— А второе предупреждение — для всех, кто останется в этом доме, когда мы уйдем. О том, что мы сделаем, никому нельзя рассказывать. Не ходите в полицию о. Иначе больше не увидите свою дочь.

Сааму схватил Бусолу за руку и стащил с матраса.

— Что происходит? Эниола? — Ее голос еще был

сонный. — Что происходит? Эниола? Эниола?

Он попытался встать. Святой Михаил пинком опрокинул его обратно.

— Смотри мне в глаза. Если еще раз увижу тебя дома у Достопочтенного, то, что я с тобой сделаю, эн, будет хуже, чем быть похороненным заживо. Идиот. А теперь все слушайте меня очень внимательно. Сейчас мы уйдем, и вы не двинетесь, пока не услышите, как мы уезжаем. Поняли?

— Если ṕéŕéńn[186] двинетесь… — Сааму приставил пистолет к голове Бусолы.

— Кивните два раза, если поняли. — Святой Михаил улыбнулся. — Хорошо, очень хорошо.

После того как они вышли с Бусолой, никто не говорил ни слова. Родители подкрались к окну, слушая, когда уедет машина. Эниола хотел подняться, но не мог. Так трясло, что стучали зубы.

Вдруг родители выбежали из дома. Из всего, что они кричали в ночь, Эниола разобрал только мольбу отца: «Возьмите меня, лучше возьмите меня, пожалуйста, возьмите меня».

---

[186] Примечания: 186
Хоть немного.

24

Вураола не проверяла синяки. Даже когда Кунле положил рядом мазь «Савлон» и пачку ваты.

— Я заварю чай, — сказал он. — Черный или имбирный?

После того как он перестал ее бить, они не легли спать. Он помог ей встать с пола и лечь на кровать, и с тех пор она не шевелилась, только моргала и дышала. Кунле сидел на полу, положив подбородок на колени.

— Имбирный? Заварю имбирный.

Когда он вышел, она взяла себя за груди. Он терзал их как будто целый час, крича: «Кингсли их сосал? Тебе нравилось?»

Кунле вернулся с двумя дымящимися чашками.

— Папа хочет выехать до семи утра, так что нам пора собираться.

— Нам?

— Да, мы высадим тебя в больнице по дороге. Он не против.

— Я не просила.

— Я просто о тебе забочусь. В таком состоянии ты вряд ли сможешь водить. Завтра — пожа-

луйста, но нет, только не сегодня. — Кунле сел рядом. — Ничего не хочешь мне сказать?

Вураола бросила на него взгляд. Когда он мучил ее груди, она царапала его лицо, но теперь его кожа выглядела гладкой, нетронутой. А ее щеки и лоб горели, но она не выдержала бы своего вида в зеркале. Каждый раз, когда она делала вдох, под грудью кололо, но вряд ли он сломал ей ребра.

— Я о прошлой ночи.

Вураола отвернулась.

— Скажи, я же знаю, ты хочешь что-то сказать. Давай. Или теперь будешь отмалчиваться? — Кунле поставил чашки на прикроватный столик. — Когда я вернусь из Абуджи, мы поговорим. Тебе пора повзрослеть. С этим поведением пора заканчивать. Нельзя отмалчиваться, когда мы уже живем вместе. Это по-детски, Вураола.

Что ее теперь раздражало, так это то, как он, размазав ее по полу, все еще не сомневался, что она хочет к нему переехать. Ее грусть граничила с отчаянием. Вот кем она стала? Девушкой, которая никуда не денется, как бы мерзко он с ней ни поступал?

— Можешь молчать, если хочешь, но я скажу, что думаю. — Кунле снимал футболку. — Когда я вернусь, просмотрю все у тебя в телефоне — нет,

я просмотрю. И отныне буду смотреть, когда захочу. Только так я смогу доверять тебе после… после всего, что прочитал вчера. Я даю тебе шанс подчистить за собой, пока меня нет. Удаляй что хочешь, но знай: когда я вернусь на следующей неделе, ты уже никому и ни о ком не будешь писать такие вещи, ясно? Нечего на это ответить?

Она уйдет от него. Вот что она ответит. Нетрудно было догадаться, как он отреагирует, если она расстанется с ним сейчас. Будет умолять и спорить; потом разобьет ей голову о стену. Так далеко он еще не заходил, но теперь она знала, что мог бы. И она порвет с ним раньше.

— Не разговариваешь? — Кунле вздохнул и направился в ванную. — Нам пора собираться.

Она уйдет. Ее глодала мысль о будущих осложнениях, но она сосредоточилась на одном. Она уйдет от него. От этого не было ни радости, ни чувства освобождения, но не было и печали. Только пустота — и за это она была благодарна; полное онемение, которое, надеялась она, останется в ней как можно дольше.

Она с ним разорвет. Вот и все, и незачем перебирать причины хоть для себя, хоть для других. Она это сделает, потому что может; на обед съест мясной пирожок, на работу пойдет в фиолетовой

блузке; перед тем как зайти в отделение, завяжет волосы, уйдет от Кунле.

* * *

Привет, к этим выходным я скажу родителям, что не выйду за тебя. Можешь передать и своим.

Это Вураола написала перед работой, а потом заблокировала номер Кунле.

Весь утренний обход телефон вибрировал, пока она его не отключила. Когда снова включила перед полуднем, увидела несколько сообщений с незнакомого номера. Все требовали срочно перезвонить.

— Кунле, я не хочу разго…

— Почему ты отключила телефон? — спросила на другом конце провода Йейе.

Вураола улыбнулась проходившему мимо по коридору коллеге.

— Это не твой номер.

— Сейчас же приезжай домой.

— Я на работе, ма.

— Я говорю — *сейчас же.*

— Могу приехать вечером.

— Вураола.

— Что случилось? — Ей не терпелось вернуться

в приемную.

— Вчера вечером твоего отца похитили.

— Что-что ты сказала?

— Я пытаюсь тебе дозвониться с тех пор, как мы нашли новые телефоны. Лайи уже здесь.

— Как… Когда… — Вураоле поплохело. — Что ты имеешь в виду?

— Это разговор не для телефона. Приезжай домой.

Вураола вызвала такси и заплатила достаточно, чтобы водитель доставил ее прямо домой, без остановок. Мысли носились во всех направлениях. Это явно не шутка, нет. Ее мама не любила розыгрыши. Слишком близко знакома с трагедией, чтобы шутить на такие темы. Вураола гадала, не могла ли тут произойти какая-то ошибка, — отец просто далеко уехал и не может выйти на связь. Вдруг, когда она приедет, он уже будет дома. Она еще пыталась позвонить маме с дороги, но на звонки не отвечали. Она строчила сообщения на номер, с которого звонила Йейе.

Вы сообщили полиции?

От него есть новости?

Уже требовали выкуп?

Ответа не было. Когда они свернули на улицу к

дому, она набрала номер отца, и автоматический голос сообщил, что телефон отключен.

Двое незнакомцев у ворот, прежде чем ее впустить, потребовали, чтобы она позвонила Йейе. Увидев дом, она сорвалась на бег, но пришлось замедлиться — так сильно все болело после побоев.

Стены первого этажа почернели до неузнаваемости. Там, где раньше были стекла и занавески, остались только металлические решетки на окнах. Стучать не пришлось, потому что двери больше не было. От всего деревянного остался только пепел. Хотя стены стояли на месте, они почернели, а под ногами хрустели стекло и головешки. Вураола прижала блузку к носу и пробралась через обломки к лестнице. Наверху собрались все, кроме отца. Лайи был на балконе, кричал на кого-то по телефону. Мотара спала, положив голову на колени матери, — чему сопротивлялась даже в детстве. Да, отец пропал. И уж если Мотара искала утешения у матери, явно произошло что-то ужасное.

Вураола присела рядом с Йейе и положила руку на голову сестре.

— Что случилось?

— Как ты? — спросила Йейе, будто это обычный

день и они не сидели в комнате с выбитыми окнами. — У тебя опухло лицо? Что у тебя с лицом?

— Ничего.

Она надела водолазку, чтобы скрыть синяки на шее и руках, и штаны, чтобы спрятать порезы на ноге. Но с лицом ничего не поделаешь.

— Ничего, kẹ̀, — я же вижу, как ты опухла.

— Съела вчера что-то не то.

Настоящую причину она назовет потом, не сейчас.

— Очень плохо о. — Йейе всматривалась ей в лицо. — Надеюсь, ты выпила лекарства?

— Хватит уже о моем лице. Я спросила, что случилось? Ты сказала, его похитили?

Йейе шмыгнула и моргнула.

— Думаю, это из-за твоего свекра, потому что они нам сказали только о Фесоджайе — о том, кто участвует в праймериз с отцом Кунле. Они сказали, их послал он.

Вураола кивнула. Не лучший момент, чтобы говорить, что Кокеры больше не будут их родственниками.

— Первым делом после того, как мы купили новые симки и… эм-м… все остальное, я позвонила твоему свекру. Он уже едет в аэропорт в Лагосе. Он собирается в… в… эм-м…

— Абуджу.

— Ehen. У Лайи есть друг, знакомый с женой Достопочтенного, и он позвонил ей, чтобы поговорить с ними и… эм-м… — Йейе судорожно вздохнула. — Как говорит друг Лайи, жена Фесоджайе отвечает, что они об этом ничего не знают, что похитители врали или я не расслышала имени.

— Пора подумать о выкупе. — Лайи вернулся с балкона. — Если похитители потребуют деньги, сколько мы сможем собрать без промедления? Скажем, за сутки.

— Двадцать миллионов, — сказала Йейе.

— Я имею в виду — сами, без отца. У нас же нет доступа к его счетам, да? Или вы совладельцы?

— Я не о деньгах твоего отца. — Йейе показала на столик. — Вураола, принеси телефон, мне надо поговорить с тетей Биолой. Земля в, эм-м, земля в Эпе и та, что мы продали в прошлом году в… эм-м. Принеси телефон.

Поговорив с тетей Биолой, Йейе чуть успокоилась. Распределила на всех задания. Лайи отправился в полицейское отделение — писать заявление. Йейе уже обзвонила всех друзей и родственников из полиции — тех, кто мог проследить, чтобы началось настоящее расследование.

Теперь оставалось сообщить родным. Вураоле и Мотаре досталось подметать стекло в семейной комнате и оценить ущерб в остальных.

Мотара еще не проснулась, поэтому Вураола взялась за дело одна. Начала в гостиной. Везде воняло гарью, оконные и дверные проемы зияли пустотой, но в комнате ничего не сгорело. Пожар потушили раньше, чем он дошел до второго этажа.

Йейе говорила по телефону родственникам, что ее муж обязательно скоро вернется. Говорила уверенно и мудро, словно зная по опыту. Возможно, в прошлом, до детей или даже брака, Йейе и правда видела что-то подобное. Видела, как похищенный вернулся домой почти целый и невредимый, со множеством историй, чтобы развлекать гостей еще десятилетиями. Вураола оперлась на эту спокойную уверенность мамы. Только это и помогало весь день подавлять панику, время от времени вспыхивавшую в ней, сжимая горло или ослепляя слезами.

Вураола замела битое стекло в угол. О том, чтобы спуститься и выкинуть его, не было и речи. Она бы не выдержала вид обугленных останков. На втором этаже пострадали только окна ванной. Она выметала битое стекло оттуда, когда к ней

присоединилась Мотара.

Вураола открыла сообщение, которое послала Кунле, и показала сестре.

— Я это сделала. Этим утром.

Теперь, сказав кому-то другому, она почувствовала, что разрыв настоящий. Все кончено, она не выйдет за Кунле Кокера, он больше ее никогда не тронет. Пустота, которую она чувствовала утром, сменилась облегчением. Может, сказав Мотаре, она заодно раздавит и искушение позвонить Кунле и обсудить похищение с ним. Раньше она бы в такой день позвонила ему первому, и казалось странным, что не может теперь.

Лицо Мотары засияло, когда она прочитала.

— Не шутишь? Правда?

Когда Мотара обнимала ее, ныли спина и живот, но Вураола все вытерпела без жалоб.

— Хоть какие-то хорошие новости сегодня, — сказала сестра.

— Ты говорила сделать это раньше. Может, если бы я тебя послушала, с папой ничего бы не случилось.

— Они же близко дружили с профессором Кокером еще, типа, до моего рождения? Нет, брось, тут ты не виновата.

Когда Мотара обняла ее вновь, Вураола тихо

заплакала. Все синяки, что оставил Кунле, видимые и невидимые, ныли так, что преображали облегчение в сожаление. Мотара может говорить что угодно — но как не думать о том, что, если бы она прислушалась раньше, этого бы не случилось? Вураола хныкала в плечо сестры, пока не закружилась голова; тогда они вместе прилегли в постель матери.

Тем вечером приехала мать Кунле, привезла термосумки с едой и коробки с бутылками воды.

В том, как она обняла Вураолу, не было неловкости.

— Не переживай, моя дорогая. Кунле мне передал, что тебе нужна неделя отпуска. Я понимаю, прекрасно понимаю. Я все объяснила главе твоего факультета, тебе не надо ездить на практику, пока мы со всем не разберемся. Pẹ̀lẹ́[187], дорогая. И я пригнала твою машину, мне помог наш привратник.

— Спасибо, ма. — Вураола выбралась из ее объятий и села в кресло рядом с Мотарой. Если Кунле соврал родителям, это ее не касается.

Мать Кунле без конца извинялась перед Йейе и Лайи. Ее муж уже говорит со всеми, кого знает

---

[187] Примечания: 187
Выражение сочувствия.

в Абудже, чтобы Достопочтенный заплатил за содеянное.

— А тем временем приезжайте пожить у нас. Места хватит на всех.

Йейе покачала головой:

— Это ни к чему, ма. Я уже заплатила за отель.

— Но…

— Моя сватья, моя замечательная сватья, — улыбнулась Йейе, — не волнуйся. Это очень любезно, но ни к чему.

— Я забронировал отель на неделю, — сказал Лайи.

— Какие же хорошие люди, — сказала Йейе детям, когда мать Кунле уехала. Она, похоже, не заметила, что в ответ согласно кивнул только Лайи.

— Пора собираться в отель. — Лайи бросил взгляд на свои часы. — Успеем уложиться в час?

— В какой отель? — спросила Йейе. — Ты это сейчас серьезно?

— Мы же не можем ночевать здесь.

— Kílódé? Никто не выгонит меня из дома. — Йейе нахмурилась. — Еще не родился тот, кто меня отсюда выгонит. Даже его мать еще не родилась. Мой муж вернется сюда. Неужели когда он вернется, его встретит только пустой дом?

— Но тут все провоняло гарью, — сказала Вураола, только сейчас осознавая, что под оптимизмом мамы кроется что-то очень хрупкое.

— Пока здесь есть крыша над головой, мы остаемся. Не хочу слышать ни слова ни о каких отелях. Что за чепуха.

Больше об этом не заговаривали.

К утру среды Кунле слал Вураоле извинения с другого номера. Ей было не до того, чтобы блокировать или отвечать. Приезжали полицейские, чтобы опросить Йейе, Мотару и всех слуг. Лайи присутствовал при опросе, поэтому Вураола была одна у себя в комнате, когда посыпались сообщения — одно каждые пятнадцать минут. Ее не волновало, что он не может есть или соображать, так сильно раскаивается: все ее мысли были об отце. Дают ли ему лекарства похитители? Страшно ли ему? Высыпается ли он? Когда они снова увидятся?

К полудню извинения Кунле превратились в оскорбления. Она трусиха, дура, шлюха долбаная. Пусть скажет ему в лицо, что все кончено. Иначе не считается. Она ответила только одним предложением: «Ты же в курсе, что у меня похитили отца?» — и заблокировала его.

Когда через час проклятия посыпались с третье-

го номера, Вураола оставила телефон на кровати и перешла в семейную комнату.

Полиция уехала. Йейе сидела одна. Мотара и Лайи общались на балконе. Брат поманил ее к ним.

— Надо поговорить о папе, — сказал он, бросив взгляд в комнату, где Йейе раскладывала подушки с таким видом, будто от их опрятности зависит жизнь на земле.

Подростками Вураола и Лайи начали звать родителей Отунба и Йейе. Но с понедельника похищенный отец снова стал папой.

— Думаю, нам пора обзванивать морги, — сказал Лайи.

Вураола моргнула.

— В каком смысле?

— Я думаю, он прав. — Глаза Мотары были красные и распухшие. Она плакала.

— Поверить не могу, что вы несете.

— Надо учитывать… — Лайи сделал глубокий вдох. — Ты можешь поговорить с кем-нибудь в своей больнице? Ты же там работаешь, тебе будет проще спросить…

Вураола ушла с балкона. Вернулась в семейную комнату — к уверенности матери, что отец будет дома еще до конца недели.

* * *

Утром в пятницу, после целой ночи споров с братом и сестрой, Вураола позвонила ординатору в патологии, пока они слушали и проверяли, чтобы она все сказала так, как они решили.

Она попросила связать ее с кем-нибудь в морге, кто сможет сообщить, если доставят кого-нибудь похожего на ее отца. В тот же день ординатор попросил прислать его фотографию.

Сообщение пришло, когда она была в церкви.

Я пытался дозвониться. У нас есть тело, похожее на фотографию.

Пожалуйста, приезжайте и посмотрите.

Было воскресенье, и Йейе потребовала, чтобы утром все пошли на службу. Никому не хватило духу спорить.

Вураола выскользнула через заднюю дверь, никому не сказав, куда собирается. Служба только началась. Скорее всего, она успеет раньше ее завершения. Посмотрит на тело, скажет, что это не отец, и будет меньше волноваться, зная, что он еще где-то там, скоро вернется. Лайи привез семью в церковь на своей машине. Чтобы не просить у него ключи, она отправилась на такси.

В больницу она приехала без всякого трепета. Санитар морга явно удивился, когда она поздоровалась с улыбкой. Спросил, не надо ли ей подождать перед тем, как войти, но она только отмахнулась.

В зале стояло пять столов. Последние два — заняты. Она прошла за санитаром мимо девочки, которой не было и тринадцати, к крайнему.

Это был отец. Она смотрела на тело, отчаянно искала признаки, что это не он, но не могла найти. Это во всем был он — в волосах, которые, молодясь, красил в черный, в ямочке, делившей подбородок на две половинки, в вертикальном шраме, рассекавшем левую бровь и задевавшем веко. Она пересчитала пальцы на правой ноге. Шесть. Это был отец.

— Не ищите того, чего нет, — подал голос санитар. — Обычно, если это родственник, узнаешь мгновенно. После смерти люди меняются, но, когда смотришь на лицо, узнаешь. Обычно не надо смотреть на ногу, чтобы узнать. Это не ваш отец.

— Правда? — Вураола отвернулась от отца. Она уже жалела, что не подождала, как ей предлагали. Жалела, что не насладилась еще минутой в том мире, где ее отец еще не был мертв. Теперь у нее остался только мир, в котором о его смерти знала

она одна: она еще не была готова отпустить.

— Да, как увидишь лицо, сразу узнаёшь, если только оно не повреждено, shá o. Но этот человек — у него с лицом все в порядке, — сказал санитар. — Ну, слава богу, àbí? Мы позвоним, если будет еще труп, но с Божьей милостью вашего отца очень скоро найдут живым.

По дороге из морга Вураола остановилась у другого тела. Хоть пока она не была готова признать его смерть, хотелось побыть в комнате с отцом чуточку дольше.

— А кто девочка?

— Мы не знаем о, но она и тот мужчина, — их трупы нашли в одном буше. Может, родственники.

Лицо девочки опухло, но прическа осталась нетронутой, черные косы поблескивали на голой коже головы. Вернулась незваной фразочка из детства — дразнилка для девочек, которые возвращались в школу с такой прической: Àjànkólokòlo eléṣinṣin lórí[188].

— Вы уже готовы идти? — спросил санитар. — Мы позвоним или напишем, если будут новости.

Вураола осознала, что уже долго стоит на одном

---

[188] Примечания: 188
Аджанколоколо — бардак на голове.

месте.

— Спасибо. Сэр.

На улице она побродила по парковке, петляя между машин, задевая коленями бамперы, стукаясь мысками о шины, потому что глаза то и дело застилала пелена.

Один раз померещилось, что отец стоит у ворот и манит к себе. Она тут же поняла, что ошиблась. Просто охранник был примерно его роста. И все же она не сразу отпустила эту надежду, вспомнив про акудаайя, о которых отец рассказывал, когда умерла ее классная руководительница. На время эта мысль ее укрепила. Что отец, умерев в этой жизни, очнулся в другой, где стал охранником с теми же походкой, ростом и возрастом. Но потом вспомнила все условия. Акудаайя появляются в далеких городах, потому что в новой жизни им нельзя встречаться с теми, кого они знали до смерти.

Зазвонил телефон.

— Ты где? — Мотара казалась счастливее, чем за всю неделю. — Мы уже уезжаем из церкви.

Что там сказала мама? Это разговор не для телефона.

— Я… я… я встречу вас дома.

— Ehen? Ладно, есть новости о. Профессор Ко-

кер вернулся из Абуджи, только что звонил нам. Говорит, его люди узнали, где держат папу. Его планируют спасти завтра. Он считает, папа будет дома через несколько дней. — Голос Мотары звенел от надежды.

Вураола сбросила звонок и направилась к больничным воротам. Пора возвращаться домой.

Она поймала пустое такси. Не успело оно сдвинуться, как снова остановилось ради новых пассажиров, но она не возражала. Если бы она взяла такси для себя одной, доехала бы домой быстрее. Только она не торопилась. Пускай Мотара и остальные живут надеждой лишних десять-пятнадцать минут.

Заднюю дверь открыл парень и сел. Его ноги прижались к ногам Вураолы, потому что места для его нескладных конечностей не хватало. За парнем последовал мужчина средних лет — видимо, отец. Придвигаясь к Вураоле, чтобы освободить место, парень задел локтем синяк у нее на руке, и она тихо охнула.

* * *

— Простите, — сказал Эниола. Обхватил себя руками, чтобы стать меньше и не касаться лишний раз девушки. Она что-то ответила, но он на

нее не взглянул. Видел он только свою сестру, мог думать только о ней.

Эниола часами просил прощения у родителей, пытался объяснить, что не вернулся бы, если бы знал, что семья будет в опасности. Со дня, когда забрали Бусолу, отец проклинал его каждый день; не раз замахивался, чтобы ударить, но так и не ударил. Эниола принимал проклятия как заслуженное наказание. Мама не отвечала ни на какие его извинения. Когда он просил прощения за Бусолу, она только отворачивалась. К двери, на улицу, на потолок или небо, изгибая брови в почти постоянном ожидании, что сейчас Бусола вернется, появится, даже спустится.

* * *

В детстве Отунба, если замечал, что Вураола расстроена, иногда звал ее посидеть рядом. Часто даже не спрашивал, чем она расстроена; просто клал ей руку на плечо, пока она сама не уляжется ему головой на колени. И тогда ее убаюкивал. Вураола почувствовала, как вибрирует телефон. Звонил Лайи. Она зажала кнопку, пока телефон не выключился. Правильно он потребовал проверить морги. Значит ли это, что он готов к новостям? Сказать ему первому? Или лучше всем

сразу? Теперь Мотара наконец прольет слезы, которые сдерживала все последние дни. Вураола посмотрела в окно. Она видела реальность, но та все еще не казалась реальной. Покажется, когда она скажет Йейе.

* * *

До этого дня Эниола и его родители слушались приказа Святого Михаила. Никому не рассказали, что случилось. Даже домовладельцу или соседям. Эниола не ходил к Достопочтенному. Никуда не ходил. Ни в Великую Судьбу, ни в Единую. Целый день сидел с мамой и приносил то, чего она даже не просила: воду, еду, веер, когда становилось душно. Следил вместе с ней за дверью, пока отец мотался по комнате, расспрашивая Эниолу о Святом Михаиле и Сааму. Живее и вовлеченней, чем за долгие годы; удивлял Эниолу тем, как обдумывал возможности, отметал варианты, подвергающие Бусолу опасности. А мама тем временем стала тенью прежней себя. Родители словно поменялись местами.

Эниола покосился на отца. Из-за чего-то в его взгляде казалось, что он начнет проклинать сына прямо в такси. Тогда он отвернулся к девушке. Она сверлила его взглядом, не моргая. И тут он ее

узнал. На ее щеке был бледный синяк, которого он вроде бы не видел в прошлый раз. Но это была она. Дочь Йейе, доктор. Она не сводила с него глаз. Значит, Йейе узнала его в ту ночь, вот почему ее дочь теперь так на него смотрит. В любую секунду она схватит его и потащит в полицию.

— Я не знал, что это ваша семья, пожалуйста, — затараторил Эниола, спотыкаясь о слова.

Она ничего не сказала.

Эниола сжал руки, как в молитве.

— Мне очень жаль.

— Что?

— Они забрали и мою сестру, пожалуйста, простите.

— Мы знакомы?

Тут он понял, что она просто смотрела в его сторону. Ее рассеянный взгляд теперь перебегал с него на отца и обратно. Она его не узнала. Он отвернулся, чтобы она видела только его затылок.

* * *

Все тело болело. Раны, которые Кунле вбил ей в кожу, словно раскрылись снова. Хотелось, чтобы кто-нибудь положил ее голову себе на колени и убаюкивал, как Отунба в детстве. Надо было взять такси для одной себя, пока могла. На глаза

навернулись слезы. Сейчас ей нужно быть с семьей. Хотелось положить голову на колени отцу, чтобы он ее убаюкал.

* * *

В тот день отец попросил отвести его к дому Сааму. Когда мать начала возражать, он заявил, что Святой Михаил приказал не ходить только к Достопочтенному, а про Сааму ничего не сказал.

Эниола никогда не был у Сааму, но знал, как туда попасть. Всего-то пара минут от последней остановки такси. Мимо банка и центральной мечети, до улицы, где Сааму жил у дяди.

Там Эниола обратился бы к Сааму в присутствии дяди, чтобы Сааму не смог возражать, опасаясь гнева своего родича. Эниола был готов валяться у него в ногах сколько угодно, лишь бы Сааму уступил. Он не мог покрыть мыслью расстояние между нынешним моментом и воссоединением с сестрой, но знал, просто знал: если Сааму согласится, воссоединение все-таки произойдет. Через дни или даже неделю, но Святой Михаил отпустит Бусолу. Вернувшись, она сперва будет на него обижаться. Никак не избежать недель оскорблений такими словами, которые, как Бусола знает, он даже не поймет. В

конце концов она лукаво улыбнется — и тогда он поймет, что прощение близко.

Такси остановилось, но никто из пассажиров не сдвинулся с места. Эниоле хотелось еще посидеть перед тем, как продолжить путь к Сааму. Справа отец бормотал себе под нос, наверное, молитвы. Слева плакала дочь Йейе. Он поборол позыв извиниться снова и отвернулся. Лучше думать о будущем, до которого уже рукой подать. Как Бусола его обзывает, потом лукаво улыбается, а потом, в один прекрасный день, обнимает, как обнимала в последний раз. Эниола закрыл глаза и сосредоточился на этой картине: сестра смотрит на него, ее улыбка полна благодарности, ее глаза — любви.

Начальник

Когда буйвол проходит по скалистому утесу,
Мы не видим его следов.
Когда дождь проливается на скалистый утес,
Мы не видим следов дождя.

Т.М. Алуко. Родич и начальник

Каро посмотрела на настенные часы. Если уйти пораньше, еще успеет к Йейе и вернуться, чтобы доделать некоторые платья. Несколько недель назад она слышала по радио отрывок панихиды в годовщину смерти Отунбы Макинвы и решила сходить к Йейе с соболезнованиями. Она принесет подарок — оранжевое платье из адире. Каро надеялась, Йейе уже готова к чему-нибудь яркому после целого года в черном.

Платье она сложила в бумажный пакет. Когда придет Эниола, мастерскую можно будет оставить на него. Теперь он приходил на работу раньше остальных подмастерьев — иногда еще до того, как она открывала дверь. Она была рада его усердию, но жалела, что он вроде бы твердо

решил не возвращаться в школу. Этот мальчик, который чуть больше года назад делал домашнюю работу у нее в гостиной, больше не думал об учебе. В тех редких случаях, когда она об этом заговаривала, он настаивал, что не заслужил школу. Она все еще не понимала, о чем это он. Люди говорили, его сестра была умнее его. Школа слишком напоминала о ней? Каро надеялась, он все-таки скоро передумает.

Выйдя во двор, чтобы дождаться Эниолу, она сразу увидела плакаты. Скорее всего, приходили заклеить стену ночью. За несколько недель до губернаторских выборов она уже гоняла парней с плакатами. И они, видимо, вернулись в темноте, чтобы обезобразить ей стену свежими благодарностями губернатора за голоса народа. Каро начала было их срывать, но решила дождаться Эниолу. Он высокий — достанет, не вставая на стул. К тому же в последнее время он сам рад любой дополнительной работе сверх заданий в мастерской. Она подозревала, что он всегда в движении, чтобы не догнали мысли, терзавшие его разум. Как его не понять? Столько времени прошло, а его сестра так и не вернулась.

Когда Эниола пришел, он простерся на полу почти на минуту, словно больше не хотел вставать.

Он всегда был вежливым мальчиком, но теперь ей уже казалось, будто эти демонстрации уважения такие затянутые, что больше напоминают извинения. Она с ним еще об этом поговорит. Они стояли перед плакатами с благодарностями, пока она предупреждала, чтобы он старался их отдирать, не испортив стену.

Услышав всхлип, Каро осознала, что мальчик плачет. Она подошла, приобняла его за плечи, прижала. Он прислонился к ней, но не сводил глаз с ухмыляющегося лица нового губернатора, а его всхлипы становились все громче и громче. Каро обняла его сильнее. Пока она не могла выйти к Йейе. Решила дождаться, пока Эниола успокоится. Она впервые видела его таким. Утерла ему слезы рукавом. Весь прошлый год он был онемевшей версией прежнего себя, но в ее мастерской не разрыдался ни разу. Эниола затих, переводя дыхание, и Каро услышала, как вдали по крышам стучит дождь. Где-то разбушевалась буря, тучи уже омрачили ее двор; скоро буря будет здесь. Придется подождать, прежде чем идти к Йейе.

Благодарности

Я благодарна: Клэр Александр — за безграничную поддержку и ободрения. Кэти Роббинс — за непрерывную веру в мое творчество. Всем в *Aitken Alexander, Canongate, Knopf* и *Ouida*.

Спасибо моим выдающимся редакторам, Дженни Джексон и Элле Вакатаме, которые сделали эту книгу лучше. Особая благодарность Тиаре Шарме, Мелиссе Юн и Рали Чорбаджийска за их помощь.

Я благодарна: Джейми Бингу, Дженни Фрай и Лоле Шонейин, которые поддерживали мою работу много лет. Профессору Чиме Анйадике, доктору Биси Анйадике, Сюзанне Уши и доктору Джоанне Липпер — за постоянные великодушие и доброту. Трезе Аццопарди, Ричарду Берду, Эндрю Кауэну и Джин Макнил — за мои первые наставления, когда я только начала эту книгу, будучи их ученицей. Коле Тубосуну — за помощь с диакритическими знаками.

Школа искусств Окс-Боу, Колония Макдауэлл, Резиденция Саари, *9mobile Nigeria* и Университет Восточной Англии предоставили стипендии,

позволившие мне посвящать свои силы этому роману. Я им благодарна.

Вся моя жизнь возможна только благодаря семье. Спасибо: профессору Фамуреве — за бесконечную любовь и неизмеримые жертвы. Доктору ДжолааДжесу — за компанию и укрепляющий смех. Клану ОмоНоаби — трем Фабийи, всем Огунлуси, Эсанам, Адебайо и Адейеми — за горячую поддержку. Всем Идумам — маме Саре, преподобному Эмеке, Неме, Энийи и Амаре — за уголок в ваших сердцах.

Дорогой папа, надеюсь, ты мной гордишься.

Мой любимый муж Эммануэль — ты благословил меня своим нежным светом. Спасибо за неугасающую любовь — и сейчас, и всегда.

Об авторе

Айобами Адебайо родилась в Лагосе, Нигерия. Ее дебютный роман *Stay with Me* удостоен литературной премии *9mobile*, попал в короткие списки Женской премии «Бейлис» за художественную литературу, книжной премии *Wellcome* и премии *Kwani?* за рукопись, а также в длинные списки международной премии Дилана Томаса и Международной Дублинской литературной премии. Он переведен на двадцать языков, французский перевод получил премию *Prix Les Afriques*. Также *Stay with Me* назван Лучшей книгой года по версии *New York Times, Guardian, Chicago Tribune* и *NPR*.